90 коп. Индекс 70145

В. И. ЛЕНИН ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

ISSN 0042-8779. Вопросы истории. 1990. № 6. 1—192.

Вопросы истории 6'90

ISSN 0042-8779

Вопросы Истории

НОВЫЕ КНИГИ

VEROSTA S. **Kollektivaktionen der Mächte des europäischen Konzerts (1886—1914).** Wien. Verl. der Österr. Akad. der Wiss. 1988. 211 S.

COINTET-LABROUSSE M. **Vichy et le fascisme.** Les hommes, les structures et les pouvoirs. Bruxelles. Ed. complexe. 1987. 267 p.

Grands hommes et grands faits de la Révolution Française (1789—1804). Album du bicentenaire, rééd. de l'album du centenaire. Ouvrage ill. de 436 gravures sur bois d'aprés les des. de E. Bayard. H. Clerget, Yan'Dargent et al. Bruxelles. Lefebvre et Gillet. Fac.-Ap. 1988. VIII, 288 p.

SOUZA P. C. **A Sabinada.** A revolta separatista da Bahia. 1837, São Paulo. Ed. Brasiliense. 1987. 252 p.

GAMBLE A. **The Free Economy and the Strong State.** The Politics of Thatcherism. Basingstoke (Hants.). London. Macmillan Education. 1988. XII, 263 p.

HAMILTON M. B. **Democratic Socialism in Britain and Sweden.** Forew. by A. H. Halsey. Basingstoke. London. Macmillan Press. 1989. XIII, 270 p.

FALK-RØNNE A. **Mytteri i Sydhavet — i Bountys kølvand.** København. Erichsen. 1987. 267 s. (22) bl. ill., portr.

FRIISBERG G. **Organisationer — Stat — Arbejdsmarked.** Samarbejde eller konflikt? København. Gyldendal. 1987. 155 s.

MOHIUDDIN I. **Political Geography of India.** Delhi. Adam Publ. 1987. XIV, III, 188 p. (37) l. fig. map. tab.

ALCARAZ I GONZALEZ R. **La Unió socialista de Catalunya (1923—1936).** Pròl. de Josep Termes. Barcelona. Ed. de la Magrana etc. 1987. 307 p.

ESCOLAR SOBRINO H. **La cultura durante la guerra civil.** Madrid. Alhambra. 1987. XI. 407 p.

MIELI R. **Togliatti 1937.** Milano BUR. 1988.

Modelli di città. Strutture e funzione polit. A cura di Pietro Rossi. Torino. Einaudi. 1987. XXI, 581 p. (8) f. ill.

DWYER T. R. **Strained Relations.** Ireland at Peace and the USA at War, 1941—45. Dublin. Gill and Macmillan. Totowa (N. J.). Barnes and Noble Books. 1988. 193 p.

SAWATSKY J. **The Insiders. Government, Business, and the Lobbyiste.** Toronto. McClelland and Stewart. 1987. X, 358 p. (4) l. portr.

The Illustrated History of Canada. Ed. by Craig Brown. Toronto. Lester and Orpen Dennys Publ. 1987. 574 p. (20) l. ill., portr.

GALINDO Y GALINDO M. **La gran década nacional, o relación, histórica de la Guerra de Reforma, intervención extranjera y gobierno del archiduque Maximiliano, 1857—1867.** 1. XXX, 511, XI p. (9) f. portr., facs. 2. 680, XVIII (8) p., (14) f. portr. 3. 680, XVIII, (10) p. (26) f. portr. México. Inst. Cultural Helénico. Fondo de Cultura Econ. 1987.

ROEL PINEDA V. **Historia social y económica de la colonia.** Lima. Herrera. 1988. 397 p.

MANIQUE A. P. **Portugal e as potências europeias (1807—1847).** Relações externas e ingerências estrangeiras em Portugal na primeira metade do s. XIX. Lisboa. Livros Horizonte. 1988. 147 p.

ROSAS F. **O salazarismo e a aliança luso-britânica.** Estudos sobre a politica externa do Estado Novo nos anos 30 e 40. Lisboa. Fragmentos. 1988. 147 p.

JEFFREYS-JONES Rh. **The CIA and American Democracy.** New Haven. London. Yale Univ. Press. 1989. X, 338 p.

SCHWENGEL F. **The Republican Party.** Its Heritage and History. Washington. Acropolis Books. 1987. 166 p.

SICKER M. **The Strategy of Soviet Imperialism.** Expansion in Eurasia. New York etc. Praeger 1988. 172, (5) p.

GROH D. **Rußland im Blick Europas. 300 J. hist. Perspektiven.** Frankfurt a. M. Suhrkamp. 1988. 439 S.

SCHULZE W. **Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945.** München. Oldenbourg. 1989. IX, 366 S.

Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution. Hrsg. von Helmut Berding. Göttingen. Vandenhoeck und Ruprecht. 1988. 258 S.

ZIMMERLING D. **Der Deutsche Ritterorden.** Düsseldorf etc. ECON. 1988. 344 S.

PERSSON A. **Suomen sodan unohdetut sankarit.** Suomentanut Seppo Sauri. Helsinki. Otava. 266 s.

SÖDERHJELM J. O. **Kolme matkaa Moskovaan.** Helsinki. Kirjayhtymä. 1988. 228 s.

JOFFRIN L. **Mai 68. Histoire des événements. Paris.** Ed. du Seuil. 1988. 370, (6) p.

LEPETIT B. **Les villes dans la France moderne (1740—1840).** Paris. Albin Michel. 1988. 490 p.

MOULIN A. **Les paysans dans la société française.** De la Révolution à nos jours. Paris. Ed. du Seuil. 1988. 316, (6) p.

HAFFNER S. **Der Teufelspakt.** Die dt.-russ. Beziehungen vom 1. zum 2. Weltkrieg. Zürich. Manesse. 1988. 153 S.

THÖRNQUIST A. **Lönearbete elle egen jord.?** Den svenska lantarbetarrörelsen och jordfrågan, 1908—1936. Uppsala. Acta Univ. Upsaliensis. 1989. 325 s.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 6 ИЮНЬ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года

СОДЕРЖАНИЕ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ДИСКУССИИ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

СТАТЬИ

РЕВОЛЮЦИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

С. В. Тютюкин, В. В. Шелохаев

5 ноября 1918 г. в Кремле слушалось дело о провокаторстве бывшего члена ЦК РСДРП, председателя большевистской фракции IV Государственной думы Р. В. Малиновского. Верховный трибуиал при ВЦИК РСФСР приговорил провокатора к расстрелу. В ночь на 6 ноября приговор был приведен в исполнение.

С тех пор прошло более 80 лет, но «дело Малиновского» продолжает привлекать широкое внимание. Разного рода мифы, возникшие вокруг него, были во многом порождены недостатком достоверной информации, а также табу, наложенным на подобные «больные» темы прошлого. Опубликовано сравнительно немного документов, воспоминаний и статей, посвященных этому запутанному делу[1]. При этом историков интересовали прежде всего связи Малиновского с охранкой и тот ущерб, который он нанес партии. Однако ряд сюжетов (подробности биографии Малиновского, механизм его внедрения в руководящее ядро большевиков, отношение к нему В. И. Ленина, партийное расследование обстоятельств ухода Малиновского из IV Государственной думы летом 1914 г., его работа в лагере для военнопленных в Германии в 1914—1918 гг. и, наконец, судебный процесс по его делу в октябре — ноябре 1918 г.) оставался в тени. Этот пробел позволяют восполнить некоторые ранее неизвестные документы из фондов Центрального партийного архива (ЦПА) и Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР.

В течение долгого времени историки не имели возможности открыто поставить вопрос, сформулированный в заглавии данной статьи. У нас не принято было говорить о «цене» революции, ее издержках, размышлять о соотношении революционных и реформистских альтернатив. Революционеров-большевиков всегда изображали как олицетворение всех самых высоких человеческих качеств; Ленин и его ближайшее окружение были поставлены на такой высокий пьедестал, что в официальной историографии не допускалось даже тени сомнения в их абсо-

ТЮТЮКИН Станислав Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР; **ШЕЛОХАЕВ Валентин Валентинович** — доктор исторических наук, зав. сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

[1] См., напр., Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М. 1954; Эренфельд Б. К. «Дело Малиновского».— Вопросы истории, 1965, № 7; Казнов А. П. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910—1914 гг.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 9; Розенталь И. С. Еще раз о деле провокатора Малиновского.— Вопросы истории КПСС, 1989, № 5; Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М. 1990.

лютной непогрешимости. В тех же случаях, когда ошибки, в том числе и в выборе руководящих партийных кадров, были совершенно очевидны, вступала в действие пресловутая фигура умолчания.

Именно так обстояло дело и с историей провокаторства в рядах большевиков. Разумеется, вычеркнуть из истории большевизма зловещую фигуру Малиновского было невозможно. Однако в детали этого темного дела предпочитали не вдаваться: ведь сохранились письма, в которых Ленин называл его «дорогим Романом», и документы, из которых следовало, что лидер большевиков до последней возможности защищал Малиновского от многочисленных обвинений в политической нечистоплотности, исходивших не только от меньшевиков, но и от некоторых большевиков. В итоге «дело Малиновского» неизменно подавалось в исторической литературе с мажорной концовкой: правильное соотношение легальной и нелегальной работы помогло большевикам свести потери от его предательства к минимуму; отправляя в тюрьмы и на каторгу десятки партийцев, Малиновский вынужден был помогать политическому пробуждению тысяч новых борцов с самодержавием.

Однако этот диалектический подход не снимает многих вопросов, которые приобрели в последнее время особую остроту. Разумеется, нас интересует не столько моральный облик самого Малиновского (предатели всегда были, есть и будут), сколько те обстоятельства, которые помогли ему проникнуть в высший эшелон партийного руководства. Иначе говоря, речь идет о критериях оценки личных и политических качеств партийных руководителей, о принципах выдвижения того или иного работника на высокий пост, об ответственности партии за своих вождей. Ясно, что в партийной работе важны не только чисто деловые качества, но и человеческая порядочность, честность и открытость перед своими товарищами по партии и перед всем народом, соответствие поступков провозглашаемым лозунгам и высоким принципам. Возникает и еще один, далеко не простой вопрос: как обеспечить реальный демократический контроль за действиями руководящих партийных работников, как добиться того, чтобы в их среду не попадали карьеристы и люди с сомнительным прошлым, как своевременно и с наименьшими потерями для дела очищать партию от тех, кто все-таки сумел обмануть ее доверие? К чему приводили старые, «испытанные» методы, теперь хорошо известно.

«Дело Малиновского» в свое время, несомненно, потрясло Ленина. Как могло случиться, что он «проглядел» матерого провокатора, который умело разыгрывал перед ним роль народного трибуна, «русского Бебеля», а сам выдавал охранке лучших людей партии? А. М. Горькому запомнились ленинские слова: «А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень это темное дело, Малиновский...» [2].

Провокаторство в революционной среде, к сожалению, было распространенным явлением. И чем более массовый характер приобретало революционное движение, тем больше был спрос на провокаторов и осведомителей в полиции, с одной стороны, и шире предложение подобного рода «услуг» от морально разложившихся участников и попутчиков этого движения — с другой. Если во времена декабристов подобные факты были редчайшим исключением, то на рубеже XIX и XX вв., особенно после революции 1905—1907 гг., внедрение провокаторов в революционные партии приняло широкие масштабы (счет шел на сотни и даже тысячи), да и само провокаторство приобрело изощренные, высокопрофессиональные формы. Не избежали провокаторства и большевики, деятельность которых внушала полиции особую озабоченность: если эсеры были страшны своими террористическими акта-

[2] Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М. 1956, с. 391.

ми, то сила большевиков заключалась прежде всего в их влиянии на широкие пролетарские массы.

Провокатором № 1 в большевистской среде был, бесспорно, Роман Малиновский. Несмотря на то, что его дело трижды подвергалось разбирательству (специальной партийной комиссией с участием Ленина в 1914 г., Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в 1917 г. и следственной комиссией Верховного революционного трибунала при ВЦИК в 1918 г.), до сих пор так и не удалось точно установить его настоящую фамилию, социальное происхождение, дату рождения и данные о его жизни до призыва в армию в 1901 году.

Во время партийного следствия в 1914 г. Малиновский назвал датой своего рождения 18 марта 1877 года. В 1918 г. он определяет свой возраст — 40 лет (1878 год рождения), что и было зафиксировано в приговоре трибунала. Наконец, в исторической литературе и энциклопедиях можно встретить третью дату его рождения — 1876 год, которая, видимо, была указана в последнем паспорте, выданном Малиновскому Департаментом полиции в мае 1914 года. Перед следственной партийной комиссией Малиновский заявил о своем шляхетском происхождении (дед — тайный советник, родственники сосланы царским правительством в Сибирь и на Волгу, имения конфискованы). Об этом он нередко упоминал и в разговорах с товарищами по партийной и профсоюзной работе. В обвинительном заключении 1918 г. говорится уже о крестьянском происхождении Малиновского (видимо, опять с его слов), хотя приговор фиксирует лишь место рождения: Плоцкая губерния, Липновский уезд, гмина Чарны, деревня Глодово [3]. Итак, мы сталкиваемся с первым «белым пятном» в биографии Малиновского, устранить которое пока невозможно.

В своих показаниях 1914 г. Малиновский не называет ни фамилии, ни имени отца, акцентируя внимание на своем несчастном, обездоленном детстве: отец — управляющий имением, умер когда сыну было всего восемь лет. Более того, Малиновский категорически отказался отвечать на вопрос Ленина о его фамилии. Пытаясь выкрутиться из неловкого положения, он заявил, что живет по чужому паспорту. При этом Малиновский выдвинул две версии получения этого паспорта: одна — кража на пароходе у пассажира, вторая — убийство этого пассажира [4]. С чужим паспортом он и был призван на службу в армию.

Трудно сказать, где здесь правда и где вымысел, но анализ показаний Малиновского и сведений, которые имелись о нем в Департаменте полиции, говорит о возможности такого хода событий. После смерти отца Малиновский был отдан старшими сестрами учеником в книжный магазин Бауэра в Плоцке, но вскоре его осудили за кражу со взломом. Тюремное заключение впрок не пошло, и он продолжал поддерживать связи с преступным миром. В показаниях 1918 г. Малиновский прямо признавал, что постоянно бывал среди «молодежи, такой же, как и я, которая занималась воровством». По его собственным словам, он вел в то время «самую преступную жизнь» [5]. Переезды из города в город, попытка отправиться в кругосветное путешествие, связь с воровскими шайками, кражи, тюрьма (в 1896 и 1899 гг.) — таковы основные вехи биографии Малиновского в конце прошлого века.

Осенью 1901 г. Малиновский был призван на военную службу, которую проходил в лейб-гвардии Измайловском полку, в Петербурге, конюхом. Весной 1904 г. Малиновский познакомился со своей будущей женой, Стефанией Андреевной, которая была прислугой у командира полка. Обвенчались они в мае 1906 г., уже после рождения ребенка.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 8, д. 5, л. 241.
[4] См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 198—199.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 8, д. 5, л. 203.

Солдатская жизнь Малиновского была не слишком тяжелой. В увольнении он гулял со своей невестой по столице, навещал ее родственников, познакомился через них с рабочими Путиловского завода. При не выясненных до конца обстоятельствах (в своих показаниях Малиновский связывает это с произнесенной им перед солдатами революционной речью) весной 1905 г. ему предложили подать рапорт о желании уйти добровольцем на войну с Японией, но она уже подошла к концу. Летом 1905 г. он был отправлен с маршевым батальоном в Могилев, где и прослужил до апреля 1906 года.

Весной 1906 г. Малиновский возвратился в Петербург и устроился на работу сначала на Трубочный, а затем на металлический завод Лейтензейна. Началась новая полоса его жизни. Если учесть революционную обстановку того времени, бурный характер рабочего движения в Петербурге и связать это с взрывным темпераментом молодого, недавно демобилизованного рабочего, наделенного от природы несомненным ораторским талантом, то легко понять, почему его политическая карьера началась так удачно. Благоприятное впечатление производила и сама внешность Малиновского: высокий, стройный, с застенчивым взглядом серых глаз, он легко находил общий язык с людьми, свободно чувствовал себя в любой компании, подкупал собеседника юмором, находчивостью, остроумием.

Не зная об уголовном прошлом Малиновского, рабочие видели в нем авторитетного вожака, прошедшего нелегкую солдатскую школу и ориентировавшегося в политических течениях того времени. При этом Малиновский не стал организационно связывать себя ни с одной из фракций РСДРП. Будучи «нефракционным» социал-демократом, он сохранял за собой свободу действий и постоянно подчеркивал, что выступает за единство рабочего класса, а это, как известно, ценилось тогда в пролетарской среде.

Эти факты во многом объясняют разноречивость свидетельских показаний и тех данных о партийной принадлежности Малиновского в 1906—1910 гг., которые дошли до нас в мемуарной литературе. Так, в воспоминаниях Г. Е. Зиновьева, знавшего Малиновского с 1906 г., мы читаем: «Я не помню Малиновского ни на собраниях ПК, ни на наших конференциях в Финляндии (главным образом Териоки), всегда служивших ареной самой острой фракционной борьбы с меньшевиками» [6]. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 19 мая 1917 г. А. Е. Бадаев, который также был знаком с Малиновским с 1906 г., говорил, что тот все-таки стоял ближе к большевикам [7]. А рабочий В. Ф. Плетнев показывал в 1918 г., что в 1909—1910 гг. «в смысле фракционном он был меньшевик и примыкал к умеренным течениям» [8]. Наконец, Н. И. Бухарин 27 июня 1917 г. свидетельствовал, что, когда он познакомился с Малиновским осенью 1910 г., тот принадлежал к группе ликвидаторов [9].

С большевиками Малиновский держал себя по-большевистски, а с меньшевиками — по-меньшевистски. Такая манера нравилась, по словам Зиновьева, «большому слою рабочих», среди которых были сильны примиренческие и объединительные настроения. Малиновский, вспоминал он, «сознательно держался несколько в сторонке и поэтому не выбирался ни на партийные конференции, ни на партсъезды» [10]. Именно поэтому за ним «ухаживали» и меньшевики, и большевики, и эсеры, и анархисты, и синдикалисты, и интеллигенция народнического типа.

[6] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 186.
[7] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 8, д. 5, лл. 32—33.
[8] Там же, л. 80.
[9] Там же, л. 100.
[10] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 186.

С легкой руки меньшевика В. В. Шера Малиновского стали называть за его ораторские способности «русским Бебелем», и все левые партии пытались перетянуть его на свою сторону. В свою очередь, такое независимое положение не могло не импонировать молодому честолюбцу.

Уже в июле 1906 г. Малиновский был избран в районное правление полулегального Петербургского союза металлистов. В феврале — апреле 1907 г. он входил в состав секретариата Центрального бюро петербургских профсоюзов. После легализации Союза металлистов в мае 1907 г. Малиновский был избран на общем собрании в правление, а затем секретарем союза (до октября 1909 г.). Фактически в это время Малиновский уже не работал у станка, быстро превратившись в хорошо оплачиваемого профсоюзного функционера. Одновременно он начал более определенно склоняться к большевизму, вел агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу, поддерживал постоянные контакты с Петербургским комитетом РСДРП, неоднократно встречался с агентами ЦК, участвовал в работе ряда съездов (кооперативном, фабричных врачей, народных университетов и т. д.).

В ноябре 1909 г. Малиновского как делегата антиалкогольного съезда арестовали; просидев около трех месяцев в камере предварительного заключения, он в январе 1910 г. был выпущен из тюрьмы без права жительства в Петербурге. Правление Союза металлистов оказало ему материальную помощь (100 руб.). Кроме того, 200 руб. собрали для Малиновского сами рабочие, отправившие своего бывшего секретаря на отдых в Финляндию.

В феврале 1910 г. Малиновский вместе с женой и двумя сыновьями приехал в Москву, снял в Бутырках квартиру и устроился на завод Штолле. Напуганный арестом и возможным разоблачением своего уголовного прошлого, он на время отошел от политической работы [11]. Между тем в далекой Женеве о нем нередко вспоминал Зиновьев, рассказавший о Малиновском и Ленину. Это было тяжелое время борьбы с ликвидаторством и отзовизмом, время резкого сокращения численности партии. «В эту-то пору,— вспоминал Зиновьев,— мы часто говорили с Ильичем о Малиновском как о влиятельном человеке в легальных обществах, который, по нашим расчетам, не станет работать против нелегальной партии. Мы расспрашивали о нем приезжавших к нам Томского, Скрыпника, Ногина (все они имели близкие отношения к легальному рабочему движению), и, помнится, все говорили, что Малиновский действительно остался верным партии, но что при создавшихся условиях он еще больше осторожничает» [12]. На январском Пленуме ЦК РСДРП 1910 г., когда намечались кандидатуры в ЦК, согласно показаниям большевика И. П. Гольденберга Чрезвычайной следственной комиссии 21 апреля 1917 г., «совершенно единогласно был признан заслуживающим кооптации именно Малиновский». Эту кандидатуру назвал Зиновьев (показания В. П. Ногина от 17 мая 1917 г.) [13].

Таким образом, Малиновский прошел через обычную для того времени, хотя, как показало последующее, чересчур поспешную процедуру отбора и предварительной проверки путем сбора информации о его деятельности у ряда авторитетных партийных работников. К сожалению, эта информация оказалась недостаточно точной. Кроме того, следует учитывать то, что тогда партия была обескровлена репрессиями царизма и уходом из ее рядов многих членов, в первую очередь интеллигентов. На смену им шло новое поколение партийных руководителей из числа передовых рабочих, и не случайно Малиновский был замечен Большевистским центром именно в этот переломный момент. Партии

[11] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 8, д. 5, л. 113.
[12] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 187.
[13] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 8, д. 5, лл. 7, 30.

нужны были рабочие вожаки, и одной из наиболее подходящих кандидатур на эту роль и был признан Малиновский.

В апреле 1910 г. В. П. Ногин, которому было поручено в соответствии с решением январского Пленума ЦК РСДРП сформировать Русскую коллегию ЦК из пяти членов, навестил Малиновского в Москве и предложил ему войти в ее состав. «Мы с Дубровинским тогда предполагали между собой,— показал Ногин,— что для пятерки можно было бы остановиться на Романе Малиновском». Интересна реакция на это предложение самого Малиновского, который, по словам Ногина, «ломался и как-то не давал определенного ответа»[14]. Он был явно ошеломлен сделанным ему предложением и не готов к тому, чтобы сразу его принять. Недаром Малиновский побежал советоваться к меньшевику В. В. Шеру, который, видимо, порекомендовал ему принять предложение Ногина, мотивируя это как объединительным характером самого январского Пленума ЦК РСДРП 1910 г., так и примиренческими настроениями некоторых других кандидатов, предложенных в состав Русской коллегии ЦК.

Трудно со всей определенностью утверждать, был или не был кооптирован Малиновский в состав Русской коллегии ЦК (видимо, формально такого акта все же не было), но фактически он принимал участие в работе цекистской «пятерки» (И. Ф. Дубровинский, В. П. Ногин, С. В. Шевченко, В. П. Милютин, Р. В. Малиновский). Известно, что он участвовал в создании нелегальной типографии ЦК в Ярославле, присутствовал на двух совещаниях «пятерки», состоявшихся под руководством Ногина в Петровском парке и на Воробьевых горах. Сотрудничая с большевиками, Малиновский одновременно продолжал поддерживать связи с меньшевиками. По свидетельству рабочего А. Г. Козлова, он оставался «членом обеих фракций и посещал собрания обоих течений»[15]. Иначе говоря, Малиновский продолжал вести ту же двойную игру, которую вел до этого в Петербурге.

13 мая 1910 г. полицией была арестована большая группа участников одного из нелегальных собраний. В их числе оказался и Малиновский. Хорошо осведомленные о его уголовном прошлом и революционном настоящем, московские охранники без особого труда уговорили его сотрудничать с полицией. С мая 1910 г. Малиновский, получив кличку «Портной» и 100 руб. ежемесячного жалованья, стал секретным сотрудником Московского охранного отделения. Некоторые исследователи, например, Б. К. Эренфельд, полагают, что Малиновский был провокатором и до 1910 года. В обвинительном заключении 1918 г. приведены косвенные показания полицейских чинов о том, что Малиновский был агентом еще в период прохождения им воинской службы, когда он якобы сообщал безвозмездно Петербургскому охранному отделению об антиправительственном брожении среди солдат Измайловского полка. В 1906—1910 гг. он якобы имел кличку «Эрнест» и вновь добровольно информировал по телефону начальника Петербургского охранного отделения — теперь уже о рабочем движении. По показаниям жены Малиновского, в 1906—1908 гг. ее муж получал предложения сотрудничать в охранном отделении, но «согласился ли он, она не знает». Характерно, что коллегия Революционного трибунала рассматривала эти данные лишь как косвенные, но никаких прямых улик против Малиновского по его поведению до 1910 г. в ее распоряжении не было. Не обнаружены они и до сих пор. Вместе с тем нельзя совершенно исключить возможность сотрудничества Малиновского с полицией и до 1910 года.

---

[14] Там же, л. 30.
[15] Там же, л. 140.

Как бы то ни было, но после майского ареста 1910 г. Малиновский, бесспорно, жил двойной жизнью, регулярно информируя полицию о нелегальной работе и периодически выдавая не только большевиков, но и меньшевиков — партийцев и ликвидаторов, а также деятелей профессионального движения. С 5 июля 1910 г. по 19 октября 1913 г. «Портной» представил Московскому охранному отделению 88 донесений: за 1910 г.— 25, 1911 г.— 33, 1912 г.—23, 1913 г.— 7[16]. При этом от донесения к донесению повышалось их «качество»: они становились все более обстоятельными и содержательными. В итоге Московское охранное отделение располагало подробными сведениями о деятельности Русской коллегии ЦК, партийной организации Москвы и Центрального промышленного района в целом, а также о нелегальных типографиях, каналах распространения нелегальной литературы, партийных адресах и явках. По донесениям провокатора были арестованы большевики Б. А. Бреслав, В. П. Ногин, П. Г. Смидович, меньшевики В. Г. Чиркин, В. В. Шер и другие.

Руководство Департамента полиции и охранки называло Малиновского «гордостью Московского охранного отделения», «серьезным осведомителем», «весьма ценным сотрудником». Росла и оплата услуг провокатора. Она поднялась сначала со 100 до 250 руб., а позже до 500—700 руб. в месяц. Помимо этого, выплачивались ему и «разъездные». Характерно, что даже после переезда в Петербург в 1912 г. он продолжал «по старой памяти» осведомлять Московское охранное отделение, получая за эту «любезность» еще по 25—50 руб. за каждое донесение.

Естественно, возникает вопрос, заметили ли товарищи неладное после освобождения Малиновского из-под ареста в начале июня 1910 года? Да, подозрения возникали: в мае 1910 г., еще находясь в тюрьме вместе с Малиновским, Ногин удивлялся явно неконспиративному поведению своего товарища. Однако последовало освобождение Малиновского, и Ногин уже не смог наблюдать за ним дальше, ибо сам остался за решеткой.

Выйдя на волю, Малиновский с помощью Г. М. Кржижановского поступил на работу в трамвайный парк; осенью стал учиться в Народном университете Шанявского и на вечерних курсах по кооперации. В январе 1911 г. он начал посещать «Общество разумных развлечений», а осенью того же года записался в члены потребительского общества. Тогда же Малиновский читал лекции по вопросам страхования в Дорогомиловском обществе трезвости и в Союзе текстильщиков. Следует также иметь в виду, что осенью 1910 г. Малиновский сблизился с неким А. А. Поляковым, которого в революционных кругах не без оснований подозревали в провокаторстве. После большого провала в марте 1911 г. в Туле, куда приезжали Малиновский и Поляков, появились подозрения об их причастности к провалу, но оставалось неясным, кто именно виноват — Малиновский или Поляков.

Сомнения относительно Малиновского возникли и у Н. И. Бухарина, познакомившегося весной 1911 г. в Вологодской тюрьме с четырьмя ликвидаторски настроенными рабочими, довольно хорошо знавшими Малиновского. Они сообщили Бухарину те данные, которые и привел затем Бухарин на партийном расследовании в 1914 году. Суть дела сводилась к следующему. Накануне открытия фабрично-заводского съезда в 1910 г. один из харьковских делегатов направил в Москву письмо с подробностями относительно подготовки съезда и с упоминанием имени Малиновского. Харьковский делегат был после этого арестован, Малиновский же остался на свободе. Второй подозрительный факт состоял в том, что в мае 1910 г. после ареста Малиновского вме-

---

[16] Там же.

сте с группой профсоюзных активистов он рано утром получил из дома вещи, хотя никакой связи с волей у арестованных еще не было. В дальнейшем во время допросов обнаружилось, что полиция осведомлена о всех разговорах, которые ведут арестованные на прогулках и в камере. Эти подозрения рабочие просили Бухарина передать после его выхода из тюрьмы товарищам по партии.

После освобождения Бухарин, который был знаком с Малиновским по работе в Москве в 1910 г. (последний уже тогда «освещал» его деятельность), в октябре 1911 г. передал полученные им сведения большевику В. М. Шулятикову, возглавлявшему следственную комиссию по провокации при МК РСДРП. Шулятиков ответил Бухарину, что в данный момент следственной комиссии как таковой не существует, но он расскажет о подозрениях рабочих и Бухарина другим партийным работникам. Однако через некоторое время Шулятиков умер, и осталось неизвестным, успел ли он передать кому-нибудь сообщенное ему Бухариным.

О подозрениях рабочих Бухарин рассказал также своей жене, Н. М. Лукиной, и, по всей вероятности, В. В. Оболенскому (Н. Осинскому) и Н. Н. Яковлеву. Впоследствии Осинский писал: «Уже с 1911 г. я (вместе с т. Бухариным) пришел к твердому убеждению, что Малиновский — провокатор, не имея, однако, к тому прямых и очевидных доказательств. Н. Н. Яковлев был в этом убежден наполовину и полагал, что, во всяком случае, Малиновский — личность весьма подозрительная» [17]. Подозрения относительно Малиновского возникли также у большевиков М. И. Фрумкина, Н. Н. Крестинского и других.

Следует, однако, иметь в виду, что широкое распространение провокаторства породило в революционной среде и некоторую «шпиономанию», а полиция намеренно распространяла среди революционеров подобного рода слухи, стремясь перессорить их между собой и отвести подозрения от своих истинных агентов, тем более от такого «хорошего ученика», как Малиновский. Московское охранное отделение без промедления арестовывало и высылало тех, кто так или иначе мог заподозрить Малиновского в провокаторстве.

Получив сведения о подготовке Пражской конференции РСДРП и о том, что кандидатура Малиновского выдвигается в качестве делегата на конференцию, начальник Московского охранного отделения полковник А. И. Мартынов настоял на том, чтобы его агент дал согласие поехать в Прагу. Во всех деталях было продумано поведение Малиновского на конференции, разработаны легенды о его прошлом, причем полиция определила, в какой мере он должен будет сообщить лидерам большевиков о «грехах» молодости.

Делегатом на конференцию Малиновского избрало собрание социал-демократов, работавших в легальных рабочих организациях Москвы. Получив при содействии Кржижановского отпуск на работе, Малиновский с напутствиями полковника Мартынова и выданной ему «на расходы» денежной суммой отправился в Прагу. Когда он приехал туда, конференция была уже в самом разгаре. Неожиданное появление Малиновского в Народном доме, где проходили заседания конференции, вызвало определенный эффект. Когда чешский социал-демократ Гавлена сообщил Ленину и Зиновьеву о прибытии нового делегата, то встречать его пошел Зиновьев. Он так описывал сцену встречи: «Вхожу: Малиновский! Радостно бросается мне на шею. Он приехал из Москвы! Он — делегат от большевистских деятелей профсоюзов и легальных рабочих обществ» [18].

[17] Цит. по: Вопросы истории КПСС, 1989, № 5, с. 111.
[18] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 187.

Поговорив с Малиновским, Зиновьев возвратился в зал заседаний. Вспоминая позже о реакции Ленина на приезд Малиновского, Зиновьев писал: «Помню радостное волнение на его лице, когда я сказал ему, что это Малиновский. «Вот это то, чего нам недостает на конференции»,— что-то в этом роде сказал Ильич. «Ну, что же, звать его сейчас?» — спросил я. «Да, как же!» — сказал Ильич». Зиновьев привел в зал нового делегата, которого он представил как «Константина». «Смущенный,— продолжает Зиновьев,— он занял место, и все (в том числе и Ильич) стали его разглядывать. Смущение скоро прошло. После объявления перерыва Ильич стал с ним разговаривать, шутить, «зоидировать» его» [19].

«Константин» сумел расположить к себе делегатов конференции. Беседуя с Лениным, Зиновьевым и Каменевым, Малиновский упомянул, что у него было «преступление в молодости» (кража из-за куска хлеба) и что он живет по чужому паспорту. Делая эти на первый взгляд доверительные признания, он прекрасно знал, что в революционной среде довольно снисходительно относились тогда к подобным конфликтам рабочих с царским законом и что многие социал-демократы жили по чужим паспортам. В речи на заседании Революционного трибунала в 1918 г. обвинитель Н. В. Крыленко, касаясь «проступков молодости» Малиновского, заявил: «Ссылка на прошлую судимость не является тем, что выводит этого человека из рядов революционеров» [20].

Во время этих бесед Малиновский, понимавший, что неблагоприятные для него слухи могут рано или поздно дойти до Ленина, сказал, что после серьезных размышлений перешел от меньшевиков к большевикам, а это не могло не вызвать его резких столкновений с рабочими-меньшевиками. Таким способом он подготовил почву, заранее опорочив в глазах Ленина возможные разоблачения со стороны политических противников из меньшевистского лагеря как попытку сведения личных счетов.

По словам Зиновьева, Малиновский держался умно и тактично, подкупая делегатов непосредственностью, кажущейся искренностью, манерами заправского рабочего-передовика. Он, бесспорно, знал настроение рабочей массы, умел передать его в яркой и образной речи, проявлял политическую гибкость. Провокатор привез в Прагу много новых фактов о ренегатстве меньшевиков и, как свидетельствует Зиновьев, «бичевал их страстно». В речах и беседах с делегатами Малиновский выражал глубокую веру в неизбежность новой революции в России. Умея всегда сказать что-то свое и «в то же время в общем большевистское», Малиновский к концу конференции был уже бесспорным кандидатом в ЦК партии [21].

На Пражской конференции Малиновский был избран в ЦК РСДРП. Кроме того, его кандидатура была намечена для баллотировки по рабочей курии в IV Государственную думу. Малиновский вошел в полное доверие к Ленину. После окончания работы конференции они вместе поехали из Праги в Лейпциг. «И помнится,— писал Зиновьев,— после возвращения Ильич хвалил Малиновского за то, что он, кроме иных, проявил еще и некоторые дипломатические способности. Доверие было полное» [22]. Полное доверие к Малиновскому вначале питала и Н. К. Крупская, впервые познакомившаяся с ним осенью 1912 года. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии 26 мая 1917 г. она писала: «Малиновский производил на меня хорошее впечатление; он великолепно, в деталях, знал рабочее движение, очень хоро-

[19] Там же.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 8, д. 5, л. 234.
[21] См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 188.
[22] Там же, с. 193.

шо умел говорить по профессиональным вопросам; мне никогда и в голову не приходило его провокаторство» [23].

После Пражской конференции Московское охранное отделение оказало всемерное содействие избранию Малиновского в Государственную думу. Для получения необходимого по избирательному закону ценза Малиновский устроился на постоянную работу на фабрику Фермана. В конечном счете московской охранке, а затем и Департаменту полиции пришлось непосредственно вмешаться в процесс избрания Малиновского. Так, московская полиция арестовала помощника механика фабрики Фермана Кривова, пытавшегося уволить Малиновского, а Департамент полиции и Министерство юстиции закрыли глаза на уголовное прошлое кандидата в депутаты. Разумеется, все эти закулисные махинации были неизвестны тогда рабочим избирателям. В октябре 1912 г. Малиновский был избран в IV Думу и вскоре переехал в Петербург. Московская охранка передала своего агента Департаменту полиции, где он стал значиться под новой кличкой — «Икс». Теперь его работу лично курировали товарищ министра внутренних дел директор Департамента полиции С. П. Белецкий и вице-директор того же департамента С. Г. Виссарионов.

В Думе Малиновский сразу же показал себя активным членом социал-демократической фракции. Не случайно именно ему было доверено огласить ее первую программную декларацию. И хотя Малиновский по распоряжению Департамента полиции умышленно опустил при этом несколько принципиально важных положений (о всеобщем избирательном праве и превращении Думы в полновластное законодательное учреждение), общественный резонанс от его выступления был очень велик. Большой успех в пролетарской среде имели также речи Малиновского о проведении в жизнь страхового закона 1912 г., преследовании царскими властями профсоюзов и рабочей печати, положении дел на Ленских золотых приисках, массовых отравлениях работниц в Риге и взрыве на Охтенском пороховом заводе в Петербурге и др. [24]. После раскола думской социал-демократической фракции в ноябре 1913 г. Малиновский возглавил шестерку большевистских депутатов.

Повышение статуса Малиновского в думской фракции и одновременно в охранке не могло не сказаться на его внешнем облике и даже на характере. Получая жалованье как депутат Думы (350 руб. ежемесячно) и как провокатор, Малиновский стал хорошо одеваться, посещал фешенебельные рестораны. Одновременно все чаще стало у него проявляться высокомерие по отношению к товарищам, раздражение и даже вспышки гнева, доходившие до истерики и ломания стульев в помещении фракции.

Малиновский неоднократно (6 или 8 раз) посещал Краков и Поронино, беседовал с Лениным, Зиновьевым, Крупской, З. И. Лилиной-Зиновьевой. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии 26 мая 1917 г. Ленин писал: «Я часто беседовал с Малиновским о думской работе и писал ему проекты речей. Мы больше всего требовали от Малиновского заботы о «Правде» и ее распространении, ее упрочении» [25]. В январе 1914 г. они вместе в качестве представителей ЦК ездили в Брюссель на IV съезд Социал-демократии Латышского края, а затем в Париж, где Ленин делал доклад по национальному вопросу, а Малиновский выступил с большим рефератом о думской деятельности РСДРП. Участие Малиновского в Краковском и Поронинском совещаниях ЦК с партийными работниками способствовало укреплению доверия к Малиновскому. В публичных выступлениях и в личных беседах с Лениным и его окружением Малиновский всегда высказывался как убежденный большевик. В большевистских кругах в России он неизменно подчеркивал, что является доверенным лицом Ленина и последовательным проводником его политики. По поручению Ленина Малиновский поддерживал связи с польскими социал-демократами.

Некоторые отрицательные черты Малиновского привлекли внимание Ленина. «Мы,— писал Ленин в своих показаниях в 1917 г.,— неоднократно выговаривали Малиновскому относительно его самовластия и требовали у него больше товарищеского отношения к его коллегам» [26]. Крупская тоже отмечала: «Впоследствии, когда я его ближе узнала, он на меня произвел уже более отрицательное впечатление, но уже своим личным свойством, в политическом же отношении никаких подозрений у меня против Малиновского не было. Отрицательные свойства его характера выражались в некоторой хвастливости, чрезмерном самолюбии, желании везде быть первым; конкуренции он не признавал и не переносил; на этой почве у него с товарищами по фракции произошел ряд недоразумений, причем Малиновский всегда нам старался изобразить своих софракционеров и особенно Петровского с плохой стороны, как людей мало пригодных и будто бы бездеятельных» [27]. На наличие в характере Малиновского таких свойств, как честолюбие, франтовство, склонность к спиртному, вспыльчивость, легкомысленное отношение к женщинам, обращал внимание и Зиновьев. Однако Ленину и его окружению все же казалось, что все это не повлияет на его партийную работу или может быть исправлено.

Сложнее обстояло дело с непрекращавшимися слухами о политической нечестности Малиновского, которые доходили и до Ленина. После Пражской конференции Бухарину показалось немного странным, что Малиновский вдруг превратился в большевика, хотя раньше он сталкивался с ним как с ликвидатором. Еще в августе 1912 г., то есть до выборов в Думу, Бухарин рассказал о своих подозрениях Е. Ф. Розмирович, а та, в свою очередь,— своему мужу, А. А. Трояновскому. Своими наблюдениями Бухарин делился также с В. В. Шером и Л. Д. Троцким. В показаниях партийной следственной комиссии в 1914 г. Бухарин писал, что после встречи с Троцким летом 1913 г. в Вене они решили сообщить о своих подозрениях в ЦК. В свою очередь, Трояновский и Розмирович также предупредили Ленина и Зиновьева. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии 9 июля 1917 г. Трояновский заявил: «От них мы получили официальный ответ, что они берут на себя полную ответственность за Малиновского. Мы требовали проверки деятельности последнего и установления контроля за ним. Нам сказали, что в этом не видят никакой надобности. Подобный же ответ был послан в Вену Николаю Ивановичу Бухарину» [28].

И все же у Ленина временами возникали сомнения. Один из таких эпизодов зафиксирован в воспоминаниях Крупской. «Владимир Ильич,— писала она,— считал совершенно невероятным, чтобы Малиновский был провокатором. Раз только у него мелькнуло сомнение. Помню как-то в Поронине, когда мы возвращались от Зиновьевых и говорили о ползущих слухах, Ильич вдруг остановился на мостике и сказал: «А вдруг правда?» И лицо его было полно тревоги. «Ну, что ты»,— ответила я. И Ильич успокоился, принялся ругательски ругать меньшевиков за то, что те никакими средствами не брезгуют в борьбе с большевиками. Больше у него не было никаких колебаний в этом вопросе» [29]. Эту веру в Малиновского Ленин сохранял до того момен-

[23] ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 8, д. 5, л. 53.
[24] Государственная дума. IV созыв. Сессия II. Стеногр. отч. Ч. I. СПб. 1914, стб. 287—291, 490—493, 684—693, 1307—1312, 1552—1554 и др.
[25] ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 38, л. 53.

[26] Там же.
[27] Там же. ф. 1005. оп. 8, д. 5, л. 53.
[28] Там же, лл. 101, 65.
[29] Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М. 1957, с. 222—223.

та, пока не появились точные, проверенные данные о его провокаторстве.

Малиновский был так хорошо законспирирован полицией, что не только Ленин, общавшийся с ним лишь эпизодически, но и товарищи по фракции, с которыми он работал постоянно, не видели его двойной жизни. Депутаты-большевики изо дня в день наблюдали деятельность Малиновского по выполнению решений руководящих партийных органов, восхищались его ораторским талантом, умением твердо отстаивать большевистскую точку зрения на думской трибуне и в различных нелегальных организациях. Правда, они возмущались порой высокомерием Малиновского, с трудом переносили его истерические выходки, но с этим приходилось так или иначе мириться. Однако постепенно, особенно после кооптации Г. И. Петровского и А. Е. Бадаева в ЦК РСДРП, отношения между ними и Малиновским становились все более натянутыми, а сам Малиновский, не терпевший ни малейшей конкуренции, уже открыто выражал свое недовольство их выдвижением на руководящие партийные посты.

Имея высоких покровителей в Департаменте полиции, Малиновский мог убирать со своей дороги опасных свидетелей. Так, во время пасхальных думских каникул 1913 г. на одном из собраний против Малиновского выступил выборщик И. Т. Савинов, намеревавшийся сообщить о его политической нечестности в ЦК РСДРП. Однако когда он собрался выехать в Краков, то был арестован. Та же участь постигла московских выборщиков Ф. А. Балашова и Я. Т. Новожилова, арестованных вскоре после их возвращения с Поронинского совещания. Вместе с тем Малиновский добился у Белецкого освобождения арестованной весной 1913 г. в Киеве по его доносу Розмирович, так как узнал, что она заподозрила его в причастности к этому аресту.

Для того чтобы сохранить доверие ЦК и думской фракции, Малиновский должен был вести энергичную революционную работу. Он активнс участвовал в работе всех партийных совещаний 1912—1914 гг., часто выступал в Думе, работал в газетах «Правда», «Наш Путь», журналах «Просвещение» и «Вопросы страхования», поддерживал связи с нелегальными профсоюзными и легальными рабочими обществами. Именно эта сторона его деятельности была у товарищей на виду.

Но через каждые пять дней в отдельных номерах самых дорогих петербургских ресторанов происходили тайные свидания Малиновского с Белецким. На этих встречах постоянно присутствовал Висссарионов, выполнявший функции стенографа и эксперта по вопросам партийной терминологии и состояния нелегальных партийных организаций. Во время этих свиданий Малиновский снабжал Белецкого обширной информацией. Однажды он даже ухитрился передать для копирования в Департамент полиции архив думской фракции. То же самое он проделал со списком подписчиков на «Правду», сведениями о рабочих сборах на «Правду» и ликвидаторский «Луч» и т. д. Малиновский выдал царской охранке Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандаряна, Е. Д. Стасову, Е. Ф. Розмирович, Н. В. Крыленко, Ф. И. Голощекина и многих других.

Видимо, эта двойная жизнь Малиновского могла продолжаться еще долго, если бы не изменилась обстановка в самом Департаменте полиции. В результате обострившейся борьбы в верхних эшелонах власти в конце 1913 — начале 1914 г. вынуждены были покинуть свои посты Белецкий и Виссарионов, товарищ министра внутренних дел И. М. Золотарев. Лишившись своих непосредственных хозяев, Малиновский на какое-то время как бы «повис» в воздухе. Новый товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковский — человек, воспитанный в традициях дворянской

чести и порядочности, узнав о том, что в царском «парламенте» находится агент полиции, заставил Малиновского подать заявление о выходе из состава членов Государственной думы. Провокатору было выдано, однако, «выходное пособие» в размере 6 тыс. руб. и заграничный паспорт. Характерно, что Джунковский уведомил о случившемся казусе председателя Думы М. В. Родзянко. Оказавшись в безвыходном положении, Малиновский вынужден был 8 мая 1914 г. подать заявление о сложении депутатских полномочий.

Как только депутаты-большевики узнали о заявлении Малиновского, было собрано экстренное совещание фракции. Петровского послали за Малиновским на его квартиру. Когда Петровский пришел туда, то застал следующую картину. «У него в комнате,— вспоминал Петровский,— все разбросано. Револьвер лежит на столе. Он сам стоит в шапке, чемоданы упаковываются. Жена в слезах, дети растеряны». Малиновский категорически отказался идти на заседание большевистской фракции. Петровский вынужден был уйти ни с чем и рассказал об увиденном своим товарищам. Депутаты вновь послали его к Малиновскому, но тот продолжал упорствовать, заявив: «Я жду ареста, и что же остается? Только застрелиться». Одновременно он заявил Петровскому, что едет в ЦК к Ленину и там все расскажет. Возмущению депутатов-большевиков не было предела. «Мы,— вспоминал Петровский,— думали его арестовать, а т. Муранов ходил с револьвером и говорил, что «я его здесь прикончу»[30]. Собравшиеся в тот же день члены ЦК и депутаты-большевики приняли решение: за неслыханное нарушение партийной дисциплины и за дезертирство исключить Малиновского из рядов РСДРП.

Однако и в это время депутаты-большевики не подозревали об истинных причинах ухода Малиновского из Думы. Почуяв еще в январе 1914 г. шаткость своего положения, Малиновский исподволь начал готовить легенду для ухода из Думы. Чтобы создать основание для заявления о своей неудовлетворенности думской деятельностью, он незадолго до ухода из Думы внес явно несвоевременное предложение призвать массы к немедленному революционному выступлению. На том же настаивал Малиновский и во время своей последней встречи с Петровским, заявляя, что в Думе ему больше делать нечего, а «нужно вести подпольную революционную работу, вооружать рабочих и поднимать восстание»[31]. Так как это предложение Малиновского было отклонено депутатами, то создавалось впечатление, что он стоит на истинно революционных большевистских позициях.

В Поронине, где жил тогда Ленин, о внезапном уходе Малиновского из Думы узнали из телеграммы Петровского, посланной на имя Зиновьева 8 мая 1914 года. Петровский сообщал: «Малиновский без предупреждения сложил полномочия, дать объяснения отказался, выезжает за границу»[32]. В воспоминаниях Зиновьев писал: «Ильич, конечно, был возмущен и встревожен до последней степени. Все, что угодно, приходило в голову — только не версия о провокаторстве. Больше всего «гадали» на то, что это — результат какого-либо столкновения Малиновского с остальными пятью депутатами (такие вещи у него бывали), какой-либо акт вспыльчивости и неуравновешенности»[33].

По указанию начальника Петербургского охранного отделения два сыщика довезли Малиновского до границы и проследили за тем, чтобы этот, теперь уже бывший, агент охранки направился прямо на территорию Австрии. Прибыв в Поронино, Малиновский сразу же пошел к Зи-

---

[30] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, д. 26, лл. 15—15об.
[31] Там же, л. 16об.
[32] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 474, л. 1.
[33] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 195.

новьеву и, не застав его дома, оставил записку, а сам устроился в местной гостинице. Встреча его с Лениным и Зиновьевым состоялась на следующий день. «Он плакал,— вспоминал Зиновьев.— Повторял, что знает, какой великий вред делу он принес, но пусть мы его сначала выслушаем, снова повторял, что застрелится» [34]. При этом Малиновский попытался взять инициативу в свои руки и сам обратился к Ленину и Зиновьеву с просьбой провести специальное партийное расследование фактов его биографии и партийной деятельности в связи с разного рода слухами, которые появились после его ухода из Думы.

От имени ЦК РСДРП была назначена судебно-следственная комиссия в составе Я. С. Ганецкого (председатель), В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева. Ее работа проходила в очень сложной и нервозной обстановке. Зиновьев писал: «Как сейчас вижу это заседание (запомнилось одно из первых). На терраске нашего жилища в жаркий день. Стол и несколько стульев. Я, кажется, секретарствую, т. е. записываю показания. Все в сумрачном настроении. Ильич удручен, но старается этого не показывать. Рядом в кухне сидят Н. К. Крупская и З. И. Лилина-Зиновьева и тоже удрученно молчат. Точно в доме покойник. Удар партии был сильный» [35].

Масло в огонь постоянно подливали меньшевики-ликвидаторы, которые после ухода Малиновского из Думы активно распространяли слухи о его политической нечестности и настаивали на предании его межфракционному суду. Аналогичная информация появилась в те дни в либеральной и черносотенной печати. Что касается депутатов-большевиков, то сохранившиеся письма Петровского в ЦК РСДРП свидетельствуют о том, что они требовали самого сурового осуждения Малиновского и выражали недовольство «мягким» поведением членов партийной комиссии. Так, в одном из майских (1914 г.) писем Петровского в ЦК говорилось: «Если мы очень мягко отнеслись к ренегату, то Вы своим отношением нас удивили». В другом письме Петровский высказывается еще более резко: «Не вздумайте любимчика около себя пригревать, чтоб и духу его не было к осени» [36].

Прекрасно сознавая всю щекотливость сложившейся ситуации — ведь речь шла о члене ЦК и руководителе думской большевистской фракции,— партийная комиссия в Поронине очень ответственно подошла к проверке слухов. В течение нескольких недель она собирала и по возможности проверяла и перепроверяла сведения, поступившие из Петербурга от членов думской большевистской фракции и от доверенных лиц ЦК. Анализировались показания самого Малиновского, а также Бухарина, Розмирович, М. А. Савельева, проводились даже очные ставки Малиновского с Бухариным и Розмирович.

Комиссия, вспоминал Зиновьев, «вникала абсолютно во все детали, но ничего серьезного против Малиновского не получилось. Будущее показало, что впечатления Бухарина и подозрения Е. Ф. Розмирович были верны. Но тогда они и сами на них не могли настаивать» [37]. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. Ленин писал: «Мы допросили немало свидетелей, устроили очные ставки с Малиновским, исписали не одну сотню страниц протоколами этих показаний... Решительно никаких доказательств ни один член комиссии открыть не мог... Общее убеждение всех трех членов комиссии сводилось к тому, что Малиновский не провокатор» [38]. Комиссия запросила также мнение такого опытнейшего разоблачителя провокаторов, как В. Л. Бурцев, но

[34] Там же, с. 196.
[35] Там же, с. 197.
[36] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1478, лл. 1—1об.; д. 1488, л. 1.
[37] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 198.
[38] ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 38, лл. 50—53.

и тот в то время отверг предположение о провокаторстве Малиновского, хотя позже изменил свою точку зрения и злорадствовал по поводу политической близорукости большевиков.

Комиссия проанализировала и основные факты биографии Малиновского, которую он изложил письменно в своих показаниях, а затем и на допросе. «В памяти осталось сильнейшее впечатление от одного из этих допросов,— вспоминал Зиновьев.— В яркой, сильной, местами прямо потрясающей форме (и казалось, абсолютно искренней) Малиновский нарисовал нам картину своей жизни. Он-де выходец из польской обедневшей шляхетской семьи. Бедствовал. Был выбит из колеи. Едва пробился через религиозные предрассудки. Голодал. С трудом приобрел первые знания. Мучимый голодом, он однажды что-то украл. Был судим, был опозорен. Долго мучился этим пятном. Ушел от родных. Старался скрыться навсегда от них именно из-за этого позора. Решил добыть себе паспорт на другое имя. Однажды ночью на пароходе из-за этого совершил другое преступление: у ехавшего пассажира украл его паспорт... Стал мучиться еще больше. Стал удаляться от родных еще больше... Затем рассказ (очень яркий), как примкнул к рабочему движению, как понял социализм, как увидал свет — и в то же время, как он всегда мучился своим пятном. Отсюда-де его неуравновешенность, нервозность, склонность к самоубийству, приливы и отливы в настроениях... На этом фоне произошел-де и его уход из Думы. Он — жертва, он несчастен, над ним тяготеет трагическое прошлое. Отсюда и невозможность нести то бремя политической ответственности, которое пало на него. С товарищами из «пятерки» говорить об этом откровенно не мог. Рождались трения. Он не выдержал. Нервы не выдержали. Он сделал безумный шаг. Он сознает, что принес большой вред тому делу, которое любит, во имя которого жил. Таково стечение обстоятельств. Какой выход? Пустить себе пулю в лоб. Если комиссия не оставит ему и тени надежды вернуть его в рабочее движение, в партию,— он должен будет прибегнуть к этому. Если же поймет его, поверит ему, даст возможность,— он будет 10—20 лет работать, чтобы загладить свой грех. Рассказал, повторяю, настолько сильно, ярко и, казалось, правдиво, что произвел потрясающее впечатление даже на Ильича. В основе мы этой версии поверили. Может быть, он чего-нибудь не договаривает, но ходит около правды,— примерно так формулировал впечатление Ильич» [39].

В итоге следственная комиссия, не обнаружив прямых доказательств провокаторства Малиновского, поверила в его политическую честность. Вместе с тем члены комиссии видели в уходе Малиновского из Думы акт дезертирства и расценивали его как политическое самоубийство этого бывшего рабочего лидера. Однако исключение Малиновского из рядов РСДРП и тем более предание его партийному суду членами комиссии сначала не предусматривались, ибо они считали, что он и без того наказан уже вполне достаточно. 23 мая (5 июня) 1914 г. Зиновьев писал в редакцию газеты «Путь правды»: «Суд кажется нам излишним. Человек совершил политическое самоубийство, устранился, всеми осужден. Что тут расследовать» [40].

Члены следственной комиссии оказались, однако, перед выбором: им предстояло либо согласиться с принятым членами Русской коллегии ЦК и думской большевистской фракции решением об исключении Малиновского из партии, либо передать дело на дополнительное расследование межфракционному суду, подключив к нему меньшевиков. Комиссией был избран первый путь. В заключении следственной комиссии говорилось, что, сложив депутатские полномочия без ведома ЦК и без

[39] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 198—199.
[40] ЦПА ИМЛ, ф. 364, оп. 1, д. 214, лл. 1—1об.

предварительных объяснений с избирателями и товарищами по фракции, Малиновский совершил акт чудовищного нарушения дисциплины и тем самым поставил себя вне партии [41]. Принимая такое решение, члены следственной комиссии все же не сомневались в политической честности Малиновского и допускали возможность его возвращения через несколько лет к активной работе в рядах российского пролетариата. Именно этим можно объяснить последующее отношение Ленина и Зиновьева к Малиновскому вплоть до Февральской революции.

Пока шла проверка информации, содержавшейся в показаниях Малиновского, он продолжал жить в Поронине. Однако проверка затягивалась. Началась мировая война, и Малиновский, не предупредив комиссию, уехал в Варшаву, где и был призван в армию. Вскоре в газетах появилось сообщение о том, что он убит. 1 ноября 1914 г. Ленин и Зиновьев опубликовали в № 33 газеты «Социал-демократ» некролог «Роман Вацлавович Малиновский». «Каждое слово в нем, конечно, было тщательно обдумано. Этот документ,— писал Зиновьев,— лучше всего показывает, что же именно думал тогда Ильич (и я) о Малиновском после всего поронинского разбора дела» [42]. В некрологе подчеркивалось, что Малиновский совершил в мае 1914 г. «непростительный грех перед рабочим движением» и «наша партия беспощадно осудила его самой тяжкой карой — поставила его вне рядов». Далее в некрологе говорилось о том, что расследовавшая его дело комиссия ЦК РСДРП «пришла к безусловному и непоколебимому убеждению в том, что Р. В. Малиновский был политически честным человеком». Партия «одинаково обязана как защитить честь умершего бывшего своего члена, так и разоблачить приемы, глубоко позорящие тех, кто прибегает к ним в политической борьбе».

Вскоре после публикации некролога пришло известие о том, что Малиновский жив. Поэтому в № 34 «Социал-демократа» Ленин и Зиновьев опубликовали небольшую заметку «Малиновский жив». В ней говорилось: «Нами получено из Петербурга известие, что сообщения о смерти Р. В. Малиновского, появившиеся во всех русских и во многих иностранных газетах, неверны. Малиновский жив и находится на одном из театров военных действий. Говорят, люди, которых ошибочно объявляют умершими, потом долго живут. Пожелаем этого и Р. В. Малиновскому».

15 ноября 1914 г. Малиновский был взят в плен под Лодзью и около четырех лет находился в лагере военнопленных Альтен-Грабов в Германии. Частично сохранившаяся переписка Ленина и Зиновьева с Малиновским свидетельствует о том, что они стремились оказать бывшему члену ЦК РСДРП максимально возможную в тех условиях материальную помощь и моральную поддержку. В Альтен-Грабов, в том числе и через Международный Красный Крест, на имя Малиновского направлялись посылки с продовольствием и теплыми вещами, социал-демократические газеты, журналы, книги. Его информировали также о состоянии российского и международного рабочего движения. Отвечая на упреки А. Г. Шляпникова, считавшего недопустимым поддерживать дружеские отношения с Малиновским, Зиновьев разъяснял ему важность той интернационалистской работы, которую ведет в лагере Малиновский. «Уезжая в Россию после Февральской революции,— вспоминал Зиновьев,— мы приняли ряд мер, чтобы связи с военнопленными не заглохли и чтобы интернационалистская пропаганда среди них продолжалась. И мы были по-прежнему уверены, что и Малиновский будет эту работу производить» [43].

[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 340—341, 344—345, 349, 392—395.
[42] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 200.
[43] Там же, с. 201.

После Февральской революции в архиве Департамента полиции были обнаружены неопровержимые материалы о провокаторстве Малиновского. Об этом Ленин узнал, возвращаясь из эмиграции в Россию. Просматривая газету «Правда», он наткнулся на заметку Каменева с броским заголовком «Иуда». Вспомнная об этом эпизоде, Зиновьев писал: «Подбегаю еще к Ильичу. Он просматривает номер за номером. Побледнел. Встревожился ужасно. «В чем дело, Владимир Ильич?» — «Малиновский оказался-таки провокатором!» — отвечает «Старик». Он только что прочитал в «Правде» заметку «Иуда». Передает ее мне с печальным видом. Показываем другим. Известие это ошеломляет. Несколько раз Ильич с глазу на глаз возвращается к этой теме. Короткими фразами. Больше шепотом. Смотрит в глаза. «Экий негодяй! Надул-таки нас. Предатель! Расстрелять мало» [44].

Дело Малиновского разбирала Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. Сохранились десятки показаний, часть которых была опубликована в двадцатых годах в семитомном издании «Падение царского режима». Часть показаний до сих пор хранится в архивах. Показания по делу Малиновского давали высшие чины Департамента полиции Белецкий, Виссарионов, Джунковский и др., председатель IV Государственной думы Родзянко, лидеры политических партий различных направлений. Из большевиков показания давали Ленин, Зиновьев, Крупская, Бухарин, Рыков, Ногин, Бадаев, Свердлов, Розмирович и другие. Сенсационное само по себе, дело Малиновского сознательно раздувалось Временным правительством, использовавшим его для дискредитации большевиков.

В мае 1917 г. сведения о провокаторстве Малиновского дошли и до Альтен-Грабова. 18 мая на собрании социал-демократической группы военнопленных было обсуждено письмо Г. Л. Шкловского о провокаторстве Малиновского и принято решение исключить его из всех организаций, которые существовали тогда в лагере. Кроме того, в решении специально подчеркивалось, что необходимо принять все меры к тому, чтоб «при заключении мира доставить его в Россию, а здесь же не принимать к нему никаких репрессивных мер, кроме того, как подвергнуть его товарищескому бойкоту и заклеймить презрением» [45]. В сохранившейся памятной книге Альтен-грабовской группы РСДРП имеется также краткая запись от 2 июня 1918 г., где упоминается, что в этот день заслушивался вопрос о Малиновском. К сожалению, какой-либо записи, позволяющей расшифровать характер принятых решений, в книге не имеется. Можно лишь высказать предположение, что члены группы обсудили план доставки Малиновского в Россию вместе с очередной группой военнопленных.

Известно, что такая группа прибыла в Петроград 20 октября 1918 года. В источниках отсутствуют сведения о том, был ли Малиновский доставлен в Смольный своими бывшими товарищами или, как это явствует из показаний, написанных им после ареста, явился туда добровольно. Обратившись к одному из секретарей Петроградского комитета РКП(б), С. М. Гессену, он заявил: «Я Малиновский, приехал, чтобы отдаться в руки советского правосудия; арестуйте меня» [46]. По существу, он повторил здесь тот же прием, который использовал в 1914 г., когда просил назначить следственную комиссию по разбору его дела. Через несколько дней арестованный провокатор был доставлен в ВЧК и 5 ноября 1918 г. Малиновский предстал перед судом Революционного трибунала...

[44] Там же.
[45] ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 2, д. 123, л. 2.
[46] Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 204.

Дело Малиновского показало необходимость самого тщательного отбора кандидатов на выборные партийные должности, особенно когда речь идет о центральных органах партии. Только многократная проверка и перепроверка, недопустимость малейшей неясности в отношении их деловых и человеческих качеств, учет мнения не только партийных руководителей, но и рядовых членов организации могли предохранить партию от появления в ней новых малиновских. Необходим был демократический механизм выдвижения руководящих партийных кадров, постоянный контроль за ними не только «сверху», но особенно «снизу».

Партия заплатила за ослепление внешним блеском Малиновского слишком дорого, и, для того чтобы избежать повторения подобных трагических ошибок, существовало лишь одно средство — развитие внутрипартийной демократии, коллективный контроль передовых рабочих над деятельностью ЦК. Именно об этом говорилось, в частности, в политическом завещании Ленина.

Ставить точку в деле Малиновского еще рано. Даже сейчас, после предания гласности многих закрытых прежде источников, в нем остается немало неясных моментов. Нуждается, в частности, в тщательной проработке и проверке весь комплекс вопросов, связанных с историей взаимоотношений двух членов ЦК РСДРП — Малиновского и Сталина. Неизвестны также пока обстоятельства, при которых Малиновский попал в 1914 г. в плен, подробности его пребывания в лагере для военнопленных в Германии и возвращения в 1918 г. на родину. Привлекая внимание специалистов к этим и другим подобным вопросам, надеемся, что публикация материалов о деле Малиновского, а также детальное знакомство с недоступной ранее советским историкам зарубежной литературой о Малиновском позволят приблизиться к восстановлению полной исторической правды.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. К. Волков

В течение 1989 г., особенно в его последние месяцы, по странам Центральной и Юго-Восточной Европы прокатилась лавина революционных преобразований. Рухнули сложившиеся здесь за послевоенные десятилетия авторитарно-бюрократические режимы. События развивались не только с громадной быстротой, но и отличались радикальностью результатов. Они втянули в свою орбиту Польшу и Венгрию, ГДР и Чехословакию, Болгарию и Румынию. Если же учесть, что Югославия также вступила в полосу революционных перемен, то нетрудно подсчитать, что процессами общественного обновления оказались охвачены 7 стран с общим населением около 140 млн. человек. Но политическое значение революций 1989 г. никак не может быть сведено к рамкам региона. Их смысл несравненно шире.

Действительно, в первую очередь бросается в глаза масштабность событий. Создав качественно новый политический ландшафт в указанных странах, они изменили расстановку сил на европейском континенте, затронули блоковую систему сложившихся отношений на мировой арене, поставили в повестку дня германский вопрос, оказали воздействие на перестроечные процессы в Советском Союзе, повлияли на состояние дел в коммунистическом движении, в значительной степени определили судьбу таких явлений, которые мы до последнего времени именовали «мировой социализм» и «содружество социалистических стран». Все это дает основания поставить революции 1989 г. в этих странах в один ряд с крупнейшими событиями XX века. Они подвели черту под более чем 40-летним периодом монопольной власти компартий в этих странах, а также окажут, несомненно, глубокое влияние на дальнейшие судьбы Европы и всего мира. Вполне правомерно ожидать, что события такого масштаба потребуют соответствующих корректировок наших взглядов на социализм.

Все наблюдатели сходятся на том, что события 1989 г. лишь положили начало длительному периоду глубоких общественных перемен. Это затрудняет осмысление сегодняшних, еще не завершенных процессов, которые далеко не однозначны. Пока что можно говорить только о предварительных оценках, которые еще не раз будут уточняться и корректироваться. Другая трудность заключается в неполноте поступающей информации, нередко выборочной и односторонней. Тем не менее даже имеющиеся сведения позволяют сделать некоторые выводы о характере событий и тенденциях дальнейшего развития.

ВОЛКОВ Владимир Константинович — доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР. В основу статьи положен доклад на годичном собрании Отделения истории АН СССР 19 марта 1990 года.

Чтобы определить характер перемен в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 г., следует подойти к ним с методологических позиций, принятых в научной литературе. Сюда относятся выяснение внутренних и внешних предпосылок революции, соотношения объективных и субъективных факторов; определение движущих сил, характеристика решения основного вопроса любой революции — вопроса о власти; анализ форм происшедших изменений и, наконец, рассмотрение того, на каком этапе находится ныне революционный процесс, начатый в 1989 году.

Исходя из названных методологических посылок, можно сказать, что революции 1989 г. не были неожиданностью. Их заранее предсказали. Но когда они произошли, то застали, как часто бывает в подобных случаях, неподготовленными не только руководство правящих партий этих стран, но и зарубежных политических деятелей. Психологически это противоречие объяснимо, видимо, тем, что предупреждения звучали уже так долго, что к ним перестали относиться всерьез. Преобладала вера в сохранение стабильности с помощью гипертрофированно развитых репрессивно-охранительных органов, армии, на худой конец — с помощью советских войск, дислоцированных на территории ряда этих стран.

Революции 1989 г. стали следствием глубокого экономического, политического и духовного кризиса, который десятилетиями переживали названные страны, а точнее — их авторитарно-бюрократические режимы. Доказательство тому перманентно возникавшие в 50—80-х годах острые общественно-политические конфликты в странах региона. В этом плане революции 1989 г.— результат прежде всего их собственного внутреннего развития. Правда, многие явления были затуманены той бюрократической тайной, которая составляет неизменный атрибут тоталитарной власти. Она затруднила самим представителям власти осознание невозможности управлять по-старому, а с другой стороны — помешала обществу в целом представить полную картину разрушительных последствий функционирования системы во всех областях, хотя чувства невозможности и нежелания жить по-старому преобладали среди большинства населения.

Среди объективных внутренних предпосылок, свойственных всем странам региона, на первое место следует поставить классическое противоречие, обычно формулируемое как несоответствие характера производственных отношений уровню развития производительных сил. Авторитарно-бюрократические режимы повсеместно стали препятствием на пути экономического и технического прогресса своих стран, тормозом интеграционных процессов даже в рамках СЭВ.

О прогрессивности общественно-политического устройства следует судить по тому, на какое место выводит оно страну по шкале культурно-цивилизационного развития. До сих пор мы ставили победу социализма над капитализмом в прямую зависимость от возможности достижения более высокой производительности труда. 45-летний исторический опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы показал, что они резко отстали от уровня развития передовых капиталистических стран, даже от тех, с кем они находились когда-то на одном уровне и имели общие исходные данные. Для ГДР — это сравнение с ФРГ, для Чехословакии и Венгрии — с Австрией, для Болгарии — с Грецией. Все эти страны, которые мы традиционно именовали «социалистическими», за годы господства авторитарно-бюрократических режимов сползли вниз по шкале культурно-цивилизационного развития. В экономике об этом можно судить отчасти по такому показателю, как валовой продукт на душу населения. Лидирующая среди стран СЭВ по этому показателю ГДР занимала в 1987 г., по данным ООН, 17-е место, Чехо-

словакия — 25-е, СССР — 30-е, остальные находились еще ниже[1]. Неуклонно возраставший разрыв распространился и на уровень жизни, социальную обеспеченность, качество медицинского обслуживания, систему образования, культуру. Отставание стран Центральной и Юго-Восточной Европы стало приобретать стадиальный характер.

В научной литературе всего предшествующего периода это обстоятельство замалчивалось. Более того, в пропагандистском духе в ней говорилось о больших успехах, достигнутых всеми этими странами по сравнению с довоенным периодом. Встает вопрос, насколько корректным в научном смысле может быть такое сравнение. Действительно, эти страны не стояли на месте, как и весь мир. Но динамика их развития наводит (и наводила!) на размышления. На первых порах централизация экономики и введение планово-административных форм управления принесли несомненные плоды, особенно в период послевоенного восстановления народного хозяйства и в ходе создания некоторых новых отраслей промышленности (связанных в значительной части с оборонными отраслями). Политика индустриализации привела к заметному росту физического объема производства, особенно в тяжелой промышленности, к увеличению выплавки чугуна и стали, добычи угля, производства электроэнергии и т. д.[2]. Эти достижения были расценены односторонне и вызвали известное «головокружение от успехов». Последнее не дало возможности глубже подойти к их анализу, в частности к уяснению того факта, почему рост производства не сопровождался соответствующим подъемом жизненного уровня населения. Далее, росту производства не сопутствовало повышение качества продукции. Последнее стало особенно заметно с начала 60-х годов, когда человечество вступило на путь научно-технической революции. И здесь сразу же обнаружилось отставание тех стран, которые называли себя «социалистическими». С того же времени стало заметным падение темпов роста производства. Ретроспективный взгляд показывает, что административно-командная система управления экономикой исчерпала все свои возможности. В то же время отсутствие обратной связи в рамках авторитарно-бюрократических режимов вело не только к количественному, но и качественному накоплению противоречий. Но их многочисленные проявления подавлялись системой либо списывались на козни враждебных сил. Результатом был застой, который на фоне быстрого развития остального мира стал перерастать в отставание, в откат, особенно заметный в новых отраслях и прогрессивных технологиях.

Очевидное экономическое и технологическое отставание, кризисное состояние всего народного хозяйства вызывали, конечно, беспокойство и у политического руководства стран социализма. Однако принимавшиеся меры по ускорению технического прогресса и усилению интеграции в рамках СЭВ не приносили результатов, хотя разговоров о них было немало. Уже к концу 70-х годов наметилась тенденция к превращению так называемого мира социализма во второстепенную экономическую и социально-политическую силу на мировой арене. Сильные позиции удерживались только в военно-стратегической области, да и то в основном благодаря военному потенциалу Советского Союза. Именно перспектива превращения во второстепенный фактор, которую прогнозисты предсказывали на середину — конец 90-х годов, побудила руководство ряда стран приступить к экономическим и политическим реформам. Однако попытки их осуществления в рамках авторитарно-бюрократических

[1] Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения» за 1989 год.

[2] Развитие экономики стран народной демократии. М. 1956; Экономика стран социалистического лагеря в цифрах, 1960 г. М. 1961; Мировая социалистическая система хозяйства. Т. 1. М. 1966; Экономика стран социализма: экономико-статистический справочник. М. 1969; Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М. 1970.

режимов не затрагивали их базисных структур и способствовали лишь дискредитации идей проведения реформ при таких режимах. Фактический провал этих попыток подвел общественность рассматриваемых стран к осознанию невозможности преодоления усиливавшегося всестороннего кризиса без полного устранения (демонтажа) сложившейся системы власти и управления.

Другим мощным катализатором революционных перемен в странах Центральной и Юго-Восточной Европы явилось то, что можно определить как национальный фактор. Его проявление сильно варьировалось в разных странах и зависело от национальных традиций, характера предшествовавшего, то есть довоенного, политического режима, уровня развития национально-освободительного движения против фашизма в годы второй мировой войны, обстоятельств прихода к власти коммунистических партий. Очевидная обусловленность форм утвердившихся там авторитарно-бюрократических режимов советским образцом сталинского покроя сопровождалась, как правило, ущемлением чувств национальной гордости. В том же направлении оказывали воздействие политические ошибки и бестактные действия советского руководства или советских представителей в этих странах (как это было, например, после разрыва советско-югославских отношений в 1948 г., в ходе последовавших показательных судебных процессов по образцу предвоенных московских, и т. д.).

В свою очередь, руководство правящих компартий, догматически перенимая советский опыт, вносило немалую лепту в советизацию местных режимов. Все это порождало в более или менее широких слоях общественности постоянное ощущение, что существовавший там строй навязан им извне. Отсюда проистекало чувство «сателлита», то есть урезанного национального суверенитета. Сложившаяся практика отношений укрепляла такие убеждения. Указанная практика была характерна не только для сталинского, но и для всего послесталинского периода. Примерами служат военные вмешательства в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 году. Идеологическое обоснование этих действий фактически оправдывало применение силы в отношениях между социалистическими странами. Обоснование военного вмешательства в чехословацкие дела, ныне осужденного всеми его участниками, получило наименование «доктрины Брежнева», то есть доктрины ограниченного суверенитета. Она создавала постоянную угрозу применения силы в рамках социалистического содружества.

В таких условиях значительная часть общественности стран Центральной и Юго-Восточной Европы, сравнивая экономическое положение со своими соседями, развивавшимися в условиях другой социальной системы, невольно связывала воедино экономические и политические проблемы. Социально-политическая неудовлетворенность и ущемление национальных чувств оказывали однонаправленное воздействие.

Последнее обстоятельство смыкается с другой, уже упоминавшейся субъективной предпосылкой революций 1989 года. Речь идет о ряде острых внутриполитических конфликтов, каждый из которых становился в предшествующие десятилетия тяжким испытанием для авторитарно-бюрократических режимов, выдвигал им свою альтернативу. Особенно значимыми были конфликты в 1953 г. в ГДР, в 1956 г. в Венгрии и Польше, в 1968 г. в Чехословакии, а также ряд промежуточных конфликтов в Польше вплоть до кризиса 1980—1981 гг., который перерос в хронический и затянулся в скрытой форме до 1989 года. Каждый из этих кризисов расширял наши представления о сущности и характере авторитарно-бюрократических режимов, способствовал их дискредитации, накапливал те идейные сдвиги, которые предшествуют обычно политическим переменам, создавал негативный образ правящих коммунистических партий. Вместе с тем кризисы и конфликты в названных странах показали одну из причин стабильности их авторитарно-бюрократических режимов, а именно их принадлежность к такому блоку, как «социалистическое содружество», давление со стороны Советского Союза. Круг, таким образом, замыкался.

В то же время монополия политической власти правивших компартий, их неподотчетность народу разрушающе воздействовали на моральные и деловые качества руководящего слоя восточноевропейских стран. Он получал ряд необоснованных привилегий, погружался в коррупцию, кумовство, злоупотребления властью. Печально, что объектом для обоснованной критики явились лидеры этих стран. Так, например, Внеочередной съезд КПЧ в декабре прошлого года исключил из партии Г. Гусака и 32 других бывших руководителя высшего эшелона власти. В середине февраля 1990 г. новый состав ЦК КПЧ добавил к этому постановлению мотивировку — «за дискредитацию идей социализма». Под следствием за злоупотребление властью находятся ныне Т. Живков и Э. Хонеккер. Своей жизнью за совершенные преступления расплатились Н. Чаушеску и его жена Елена Чаушеску.

Начавшаяся в апреле 1985 г. перестройка в Советском Союзе приковала к себе внимание общественности стран Центральной и Юго-Восточной Европы, вызвала в ее среде симпатии. Сейчас, пожалуй, можно считать историческим фактом, что перестройка в СССР дала этим странам такой стимул в идеологическом и морально-политическом плане, который можно, в известной мере, сравнить с импульсом, полученным ими в 1956 г. под влиянием XX съезда КПСС с разоблачением на нем культа личности Сталина. Но тогда это была сенсация, проявившаяся в драматической форме. Теперь же и формы, и проявления были другими.

Длительность воздействия советской перестройки оказывала на народные массы указанных стран такое же влияние, порождала те же процессы, что и в советском обществе. Происходила быстрая политизация различных слоев населения, которая вела к выработке новых взглядов, новых оценок и самооценок, к осознанию реальностей на ином качественном уровне [3]. Наряду с появлением небольших групп публицистов и ученых, развивавших новые теории и раскрывавших ошибки (и преступления) в прошлом, численно росло и внимавшее им «молчаливое большинство».

Во всех этих странах стала постепенно назревать революционная ситуация «особого рода». Ее отличительной чертой было отсутствие политического механизма, способного уловить свидетельства назревавших внутренних конфликтов. Вновь авторитарно-бюрократический режим, лишенный обратной связи, не смог отреагировать адекватно на происходящие общественные сдвиги. Рост же оппозиционных настроений пытались привычно подавлять репрессивным аппаратом.

Наблюдая за процессами в Советском Союзе, общественность стран Центральной и Юго-Восточной Европы ожидала, что политическое руководство этих стран пойдет тем же путем. Частично такие ожидания оправдались лишь в Венгрии и Польше, где развитие событий приняло, однако, другой характер, чем в СССР, а именно — переход правивших там компартий к парламентской модели развития, то есть к отказу от монопольной власти и признанию альтернативных политических сил. Такому развитию предшествовала долгая политическая борьба как в руководствах правящих партий, так и за их пределами. В Польше

---

[3] Подобное воздействие проявилось очень скоро и было сразу же отмечено в западной политической литературе (см.: Südosteuropa in der Ära Gorbatschow. Auswirkungen der sowjetischen Reformpolitik auf die südosteuropäischen Länder.— Südosteuropa Aktuell, Hf. 2, München. 1987).

в результате кризисного развития 1980—1981 гг. и в последующие годы ПОРП и все общество претерпели серьезные изменения. В ходе развития событий подвергались переоценкам история социалистических преобразований, постулаты политического и экономического устройства, вынашивались идеи необходимости плюрализация, демократизации, рыночной экономики. Реально сформировавшаяся многопартийность, наличие такого мощного оппозиционного движения, как «Солидарность», и реальное присутствие в политической жизни католической церкви с ее моральным авторитетом привели в конечном итоге к идее достижения общественного компромисса (по нынешней терминологии — консенсуса). На основании собственного опыта правившая ПОРП пришла к выводу о необходимости социалистического плюрализма[4]. Именно по ее инициативе 6 февраля 1989 г. открылись заседания «круглого стола», за которым встретились представители правящих кругов и оппозиции. Достигнутые там соглашения стали возможными на основе признания принципов парламентской демократии и гражданского общества, что создало базу для проведения глубоких политических реформ.

В Венгрии события развивались в других формах. Здесь уже с 1986 г. развернулась широкая критика застойных явлений в обществе, стали раздаваться голоса о необходимости кардинальной экономической реформы. Сторонником последней выступило и правительство К. Гросса, сформированное в июне 1987 года. Темпы развития резко ускорились после того, как на Всевенгерской конференции ВСРП в мае 1988 г. было сменено все старое руководство, и партию возглавило новое Политбюро во главе с Гроссом, И. Пожгаи и Р. Ньершем. Одновременно пришли в движение различные общественные слои, в первую очередь интеллигенция. В научных кругах получили развитие идеи создания новой модели социализма, отличной от системы сталинского типа, стали выдвигаться проекты экономической реформы[5]. Началось бурное формирование альтернативных общественных организаций, политических движений и партий. На рубеже 1988—1989 гг. в парламенте и за его пределами активно обсуждался вопрос о необходимости многопартийной системы в стране.

Крупной вехой политической жизни стал Пленум ЦК ВСРП в феврале 1989 г., на котором произошла коренная переоценка событий 1956 г. в Венгрии, а также был зафиксирован отказ от гарантированной конституцией ведущей роли партии в обществе. Весной 1989 г. по польскому образцу начались заседания «круглого стола», на которых ВСРП встретилась с представителями оппозиционных партий и групп. В июне их работа завершилась соглашением, которое ставило задачи создания парламентской демократии, правового государства, коренной реорганизации ВСРП. Проведенный в ноябре 1989 г. плебисцит наметил проведение в 1990 г. выборов в новый парламент на многопартийной основе, который, в свою очередь, изберет президента страны.

События в Польше и Венгрии приняли, как видим, эволюционный по своей форме характер, но не по темпам развития. Их поистине революционное содержание в процессе социального обновления было уловлено всеми наблюдателями, особенно в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Они четко зафиксировали, что решающий

[4] О глубине эволюции, которая произошла с польскими коммунистами, можно судить, сравнив дискуссию М. Ожеховского с А. Шаффом (Ожеховский М. Спор о марксистской теории революции. М. 1986. Эта книга, опубликованная в Польше в 1984 г., явилась ответом на книгу А. Шаффа «Die kommunistische Bewegung am Scheideweg». Wien. 1982) с дискуссией о социалистическом плюрализме, достигшей апогея в 1988 году (о последней см.: Pluralizm socjaliatyczny.— Nowe Drogi, 1988, № 6; Uchwała X Plenum KC PZPR.— Ideologia i Polityka, 1989, № 1).

[5] Csikos-Nagy B. Ungarische Wirtschaftsreform und Sowjetische Perestrojka.— Österreichische Osthefte, 1989, № 1.

поворот произошел на рубеже 1988—1989 гг. и стал стержнем развивавшихся там событий в первой половине 1989 года. Последовавшие процессы (поражение ПОРП на выборах весной 1989 г. и реорганизация ВСРП с ее разделением на две партии) казались тогда потрясением всех основ, шокировали приверженцев авторитарно-бюрократического режима и носителей сектантско-догматического фундаментализма (в том числе и в Советском Союзе). Однако отсутствие с советской стороны реакции в духе «доктрины Брежнева» показало, что изменения в отношениях между СССР и другими социалистическими странами происходят не на словах, а на деле.

Многие руководители этих стран настороженно наблюдали за процессами перестройки в Советском Союзе, событиями в Польше и Венгрии, видя в них угрозу своему положению (их реакция в этом плане напоминала отношение брежневского руководства к «пражской весне» 1968 г.). Внесли свою лепту, несмотря на их географическую отдаленность, и события в Китае — подавление летом 1989 г. вооруженной силой студенческих демонстраций на площади Тяньаньмынь в Пекине. У руководителей отдельных стран Центральной и Юго-Восточной Европы они создали иллюзию возможности повернуть события вспять. В народных массах реакция была обратной. Сходство условий способствовало появлению обостренной реакции на все события, происходившие в других социалистических странах. Такая реакция порождала порой несовместимые действия. Видимо, не случайно в январе 1989 г. вспыхнула «таможенная война» среди стран — участниц СЭВ. Авторитарно-бюрократические режимы в некоторых странах, ощущая угрозу своему существованию, попытались привычно сплотить свои ряды. В результате весной 1989 г. замаячили контуры так называемого антиперестроечного блока (как его окрестила западная пресса) во главе с Хонеккером, Якешом — Гусаком, Живковым, Чаушеску. И именно в этой группе стран произошли наиболее бурные события, которые называют теперь демократическими революциями.

Для научно-обоснованного подхода к вопросу о движущих силах революций 1989 г. следует в первую очередь учесть те изменения в социальных структурах, которые произошли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы за 45 лет послевоенного развития. За этот срок сменились два поколения. Изменились облик и соотношение удельного веса рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Исчезла буржуазия. Появились новые слои, рожденные в результате развития производительных сил. Вырос удельный вес средних слоев, а также лиц, занятых в инфраструктуре. Как следствие этих изменений сложились общества с совершенно иным социально-политическим обликом, чем полвека тому назад[6]. И во всех слоях этого общества недовольство, накопившееся за годы господства авторитарно-бюрократических режимов, подошло к опасной взрывной черте. В его основе лежало тотальное отчуждение практически всех слоев (исключая правящий) от власти и от собственности (хотя последнее и не было столь тотальным, как в СССР, если учесть особенности их сельского хозяйства и решение вопросов о собственности на землю). Отсутствие гибкости политического руководства этих стран не дало возможности перевести назревающий взрыв в режим управляемой реакции.

Ситуация, складывавшаяся в Болгарии, Чехословакии и ГДР, имела много общего. Однако известную однотипность им придала позиция руководства их правящих партий, либо отказывавшихся вообще

[6] Об изменениях социально-классовой структуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы см.: Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы. М. 1987; Классы и социальные слои: исторические судьбы (СССР и страны Восточной Европы). М. 1990.

идти на какие-либо реформы (такое положение, помимо ГДР, было характерно для Румынии, в которой существовавший режим отличался особой догматичностью), либо имитировавших действия по проведению назревших преобразований [7]. Для всех них было присуще четко наметившееся отставание партии от происходивших в обществе процессов. Повсеместно, начиная с 1988 г., стали возникать неформальные организации. Так, в Болгарии возник «Независимый союз по охране прав человека», экологическое общество в г. Русе, а в Пловдиве — независимый профсоюз «Подкрепа» и «Движение 24 мая» (день национального праздника болгарской культуры и славянской письменности). В основном они состояли из представителей интеллигенции. Общим для всех этих групп было стремление к ограничению (в разной мере) руководящей роли БКП, изменению внутренней и внешней политики страны. Болгарское руководство расценило их как антикоммунистические, антисоциалистические и даже террористические [8] и ответило репрессивными мерами (хотя последние и не приняли крайних форм и массовых масштабов).

В Чехословакии после отставки в декабре 1987 г. с партийных постов Гусака и прихода нового руководства КПЧ во главе с М. Якешем резко активизировалась общественная жизнь. Начались дискуссии о новой политико-экономической модели страны, о новой конституции ЧССР [9]. Однако руководство КПЧ не спешило с осуществлением реформ. Обсудить их концепции оно намеревалось на очередном съезде партии, собрать который решило досрочно, на год раньше обычного, в мае 1990 г. (такое решение было принято на XII Пленуме ЦК КПЧ в декабре 1988 г.). Вместе с тем руководство КПЧ отказывалось от пересмотра прежних критических оценок событий 1968 г. и неизменно подчеркивало руководящую роль партии в обществе. Такие установки шли вразрез с быстрой политизацией страны. Характерной особенностью Чехословакии было наличие в ее общественной жизни политической оппозиции, которая охватывала как большинство участников событий 1968 г., так и другие слои, примкнувшие к ней позже. Она находилась в летаргическом состоянии, хотя после образования политической группы, получившей название «Хартия-77», несколько оживилась. Положение изменилось в 1988 году. Активизировавшиеся оппозиционные силы перешли к решительным действиям. Внешним их проявлением стали демонстрации в Праге и других городах в августе (в связи с 20-летием введения в Чехословакию войск стран Варшавского Договора), в конце октября (в связи с празднованием 70-летия образования независимой Чехословакии) и в январе 1989 г. (20-летняя годовщина самосожжения Яна Палаха). На фоне быстрого роста политической напряженности стали ясно проступать черты революционной ситуации.

Близкое, по существу, положение складывалось и в ГДР, хотя оно имело свои особенности. Последние заключались в том, что многие лица, утратив надежды на внутренние изменения в стране, стали связывать свои расчеты на будущее с переселением в ФРГ. Возросла волна беженцев. В январе 1989 г. было зарегистрировано 400 тыс. заявлений на выезд. О росте оппозиционных настроений свидетельствовала и первая несанкционированная демонстрация в Лейпциге 15 января 1989 года [10]. Но руководство СЕПГ продолжало линию пропаганды собственных успехов и выступало время от времени с критическими замечаниями по поводу процессов, происходивших в других странах, особенно в Польше и Венгрии [11].

Обстановка в Румынии определялась диктатурой Чаушеску, действовавшей в духе чисто сталинских традиций. Но даже здесь выступление ряда бывших политических деятелей — «письмо шести», обнародованное в начале 1989 г. и содержавшее резкую критику состояния дел в стране, показывало напряженность обстановки. О том же свидетельствовало принявшее массовый характер бегство граждан венгерской и румынской национальностей за пределы страны: к марту 1989 г. примерно 30 тыс. человек скопилось на территории Венгрии и примерно такое же число беженцев проследовало в другие европейские страны.

Цепная реакция революционных взрывов свидетельствовала о тесной связи происходивших в разных странах однонаправленных процессов и о близости их положения. Они свидетельствовали об общем кризисе, охватившем авторитарно-бюрократические режимы в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Начало им положили события в ГДР. В начале сентября 1989 г. проблема переселенцев и беженцев выплеснулась там на улицы городов. Особенно массовые манифестации прошли в Лейпциге. 10—11 сентября 1989 г. правительство Венгрии после безуспешных переговоров с властями ГДР приняло решение открыть границу с Австрией для скопившихся на венгерской территории «туристов» из ГДР, требовавших выезда в ФРГ. Только за первые три дня границу пересекло более 15 тыс. человек. В этих условиях празднование в Берлине 40-летия образования ГДР переросло в массовые контрдемонстрации. Их разгон полицией привел к росту движения, к демонстрациям протеста в других городах. Последовавшие события привели 18 октября к освобождению Хонеккера от занимаемых им постов. Дальнейшее развитие массового движения, властно вторгавшегося в процесс принятия политических решений, привело к открытию в ночь с 9 на 10 ноября 1989 г. границ ГДР с Западным Берлином и ФРГ. Падение «берлинской стены» знаменовало новый выход «германского вопроса» на международную арену. Последующая смена руководства как государства, так и СЕПГ была отражением новой расстановки политических сил в стране, новых концепций дальнейшего развития и новой модели партии.

Зревшие противоречия в Болгарии, где отсутствовали традиции массовой оппозиции существовавшему режиму, прорвались на Пленуме ЦК БКП, который 10 ноября 1989 г. отстранил Живкова от занимаемых постов и положил начало революционным преобразованиям. Последовавшее включение в революционный процесс широких масс, начавшееся формирование политических партий и течений придало событиям характер демонтажа авторитарно-бюрократического режима. Ликвидировав политическую монополию БКП, эти события знаменовали собой новый этап развития страны.

«Бархатная революция» в Чехословакии началась с разгона студенческой демонстрации в Праге 17 ноября 1989 года. Действия полиции вызвали забастовку студентов, а с 21 ноября начались массовые демонстрации в Праге. В тот же день был создан «Гражданский форум», объединивший все оппозиционные силы в чешских землях, и «Общество против насилия» в Словакии. Попытки властей осудить демонстрации не имели успеха. Оппозиционные силы выдвинули развернутую программу смены государственного и партийного руководства, выступили за дальнейшие социально-экономические преобразования. После попытки реорганизации старого правительства 10 декабря было создано новое правительство М. Чалфы. Вслед за последовавшей тогда

---

[7] Интересные наблюдения о положении в этих странах содержатся в книге польских авторов, доводящих изложение событий до лета 1989 г. (см.: Procesy przemian politycznych i ekonomicznych w krajach socjalistycznych. Warszawa. 1989).

[8] Работническо дело, 7.II.1989.

[9] См., напр., Gerloch A., Pitrova L. Urychleni rozvoje československé společnosti a problémy jejicho politického systemu.— Právník, 1988, № 5.

[10] Procesy przemian politycznych.., s. 158.

[11] Berliner Zeitung, 27.II.1989; Neues Deutschland, 27.II, 9.III.1989.

же отставкой Гусака в конце декабря президентом ЧССР был избран Вацлав Гавел. Начался процесс демонтажа старой системы [12].

Если в ГДР, Болгарии и Чехословакии бурные события не сопровождались кровопролитием и проходили в цивилизованных формах, то в Румынии они приняли другой характер. Они начались с карательных действий правительственных сил, зверски подавивших оружием выступление граждан венгерской и румынской национальностей в г. Темишоара. Многочисленные жертвы и закрытие властями румынских границ только подогрели обстановку. 20 декабря 1989 г. волнения перекинулись в Бухарест. Правительственная демонстрация силы не принесла успеха. Последующие дни были заполнены ожесточенными столкновениями демонстрантов с силами государственной безопасности (секуритате). Массовое движение возглавил Фронт национального спасения (ФНС). Захваченные Н. Чаушеску и его жена Елена были преданы суду военного трибунала и 25 декабря 1989 г. расстреляны. Победа революции стоила многих жертв.

Революции были делом народных масс. Многосоттысячные демонстрации на улицах и площадях Праги и Берлина, Лейпцига и Софии, самоотверженность молодежи, поднявшейся на борьбу в Бухаресте, Темишоаре и других городах Румынии, предрешили их исход. Активное участие в событиях студенческой молодежи, а также других слоев населения характерно для всех стран. В то же время успех этих революций вряд ли правомерно относить на счет одних только стихийных выступлений. В них присутствовала и определенная организация. Вопрос о политической организации революций конца 1989 г. нуждается в тщательном изучении, ибо пока он во многом не ясен. Очевидно лишь, что авангардную роль здесь сыграли те слои, которые являются наиболее активными в современной социальной стратификации — учащаяся (особенно студенческая) молодежь и интеллигенция.

Основным лозунгом народных масс в ходе революционных выступлений были требования демократии и ликвидации монополии правящих компартий на власть как ядра авторитарно-бюрократических режимов. И эта задача была в основном решена. Власть перешла из рук партийно-государственного исполнительного аппарата в руки представительных органов управления, а формы такого перехода в каждой стране очень разнообразны. В Польше, Венгрии, Чехословакии средоточием новой власти стали парламенты, что сопровождалось бурным ростом альтернативных политических организаций, созданием внеконституционных структур гражданского общества, которые стали гарантами необратимости происшедших перемен. Близкие по форме процессы характерны и для ГДР, при несколько большей роли исполнительных органов государственного управления. Все органы власти в ГДР оказались поставленными под общественный контроль.

Несколько иная динамика политических процессов наблюдается в Болгарии, где программу демократических преобразований выдвинула БКП. Однако намеченный ею демонтаж авторитарно-бюрократического режима только начинается. В стране происходит формирование различных политических партий и групп, находящихся в оппозиции к БКП, власть которой постепенно теряет исключительно монопольный характер.

Особняком стоят события в Румынии, где в результате народного восстания в декабре 1989 г. рухнула вся прежняя партийно-государственная структура. Исчезли с политической арены компартия, а также охранно-репрессивный аппарат. Возникшие временные органы власти во главе с ФНС в значительной степени опираются на армию, ставшую на

[12] Kronika Sametové revoluce. I—II. Praha, 1990.

сторону народа. В начале февраля 1990 г. ФНС был реорганизован под давлением образовавшихся в стране оппозиционных партий в «политическую формацию», то есть в партию с правом участия в предстоящих всеобщих выборах. Одновременно был создан временный Совет национального единства (СНЕ), в котором половину мест получил ФНС, а другую половину составили представители оппозиции. СНЕ стал тем самым временным исполнительным органом в стране. Положение в Румынии продолжает оставаться нестабильным, а экономические трудности только усиливают его.

Революции 1989 г. заставляют более глубоко задуматься над сущностью авторитарно-бюрократических режимов. Если начать с того, что сейчас выдвигается на передний план, а именно — с человека, то как раз в этих системах отчуждение человека от власти, от собственности, от всего того, что составляет ядро современной цивилизации, ее завоевания,— приняло наиболее яркие формы.

Была ли это уникальная система власти или она имела каких-то предшественников? Единственную параллель в истории, с точки зрения организации власти, представляют древние деспотии Востока. Что роднит эти два типа столь разного общественного устройства, дает повод для сравнения? Это две триады власти, лежащие в основе каждой из них. Условно их можно назвать триадой горизонтальной и триадой вертикальной. Горизонтальная триада — это сосредоточение в одних руках (пусть это будут даже и коллективные руки) трех видов власти — политической, экономической и идеологической. Исходя из этой триады, развилась и другая, ей подчиненная, когда в тех же руках сосредоточиваются все три вида политической власти — исполнительная, законодательная и судебная. Обе эти триады взаимодействуют друг с другом и образуют жесткое сцепление, где каждый элемент усиливает все другие и, в свою очередь, опирается на них. Это не простая сумма элементов, а именно их система. В первой триаде каждая из сторон треугольника, усиливая две другие, придает конструкции особую жесткость. Каждая из составляющих ее видов власти носит монопольный характер. В современных условиях эта триада скрепляется функционированием единого партийно-государственного аппарата, который распространяет свои властные функции и на вторую триаду, соединяя в своих руках исполнительную, законодательную и судебную власть. Сцепка этих двух триад пронизывает всю систему общества сверху донизу, на всех уровнях, и придает партийно-государственному аппарату черты аппарата особого типа. Анализ скрытой внутренней структуры авторитарно-бюрократического режима дает повод утверждать, что его становление было шагом назад в развитии общества. Существование двух взаимосвязанных триад власти нуждается, видимо, в дополнительном историческом осмыслении.

В истоках становления авторитарно-бюрократических режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы лежали идеологические и политические установки, выработанные в рамках мирового коммунистического движения и впервые реализованные в Советском Союзе. В целом их можно охарактеризовать как сектантско-догматический фундаментализм. Отличительными чертами этого исторического явления были: 1) крайняя нетерпимость к любым другим взглядам за исключением своих собственных, убежденность в монополии на истину, догматизация марксизма и религиозное отношение к нему; 2) левацкий экстремизм политических установок и готовность к свершению политической революции с тем, чтобы потом, используя государственную власть как рычаг, преобразовать общество в соответствии с имеющимися теориями; 3) установка на собственную исключительность и отрицание так называемого буржуазного права, морали и общечеловеческих ценностей, выдвижение вместо них сектантски понятой революционной целесооб-

разности; 4) сама структура и организация компартий сложилась в подполье не в качестве движений, действующих в рамках гражданского общества и в целях политической борьбы, а в качестве политического аппарата с военизированной дисциплиной, нацеленного на взятие и доктринальное использование власти. В этом пункте в скрытой, неосознанной форме изначально заключалась претензия на монопольное обладание властью после ее захвата.

Сегодня в странах Центральной и Юго-Восточной Европы отчетливо прослеживается процесс демонтажа двух триад власти, созидательной задачей которого является построение правового государства. Этот процесс начался с ликвидации монопольного положения правящих партий, а точнее — монополии их руководящих группировок на власть. Под давлением суровой реальности мучительный переход этих партий на позиции политического плюрализма сочетается в идеологическом плане со столь же мучительным отказом от сектантско-догматического фундаментализма. Процесс этот в разных странах идет разными темпами. Но в целом он выглядит как тенденция к социал-демократизации, будь то с переименованием партий или пока без него, и выражается в таких действиях, как изменение структуры их руководящих органов, пересмотр организационных принципов, радикальные изменения представлений об их месте в обществе. Социал-демократизация коммунистических партий по своей сути является их дебольшевизацией. Все это влечет за собой далеко идущие последствия. В тех странах, где имеет место реальное преодоление идеологической и политической монополии, наблюдается наряду с этим и отказ от господствующего положения государственной формы собственности. Таковы реалии демонтажа первой триады.

Но наибольшие изменения видны во второй триаде. Там, где произошло отстранение коммунистических партий от монопольного положения в политической жизни, это повлекло выведение из-под партийного контроля в первую очередь правоохранительных и репрессивных органов, армии, а также быстрый демонтаж всей прежней структуры государственного устройства.

Каковы же сейчас тенденции развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы? Революционными событиями охвачены все страны, хотя различия в характере и темпах происходящих там преобразований весьма значительны. И здесь не следует забывать, что первыми на этот путь вступили те из них, где в прошлом было наибольшее количество кризисных ситуаций. Имеются в виду Польша и Венгрия. Столкнувшись раньше других с суровой реальностью и накопив известный опыт, они первыми встали на путь поиска неординарного выхода из тяжелого кризиса. Это придало событиям в них более уравновешенный, эволюционный характер.

Отношение СССР к событиям в этих двух странах в течение 1988 и особенно в первой половине 1989 г. было неровным. Хотя было ясно, что они также пошли по пути перестройки, но отличия их перестройки от нашей сразу же вызвали в советских руководящих кругах, а еще более — в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы настороженность, ибо затронули основные несущие конструкции авторитарно-бюрократических режимов. Лишь на фоне последующих событий конца 1989 г. стало очевидным, что под давлением объективной ситуации компартии этих стран первыми сделали практические выводы из осознания назревших и неизбежных перемен.

В целом от такого развития выиграло государство, хотя компартии потеряли в Венгрии и Польше свою прежнюю руководящую роль, что ставит вопрос о приоритете государственных интересов над партийными. Развитие событий выявило еще один аспект перестройки политической системы, о которой в Польше говорили так: во всех учебниках научного коммунизма развивались только мысли о том, как надо взять

власть, но нигде не было сказано ни слова о том, как можно избавиться от монопольной власти.

Наиболее радикальные изменения происходят сейчас в Чехословакии и ГДР, где в конце 1989 г. произошли мирные, бескровные революции. В ГДР развитие событий осложняется национальным вопросом, то есть вопросом о германо-германских отношениях, что придало им значение, выходящее далеко за рамки одной страны. Выход на политическую арену новых общественных течений и изменение роли существовавших там прежде так называемых союзнических партий, бывших ранее послушными придатками коммунистов, создало обстановку реального политического плюрализма. Выборы, состоявшиеся 18 марта в ГДР и 25 марта 1990 г. в Венгрии, показали отсутствие массовой поддержки у политических сил, ставших наследницами их компартий. ПДС в ГДР собрала примерно 16% голосов, ВСП в Венгрии — около 12%, тогда как ВСРП (сохранившая прежнее имя) — около 4%. Конечно, дали о себе знать и маятниковый характер развития общественного мнения, и воспоминания о недавнем прошлом. Но социалистические партии и течения, сохранившие социал-демократические традиции, также не привлекли на свою сторону большинство избирателей. Это сделало нереальными расчеты на возможность создания блока левых сил. Наибольший успех сопутствовал консервативным и традиционным партиям и течениям с сильной национальной окраской. И хотя они тоже не получили абсолютного большинства, именно в их руках сейчас находится политическая инициатива, именно они зададут тон дальнейшему курсу политического развития.

В Болгарии и Румынии развитие пошло по противоположным направлениям. Если в Болгарии начавшийся и относительно продвинувшийся пересмотр идеологических и организационных структур прежней системы ввел развитие событий в русло до сих пор управляемой реакции, то в Румынии революция приняла кровавый характер и сопровождалась многочисленными жертвами. Там коммунисты оказались лишенными возможности выступать под собственным знаменем и участвовать в политической жизни страны. Они не могут рассчитывать даже на положение оппозиционной партии, настолько скомпрометированными оказались здесь идеи социализма.

Несмотря на значительные различия внешних проявлений и форм революционных событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 г., они воспринимаются общественным мнением у нас в стране и во всем мире не разрозненно, а как единый процесс, обладающий рядом общих черт, что позволяет говорить о его типологии. Такой подход имеет полное право на существование, поскольку эти события обладают широким спектром существенных общих признаков и черт. О том же — об общности причинно-следственных связей — говорит и цепная реакция воздействия событий в одной стране на положение в других странах. Фактически такого явления в Европе не наблюдалось с середины XIX в., с революции 1848 г., когда революционный пожар (в мирное время!) перекидывался с одной страны на другую по всему континенту. Теперь же революциями была охвачена вся Восточная Европа.

Революции 1989 г. оказали непосредственное воздействие на такие явления, которые мы обозначали терминами «мировая социалистическая система» и «содружество социалистических стран». То, что именовалось «социалистическим содружеством», очевидно, больше не существует. Но союзные или просто добрососедские связи со странами Центральной и Юго-Восточной Европы у Советского Союза должны сохраниться. Кардинальный перелом в характере межгосударственных отношений СССР с этими странами наступил после апреля 1985 года. В ходе перестройки Советский Союз отказался от идеологизации этих отношений,

от патернализма и других привнесенных элементов, от навязывания другим своих мнений и решений, отмежевался от «доктрины Брежнева». Тем самым советская дипломатия удалила все то, что искажало образ нашей страны, придавало двусмысленность отношениям с руководителями союзных государств. Теперь в отношениях этих государств получают полный простор для своего проявления демократические нормы международного права в их полном объеме.

С этих позиций и следует говорить об эволюции Варшавского Договора (ОВД) как военно-политического блока. Можно, пожалуй, констатировать, во-первых, его деидеологизацию и невозможность впредь функционирования Политического консультативного комитета в старом виде. Практика «партийной дипломатии», когда отношения между правящими коммунистическими партиями считались «ядром» международных отношений «нового типа», уходит в прошлое. Видимо, этот политический орган ОВД подвергнется коренному преобразованию.

Не меньшие перемены будут, очевидно, происходить и в военной структуре ОВД. Об этом можно судить, в частности, по уже решенному на договорной основе вопросу о выводе советских войск из Венгрии и Чехословакии. Их вывод уже начался. Наконец, встает вопрос, что будет с таким явлением, которое мы в прошлом обозначали понятием «согласованный внешнеполитический курс стран социалистического содружества». Очевидно, что в прежнем своем виде оно также исчезает. А общая позиция стран ОВД по внешнеполитическим проблемам будет, возможно, вырабатываться на основе консенсуса.

Интересная трактовка политического значения и будущего развития Варшавского Договора дана в совместной Декларации М. С. Горбачева и В. Ярузельского в апреле 1990 года: «Советский Союз и Польша будут содействовать трансформации нынешних военно-политических союзов в качественно новую внеблоковую систему надежной коллективной безопасности в Европе. До тех пор, пока не созданы новые структуры общеевропейской безопасности, Варшавский Договор остается важным фактором мира и стабильности в Европе»,— заявили президенты СССР и Республики Польша [13].

Если учесть, что революционный взрыв в ГДР поставил вновь в разряд актуальных германский вопрос, то есть вопрос об объединении двух германских государств, то нетрудно представить картину внешнеполитических перемен на всем европейском континенте, которые вызвали революции 1989 года [14]. Новые контуры приобретает так называемый хельсинкский процесс. Мощный импульс придан проблемам разоружения, сокращения присутствия иностранных войск на территориях европейских стран. Идеи «общеевропейского дома» завоевывают новых сторонников.

Один из важнейших практических вопросов в отношениях СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы — их экономические связи. Во всех странах начинается процесс экономических реформ, неотделимый от поисков ими своего места в мировом хозяйстве. Проходившее в январе 1990 г. в Софии 45-е заседание сессии СЭВ пришло к выводу о необходимости глубокой перестройки экономических отношений входящих в него стран. Встают проблемы будущих отношений стран СЭВ с Европейским экономическим сообществом, «Общим рынком» и преодоления известной изолированности этих стран от мировой экономики.

---

[13] Декларация Президента СССР М. С. Горбачева и Президента Республики Польша В. Ярузельского.— Правда, 15.IV.1990.

[14] Интересный анализ возможных изменений в Европе в связи с революцией в ГДР и перспективой объединения двух германских государств см.: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Umbruch in Osteuropa. Köln, Januar 1990.

Все очерченные выше тенденции находятся в процессе развития. Можно предположить, что вряд ли дело обойдется без новых осложнений, неожиданностей и взрывов. Здесь уместно напомнить слова В. И. Ленина: «Стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может» [15].

Осмысление происходящих в Центральной и Юго-Восточной Европе процессов выдвигает перед исследователями целый ряд конкретно-исторических и методологических проблем. К их числу относятся вопросы, связанные с исследованием процессов становления и долголетнего функционирования авторитарно-бюрократических режимов, то есть исследованием всего послевоенного периода в развитии этих стран, с 1944—1945 гг. и до наших дней. Необходимы новые акценты и в подходах к крупным методологическим проблемам.

Революции 1989 г. вновь возвращают нас к вопросу о роли переломных эпох в развитии народов. Обычно изучение таких эпох мы связывали с методологическими проблемами истории революций. Хотелось бы напомнить, что на предстоящем в конце августа 1990 г. в Мадриде очередном Международном конгрессе исторических наук одной из главных будет тема «Революции и реформы: их место в истории». В прошлом марксистская историография преувеличивала роль революций и недооценивала значение реформ. Видимо, сейчас надо внести соответствующие коррективы в их взаимосвязь и взаимозависимость. Революции 1989 г. показывают, что именно неспособность к реформам вызывает стихийные взрывы. Что касается реформ, то встает вопрос об их характере, масштабности и своевременности. Новые подходы к решению названных методологических проблем способны оказать существенное влияние на дальнейшее развитие советской исторической науки.

---

[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 393.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

Иеромонах Никон

Отправной точкой веры христиан является признание пришествия Господа Иисуса Христа в мир, Его Крестной смерти и Воскресения реальными и достоверными событиями истории, которые, располагаясь с другими событиями в одном ряду, придавали смысл всему этому ряду. «Рождение Христа,— писал Р. Дж. Коллингвуд,— разделит историю... на две части, каждая из которых отличается неповторимыми особенностями. Первая ее часть будет обращена в будущее, ее смысл — неосознанная, слепая подготовка к событию, которое еще не произошло. Вторая же часть ретроспективна, т. к. откровение Христово уже было дано людям»[1]. Итак, для христиан личность Иисуса Христа, реально и властно действующего как Спаситель человеческого рода, является центром истории. Это христоцентрическое восприятие истории открывает возможность согласования смысла истории, взятой как всеохватывающее целое, и смысла человеческого существования и каждой конкретной человеческой судьбы. «Христианская историография,— говорил один из выдающихся русских богословов XX столетия, протоиерей Георгий Флоровский,— будет пытаться раскрыть исторический ход событий в свете своего христианского знания о человеке»[2].

Церкви в христианском осмыслении и переживании истории отводится совершенно особое место. В Церкви происходит встреча человеческой и Божественной, священной истории и осуществляется творческая соинергия человеческого и Божественного начал, которая и является смысловой основой истории.

Церковная история в восприятии своего предмета основывается прежде всего на вере в то, что Церковь есть мистическое тело Христово. Церковная история поэтому отличается от других исторических дисциплин тем, что она является не просто исторической наукой, но есть одновременно и наука богословская. Предмет церковной истории — это Церковь Христова в ее историческом земном бытии, в ее возрастании во времени и пространстве. Истина в церковной истории добывается теми же способами, какими обретается всякая историческая истина.

Церковная история не есть «история христианства» — жанр, в котором особенно усердно подвизаются протестантские ученые, рассматривающие религию как чисто земное явление, ни тем более «история церковной идеологии» и «церковной организации», исследованием которой заняты советские историки. Учение Церкви, ее богослужение, ее иерархическое управление представляют для церковного историка предметы преимущественного изучения. Однако, рассматривая проявление в истории действия божественных сил, церковная историография не отказывается от изучения естественных причин и условий, влияющих на события церковной жизни. Главное все же в том, что «история Церкви представляет, с одной стороны, Бога в самом ближайшем отношении к человечеству, с другой стороны — человека в самом высочайшем из его стремлений. Насколько выше в человеке религиозное стремление всякого другого, настолько же превосходит и история его другие»[3].

С изложенных выше позиций по вопросу о характере и особенностях христианской историографии как таковой, и церковной истории в частности, и рассматривается ниже предыстория возникновения Русской Православной Церкви.

Русская церковная история открывается повествованием о том, как за несколько веков до начала своего существования Русская церковь получила апостольское благословение от первозванного Христова ученика, св. Андрея. Это сказание содержится в «Повести временных лет», во вводной ее части, предшествующей погодовым записям, следом за повестью о происхождении славян и их расселении по Восточной Европе. Летописец повествует: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим и проплыл в устье Днепровское и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, и будет великий город и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел... Те, кто слышал об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп»[4].

О времени составления этого сказания и включении его в летопись среди историков существовали весьма различные мнения. С. Ф. Платонов[5] и П. Н. Милюков[6] были склонны считать сказание произведением конца XV столетия, выражающим новую тенденцию русского национально-религиозного самосознания, когда проявилось стремление считать русское православие первенствующим по отношению к греческому. Другие авторы полагали, что «легенда об апостоле Андрее» попала в летопись сравнительно поздно, в конце XII или начале XIII в., основываясь на том в особенности, что ее нет в Новгородской первой летописи. Однако это доказательство не слишком убедительно, так как новгородский летописец мог не включить сказание именно по той понятной причине, что новгородцы оказываются выставленными в нем в смешном виде. А. В. Карташев указывает, что, исключая Новгородскую, оно вошло во все списки «Повести временных лет», а это значит, что оно сделалось частью летописного повествования ранее того момента, когда летопись Киевская как общерусская сменилась частными летописаниями различных концов русской земли»[7].

Иеромонах **НИКОН (ЛЫСЕНКО)** — преподаватель Московской духовной академии.

[1] Р. Дж. Коллингвуд. Идея истории. М. 1980, с. 50.
[2] Г. Флоровский, протоиерей. Задачи и цели христианского историка. В кн.: Христианство и культура. Загорск. Рукопись, с. 66—67.
[3] Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV-го века до XX-го. СПб. 1903, с. 594—595.
[4] Повесть временных лет. Ч. I. М.—Л. 1950, с. 207—208.
[5] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг. 1915, с. 171—172.
[6] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. II. СПб. 1902, с. 23—24.
[7] Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. Париж. 1959, с. 48.

Некоторые современные исследователи склонны видеть в летописном сказании об апостоле Андрее «фальсификацию», на создание которой «подтолкнули» летописца определенные политические события [8], или как легенду, «сконструированную очень направленно» для «идейного укрепления» Русской церкви [9]. Для обоснования этого мнения используется довольно любопытная аргументация: «Христианское вероучение в I в. н. э. представляло собой, по словам Ф. Энгельса, религию «рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных и рассеянных Римом народов». Однако в I в. н. э. славяне, или, вернее протославяне, жили первобытнообщинным демократическим строем, для которого не были характерны ни нищета, ни бесправие. Не были они тогда и покоренным или рассеянным Римом народом. Поэтому, даже если каким-либо проповедникам и вздумалось проповедовать у них христианство, эта проповедь не имела бы никакого успеха. Христианство еще не было освобождено от националистических пережитков, а потому и проповедь его среди неиудеев вряд ли вообще тогда получила широкое распространение... [Апостолы] вряд ли могли проповедовать учение Христа у язычников-протославян, живших в то время родовыми общинами и племенными союзами в «народоправстве» и не имевших никакой нужды в христианской религии» [10].

Утверждения эти опровергает практика миссионерской деятельности Церкви Христовой на всем протяжении ее истории. Как в апостольский век, так и во все последующие эпохи церковной истории, в том числе и русской, известны многочисленные примеры обращения в христианство язычников, живших родовым строем. Что касается утверждения о «националистических пережитках», якобы присущих христианству в I в. и препятствовавших проповеди его среди неиудеев, то достаточно вспомнить Апостольский Собор 51 г. в Иерусалиме, на котором св. апостол Петр «сказал: мужи и братья! вы знаете, что Бог от дней первых избрал из вас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали. И сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святого, как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их» (Деян. 15, 7—9) [11].

Пытаясь представить доказательство того, что повесть есть созиательная выдумка летописца, исследователь вольно или невольно подменяет фабулу самого сказания. Вспомним, что «Повесть временных лет» не называет св. Андрея основателем Христовой церкви на Руси, не упоминает даже о том, что он проповедовал здесь. Высокий смысл сказания в передаче свидетельства о пророческом благословении апостолом Киевской земли и утверждении на месте грядущего Крещения Руси св. Креста — символа спасения человечества во Христе. Слова летописца «яко же реша» («как говорят»), которыми он предваряет повесть, особенно значимы. Этими словами летописец [12], «честный Нестор», как справедливо назвал его в свое время автор первого в русской науке исследования о «Повести временных лет» А. Шлецер, явно дает понять, что сказание о хождении св. Андрея на Русь отнюдь не выдумано им.

Анализ сказаний о проповеди апостола Андрея в Греции, на Черноморском побережье Малой Азии и Кавказа, в землях Северного Причерноморья и Приазовья, известных по византийским и грузинским памятникам, показывает, что древнейшие их редакции могут быть датированы II в. [13], что, естественно, позволяет предполагать высокую степень их исторической достоверности. К числу этих источников, вероятно, можно отнести и греческую рукопись из собрания одной из оксфордских библиотек, в которой упоминается путешествие св. Андрея в страну антропофагов, традиционно локализуемую античными географами к северу от Тавра (то есть Крыма) [14]. Важны также свидетельства церковных писателей III—V вв. о разделении апостолами между собою уделов, где надлежало им проповедовать. Древнейшее из них содержится в сочинении св. Ипполита Римского (III в.), где говорится, что св. Андрей проповедовал Евангелие скифам и фракийцам. Аналогичные сведения приводят со ссылкой на Оригена отец церковной истории Евсевий (IV в.), св. Дорофей Тирский (IV в.), Епифаний Кипрский (403 г.) и другие [15]. В VIII—IX вв. в Византии создаются историко-агиографические сочинения, обобщающие материал обширной «святоандреевской» традиции. Один из сочинителей жития св. апостола Андрея, уже упоминавшийся Епифаний, даже предпринял путешествие по прибрежным странам Евксинопонта, чтобы собрать все известные здесь предания о св. Андрее [16].

Вполне понятно, что сказание о миссионерском путешествии св. Андрея по Греции и Причерноморью, об основании им епископской кафедры Византия и благословении Киевских гор в свое время и византийцами, и русскими использовалось как важный аргумент для доказательства апостольского достоинства своих национальных церквей. Однако утверждать только поэтому, что данные легенды были специально сфабрикованы для указанных целей греками в IX в., а русскими в XI—XII вв.,— значит поступать не только некорректно, но прежде всего недобросовестно в научном отношении. Несомненной натяжкой является, в частности, своеобразно аргументированное утверждение, что сказание о путешествии св. Андрея вверх по Днепру «должно было появиться» в качестве контраргумента византийскому «давлению по церковной линии» в связи с русско-византийским конфликтом 1116 года [17]. Карташев вполне резонно указывал, что «Византии самой нужна была легенда об апостоле Андрее в таком ее развитии. Нужно было, во-первых, оградить свою независимость от римских притязаний и доказать свою равноистинность Риму; во-вторых, обеспечить себе самой господство над всеми, по возможности, церквами Востока» [18].

Византийцы видели в апостольском благословении св. Андреем Греции и Руси божественное указание на общность их исторических судеб и необходимость союза, мира и дружбы между ними. Об этом говорит письмо Михаила VII Дуки великому князю Всеволоду Ярославичу, датируемое 1072—1073 годами. Император напоминает киевскому князю: «Научают меня священные книги и достоверные истории, что наши государства оба имеют один некий источник и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, что одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили

[8] Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М. 1988.
[9] Прошин Г. Второе крещение. В кн.: Как была крещена Русь. М. 1988, с. 56.
[10] Рапов О. М. Ук. соч., с. 63, 66.
[11] Здесь и далее ссылки на книги Нового завета даются в тексте статьи.
[12] Существует точка зрения, согласно которой преподобный Нестор не мог быть автором летописного сказания о св. Андрее потому, что в принадлежащем его перу «Житии св. Бориса и Глеба» говорится, что русские не знали апостольской проповеди. Сторонники этой гипотезы не обратили внимания на то, что в сказании «Повести временных лет» о св. Андрее о проповеди тоже ничего не говорится.

[13] Петровский С. Сказания об апостольской проповеди по северо-восточному черноморскому побережью. Одесса. 1898.
[14] Вопросу об антропофагах и других народах Севера, упоминаемых античными писателями, и возможностях отождествления их с протославянами, посвящена обширная литература. В наиболее детальном виде его рассматривает Б. А. Рыбаков в книге «Геродотова Скифия» (М. 1979).
[15] См. Макарий (Булгаков), митрополит. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира. СПб. 1868, с. 9—15.
[16] Карташев А. В. Ук. соч., с. 43.
[17] Рапов О. М. Ук. соч., с. 64.
[18] Карташев А. В. Ук. соч., с. 44—45.

в них слово Евангелия»[19]. Судя по тому, что император не считает необходимым называть имена самовидцев и возвестителей Божественной Истины, «одних и тех же» для Греции и Руси, можно предположить, что эта общность была для русских отнюдь не новостью.

Сказание о хождении св. Андрея по Днепру было, очевидно, известно на Руси гораздо ранее 1072 года[20]. Нет убедительных оснований полагать, что значение, которое в конце XI в. придается русским церковным сознанием апостольскому благословению Руси, связано исключительно с развитием дружественных отношений с Византией и перспективой заключения династического брака между братом византийского императора и дочерью киевского князя. Михаил VII Дука вскоре лишился власти. Несмотря на это, в 1086 г. Всеволод Ярославич закладывает церковь во имя св. апостола Андрея. При этой церкви возникает вскоре Свято-Андреевский монастырь, где принимает постриг и становится игуменьей дочь Всеволода, Анна (Янка). В 1089 г. Ефрем, епископ Переяславский, освятил выстроенный им в Переяславле каменный храм во имя св. апостола Андрея. Все это говорит о том, что к концу XI столетия память об особом покровительстве св. Андрея Руси была уже глубоко укоренена в представлениях русского христианского общества.

Еще менее оснований считать, что «андреевская легенда» представляла какой-то вызов русских Византии, была, как считают некоторые современные авторы, «направлена против греческой церкви и идейно укрепляла Русскую церковь». Как справедливо отметил М. Д. Приселков, «трудность возникновения» такой легенды состоит в невозможности без уязвления национального достоинства говорить о водворении христианства в Киеве или на Руси апостолом, т. к. это вело бы к мысли, что мы не сумели, восприняв свет Христов от апостола, удержаться в верности слову апостола, вынужденные потом вновь искать восприятия Христова учения»[21]. «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет» (Лк. 14, 11) — нет причин думать, что эта истина была чужда пониманию летописца. Дух превозношения совершенно чужд сказанию об апостоле Андрее, впрочем, как и всему летописному повествованию преп. Нестора. И уже совершенно неуместным для «легенды», предназначенной к использованию в качестве аргумента в сфере внешнеполитических и межцерковных отношений, представляется включение в нее шутливого описания новгородских бань.

Первое знакомство, о котором есть достоверные известия, населения Киевской Руси[22] с христианством произошло приблизительно через восемь веков после миссионерского путешествия св. Андрея. Как и его хождение, событию этому в «Повести временных лет» посвящена запись весьма знаменательная: «В год 6360, индикта 15, когда начал царствовать [в Константинополе] Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется в летописании греческом»[23]. Первое упоминание о Руси в византийском летописании было, следовательно, связано с набегом русов (росов) на Константинополь в царствование Михаила III.

[19] Цит. по: Васильевский В. Г. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу.— Труды. Т. 2. СПб. 1909.

[20] Погодин А. Л. Повесть о хождении ап. Андрея в Руси. В кн.: Byzantino-Slavica. Т. VII. Прага. 1937—1938.

[21] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб: 1913, с. 161.

[22] Утверждать, что население Приднестровья I в., с которым мог войти в соприкосновение св. Андрей, было славянским, тем более русским, как это делают некоторые авторы, мы находим излишне смелым.

[23] Повесть временных лет. Ч. I, с. 213—214.

О самом походе, создавшем Руси историческое имя, летописец повествует: «В год 6374. Отправились Аскольд и Дир войной на греков и пришли туда в 14 год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян и дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград. И возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, совершили много убийств христианам и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и с патриархом Фотием всю ночь молился в церкви Святой Богородицы во Влахерне. И вынесли они с песнями божественную ризу Святой Богородицы, и смочили в море ее полу. Была в то время тишина, и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны разметали корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой»[24].

Перевод приведенных летописцем дат от Сотворения мира на счисление от Рождества Христова затрудняется тем, что он использовал источники с датировками от Сотворения мира как по александрийскому, так и по иерусалимскому счислению, не приводя их между собою в соответствие. Первая дата (6360) может соответствовать 852 и 860 гг., но, как уже справедливо заметил Б. А. Рыбаков, ни один из этих годов не совпадает с началом царствования императора Михаила III (842—867). Вторая дата — 860 г. точно соответствует времени похода русов на Константинополь, рассказ о котором содержится в ряде источников[25]. К числу их принадлежит и Хроника Георгия Амартола, из которой летописец и взял описание похода, помещенное там под 6374 (то есть 866 или 874) годом[26]. Таким образом, точкой отсчета для русской летописи был избран год, когда языческая Русь «стала прозываться», сделалась известной в христианском мире благодаря чуду неведомого ей Бога, чью «силу, в немощи совершаемую», она испытала тогда на себе.

Когда на рейде Константинополя внезапно появились корабли «свирепого варварского народа рос», положение столицы империи было отчаянным. «Тогда мы, оставшись без всякой защиты и не имея от людей помощи,— повествует Фотий,— воодушевляясь надеждами на Матерь Слова и Бога нашего... Ея ризу носили все до одного со мною для отражения осаждающих и защиты осажденных, усердно совершали прилежное моление и литии... Носилась она вокруг этих стен и неприятели, непостижимо как, обращали свой тыл. Покрывала она город: и насыпь их обвалилась. Ибо, как только девственная риза эта обнесена была по одной стене, варвары сняли осаду города, и мы, избавившись от ожидаемого плена, сподобились неожиданного спасения»[27].

Рассказ о нападении «свирепого народа рос» на «царствующий град» и чуде ризы Богоматери содержится в ряде византийских источников. Это прежде всего цитированные выше гомилии «На нашествие росов» св. Фотия, патриарха Константинопольского, произнесенные — первая во время осады города, вторая — сразу после ее снятия, и его же энциклика 867 года. Византийские хроники X — XII вв., свидетельствующие о походе росов 860 г., могут быть разделены на две группы. К первой относятся хроники продолжателей Феофана — Скилицы, Кедрина, Зонары; ко второй — Симеона Логофета, Георгия Амартола, Феодосия Мелитинского, Льва Грамматика. Наиболее надежные, по мнению исследо-

[24] Там же, с. 217.

[25] Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства. В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М. 1958, с. 304.

[26] Рыбаков, однако, считает, что речь идет о двух разных походах — 860 и 866 гг., о чем подробнее см. ниже.

[27] Порфирий (Успенский), епископ. Четыре беседы Фотия, святого архиепископа Константинопольского и рассуждения о них. СПб. 1864, с. 23—25.

вателей, хотя и довольно краткие сведения содержатся в творениях св. Фотия и хрониках, составляющих первую группу. Все они повествуют о чуде, бывшем при погружении ризы Богоматери в воды моря. О том же свидетельствует и анонимная византийская хроника, опубликованная в конце XIX в. Ф. Кюмоном, в которой указывается точная дата нападения росов на Константинополь — 18 июня 860 года.

Продолжатели Феофана и Кедрин сообщают: «Испытавши таким образом гнев Божий, по молитвам управлявшего в то время церковью Фотия, росы возвратились в отечество, и спустя немного времени прислали послов в Константинополь просить крещения. Их желание было исполнено: к ним послан был епископ»[28]. Св. Фотий в своем окружном послании 867 г. возвестил о крещении росов всему христианскому миру. Вслед за описанием крещения Болгарии (865 г.) патриарх сообщает: «И не только этот народ [болгары] променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже многими многократно прославленные и в жестокости и в скверноубийстве всех оставляющие за собой, так называемые росы, которые... возомнив о себе высоко, подняли руку против Ромейской державы. В настоящее время даже и они променяли языческое нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную христианскую веру, с любовью поставив себя в чине подданных и друзей наших, вместо ограбления нас и великой против нас дерзости, которую имели незадолго перед тем. И до такой степени разгорелись в них желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобызают святыни христиан с великим усердием и ревностью»[29].

История крещения росов довольно подробно описывается в хрониках, в сочинении императора Константина VII Порфирогенита (919—959 гг.), посвященном жизнеописанию его деда, императора Василия I Македонянина, в хрониках Кедрина (XI в.), Зонары (XII в.) и, наконец, Михаила Глики (XIII в.). Император Константин писал: «И народ росов, воинственный и безбожный, посредством щедрых раздач золота, серебра и шелковых одежд, он [Василий I] привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил сделаться участниками спасительного крещения и расположил принять архиепископа, получившего рукоположение от патриарха Игнатия. Он [архиепископ], прибыв в страну названного народа, был принят им благосклонно». Далее приводится описание чуда, совершившегося по молитве архиепископа, под его воздействием варвары «без колебаний начали креститься»[30].

Данное свидетельство, по-видимому, противоречит известиям источников о крещении росов при императоре Михаиле III и патриархе Фотии. Это позволило некоторым исследователям построить гипотезу о нескольких крещениях росов, бывших между 860 и 877 годами[31]. Основой для этого служит ссылка на четыре записи о походе Руси на Царьград, имеющиеся в Никоновской летописи[32], а также соответствующие записи в «Степенной книге», в Хронографе западнорусской редакции 1512 г., в Густинской летописи и Мазуринском летописце. Рапов справедливо отметил, что «на эти летописные повести опереться нельзя», так как «они представляют собою довольно поздние подделки, в которых материал скомпилирован людьми, плохо представлявшими полный ход событий», причем налицо и явная тенденциозность компиляторов. Впрочем, это не помешало данному автору утверждать, будто Рыбакову удалось неопровержимо доказать, что в 60—70-е годы IX в.

[28] Цит. по: Макарий (Булгаков). Ук. соч., с. 212.
[29] Платонов Н. В. Патриарх Фотий. М. 1891, с. 143—144.
[30] Цит. по: Российкин Ф. М. Первое правление Фотия. Сергиев Посад. 1915, с. 280—281.
[31] Рапов О. М. Ук. соч., с. 100—101.
[32] ПСРЛ. Т. IX, с. 7, 8, 13.

русы предприняли, по крайней мере, три крупных похода на Византию: в 860, 866 и 874 годах[33].

Между тем «неопровержимое доказательство» Рыбакова[34] основано именно на интерпретации четырех недатированных записей Никоновской летописи о походе Аскольда и Дира на Константинополь как свидетельства о имевших место трех походах в разные годы. Считая третью запись свидетельством о втором походе, который имел якобы место в 866 г., Рыбаков, чтобы объяснить присутствие в повествовании о разных походах рассказа об одном и том же чуде ризы Богоматери, допускает, что «эпизод с бурей, неправильно включенный в описание похода 860 г., механически повторен и при описании похода 866 г. Поход этот был неудачен для Руси и, может быть, поэтому к нему и приурочили старую легенду о ризе Богородицы, вызвавшей бурю»[35].

Рапов, следуя версии о трех походах, идет еще дальше. Он пишет: «В период осады Царьграда русами в 860 г., патриарх Фотий вместе с другими церковниками и горожанами носил ризу вокруг городской стены, надеясь, что она воспрепятствует нападению русов на город. Тогда русы сняли осаду столицы и удалились от города, хотя, по словам Фотия, «от воли неприятелей зависело — пострадать ему или не пострадать». И далее Рапов пишет: «Возвышается человеколюбие неприятелей, так как город не взят по их милости». В 866 г. ситуация в какой-то мере повторилась. Русы опять осадили Константинополь. И снова Михаил III и патриарх Фотий провели всю ночь в молитвах в церкви Богородицы во Влахернах... Наутро риза вновь была извлечена из хранилища и конец ее был обмочен в море. И вдруг после этого произошло «чудо»... Заметим, что в период осады Царьграда русами в 860 г. ризу в море не опускали»[36].

Такое истолкование данных источников нельзя не признать весьма далеким от научной добросовестности. Прежде всего цитата из второй гомилии св. Фотия «На нашествие росов», которой подкрепляется утверждение о благополучном для росов исходе похода 860 г. и снятии ими осады по своей доброй воле, сознательно вырвана из контекста. В нем же эти слова св. Фотия звучали так: «Когда легко было взять его [Константинополь], а жителям невозможно защищать, то очевидно, от воли неприятелей зависело — пострадать ему или не пострадать... и сохранение его зависело от их великодушия». Когда же «Пречистая риза... Матери Божией кругом обтекала стены,— неприятели необъяснимым образом показали тыл; она ограждала город, и насыпь неприятелей разрушилась, как по данному знаку; приосеняла она осажденных и осада неприятелей не удалась, сверх чаяний, которыми они окрылялись»[37]. В беседе св. Фотия действительно нет упоминания о том, чтобы риза Богоматери была опускаема в море, но зато об этом факте прямо свидетельствуют источники, недвусмысленно датирующие поход росов и чудо Божьей Матери 860 г.,— хроника продолжателей Феофана, анонимная хроника, изданная Кюмоном, и ряд других.

Что же касается похода 866 г., то о нем нет упоминания ни в одном из византийских источников. Запись о походе 866 г. мы встречаем только в «Повести временных лет», притом с уточнением: «в 14-е лето Михаила цесаря». Что касается этого «уточнения», то ошибочность его очевидна, так как 866 г. не являлся 14-м годом царствования Михаи-

[33] Рапов О. М. Ук. соч., с. 82, 94.
[34] Оно содержится, кстати, не в монографии «Киевская Русь и древнерусские княжества», на которую почему-то делает ссылку Рапов, в в гораздо более ранней работе академика — «Предпосылки образования древнерусского государства».
[35] Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 808.
[36] Рапов О. М. Ук. соч., с. 84—85.
[37] Порфирий (Успенский). Ук. соч., с. 21—24; Ловьягин Е. Две беседы Святейшего Патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия росов на Константинополь.— Христианское чтение, 1882, № 9—10, с. 433—436.

ла III, если считать его начало как с 842 г., когда он был соправителем своей матери Феодоры, так и с 857 г., когда он стал царствовать единолично. Эта явная ошибка дает повод усомниться и в первой датировке, которая не имеет аналогий ни в одном источнике, кроме поздних русских летописей, воспроизводящих тот же рассказ «Повести временных лет». Совершенно очевидным представляется, что эта запись, а также первая и третья записи в Никоновской летописи (проанализировав которые Рыбаков и Рапов делают весьма спорный вывод о двух походах Руси на Царьград — в 860 и 866 гг.) в действительности являются описанием одного и того же похода 860 г., взятым из разных источников и помещенным в разных местах текста. К тому же буквальное повторение в связи с чудом ризы Богоматери одними и теми же лицами одних и тех же подробностей («снова провели всю ночь в молитвах в церкви Богородицы во Влахернах»), действий с одним и тем же результатом, который якобы «был запланирован церковниками заранее»[38], может происходить лишь в воображении исследователя, воспитанного в духе воинствующего атеизма, но не в действительности.

Мнения о том, что в 60-е годы IX в. имел место только один поход росов на Константинополь, во время которого и произошло чудо Божьей Матери, побудившее воинственных варваров отринуть свою языческую веру и просить крещения, придерживались многие исследователи[39]. Единственным затруднением являются противоречивые свидетельства хронографов и окружного послания патриарха Фотия, указывающие, что росы были крещены до 867 г., и данные Константина Порфирогенита и некоторых других источников, относящие их крещение к царствованию Василия I Македонянина и понтификату патриарха Игнатия, на основании чего сторонники гипотезы о трех походах относят крещение к 874 г. или даже к более позднему времени и ставят в связь с третьим походом Руси на Константинополь, сведения о котором опираются исключительно на произвольно истолкованные данные Никоновской летописи и других поздних и не очень надежных источников[40].

Митрополит Макарий (Булгаков) разрешает это противоречие путем предположения, что крещение росов произошло во время, когда Василий Македонянин был провозглашен императором — соправителем Михаила III, то есть между 26 мая 866 г. и 23 сентября 867 г., поэтому могло быть отнесено уже к началу царствования Василия I. Что же касается связи этого события с патриаршеством Игнатия, то митрополит Макарий предполагает, что «узнавши (из рассказов о временах своего деда), что обращение руссов последовало в самом начале воцарения Василия... Багрянородный очень естественно мог опустить из внимания небольшой промежуток времени, и приписать патриарху васильева царствования то, что принадлежало патриарху царствования михайлова. Эта ошибка Багрянородного представляется нам несомненно, когда возьмем во внимание следующее обстоятельство. Все четыре последующие летописца, Кедрин, Скилица, Зонара и Глика, которые только описывают, как совершилось обращение руссов, заимствуют это сказание почти слово в слово у Константина Багрянородного. Подобно ему они относят крещение руссов к царствованию Василия, упоминают о посланном им епископе, о чуде, совершенном епископом для убеждения язычников. И между тем никто из этих четырех писателей не повторяет, чтобы епископ послан был в Россию от Игнатия... без сомнения от того, что имели достаточное основание не согласиться; они, вероятно, знали истину из другого источника»[41].

[38] Рапов О. М. Ук. соч., с. 85.

[39] См. Макарий (Булгаков). Ук. соч., с. 225; Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. I, ч. I. М. 1901, с. 39—40; Россейкин Ф. М. Ук. соч., с. 279—283; Пархоменко В. Начало христианства на Руси. Полтава. 1913. с. 63; Карташев А. В. Ук. соч., с. 70—75; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М 1956, с. 77—83; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М 1980. с. 48—52; Лебедев Л., протоиерей. Крещение Руси. М 1987, с. 64—67.

[40] Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 830; Рапов О. М Ук. соч., с. 100—101.

Е. Е. Голубинский со свойственной ему резкостью суждения считал, что Константин Багрянородный просто приписал в качестве заслуги своему деду деяние Михаила III[42]. К этому можно добавить, что из самого текста сочинения Константина Порфирогенита не следует, что архиепископ, получивший рукоположение от патриарха Игнатия, принять которого «расположил» росов Василий, был первым посланным к ним епископом. Очень возможно, что именно особое выделение автором факта, что этот архиепископ был игнатианской хиротонии, есть косвенное свидетельство того, что его предшественником у росов был епископ, рукоположенный для поставления на вновь открываемую кафедру патриархом Фотием. Возможно, смена епископов сопутствовала низложению с патриаршьей кафедры Фотия и замещению ее Игнатием.

История «Фотиева крещения» Руси является предметом острой полемики в литературе начиная с 70-х годов XIX в. и вплоть до наших дней. Почти все церковные историки, обращавшиеся к этой проблеме, видели в «Фотиевом крещении» важное для истории распространения христианства на Руси событие, не имеющее, однако, столь существенного значения, чтобы можно было говорить о его месте в истории Вселенской Церкви. Что касается светских авторов, в особенности современных, то в их освещении события, связанные с «Фотиевым крещением», приобрели особый оттенок. Довольно определенно прослеживается стремление доказать, что главным в русско-византийских отношениях IX в. были триумфальные грабительские походы русов, а знакомство русских с христианством не имело ни значения, ни последствий.

Понятно, что такие оценки весьма далеки от понимания церковно-исторического значения «Фотиева крещения» во всей его полноте. Принятие христианства «народом рос» (некоторые авторы считали его не имеющим вовсе никакого отношения к населению Киевской Руси) рассматривалось как изолированное, достаточно случайное событие, не имеющее прямой связи с теми грандиозными переменами, которые происходили в то время в истории Вселенской Церкви, жизни всего христианского мира. А между тем уже в самом наименовании «Фотиево крещение» содержится указание: оно не произвольное обозначение. Выдающийся русский богослов и церковный историк протоиерей А. В. Горский писал: «Время образования Церкви Русской и обстоятельства происхождения ее указывают на высокое назначение, которое предназначено ей в истории Церкви Вселенской. Тот же Патриарх, при котором положено начало перевода на славянский язык Священного Писания и при котором последовало первое отделение Церкви Римской от Православной Восточной — тот же Патриарх дает первых просветителей первым князьям русским, изъявившим желание принять святое крещение»[43].

Для Вселенской Церкви VIII — IX века были временем тяжких испытаний. Никогда, ни прежде, ни впоследствии, мусульманская экспансия не представляла столь серьезной угрозы самому существованию Христианского мира, как в тот период. Наиболее разрушительный удар завоевателей испытал на себе Православный Восток. Именно в это тяжелое время в церковной среде народились и подготовились люди с обостренным духовным зрением и широким кругозором. Влияние их придало истории не только Византии, но и обширного региона окружающих ее народов новое направление. Они сумели понять, что Православный

[41] Макарий (Булгаков). Ук. соч., с. 227—228.

[42] Голубинский Е. Е. Ук. соч., с. 51—52.

[43] Горский А. В. История Церкви Русской.— Журнал Московской патриархии, 1976, № 1, с. 62.

Восток может выдержать неравную борьбу с мусульманским миром только в том случае, если сумеет привлечь к себе пробуждающееся к исторической жизни славянство, если Константинополь станет центром новой общности народов, объединенных православной верой и высокодуховной византийской культурой.

Как писал А. С. Хомяков: «Славяне... сами, вероятно, побуждаемые глубоким и внутренним сознанием ничтожности своих верований, просили обращения, просили истины высшей и отвечающей на все вопросы их души... Народ, обращенный таким путем, или по крайней мере понявший таким образом свое обращение, был очевидио готов к христианству и способен к быстрому развитию своего нравственного существа: он был способен к дружескому и братскому союзу с единоверцами» [44]. Но для того, чтобы не загубить возрастающие на этой благодатной почве добрые семена, византийцам необходимо было пережить внутреннюю перемену, отказаться от постоянно дающей себя знать привычки гордо глядеть на «варварский» мир, не признавая в нем прав на равенство с собой. Нужно было обновить духовные чувства, оживить христианское самосознание общества.

Выразителем этого «христианского возрождения» [45] стал св. Фотий — человек, в котором истинная святость жизни соединялась с огромной одаренностью и прекрасными организаторскими способностями. Главную цель своей многосторонней и необычайно плодотворной деятельности он видел в том, чтобы возвысить церковное самосознание Православного Востока, укрепить его авторитет, сильно пошатнувшийся в эпоху иконоборческой смуты, сделав торжество Православия воистину вселенским. Особое значение он придавал делу православной духовной миссии среди язычников и среди христианских народов, отпавших от вселенского единства.

В первый период патриаршества Фотия совершилось крещение Дунайской Болгарии, возвратилась в лоно Православия значительная часть армян, началась великая миссия св. Константина-Кирилла и Мефодия. Солунские братья были ближайшими учениками и приверженцами патриарха. Нет сомнения, что их связывали со св. Фотием искренняя дружба и братское общение. Все трое были миссионеры по призванию, апостолы, люди живого, деятельного чувства, обращенного не только на самих себя и своих подопечных, но и на весь мир [46].

Отношение Восточной церкви к вопросу о переводе Св. Писания на язык народа, к которому была обращена проповедь, сделало в глазах славян очевидным нравственное превосходство греческого православия над латинством, что во многом определило для них выбор между Западом и Востоком. Восприятие Св. Писания и Божественной литургии на родном языке с самого момента приобщения к Церкви имело для славян неоценимое историческое значение. Воцерковленный славянский язык освящал всю культуру. Православная церковность в течение многих веков остается основой всего строя народной жизни южных и восточных славян.

Славянские жития св. Кирилла и св. Мефодия, открытые в середине XIX в. Горским, в основу которых, по мнению исследователей, легли отчеты св. братьев о своей миссионерской деятельности и другие их сочинения, содержат, между прочим, довольно подробные сведения, о «хазарской миссии» Кирилла и Мефодия. Есть упоминание о путешествии св. братьев в Хазарию и в других источниках. Время начала

[44] Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Ч. I. М. 1900, с. 117—119.

[45] Иеромонах Иоанн (Экономцев) обозначает это движение и связанную с ним эпоху весьма удачным термином «Фотиевский ренессанс» (Экономцев И., протоиерей. Православие, Византия, Россия. Париж. 1989, с. 235).

[46] Будилович А. Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности святых Кирилла и Мефодия. Варшава. 1885, с. 35.

хазарской миссии с достаточной определенностью датируется 860 годом. Согласно сочинению Гаудериха, епископа Веллетрийского, современника и друга Кирилла и Мефодия, получившему в литературе наименование «Итальянская легенда», говорится, что 30 декабря 860 г. братья находились уже в Херсонесе [47].

Согласно житию св. Кирилла хазарская миссия началась при следующих обстоятельствах: к императору Михаилу III прибыли послы от хазар, которые изложили просьбу их правителя — кагана, прислать в Хазарию миссионера, который бы мог помочь решить происходивший там спор о выборе веры. «От начала знаем лишь единого Бога...— говорили согласно житию св. Кирилла эти послы.— Евреи же побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны сарацины, предлагая мир и дары многие, принуждают нас принять свою веру, говоря: «Наша вера — лучшая среди всех народов». Из-за этого посылаем к вам... ибо вы — народ великий, от Бога царство держите. Вашего совета спрашиваем и просим от вас мужа книжного. Если переспорит евреев и сарацин, то примем вашу веру» [48]. Император, посоветовавшись с патриархом, избрал для посылки в Хазарию Константина Философа и брата его Мефодия. Во главе духовной миссии св. братья сначала прибывают в Херсонес, столицу фемы — самой отдаленной из византийских провинций,— где проводят довольно много времени, занимаясь, судя по некоторым деталям, сообщаемым «Житием», подготовкой к миссионерским трудам. Св. Кирилл изучает еврейский и самарянский языки и знакомится с книгами, написанными на этих языках.

Прибыв ко двору кагана, св. Кирилл участвовал в продолжительном богословском диспуте с иудейскими и магометанскими книжниками, в ходе которого «ниспроверг наземь всю гордыню» своих противников. Согласно «Житию», каган, убедившись, что христианская вера — единственная истинная, сказал: «Не враги мы себе, и так повелеваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по воле, если пожелает... Двести человек из них тогда же приняли святое крещение. Написал уже к цесарю каган такое письмо: «Послал к нам, владыка, такого мужа, что показал нам христианскую веру... словом и делами. И познали, что эта вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, надеясь, что и мы к тому придем. Все мы друзья и приятели твоего царства и готовы [идти] на службу твою, куда захочешь» [49]. Прощаясь с Кириллом, каган хотел вручить ему богатые дары, но философ отказался принять их со словами: «Дай мне сколько имеешь здесь пленников. Это мне больше всех даров». Каган охотно отпустил вместе с Кириллом на родину 200 пленников-христиан.

Повествование жития св. Кирилла уже в 80-е годы XIX в. привлекло к себе внимание ряда исследователей, увидевших в нем важный источник. Прежде всего было замечено, что год прибытия в Константинополь посольства хазар, просящих прислать в их страну проповедника, совпадает с годом набега росов на греческую столицу, вскоре после которого они прислали посольство с просьбой об их крещении. В. И. Ламанский в 1903 г. выдвинул предположение, что речь в «Житии» св. Кирилла идет именно об этом посольстве росов, из-за ошибки позднего редактора жития переименованных в хазар [50]. Карташев обратил внимание на ряд несоответствий в сведениях о хазарах, которые встречаются в «Житии», и данными о них, основанными на источниках, не вызывающих сомнений в своей надежности. Так, упоминание хазар-

[47] Сказание о начале славянской письменности. В кн.: Памятники средневековой истории народов Восточной Европы. М. 1981, с. 118.

[48] Там же, с. 77.

[49] Там же, с. 85, 114.

[50] Ламанский В. И. Славянское житие Св. Кирилла, как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг. 1915, с. 38 сл.

скими послами о сарацинах, предлагающих мир и многие дары и принуждающих принять их веру, явно не вяжется с характером тогдашних арабско-хазарских отношений. Арабам, в то время не воевавшим с хазарами, не было повода говорить о «мире». И хазар неуместно было бы подкупать «дарами многими» [51].

Сам вопрос о выборе веры, с которым якобы было связано посольство хазар, для каганата как великой державы в 60-е годы IX в. был уже давно решен. Еще в конце VIII в. правивший Хазарией от имени кагана бек Булан начал насаждать в Хазарии иудаизм, а около 809 г. другой бек, Обадия, завершил религиозную реформу, сделав иудаизм государственной религией каганата. Перемена веры, которая, согласно «Житию», произошла в Хазарии в результате миссии св. Кирилла, не могла, конечно, остаться никем не замеченной, однако никаких сведений о ней ни в одном источнике, кроме «Жития», нет. Столь же невероятным оказывается обращение кагана, главы великой державы, бывшего прежде равноправным союзником византийских императоров, в покорного слугу, готового по первому требованию идти «на службу» куда прикажут. Также мало правдоподобно наличие у хазар, никогда не воевавших против Византии, 200 пленных греков.

Ламанский, Карташев и протоиерей Л. Лебедев склоняются к предположению, что житие св. Кирилла в своем первоначальном виде, до переработки моравскими редакторами X—XI вв. содержало рассказ о путешествии св. братьев не в Хазарию, а на Русь для христианского просвещения славян. Миссия была отправлена в ответ на приглашение, сделанное посольством росов, нападавших на Константинополь в 860 г., пораженных чудом ризы Богоматери и изъявивших желание креститься. В качестве подтверждения Карташев приводит сохранившиеся в рукописном прологе Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой, датируемом XV столетием, наименование св. Мефодия «учителем русским» и сказание о том, как «Кирилл умоли брата своего Мефедь идти с собою в Хазарию, яко умъеюще языкъ словенскъ» [52]. Этот же исследователь предполагает, что наличие у росов пленных греков было естественным результатом похода 860 года.

Что же касается мирного договора между Византией и росами, по которому они брали обязательство по первому зову идти служить империи, то он для взаимоотношений между мировой державой и «варварским» народом, только что заявившим о своем существовании дерзким набегом, также вполне естествен и имеет множество аналогов в истории византийской дипломатии. На основании того, что Киевская земля в 60-е годы IX в., согласно сказанию русских летописей, платила дань хазарам, сторонники гипотезы о «русской миссии» святых Кирилла и Мефодия считают росов подданными или по крайней мере недавно бывшими в числе подданных хазарских каганов. Этим и может отчасти объясняться ошибочное их наименование хазарами, а их князя — каганом, встречающееся в «Житии».

Ламанский, Карташев и Л. Лебедев, как и большая часть исследователей в той или иной мере касавшихся вопроса о походе 860 г. и о «Фотиевом крещении» Руси, склонны считать, что росы, о которых идет речь в греческих источниках и в русской летописи, они же — мнимые хазары жития св. Кирилла, это, конечно, киевские славяне и крещение их, совершенное, возможно, самими святыми Кириллом и Мефодием, произошло в Киеве. Основной источник этого убеждения — уверенность в том, что раз Аскольд и Дир — киевские правители [53], то

[51] Карташев А. В. Ук. соч., с. 84—85.
[52] Там же, с. 90.
[53] Согласно Рыбакову, Рапову, Л. Лебедеву — славянские князья из местной (киевской) династии.

и «Фотиево крещение» должно было произойти в Киеве: иначе где же ему и быть? При всей привлекательности данной гипотезы она, нужно честно признать, имеет ряд уязвимых мест. Прежде всего это касается именно утверждения о том, что росы, ставшие известными в истории в 860 г., были киевлянами и их крещение произошло в Киеве.

И патриарх Фотий в своих гомилиях, и летописцы из числа продолжателей Феофана, и Симеон Логофет, Кедрин, Скилица и другие византийские хронисты именуют росов также «тавроскифами», живущими у северных берегов Евксинопонта, «у северного Тавра». Весьма любопытные выводы напрашиваются, если сравнить эти утверждения со свидетельствами арабских географов IX — XI вв., довольно подробно описывающих народ «русов». Один из этих авторов ал-Масуди (середина X в.) писал: «Море Нейтус (Понтус) есть море русов: никто кроме них не плавает по нему. А они живут у его берегов. Они великий языческий народ, не повинующийся ни царю [вероятно, византийскому], ни шариату» [54].

Арабский географ ал-Идриси в труде «Услада путешествующих вокруг света» (XII в.), опираясь на своих предшественников, арабских и персидских географов IX — XI вв., дал, пожалуй, самое полное описание «страны русов». Он сообщает, что «Русское море расположено в пяти днях плавания от Трапезунда» (то есть является частью Черного моря). Находящийся на его северном побережье город Русия расположен в 27 милях от Матархи на берегу «реки русов» (которой арабский географ считал Керченский пролив) [55]. Еще один автор, ал-Димешки, писал: «Русы получили свое имя от города Русия, который лежит на северном берегу названного по их имени моря». Магреби же сообщает, что «на восток от града Судака вход в море Манитишь [Меотис], на его берегу лежит Русия, который есть главный город русов» [56]. Другие арабские авторы, например, Гардизи, Ал-Шукаддаш, Ибн-Русте и др., рассказывают об острове русов, вокруг которого озеро. Встречаются рассказы о русах, живущих на семи островах [57].

Дополняются эти показания данными топонимики, на которые обратил внимание еще Голубинский. На дошедших до нашего времени картах Азово-Черноморского побережья, составленных итальянскими мореплавателями в XIII — XIV вв., поселение на юге Тарханкутского полуострова обозначено «Rossofor», что может быть переведено, как «росский маяк» [58]. При впадении Дона в Азовское море обозначены пункты «Rossi», «Rosso» и «Fiume Rosso», недалеко оттуда на восточном побережье Азовского моря — «Casal de Rossi».

Исходя из этих достаточно определенных свидетельств, следует считать, что «росы» греческих хронографов и «русы» арабских периплов имеют к Киеву довольно отдаленное отношение. Рыбаков счел возможным ввиду этого предположить, что «остров русов» мог располагаться в устье Дуная, в землях славянских племен уличей. Однако гипотеза эта кажется малоубедительной по крайней мере по двум причинам. Во-первых, ни одного значительного археологического памятника, доказывающего, что «русы» действительно жили именно там, в Дунайском гирле, до сих пор не обнаружено. Во-вторых, существует письменный памятник, данные анализа которого позволяют поставить под

[54] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XI—XIII вв. М. 1982, с. 334.
[55] Там же, с. 179.
[56] Голубинский Е. Е. Ук. соч., с. 43.
[57] Там же, с. 44.
[58] Археологическая экспедиция А. Н. Щеглова в данном пункте обнаружила остатки древнего сооружения, которое можно интерпретировать как развалины маяка. Рядом открыто селище VIII—IX вв. с материальной культурой салтово-маяцкого облика (Щеглов А. Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма. — Советская археология, 1970, № 1).

сомнение идентичность уличей и русов. Это — «Баварский географ», сочинение, датируемое серединой IX в., содержащее перечисление народов, заселяющих Среднюю и Южную Европу. Непосредственно после хазар автор называет русов, называются также отдельно уличи, бужане [59] и др. славянские племена.

Гораздо более убедительной представляется гипотеза о том, что «остров русов» — это ничто иное, как один из островов на Таманском полуострове, которые, растекаясь в Азовское и Черное море, образует Кубань в своей дельте. Сторонниками этой гипотезы были Голубинский, Д. И. Иловайский, В. А. Пархоменко и др. В настоящее время она может быть признана подтвержденной результатами работ Таманской экспедиции Института археологии АН СССР 1986 г., которыми руководил Ю. М. Десятчиков. Объектом раскопок было крупное городище (площадь акрополя которого около 9 га, для сравнения: древний Киев — 30 га, Чернигов — 4 га, Новгород-Северский — 1,5 га), расположенное на большом острове в дельте Кубани близ станицы Голубицкой, недалеко от города Темрюк. Оно имеет весьма значительный культурный слой — 3,5 метра, нижние горизонты которого соответствуют существовавшему здесь в античное время городу Тирамба [60], а верхние относятся ко времени русского Тмутараканского княжества (XI — XII вв.).

Особый интерес представляет тот факт, что часть городища несет следы фортификационного оборудования, типичного для приемов военной архитектуры сасанидского Ирана. Ближайший аналог — Дербентская система укреплений. Горизонт IX в. представлен находками, которые могут быть отнесены к культуре «дружинного» типа, элементы которой прослеживаются на широких пространствах Восточной Европы в IX—X вв. Среди них бляхи «дружинных» поясов, форма для отливки таких блях, ритуальный штамп с навертьем в виде молотка Тора и изображением переплетающихся змей на лицевой части печати. Последняя находка — явное свидетельство присутствия норманского элемента. Наряду с этим встречаются и находки славянского происхождения — амфоры южнорусского типа и др.

Разумеется, данные раскопок 1986 г., к сожалению, до сих пор не опубликованные [61], не дают еще полной картины жизни Русии (нет почти никаких сомнений, что Голубицкое городище и есть «главный город» русов, неоднократно упоминаемый арабскими авторами), но уже теперь, сопоставляя данные письменных источников и результаты археологических исследований, можно сделать некоторые выводы. Представляется несомненным, что Русия, город на «острове русов», был крупным дружинным центром, базой военных набегов. Об этом недвусмысленно сообщают, между прочим, арабские писатели. Ибн-Русте пишет о русах, обитающих на острове: «Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают в плен, везут в Хазарию и Булгар, там продают... Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами» [62]. Анонимный автор «Худуд-ал-Алем» рассказывает: «Они обладают дурным нравом, неподатливы, держатся вызывающе, сварливы и воинственны. Они воюют со всеми своими соседями и одерживают победы... Среди русов живет часть славян, которая находится в услужении у них» [63].

[59] Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв.— Вопросы языкознания, 1980, № 5.
[60] Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М. 1988, с. 82.
[61] Выражаю сердечную благодарность Ю. М. Десятчикову, любезно предоставившему мне возможность ознакомиться с результатами работы экспедиции.
[62] Цит. по: Заходер Б. Н. Каспийский свод. Т. II. М. 1967, с. 397—398.
[63] Цит. по: Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства, с. 764.

Данные как письменных, так и археологических источников не дают оснований отождествлять русов и славян. Современными лингвистическими исследованиями неславянское происхождение этнонима «русь» подтверждается [64]. В пользу признания скандинавской этнической принадлежности русов есть достаточно обширная аргументация. Однако неоспоримо, что наряду со скандинавским в «дружинной» культуре, к которой можно отнести археологические находки из горизонтов IX в. городища Голубицкое, присутствуют славянский и тюркский элементы. Инвентарь погребений в дружинных могильниках даже под Новгородом и Изборском включает в себя вещи «хазарского происхождения», связанные с ареалом салтово-маяцкой культуры — поясные бляшки, подвески, сбруя, наконец, оружие [65]. Присутствие тюркского элемента особенно важно и интересно, так как может послужить объяснению недоуменных вопросов, возникающих при рассмотрении истории хазарской миссии св. Кирилла.

Связь между этнонимом «русь» и титулом «каган», относящимся несомненно к тюркскому миру, впервые обнаруживает себя в истории, которую донесли до нас Бертинские анналы — памятник, содержащий самое раннее упоминание о «руси». Бертинские анналы — хроника, написанная епископом Пруденцием,— рассказывают о том, как в 839 г. в Идельгейм ко двору франкского императора Людовика Благочестивого прибыло посольство византийского императора Феофила. Вместе с этим посольством Феофил, как сообщает епископ Пруденций, «послал также неких людей, которые говорили, что их [народ] зовут рос и которых, как они говорили, царь их хакан, отправил к нему [Феофилу] ради дружбы». Однако «компетентные инстанции» Франкской империи вскоре выяснили, что назвавшиеся «росами» в действительности являются «свеонами» [шведами], и, решив, что они «пришли скорее шпионить, чем искать дружбы», посадили их под арест «до выяснения их виновности», о чем Людовик Благочестивый письменно известил Феофила [66].

О том, что правитель росов именуется хаканом (каганом), упоминают арабские писатели Ибн-Русте [67] и анонимный автор трактата «Худдуд-ал-Алем» [68]. Этим же титулом назван склонявшийся к принятию христианства правитель «хазар» в житии св. Кирилла. Некоторые авторы сочли возможным утверждать, что титулом «каган» (хакан) именовали себя киевские князья уже в первой половине IX в. якобы в знак того, «что Древне-русское государство формировалось в соперничестве с Хазарским каганством» [69]. В действительности дело обстоит куда сложнее. Титул «каган-русов», возможно, дает ключ к загадке происхождения росов, принявших крещение в 860-х годах.

В 552 г., когда вождь алтайских тюркютов Тумынь, покорив ряд племен и закрепив свой престиж династическим союзом с одним из китайских царств, Западным Вэй, победив своих главных противников жужаней, принял титул «ил-каган». Ношение этого титула на протяжении всей последующей истории тюркютов являлось исключительной привилегией представителей рода Ашина (волк). Этот род, из которого происходили правящие династии Восточнотюркского, Аварского, Западнотюркского и Хазарского каганатов, был монгольского происхождения.

[64] Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М. 1979; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— Вопросы языкознания, 1974, № 6, с. 59.
[65] Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 254.
[66] Сахаров А. Н. Ук. соч., с. 36—37.
[67] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества, с. 343.
[68] Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства, с. 764.
[69] Ловмяньский Х. Русь и норманны. М. 1985, с. 195.

Согласно летописи «Суй-шу», род Ашина происходил из Западного Шэнси, откуда перешел, спасаясь от врагов, на южные склоны Алтайских гор[70]. Здесь пришельцы благодаря своей высокой культуре и организованности заняли руководящее положение среди туземцев и стали во главе союза племен, который получил название тю-кю (тюркют)[71].

Даже в тех случаях, когда каганы из рода Ашина теряли власть и престол переходил в руки людей, не принадлежащих к этой династии, ни один из узурпаторов не пытался присвоить себе титул «каган».

Как уже упоминалось, один из правителей Хазарии, принявший иудаизм, Обадия, в начале IX в. провел в каганате религиозную реформу, сделав иудаизм государственной религией и покончив с традиционной хазарской веротерпимостью. Этот переворот имел далеко не мирный характер. Как утверждают современные исследователи, гражданская война в каганате длилась (с перерывами) с 799-го до 843 года. Она закончилась бегством за пределы каганата восьми тюркских родов, которые, поселившись в конце концов в кочевьях мадьяр, стали именоваться «ковары», что по-хазарски означает «неподчиняющиеся, восставшие»[72]. Очевидно, ковары были именно теми, кого не устроила реформа Обадии. Если предположить, что в числе их был один из представителей рода Ашина, не пожелавший принять иудаизм и отказавшийся от роли формального этнарха, находящегося на деле целиком во власти беков, то фигура кагана, описанного в житии св. Кирилла, станет более понятной. Перед нами каган-эмигрант, враждебно относящийся к иудаизму, недоверчиво принимающий мусульман, желающих купить его расположение подарками, но сознающий, что для упрочения своего положения в борьбе с иудеями ему нужно оградить остаток своего народа от их влияния с помощью книжника-христианина, посла могучей Византии.

Учитывая все рассмотренные обстоятельства, логичнее всего предположить, что каган-изгой нашел себе прибежище нигде в ином месте, как среди воинственных русов, на их острове в крепости Русия,— достаточно далеко, чтобы быть вне досягаемости для своих сильных врагов — беков, и достаточно близко, чтобы попытаться влиять на ход дел в Хазарском каганате, подготавливая возможности для возвращения себе престола. Это предположение позволяет примирить противоречия в тексте жития св. Кирилла и дает возможность с большей долей вероятности считать, что крещение росов, последовавшее в скором времени после чуда ризы Богоматери, произошло в Русии, в 861 г., а крестителями их были святые равноапостольные Кирилл и Мефодий.

Остается открытым, однако, вопрос, почему титул «каган» впоследствии был усвоен киевскими князьями, о чем есть по крайней мере два несомненных свидетельства: «Слово о законе и благодати», в котором митрополит Киевский Иларион называет каганом св. Владимира, и надпись (граффити) XI в. в соборе Св. Софии в Киеве: «Господи, спаси кагана нашего»[73]. Учитывая сказанное выше о титуле «каган», а также и то, что киевские князья никогда не состояли в родстве с правителями иудейской Хазарии, остается предположить, что титул был усвоен Рюриковичами вследствие родственной связи с каганом русов. Если только присвоение каганского титула русскими князьями не произошло «по ошибке», что маловероятно, ибо в то время таких «ошибок» люди себе не позволяли, то есть основание считать, что Рюриковичи, более 700 лет правившие на Руси, были не потомками мифического «Пруса, брата Августова», а наследниками каганов из рода Ашина.

[70] Попов Д. А. К истории народов Средней Азии. Владивосток. 1916. с. 43.
[71] Артамонов М. И. История хазар. Л. 1962, с. 103—104.
[72] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989, с. 163. Комментарий, с. 394.
[73] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества, с. 343.

«Остров русов» неверно представлять изолированным от Киевской земли, как это было впоследствии с Тмутараканью, и то после установления господства в Великой степи половцев. Напротив, представляется, что Русия была соединена самой живой связью с другими дружинными центрами того времени, такими, как, например, во многом похожая на Русию Бирка (Швеция). Путь «Из Варяг в Греки» был главной связующей их артерией, и владели этим путем именно русы. Русы, которые приняли крещение в 861 г., были вовсе не представители какой-то отдельной, обособленной «Тмутараканской Руси», как считали, например, Иловайский и Пархоменко, хотя нет сомнений, что первое крещение Руси произошло именно на Тамани. Об ее живой связи с Днепровской и Новгородской Русью ясно говорят уже сами имена Аскольда и Дира, которые возглавили поход 860 г., приняли крещение в 862 г., обосновались в Киеве около 864 года.

Мы очень мало знаем о том, как протекали дальнейшие события нашей ранней церковной истории. Основанная не позже 867 г. епархия России (Русии) просуществовала по меньшей мере до конца IX века. Есть основания предполагать, что центром христианства во время пребывания там Аскольда и Дира стал Киев. «Как прямое доказательство крещения Аскольдова, справедливо указывают на то, что первые наши христиане над могилою сего князя имели церковь св. Николая,— писал митрополит Макарий (Булгаков).— Вероятна и та догадка, что Аскольд в крещении был назван Николаем: потому что у нас точно существует обычай созидать церкви над могилами князей в честь святых, им соименных. Слова летописи Иоакимовой, называющей Аскольда «блаженным», могут служить доказательством его крещения для признающих подлинность этой летописи»[74].

Распространение христианства в IX в. в Киеве и Киевской земле подтверждается резким изменением в характере погребального обряда захоронений того времени. «Погребения с сожжением представляют лишь незначительную часть среди преобладающего количества курганных погребений с трупоположением, наиболее ранние из которых датируются IX и X вв. Среди этих погребений в Киеве встречаются погребения в срубных гробницах, отличающиеся обилием вооружения и богатством инвентаря... Но... основной вид погребений — в деревянном гробу, забитом гвоздями и поставленном в грунтовую могилу,— остается неизменным на протяжении IX—XIII вв.»[75]. Попытки интерпретировать эти погребения как языческие, поскольку в них не встречаются священные предметы — кресты, ладанки и т. д., не могут быть признаны состоятельными хотя бы уже потому, что нательные кресты встречаются в русских православных погребениях далеко не всегда даже в XV—XVI вв.[76], не говоря уже о IX в.

Митрополит Макарий (Булгаков) отмечал: «В протяжении многих веков у нас единодушно была повторяема весть, что в первый раз Русь крестилась при Патриархе Фотии, что от Фотия прислан был к нам первый епископ. Мало того: имя Фотия как первого насадителя святой веры в нашем отечестве до того врезалось в память русского народа, что даже все последующие крещения, бывшие при св. Ольге и при св. Владимире, обыкновенно были приписуемы у нас, разумеется по ошибке, тому самому же Фотию»[77]. «Фотиево крещение» несмотря на размытость его подробностей навечно запечатлелось в народной памяти.

[74] Макарий (Булгаков). Ук. соч., с. 231—232.
[75] Голубева Л. А. Киевский некрополь.— Материалы и исследования по археологии СССР, 1949, № 11, с. 103.
[76] Рапов О. М. Ук. соч., с. 99—100.
[77] Макарий (Булгаков). Ук. соч., с. 235.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН

П. Н. Зырянов

Кажется, ни о ком из деятелей царского режима последнего периода его существования не высказывается столько противоречивых мнений, как о П. А. Столыпине. С некоторых пор о нем стали писать как о человеке, который лучше других выразил государственные требования своего времени и сумел во многом воплотить в жизнь свою программу. Даже фигура С. Ю. Витте, чья государственная деятельность была продолжительнее и разнообразнее, не привлекает такого внимания. Однако, несмотря на острый интерес к личности Столыпина, биографических работ о нем мало.

Петр Аркадьевич Столыпин принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с XVI века. К середине XIX в. род сильно разветвился, владея многочисленными поместьями в разных губерниях. Родоначальником трех наиболее известных линий был Алексей Столыпин (1748—1810 гг.). Одну из ветвей представлял Аркадий Алексеевич, друг М. М. Сперанского, сенатор. Его старший сын Николай был дипломатом. Средний сын Алексей, проживший недолго, дружил с М. Ю. Лермонтовым. Младший сын Дмитрий служил в гвардии, затем вышел в отставку, долго жил за границей, где увлекся философией О. Конта. Вернувшись в Россию и поселившись в имении, он решил заняться устройством крестьянского быта. Но мужики плохо слушались философа, и он нашел корень зла в крестьянской общине, где «личность пригнетена, порядки некрасивы» [1].

Среднюю ветвь рода представляла Елизавета Алексеевна (в замужестве Арсеньева), бабушка Лермонтова. За исключением Алексея Аркадьевича, пожалуй, никто из Столыпиных не любил своего знаменитого сородича. Все жаловались на его трудный характер. Одна из тетушек до самой смерти отказывалась прочесть хотя бы строчку из сочинений «этого невыносимого мальчишки» [2]. Младшим братом Аркадия и Елизаветы был Дмитрий, дед П. А. Столыпина. Его сын, Аркадий Дмитриевич, участвовал в Крымской войне, во время которой стал адъютантом командующего армией князя М. Д. Горчакова, своего будущего тестя. В русско-турецкой войне 1877—1878 гг. А. Д. Столыпин участвовал уже в генеральском чине, в дальнейшем занимал ряд должностей в Военном министерстве. Последняя из них — комендант Кремлевского дворца.

Интересы А. Д. Столыпина не замыкались на военном деле. Он сочинял музыку, играл на скрипке, увлекался скульптурой, интересовался богословием и историей, но ни одно из этих увлечений не переросло рамки

ЗЫРЯНОВ Павел Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

[1] Столыпин Д. А. К вопросу философии права. М. 1893, с. 3.
[2] Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк. 1953, с. 50—51.

дилетантства. Аркадий Дмитриевич был большой жизнелюб, бонвиван и картежник. Однажды он выиграл поместье Колноберже неподалеку от Ковно. Оно настолько понравилось Столыпиным, что на долгие годы стало основным местом их жительства. Во время Крымской войны А. Д. Столыпин подружился с Л. Н. Толстым и впоследствии неоднократно бывал в Ясной Поляне. Постепенно, однако, произошло отдаление: Столыпин сблизился с придворными верхами, Толстой же все более отдалялся от того круга, к которому принадлежал по рождению.

А. Д. Столыпин на десять лет пережил свою жену. Наталья Михайловна, умная и образованная женщина, была знакома со многими выдающимися людьми. Однажды еще до замужества, будучи на заграничном курорте, она шокировала своих подруг тем, что долго гуляла по парку с каким-то плохо одетым человеком странного вида. Пришлось объяснить, что это Н. В. Гоголь [3]. Сын Петр родился 5 апреля 1862 г. в Дрездене, куда его мать ездила к родственникам. Детство и раннюю юность он провел в основном в Литве. Летом семья жила в Колноберже или выезжала в Швейцарию. Когда детям пришла пора учиться, купили дом в Вильне, чтобы не уезжать далеко от имения. П. А. Столыпин окончил Виленскую гимназию [4] и в 1881 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Помимо физики и математики, на факультете преподавали химию, геологию, ботанику, зоологию, агрономию. Именно последние науки привлекли П. А. Столыпина. Однажды на экзамене у Д. И. Менделеева он попал в сложное положение: профессор стал задавать дополнительные вопросы, студент отвечал, но Менделеев не унимался, и экзамен уже перешел в диспут, когда великий химик спохватился: «Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно» [5]. В дипломной работе Столыпина рассматривались табачные культуры Южной России [6].

В отличие от отца Петр Аркадьевич был равнодушен к музыке, но литературу и живопись любил. Ему нравились проза И. С. Тургенева, поэзия А. К. Толстого и А. Н. Апухтина. Он и сам был неплохим рассказчиком и сочинителем (его дочери приходили в восторг от сказок о «девочке с двумя носиками» и о приключениях в «круглом доме», сочинявшихся экспромтом каждый вечер [7]), но не придавал большого значения своему литературному дарованию. Петр Аркадьевич не курил, редко употреблял спиртное, почти не играл в карты. Он рано женился, оказавшись чуть ли не единственным женатым студентом в университете. Его жена Ольга Борисовна прежде была невестой его старшего брата, убитого на дуэли. Петр Аркадьевич стрелялся с убийцей брата и получил ранение в правую руку, которая с тех пор плохо действовала [8]. Тесть Столыпина Б. А. Нейгардт, почетный опекун Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии, был отцом многочисленного семейства. Впоследствии клан Нейгардтов сыграл важную роль в карьере Столыпина. Молодые супруги мечтали о сыне, а на свет одна за другой появлялись девочки, и лишь шестым, последним ребенком оказался мальчик. К моменту его рождения старшая дочь уже заневестилась.

В литературе тех лет часто противопоставлялись два поколения — мятежное 60-х годов и законопослушное, практичное — 80-х. Столыпин

[3] Бок М. П. Ук. соч., с. 50. О предках П. А. Столыпина подробнее см.: Изгоев А. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М. 1912, с. 5—9; Зеньковский А. В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк. 1956, с. 15.
[4] Бок М. П. Ук. соч., с. 44.
[5] Там же, с. 22.
[6] Conroy M. Sch. Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politics in the Late Tsarist Russia. Boulder. 1976, p. 4.
[7] Бок М. П. Ук. соч., с. 22—23, 29, 57.
[8] Conroy M. Sch. Op. cit., p. 3.

был «восьмидесятником», никогда не имел недоразумений с полицией, по окончании университета в 1885 г. избрал чиновничью карьеру, поступив на службу в Министерство государственных имуществ, в 1888 г. получил придворное звание камер-юнкера и впервые попал в адрес-календарь. К тому времени он в скромном чине коллежского секретаря занимал должность помощника столоначальника. Служба в Министерстве государственных имуществ была рутинной, и в 1889 г. Столыпин перешел в Министерство внутренних дел. В то же время он стал ковенским уездным предводителем дворянства. В Ковенской губ., в этническом отношении довольно пестрой, среди помещиков преобладали поляки, среди крестьян — литовцы. В ту пору Литва почти не знала хуторов, крестьяне жили в деревнях, а их земли были разбиты на чересполосные участки. Земельных переделов у них не существовало.

Теперь пять месяцев в году семья жила в Ковно, семь — в Колноберже. Столыпин занимался делами имения, на время расставшись с мечтой о карьере государственного деятеля. Позднее, оказавшись в должности губернатора, он улучил момент, чтобы заехать в Колноберже. Увидев его за хозяйственными занятиями, один из соседей заметил, что «не губернаторское это дело». «Не губернаторское, а помещичье, значит, важное и нужное»,— ответил Столыпин [9]. Семья владела также поместьями в Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях. Но дети не хотели знать никаких других мест кроме Колноберже. Раз в год Петр Аркадьевич объезжал свои владения. Он тяготился разлукой с близкими и не задерживался в поездках. Самое дальнее из этих поместий, саратовское, он в конце концов продал. В Ковенской губ. у Столыпина было еще одно имение, на границе с Германией. Российские дороги всегда были плохи, самый удобный путь в это имение пролегал через Восточную Пруссию. Именно при таких «заграничных» разъездах Столыпин познакомился с хуторами и, возвращаясь домой, рассказывал не столько о своем имении, сколько об образцовых немецких хозяйствах. Он пытался распространить хутора среди литовских крестьян и добился принятия несколькими сельскими обществами приговоров о разверстании их наделов.

В 1899 г. Столыпин стал ковенским губернским предводителем дворянства, а в 1902 г. был назначен гродненским губернатором. Его выдвинул новый министр внутренних дел В. К. Плеве, считавший, что замещать губернаторские должности должны местные землевладельцы [10]. В Гродно Столыпин пробыл 10 месяцев. В это время были созваны местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности, и на заседаниях Гродненского комитета будущий премьер впервые публично изложил свои взгляды. Они в основном сводились к уничтожению крестьянской чересполосицы и расселению на хутора. При этом Столыпин подчеркивал: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой,— это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью». Иными словами, народ темен, пользы своей не разумеет, а потому следует улучшать его быт, не спрашивая его мнения. Это убеждение Столыпин пронес через всю свою государственную деятельность. Один из присутствовавших на заседании помещиков подметил наиболее удачное, на его взгляд, выражение в этой тираде и попытался его развить: «Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд, а не образование. Образование долж-

[9] Бок М. П. Ук. соч., с. 113.
[10] Изгоев А. Ук. соч., с. 14—15.

но быть доступно обеспеченным классам, а не массе, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что с введением обязательного образования или с расширением доступа в школы она несомненно будет стремиться к государственному перевороту, социальной революции и анархии». Но губернатор не согласился с такой трактовкой: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет к анархии... Общее образование в Германии должно служить идеалом для многих культурных стран» [11].

В 1903 г. Столыпин был назначен саратовским губернатором. Для детей переезд на новое место был путешествием в незнакомую страну. Пожалуй, и их отец отчасти чувствовал себя «иностранцем». Ведь вся его прежняя жизнь (ему было уже за 40) была связана с Западным краем и Петербургом. В коренной России он бывал едва ли чаще, чем в Германии, а русскую деревню знал недостаточно. Чтобы освоиться на новом месте, требовалось время. Между тем в 1904 г. началась война с Японией. Старшая дочь Столыпина однажды спросила, почему не видно того воодушевления, как в 1812 году? «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? — ответил отец.— Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом». Этот разговор состоялся незадолго до отправки из Саратова на Дальний Восток отряда Красного Креста. На обеде в связи с этим событием губернатор произнес речь. Он говорил, в частности, о том, что «каждый сын России обязан, по зову своего царя, встать на защиту Родины от всякого посягательства на величие и честь ее». Речь имела шумный успех. «Мне самому кажется, что сказал я неплохо,— говорил потом Столыпин.— Не понимаю, как это вышло: я ведь всегда считал себя косноязычным и не решался произносить больших речей» [12].

Вслед за войной пришла первая российская революция. Как и всюду, в Саратове и других городах губернии начались забастовки, митинги и демонстрации. Столыпин попытался сплотить всех противников революции, от черносотенного епископа Гермогена до умеренных земцев типа А. А. Уварова и Д. А. Олсуфьева. Было собрано около 60 тыс. руб., губернский город разбили на три части, в каждой из которых открыли «народные клубы», ставшие центрами контрреволюционной пропаганды и опорными пунктами черносотенных дружин. Всякий раз, когда начинались демонстрации, правые устраивали контрдемонстрации, каждый участник которых нес корзину с камнями, а во главе колонны шли дюжие молодцы. Получая камни из задних рядов, они швыряли их в демонстрантов. Так руками черносотенцев, стараясь не прибегать к помощи войск, Столыпин боролся с революционным движением в Саратове. Но отношения с черносотенцами у Столыпина не всегда ладились. Черносотенная агитация «Братского листка», издававшегося под покровительством епископа, перешла пределы допустимого даже с точки зрения губернатора, и он задержал распространение нескольких номеров.

Тем не менее в момент наивысшего подъема революции пришлось использовать и войска. 16 декабря 1905 г. они разогнали митинг, восемь человек были убиты; 18 декабря полиция арестовала членов Саратовского Совета рабочих депутатов [13]. В дальнейшем идентичной тактики Столыпин придерживался в других городах губернии. На всю Рос-

[11] Цит. по: там же, с. 16—18.
[12] Бок М. П. Ук. соч., с. 128—129.
[13] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 797, оп. 75, III отд., 5 стол, д. 177, лл. 7—8об.; Революция 1905—1907 гг. в России. Док. и м-лы. Ч. 2. М. 1955, с. 752.

сию стал известен инцидент в Балашове. В местной гостинице собрались забастовавшие земские медики. Толпа черносотенцев окружила гостиницу и начала выламывать ворота. Неизвестно, что произошло бы далее, если бы не присутствие в городе губернатора. По его распоряжению казаки образовали живой коридор, по которому стали выходить осажденные. Но черносотенцы бросали камни через цепь казаков, а те вдруг обрушили нагайки на земских служащих. Один камень попал и в губернатора, что, надо думать, не входило в первоначальный замысел [14].

Еще летом 1905 г. Саратовская губ. стала одним из главных очагов крестьянского движения. В сопровождении казаков Столыпин разъезжал по мятежным деревням. «Высокий рост, косая сажень в плечах, что не мешало стройности его фигуры, соколиный взгляд, властный тон — придавали ему вид достойного представителя власти, начальника и хозяина губернии»,— вспоминал один из крестьян, видевший Столыпина в те дни [15]. Против крестьян губернатор уже не стеснялся использовать войска. Производились повальные обыски и аресты. Чтобы выявить рожь, предположительно захваченную у помещиков, Столыпин составил таблицу, которая показывала соотношение между крестьянской посевной площадью и величиной урожая [16]. Выступая на сходах, губернатор употреблял много бранных слов, грозил Сибирью, каторгой и казаками, сурово пресекал возражения. Не всегда такие выступления были для него безопасны. Современники приводили немало рассказов о его храбрости. Передаваясь из уст в уста, некоторые из них превратились в легенды. Например, один из почитателей Столыпина, В. В. Шульгин, пишет, как губернатор оказался однажды без охраны перед лицом взволнованного схода и «дюжий парень пошел на него с дубиной». Не растерявшись, Столыпин бросил ему шинель: «Подержи!» — «буян опешил, послушно подхватил шинель и выронил дубину» [17]. Сам Шульгин не присутствовал при этом эпизоде, как и старшая дочь Столыпина М. П. Бок. Однако она услышала рассказ из уст отца по свежим следам события: «Из толпы выделился какой-то парень с крайне возбужденным лицом и далеко не доброжелательным видом и направился прямо на моего отца... Он нагло поднял голову и, глядя в лицо отца, собирался говорить, как вдруг услыхал спокойный и повелительный голос отца: «Подержи мою шинель!» [18]. Следовательно, дубины не было. В другой раз, как говорили, Столыпин, явившись в недавно бунтовавшее село, ударом ноги выбил из крестьянских рук поднесенные ему хлеб-соль [19].

«В настоящее время,— докладывал царю 6 августа 1905 г. товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов,— в Саратовской губернии благодаря энергии, полной распорядительности и весьма умелым действиям губернатора, камергера двора Вашего императорского величества Столыпина порядок восстановлен» [20]. В августе 1905 г., в разгар полевых работ, наблюдался общий спад крестьянского движения. Осенью, однако, волнения возобновились с невиданной силой. Столыпин на этот раз не вполне справлялся с положением, и на помощь ему был командирован генерал-адъютант В. В. Сахаров, бывший военный министр. Сахаров отправился в карательную экспедицию, а по возвращении, в конце ноября 1905 г., был застрелен посетительницей, явившейся

---

[14] Изгоев А. Ук. соч., с. 20.
[15] Столяров И. Записки русского крестьянина. Париж. 1986, с. 123.
[16] Революция 1905—1907 гг. в России. Док. и м-лы. Ч. I. М. 1957, с. 831—835.
[17] Шульгин В. В. Главы из книги «Годы».— История СССР, 1966, № 6, с. 76—77.
[18] Бок М. П. Ук. соч., с. 154.
[19] Столяров И. Ук. соч., с. 123.
[20] Революция 1905—1907 гг. в России. Ч. I, с. 836.

к нему на прием [21]. Вместо Сахарова прибыл генерал-адютант К. К. Максимович, действовавший в Саратовской и Пензенской губерниях до начала 1906 года [22]. Отчасти потому, что в критический период революции карательными экспедициями руководили генерал-адъютанты, а Столыпин оказался как бы в стороне, он прослыл либеральным губернатором. Крестьянское же движение продолжалось, то затухая, то разгораясь, и после отъезда из губернии не только Максимовича, но и Столыпина.

В докладах царю Столыпин утверждал, что главной причиной аграрных беспорядков является стремление крестьян получить землю в собственность. Если крестьяне станут мелкими собственниками, они перестанут бунтовать. Кроме того, он ставил вопрос о желательности передачи крестьянам государственных земель [23]. Как видно, Столыпин отчасти признавал крестьянское малоземелье. Вряд ли именно эти доклады сыграли роль в выдвижении Столыпина на пост министра внутренних дел. Тем не менее сравнительно молодой и малоопытный губернатор, мало известный в столице, неожиданно взлетел на ключевой пост в российской администрации. Какие пружины при этом действовали, до сих пор не вполне ясно. Впервые его кандидатура обсуждалась в октябре 1905 г. на совещании Витте с «общественными деятелями». Обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский, родственник Столыпина, предложил его на пост министра внутренних дел, просто стараясь вывести тогда переговоры из тупика. Но Витте не хотел видеть на этом посту никого другого, кроме П. Н. Дурново, а «общественные деятели» мало что знали о Столыпине [24].

Вторично вопрос о Столыпине на таком уровне встал в апреле 1906 г., когда уходило в отставку правительство Витте. Американская исследовательница М. Конрой высказывает предположение, что новым назначением Столыпин во многом был обязан своему шурину Д. Б. Нейгардту, недавно удаленному с поста одесского градоначальника (в связи с еврейским погромом), но сохранившему влияние при дворе [25]. Предположение резонное, хотя, думается, больше всего Столыпин был обязан Д. Ф. Трепову, который был переведен с поста товарища министра внутренних дел на должность дворцового коменданта и приобрел огромное влияние на царя. С того времени Трепов стал разыгрывать глубокомысленные и многоходовые «назначенческие» комбинации. Замена непосредственно перед созывом Думы либерального премьера Витте на реакционного Горемыкина явилась вызовом общественному мнению. Зато прямолинейный каратель Дурново был замещен сравнительно более либеральным Столыпиным.

«Достигнув власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собой попечительную руку Провидения»,— вспоминал товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский [26]. Действительно, Столыпину сразу повезло на его новом посту. Когда разгорелся конфликт между правительством и I Думой, Столыпин сумел выгодно отличиться на фоне других министров, которые не любили ходить в Думу. Они привыкли к чинным заседаниям в Государственном совете и Сенате, где сияли золотом мундиры и ордена. В Думе же было иначе: там хаотически смешивались сюртуки и пиджаки, рабочие косоворотки и крестьянские рубахи, полукафтаны и священнические

---

[21] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 145.
[22] Революция 1905—1907 гг. в России. Ч. 2, с. 769.
[23] Зеньковский А. В. Ук. соч., с. 17.
[24] Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М. 1918. с. 343.
[25] Conroy M. Sch. Op. cit., p. 3.
[26] Крыжановский С. Е. Воспоминания. [Берлин]. Б. г., с. 211.

рясы; в зале было шумно, с мест раздавались выкрики, а когда на трибуне появлялись члены правительства, начинался невообразимый шум: это называлось новомодным словом «обструкция». С точки зрения министров, Дума представляла собой безобразное зрелище: «Если первые дни кадеты, имевшие в Думе значительное число голосов,.. и сумели придать собраниям некоторое благообразие, а торжественный Муромцев даже и напыщенность, то этот тон быстро поблек после первых же успехов Аладьина, Онипки и их товарищей, явно показавших, что элементы правового строя тонут в Думе в революционных и анархических» [27]. Из всех министров достаточно уверенно в Думе вел себя только Столыпин, за два года пребывания в Саратовской губ. познавший, что такое стихия вышедшего из повиновения многотысячного крестьянского схода. Выступая в Думе, Столыпин говорил твердо и корректно, хладнокровно отвечая на выпады. Это не всегда нравилось Думе, зато нравилось царю.

При посредничестве Крыжановского Столыпин вскоре завязал негласные контакты с председателем Думы кадетом С. А. Муромцевым, состоялась также его встреча с лидером кадетов П. Н. Милюковым. В либеральных кругах создалось впечатление, что Столыпин благосклонно относится к созданию думского министерства с сохранением за Столыпиным его портфеля. Трудно провести черту, до которой эти переговоры велись с целью зондирования почвы, а потом стали прикрытием подготовки к роспуску Думы. В конце концов Столыпин обнаружил то же коварство, как и при балашовском инциденте. Однажды в июльскую пятницу 1906 г. он позвонил Муромцеву и сказал, что в понедельник выступит в Думе. А в воскресенье Дума была распущена [28].

В то же время гораздо более интенсивные переговоры велись с правым дворянством. В мае 1906 г. собрался первый съезд уполномоченных дворянских обществ, созванный при ближайшем содействии правительства, представители которого (В. И. Гурко, А. И. Лыкошин) участвовали в заседаниях.

Настроение прибывших на съезд дворян не было единодушным. Некоторых настолько напугала революция, что они считали необходимым сделать кое-какие уступки в земельном вопросе, но таких было немного. «Дворянство Рязанской губернии,— заявил, например, Л. Л. Кисловский,— не находится в таком цветущем состоянии, чтобы оно могло делать подарки и приносить жертвы. Наоборот, когда нас выбирали уполномоченными, то нам рекомендовалось заботиться о неприкосновенности частной собственности». Немало резких слов было сказано в адрес крестьянской общины. «Община — это то болото, в котором увязает все, что могло бы выйти на простор,— говорил К. Н. Гримм,— благодаря ей нашему крестьянству чуждо понятие о праве собственности. Уничтожение общины было бы благодетельным шагом для крестьянства» [29]. Нападки на общину в какой-то мере были тактическим приемом правого дворянства: отрицая крестьянское малоземелье, оно стремилось свалить все беды на общину. Вместе с тем эти нападки объяснялись и тем, что в период революции община сильно досадила помещикам: крестьяне шли громить помещичьи усадьбы «всем миром», имея в общине готовую организацию для борьбы.

При голосовании правительственной программы по пунктам вопрос о хуторах и отрубах не вызвал больших прений, ибо они мало интересовали дворян. Главные их заботы сводились к тому, чтобы закрыть

[27] Там же, с. 83.
[28] Изгоев А. Ук. соч., с. 35—38.
[29] Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб. 1910, с. 49, 54.

вопрос о крестьянском малоземелье и избавиться от общины. Правительство предложило раздробить ее при помощи хуторов и отрубов, и дворянство охотно согласилось. Правда, 29 депутатов во главе с Д. А. Олсуфьевым представили особое мнение, в котором предостерегали против «схематически-шаблонного, однообразно-догматического решения в центральных учреждениях аграрного вопроса без достаточного внимания ко всем разнообразным бытовым, племенным, географическим и другим особенностям отдельных местностей России» [30]. На съезде был избран постоянно действующий Совет объединенного дворянства. Во время частных переговоров со Столыпиным этот Совет обещал поддержку правительству на следующих условиях: роспуск Думы, введение «скорорешительных судов», прекращение переговоров с буржуазно-либеральными деятелями о вхождении их в правительство, изменение избирательного закона. Столыпин считал, что поддержка помещиков ему обеспечена, поскольку удалось сговориться насчет общины. Переговоры же с «общественными деятелями» имели еще несколько раундов, но ни к чему не привели.

I Дума была распущена 8 июля 1906 г. (не сразу после съезда), тем не менее соглашение постепенно исполнялось. Налицо была консолидация контрреволюционных сил, чему немало содействовал министр внутренних дел. Это было замечено в верхах, где Трепов продолжал свои комбинации. Роспуск Думы стал вызовом общественному мнению. Теперь царский двор решил, чтобы «потрафить» либералам, заменить непопулярного Горемыкина не столь одиозной фигурой. Председателем Совета министров стал Столыпин, сохранивший за собой портфель министра внутренних дел.

Новый премьер не имел свободы выбора при формировании кабинета. Из прежнего состава правительства он удалил лишь таких реакционеров, как А. С. Стишинский и князь А. А. Ширинский-Шихматов, в основном же правительство осталось горемыкинским. Не все его члены были единомышленниками Столыпина. Министр финансов В. Н. Коковцов, опытный государственный деятель и второе по значению лицо в кабинете, не скрывал скептического отношения к аграрным начинаниям Столыпина и всячески старался урезать связанные с ними расходы. К Коковцову иногда присоединялся главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б. А. Васильчиков. Министр юстиции И. Г. Щегловитов обычно поддерживал Столыпина, но лишь компрометировал его начинания, поскольку был непопулярной личностью (он выступал за ликвидацию принципа несменяемости судей и за их подчинение Министерству юстиции, при нем наметилось сближение органов юстиции и полиции). Пост обер-прокурора Синода, оставленный Ширинским-Шихматовым, долго был вакантным. Столыпин хотел назначить своего родственника А. Д. Оболенского, но последний был личным другом Витте, и царь отверг эту кандидатуру. Тогда министр иностранных дел А. П. Извольский предложил своего брата, и П. П. Извольский, прежде никогда не касавшийся церковного управления, получил это назначение [31]. Так, по-родственному, решались в России многие дела.

Драматические события середины 1906 г., связанные с революцией, свидетельствовали, что правительство по-прежнему на первый план своей деятельности ставит борьбу с революционным движением. 12 августа 1906 г. к министерской даче на Аптекарском острове подкатило ландо с двумя жандармскими офицерами. Опытный швейцар заметил странности в их форме. Вызвали подозрение и портфели, которые держали незнакомцы. Однако швейцару не удалось их остановить.

[30] Там же, с. 165.
[31] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 3, с. 367.

Вбежав в переднюю, те натолкнулись на генерала, ведавшего охраной дачи. Тогда они швырнули на пол портфели; произошел сильный взрыв, который разметал здание. В приемной министра в то время собралось много посетителей. Были убиты 27 человек, в том числе оба террориста, принадлежавшие к эсерам-максималистам. Среди раненых оказались 3-летний сын Столыпина и 14-летняя дочь. Сын вскоре поправился, у дочери же были раздроблены ноги и она года два не могла ходить. Единственной комнатой, которая не пострадала, остался кабинет Столыпина, где тот в момент взрыва и находился. Покушение укрепило престиж Столыпина в правящих кругах. По предложению царя, премьер с семьей переехал в Зимний дворец, охранявшийся более надежно. Сам Столыпин очень изменился. Когда ему говорили, что раньше он по такому-то поводу рассуждал иначе, он отвечал: «Да, это было до бомбы Аптекарского острова: а теперь я стал другим человеком»[32].

19 августа 1906 г. в чрезвычайном порядке по 87-й статье Основных законов был принят указ о военно-полевых судах. Рассмотрению этих судов подлежали такие дела, когда совершение «преступного деяния» являлось «настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Судопроизводство завершалось в пределах 48 часов, приговор (по распоряжению командующего округом) исполнялся в 24 часа. Столь жестокого карательного закона Россия прежде не знала. Широкое его применение началось сразу же после опубликования. Правда, иногда царская «скорострельная юстиция» давала осечку. Командующий войсками Казанского военного округа генерал И. А. Карасс не утвердил ни одного смертного приговора, говоря, что не хочет на старости лет пятнать себя кровью[33]. Но другие генералы смотрели на дело проще, оговорка в законе насчет очевидности «преступного деяния» их не смущала. Командующий войсками Одесского военного округа А. В. Каульбарс однажды подписал смертный приговор двум юношам, которых даже не было в том месте, где было совершено преступление. Потом нашли настоящих виновников, и их тоже расстреляли. Один из первых биографов Столыпина писал, что в то время «ценность человеческой жизни, никогда в России высоко не стоявшая, упала еще значительно ниже»[34]. Официальных сведений о числе жертв военно-полевых судов нет. По подсчетам исследователей, с августа 1906 г. по апрель 1907 г. было вынесено 1102 смертных приговора[35]. Согласно закону, указы, принятые по 87-й статье, должны были вноситься в Думу не позднее, чем через два месяца после ее созыва. II Дума собралась 20 февраля 1907 года. Правительство понимало, что она отклонит указ о военно-полевых судах, поэтому данный указ не был внесен на рассмотрение и автоматически потерял силу 20 апреля 1907 года.

Впрочем, в отличие от Дурново и Горемыкина, Столыпин делал ставку не только на репрессии, а стремился также провести ряд реформ, чтобы в угодном для правящих кругов духе разрешить главные вопросы, поставленные революцией. Правда, большинство мемуаристов и историков не считало его «генератором идей». «В Петербург Столыпин приехал без всякой программы, в настроении, приближавшемся к октябризму,— писал современник.— Вся первоначальная законодательная программа была получена им в готовом виде в наследство от прошлого»[36]. «Без всякой программы» — это, пожалуй, преувеличение.

[32] Там же, с. 369.
[33] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ III). Т. 26, № 28252; Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм. М. 1982, с. 145—146; Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905—1914). Пг. 1916, с. 91.
[34] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 3, с. 481—482; Изгоев А. Ук. соч., с. 124.
[35] Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М. 1958, с. 215.
[36] Крыжановский С. Е. Ук. соч., с. 214—215.

Столыпин имел твердые взгляды относительно общины, хуторов, отрубов и путей их насаждения, что составило стержень его аграрной программы. Кроме того, он был сторонником серьезных мер по распространению начального образования. Оказавшись во главе правительства, он затребовал из всех ведомств те первоочередные проекты, которые давно были разработаны, но лежали без движения. В итоге Столыпину удалось составить целостную программу умеренных преобразований. 24 августа 1906 г. правительство опубликовало декларацию, в которой пыталось оправдать свою политику массовых репрессий и возвещало о намерении провести важные социально-политические реформы. Подробнее преобразовательная программа была изложена Столыпиным во II Думе 6 марта 1907 года.

Некоторые мероприятия правительство начало проводить в спешном порядке, не дожидаясь созыва Думы. 27 августа 1906 г. был принят указ о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам части государственных земель. 5 октября последовал указ об отмене некоторых ограничений крестьян в правах, чем были окончательно отменены подушная подать и круговая порука, сняты некоторые ограничения свободы передвижения крестьян и избрания ими места жительства, отменен закон против семейных разделов, сделана попытка уменьшить произвол земских начальников, расширены права крестьян на земских выборах. Указ от 17 октября 1906 г. конкретизировал принятый в 1905 г. по инициативе Витте указ о свободе вероисповедания, определив права и обязанности старообрядческих и сектантских общин. Представители официальной церкви никогда не простили Столыпину того, что старообрядцы получили такой устав, в то время как соответствующее положение о православном приходе застряло в канцеляриях. 9 ноября 1906 г. был издан указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»[37]. Переработанный в III Думе, он стал действовать как закон от 14 июня 1910 года. 29 мая 1911 г. был принят закон «О землеустройстве».

Последние три акта составили юридическую основу мероприятий, вошедших в историю как «столыпинская аграрная реформа». Взгляды на нее советских и зарубежных историков заметно различаются. Посредством аграрной реформы Столыпина, пишет Г. А. Герасименко, царизм пытался «расширить социальную опору монархии за счет самого массового эксплуататорского слоя — сельской буржуазии... Этот консервативный слой в деревне предполагалось усилить, укрепить экономически и увеличить количественно за счет крестьянского землевладения»; на развалинах общины правительство хотело создать «широкий слой сельских капиталистов, союзников помещиков и сторонников монархии»[38]. Как считает американский историк Дж. Токмаков, политика Столыпина была направлена на «дальнейший подрыв глубоко укоренившихся феодальных уз и пробуждение инстинкта частной собственности, который в конце концов должен был создать буржуазное общество мелких фермеров. Это новое сельское общество стало бы основой реформированного государства, о создании которого думал Столыпин»[39]. Оба автора исходят из предположения, что первоочередной целью Столыпина было создание слоя фермеров. Но наши историки считают, что этот слой должен был формироваться на основе кулацких хозяйств, западные — на основе всего крестьянства. Элементы истины есть и в тех, и в других рассуждениях.

[37] ПСЗ III. Т. 26, №№ 28315, 28392, 28424, 28528.
[38] Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов. 1985, с. 22.
[39] Tokmakoff G. Stolypin's Agrarian Reform. An Appraisal.— The Russian Review, 1971, vol. 30, № 2, pp. 125—126, 132—133.

Известно об устойчивой неприязни Столыпина к крестьянской общине. Знаем мы и наказ, данный ему дворянским съездом: «Уничтожьте общину!». Столыпин, всецело сочувствуя этому призыву, сделал разрушение общины первоочередной задачей своей реформы. Предполагалось, что первый этап — чересполосное укрепление наделов отдельными домохозяевами — нарушит единство крестьянского мира. Крестьяне, имевшие земельные излишки против нормы, должны были поспешить с укреплением своих наделов и образовать группу, на которую правительство рассчитывало опереться. Столыпин говорил, что таким способом он хочет «вбить клин» в общину [40]. После этого предполагалось приступить ко второму этапу — разбивка деревенского надела на отруба или хутора. Последние считались идеальной формой землевладения, ибо крестьянам, рассредоточенным по хуторам, трудно было бы поднимать мятежи. «Совместная жизнь крестьян в деревнях облегчала работу революционеров»,— писала М. П. Бок, явно со слов своего отца [41]. Этот полицейский подтекст реформы тоже не следует упускать из вида.

Что же должно было появиться на месте разрушенной общины — узкий слой сельских капиталистов (как полагают советские историки) или широкие массы процветающих фермеров (как считало старшее поколение западных историков)? На деле не предполагалось ни того, ни другого. Первого не хотело само правительство. Сосредоточение земли в руках кулаков должно было разорить массу крестьян. Не имея средств пропитания, они хлынули бы в город. Промышленность, до 1910 г. пребывавшая в депрессии, не смогла бы справиться с наплывом рабочей силы в таких масштабах, а наличие массы бездомных и безработных грозило новыми социальными потрясениями. Поэтому правительство дополнило указ, воспретив скупать в пределах одного уезда более шести высших душевых наделов, определенных по реформе 1861 года. По разным губерниям этот предел колебался в размерах от 12 до 18 десятин. Установленный для «крепких хозяев» потолок оказался низким. Что касается превращения нищего российского крестьянства в «процветающее фермерство», то такая возможность исключалась вследствие сохранения помещичьих латифундий. Переселение в Сибирь и продажа земель через Крестьянский банк тоже не решали проблему крестьянского малоземелья. «Результатом такой реформы могло стать полное и окончательное утверждение в России помещичье-кулацкого («прусского») типа капитализма и пауперизация большей части сельского населения. Капитализму потребовались бы многие десятилетия для «переработки» всей этой пауперизированной социальной среды, крайне слабой в производственном и культурном отношении, пораженной аграрным перенаселением» [42].

В реальной жизни из общины выходила в основном беднота, а также некоторые горожане, вспомнившие, что в давно покинутой деревне у них есть надел, который можно теперь продать. В 1914 г. было продано 60% площади чересполосно укрепленных в том году земель [43]. Покупателем земли иногда оказывалось крестьянское общество, и тогда она возвращалась в мирской котел. Чаще покупали землю зажиточные крестьяне, которые сами не всегда спешили с выходом из общины. Покупали и другие общинники. В руках одного и того же хозяина оказывались земли и укрепленные, и общественные, что запутывало поземельные отношения. Поскольку столыпинская реформа в целом не разрешила аграрного вопроса и земельное утеснение возрастало, неизбежной была новая волна переделов, которая должна была смести многое из столыпинского наследия. И действительно, земельные переделы, в разгар реформы почти прекратившиеся, с 1912 г. возобновились.

На хутора и отруба тоже далеко не всегда выходили «крепкие мужики». Землеустроительные комиссии предпочитали не возиться с отдельными домохозяевами, а разбивать на хутора или отруба все селение. Чтобы добиться от крестьян согласия на разбивку, власти прибегали к бесцеремонным мерам давления. Крестьянин же сопротивлялся не по «темноте своей», как считали власти, а исходя из здравых житейских соображений. Крестьянское земледелие очень зависело от капризов погоды. Имея полосы в разных местах, крестьянин обеспечивал себе ежегодный средний урожай: в засушливый год выручали полосы в низинах, в дождливый — на взгорках. Получив весь надел в одном отрубе, крестьянин оказывался во власти стихии. Хутора и отруба вообще не обеспечивали подъема агрикультуры, преимущество их перед чересполосной системой хозяйства не доказано. «Нигде в мире не наблюдалось такого практического опыта,— пишет американский историк,— который показал бы, что соединенные в одно целое поля принесли с собой агрикультурный прогресс» [44]. Между тем хутора и отруба считались тогда единственным, причем универсальным средством повышения крестьянской агрикультуры. А альтернативные средства, выдвинутые самой жизнью, подавлялись. Реформа затормозила начавшийся с конца XIX в. переход сельского общества от устарелой трехпольной системы к многопольным севооборотам. Задерживался и переход на «широкие полосы», при помощи которых крестьяне боролись с чрезмерной «узкополосицей».

Сельскохозяйственная абстрактность замысла столыпинской аграрной реформы в значительной мере объяснялась еще и тем, что ее разрабатывали люди, недостаточно хорошо знавшие деревню. За два года пребывания в Саратовской губ. Столыпин не смог глубоко узнать село. Ближайшим сподвижником Столыпина в проведении реформы был А. В. Кривошеин, в 1908 г. ставший главноуправляющим землеустройством и земледелием. Карьеру он начинал юрисконсультом Донецкой железной дороги, затем перешел в Переселенческое управление и стал петербургским чиновником. «Он был талантлив, энергичен, чрезвычайно импульсивен и обладал счастливой способностью улавливать, в какую сторону дует ветер»,— вспоминал о нем его сослуживец [45]. Витте, считавший Кривошеина «величайшим карьеристом», отмечал, что в 1905 г. он был еще сторонником общины, но после крутого поворота правительственной политики резко изменил свои взгляды [46]. Главным же правительственным теоретиком по землеустройству был датчанин А. А. Кофод. В Россию он приехал 22-х лет, ни слова не зная по-русски, затем долго жил в небольшой датской колонии в Псковской губернии.

Несмотря на старания правительства, хутора приживались только в некоторых западных губерниях, включая Псковскую. Отруба, как оказалось, более подошли для губерний Северного Причерноморья, Северного Кавказа и степного Заволжья. Отсутствие сильных общинных традиций там сочеталось с высоким уровнем развития аграрного капитализма, исключительным плодородием почвы, ее однородностью

---

[40] Koefoed C. A. My Share in the Stolypin Agrarian Reforms. Odense. 1985, p. 111.
[41] Бок М. П. Ук. соч., с. 205.
[42] Данилов В. Октябрь и аграрная политика партии.— Коммунист, 1987, № 16, с. 30.
[43] Известия Земского отдела, 1916, № 1, с. 33, 37.
[44] Yaney G. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. Urbana—Chicago—Lnd. 1982, p. 167. Современные западные историки сдержанно оценивают столыпинскую аграрную реформу.
[45] Koefoed C. A. Op. cit., p. 153.
[46] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 536; т. 3, с. 205, 392.

на больших просторах и низким уровнем агрикультуры. В этих условиях переход иа отруба прошел безболезненно и быстро принес производственную пользу.

Кроме вышеуказанных реформ, правительство Столыпина намеревалось провести ряд других преобразований, прежде всего по изменению системы местного управления, которая основывалась на сословных началах; сельское и волостное управление было сословно-крестьянским, а уездная администрация находилась в руках местной дворянской корпорации. Получалось, что одно сословие накладывалось на другое и руководило им. Правительство намеревалось ввести бессословную систему управления, которая основывалась бы иа взаимодействии помещиков, имущего крестьянства и правительственных чиновников. Несмотря на классовую ограниченность такой реформы, она имела бы более прогрессивное значение. В области рабочего законодательства намечались меры по страхованию рабочих от несчастных случаев, по болезни, инвалидности и старости, по ограничению рабочего времени для малолетних и подростков, устранению женского и детского труда на подземных и ночных работах. Большое значение имело бы введение всеобщего начального образования.

Некоторые из этих законопроектов были внесены во II Думу. По составу II Дума была левее I, но действовала осторожнее. Тем не менее правительство вскоре стало готовить ее роспуск, поскольку Дума не хотела отказываться от требования частичного отчуждения помещичьей земли и не выражала желания одобрить указ от 9 ноября 1906 года. Глядя на Думу, крестьяне бойкотировали аграрную реформу. Ходили слухи, будто тем, кто выйдет из общины, не будет прирезки помещичьей земли[47]. В 1907 г. реформа проходила очень плохо. Разгон Думы был делом нетрудным, но опыт свидетельствовал, что новая Дума может оказаться повторением предшествующей. Перед царем вставал вопрос: править ли без Думы или же менять избирательный закон так, чтобы обеспечить более благоприятный для правительства состав депутатов? На упразднении Думы настаивала лишь кучка крайних черносотенцев во главе с А. И. Дубровиным. Второе требование, как помним, выдвинуло «Объединенное дворянство». Правительство признало целесообразным второй путь. Однако ст. 87, словно специально созданная для Столыпина, на этот раз не помогла: в Основных законах содержалась оговорка, что изменение порядка выборов в Думу не может быть произведено без санкции самой Думы. Тогда было решено пойти на прямое нарушение закона.

Во главе заговора стоял царь. Его мало интересовали хутора и отруба, но раздражала левая Дума. Существует мнение, что Столыпин принял участие в разгоне Думы едва ли не против своего желания[48]. Однако никто из мемуаристов не писал, что Столыпин противился государственному перевороту. Тем более, что речь шла о судьбе реформы, которую он считал своим детищем и ради нее готов был пожертвовать какой угодно буквой закона. Замысел состоял в том, чтобы одновременно с роспуском Думы обнародовать новый избирательный закон. Его выработка была делом непростым, и это задерживало роспуск. Группа чиновников во главе с С. Е. Крыжановским подготовила три схемы нового избирательного закона. Одну из них составители в шутку назвали «бесстыжей», так как в ней слишком откровенно проявлялась основная тенденция — дать преимущество крупным землевладельцам. Именно на этой схеме остановился Совет министров. Когда Столыпин доложил Николаю II, тот сказал: «Я тоже за бесстыжую»[49]. К моменту решающего конфликта с Думой новый избирательный закон был в основном готов.

[47] Черныш ев И. В. Община после 9 ноября 1906 г. Ч. 2. Пг. 1917, с. 68.
[48] Изгоев А. Ук. соч., с. 62—63, 130.
[49] Крыжановский С. Е. Ук. соч., с. 108—111.

Утром 1 июня 1907 г. председатель Думы Ф. А. Головин получил от Столыпина записку с просьбой предоставить ему слово в начале заседания и удалить из зала публику. И вот «на трибуне появилась высокая и мрачная фигура Столыпина с бледным лицом, темною бородою и кроваво-красными губами». Металлический голос премьера долетал до самых отдаленных уголков притихшего зала. Премьер потребовал от Думы устранения из ее состава 55 социал-демократических депутатов, обвиняемых в заговоре против государства[50]. Дума ответила тем, что образовала специальную комиссию для разбора дела. Простая логика требовала от правительства довести провокацию до конца, чтобы получить более весомый предлог для роспуска. Но царь потерял терпение и в личной записке Столыпину указал, что «пора треснуть»[51]. 3 июня 1907 г. был издан манифест о роспуске Думы и об изменении Положения о выборах. Это событие вошло в историю под названием Третьеиюньского государственного переворота и традиционно считается концом первой российской революции.

III Дума, собравшаяся 1 ноября 1907 г., резко отличалась по составу от предыдущих: в ней заседало более 50 правых депутатов, 70 умеренно правых, 26 националистов, 154 октябриста, 28 прогрессистов и 54 кадета, свыше 20 мест принадлежало мелким национальным фракциям, демократический лагерь составляли трудовики (14 мест) и социал-демократы (19). В ноябре 1907 г., проанализировав состав III Думы, Ленин высказал предположение, что в ней попеременно будут действовать два большинства — октябристско-черносотенное и кадетско-октябристское; оба они контрреволюционны: первое будет способствовать подавлению революции военно-полицейскими методами, второе станет «прикрываться жалкими или негодными для народа реформами». Правда, оговаривался Ленин, Столыпин не захочет прочного оформления кадетско-октябристского большинства и постарается «держать кадетов в черном теле», но некоторые правые могут голосовать по тем или иным вопросам вместе с кадетами и октябристами[52].

Ленинская оговорка подтвердилась. Прочного октябристско-кадетского большинства в Думе не сложилось и оно действовало лишь эпизодически. Повседневное большинство включало октябристов, умеренно правых и националистов. С его помощью правительство укрепляло полицейские силы и использовало его для проведения реформ. При содействии Столыпина националисты и умеренно-правые вскоре объединились в «Русскую национальную фракцию». Сначала Столыпин ориентировался на октябристов, большинство которых поддержало военно-полевые суды и Третьеиюньский переворот[53]. В дальнейшем, когда настроения в верхах изменились, Столыпин сблизился с националистами. Существом его политики теперь было лавирование между интересами помещиков и самодержавия, с одной стороны, и задачами буржуазного развития страны (как понимал их Столыпин) — с другой. Уже тогда эта политика называлась «бонапартистской». Ранее, в Саратове, Столыпин подкармливал и использовал черносотенные формирования. То же делал он и теперь. Однако сложные и противоречивые отношения Столыпина с черносотенцами в третьеиюньский период изучены недостаточно.

[50] Из записок председателя II Думы Ф. А. Головина.— Красный архив, 1930, т. 6 (43), с. 66—67.
[51] Крыжановский С. Е. Ук. соч., с. 111.
[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16, с. 177—179.
[53] Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М. 1987, с. 112—114, 132—133.

До Третьеиюньского переворота Столыпин выражал свою политику формулой «Сначала успокоение, а затем реформы». Когда в революционном движении наступило временное затишье, он изменил формулу. В одном из интервью в 1909 г. Столыпин заявил: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»[54]. Это не означало, что он отложил задуманные преобразования на 20 лет, а свидетельствовало о том, что Столыпин понял, каких усилий требуют реформы, но не осознал (либо не хотел признать), что поступил опрометчиво, добившись подавления революции ранее проведения основных реформ. Ирония истории выразилась в том, что в условиях революционной «смуты» реформаторская деятельность Столыпина (как бы к ней ни относиться) оказалась гораздо продуктивнее, чем во времена «покоя».

Конец революции отнюдь не укрепил положения премьера, скорее наоборот. Правящие верхи увидели, что непосредственная опасность миновала, и ценность Столыпина в их глазах снизилась. Николай II начал им тяготиться. Ему виделось, что Столыпин узурпирует его власть. В 1909 г. в их отношениях произошел перелом. Правые члены Государственного совета извлекли из кучи законодательной вермишели проект штатов Морского генерального штаба и подняли скандал, доказывая, что Дума и Столыпин вторгаются в военную область, которая входит исключительно в компетенцию царя. Это звучало тем более убедительно, что одновременно развернулся Боснийский кризис, в разрешении которого Столыпин принимал активное участие, стараясь не допустить войны. Между тем внешняя политика тоже являлась прерогативой царя. Столыпин был и не рад, что связался с морскими штатами, но отступать было поздно, и правительство добилось прохождения их через Государственный совет. Однако царь отказался подписать законопроект.

Примерно в то же время Столыпин переехал из Зимнего дворца на Фонтанку, в свою постоянную резиденцию. «Мой авторитет подорван,— говорил он в частной беседе,— меня подержат, сколько будет надобно для того, чтобы использовать мои силы, а затем выбросят за борт»[55]. В те же годы появился при дворе Г. Е. Распутин. Докладывая царю о его похождениях, Столыпин давал понять, что в обществе начинаются нежелательные пересуды, а потому с Распутиным лучше расстаться. Однажды Николай ответил: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы»[56]. Александра Федоровна в ту пору пыталась заниматься благотворительностью. После нескольких разговоров с нею Столыпин пришел к выводу, что перед ним больной человек. Нервное расстройство дополнялось невежеством. Императрица не имела ни малейшего представления об устройстве и порядке действия государственной машины. Ей казалось, что самодержавная царская власть осуществляется как бы волшебным способом: повелели царь и царица — и вот уже исполнено. Наталкиваясь на неожиданные и непонятные ей препятствия, она сразу же раздражалась, считая своим личным врагом каждого, кто начинал почему-то медлить или на что-то ссылаться. В дни столкновений в связи со штатами Морского штаба царица настаивала на отставке Столыпина[57].

Положение Столыпина еще сильнее пошатнулось, когда от него стало отходить поместное дворянство, отношения с которым испортились из-за проектов местных реформ, ущемлявших вековые дворянские привилегии. Критика этих проектов, первое время осторожная, началась в 1907 году. Затем дворяне осмелели и стали нарочито заострять свои высказывания, стараясь произвести впечатление на царя и его окружение[58]. Публичное поношение столыпинских проектов сопровождалось энергичными закулисными действиями. Дворянские представители посещали великосветские салоны, бывали при дворе, некоторые из них являлись членами Государственного совета. Пытаясь договориться с дворянством, Столыпин задержал представление в Думу некоторых проектов. Они были переданы в Совет по делам местного хозяйства при Министерстве внутренних дел. Однако дворянские представители в этом Совете стали вносить такие поправки, которые фактически разрушали преобразования. Примерно тогда же в Государственном совете был изменен до неузнаваемости законопроект о старообрядцах. Указ 17 октября 1906 г. о старообрядческих общинах продолжал действовать в прежнем виде лишь потому, что в Думе положили проект под сукно.

В теории конституционного устройства существование верхних палат не признается обязательным. Их задачи обычно сводятся к сдерживанию слишком размашистой деятельности нижних палат, под влиянием момента способных прибегнуть к непродуманным действиям. Но во избежание тупиковой ситуации обычно предусматриваются те или иные механизмы, при помощи которых нижняя палата все же может разрешить вопрос. В начале 1906 г., когда создавалась новая редакция Основных законов Российской империи, правительство опасалось законодательной Думы. Поэтому верхнюю палату перегрузили социальным балластом (поместным дворянством и престарелой бюрократией). А если Государственный совет начинал упорствовать, то его не могли сдвинуть с места ни Дума, ни правительство. Только царь мог призвать к порядку членов Государственного совета. По существу, в таком виде законодательная машина была неработоспособна, о чем в верхах не подозревали, пока правительство воевало с I и II Думами. Когда революция закончилась, возникла проблема верхней палаты. Нормальным законодательным путем правительству Столыпина не удалось провести ни одного крупного преобразования, а то, что провели, вступало в действие в чрезвычайно-указном порядке. Даже закон 29 мая 1911 г. «О землеустройстве» в основных частях действовал уже ранее, в виде ведомственных инструкций.

В Государственном совете Столыпин твердо мог рассчитывать лишь на небольшую группу близких ему людей во главе со своим шурином А. Б. Нейгардтом. В просторечии эту группу называли «партией шуровьев». Другие правые и центристские группировки постепенно выходили из-под столыпинского контроля. Среди открытых врагов ведущую роль играл Дурново. Вскоре их когорта пополнилась еще более крупной фигурой С. Ю. Витте, несомненно, выдающегося государственного деятеля, хотя именно под его руководством была создана неудачная законодательная машина. При всем своем уме Витте обладал массой личных недостатков и слабостей, в частности непомерным тщеславием. Именно оно было причиной ухудшения отношений между Витте и Столыпиным. В Одессе была улица Витте. Когда тот был отставлен, городская дума решила ее переименовать. Но Витте не хотелось расставаться со «своей» улицей, по которой он любил гулять, бывая в Одессе. Столыпин, конечно, мог бы откликнуться на просьбу Витте и вмешаться. Но дело дошло бы до царя, а его отношение к своему бывшему премьеру было уже откровенно враждебным. Решив, что своим вмешательством он не поможет Витте и лишь навредит себе,

[54] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6. М. 1968, с. 355.
[55] Изгоев А. Ук. соч., с. 86.
[56] Бок М. П. Ук. соч., с. 331.
[57] Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л. 1978, с. 138.

[58] Московские ведомости, 25.I.1908; Дякин В. С. Ук. соч., с. 100—101.

Столыпин не стал ничего предпринимать[59]. Тогда Витте начал строить против Столыпина козни в Государственном совете, причем весьма компетентно. Многие идеи были подброшены группе Дурново именно со стороны Витте.

Учитывая настроения дворян и происки недругов, Столыпин полагал, что наибольшее сопротивление в верхней палате встретит местная реформа. Им был задуман обходный маневр с целью создания прецедента. В консервативных кругах большое распространение получили тогда идеи национализма. Отдал им дань и Столыпин, добившийся ущемления финляндской автономии. В духе этих идей был построен и законопроект о введении земства в шести западных губерниях (Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Волынской и Подольской). Тамошнее крестьянство было белорусским и украинским, среди помещиков преобладали поляки. Столыпин заявил, что новое земство должно быть «национально-русским» (малороссы и белорусы официально считались русскими), поэтому избирательные съезды и собрания были разделены на национальные курии, причем на долю поляков пришлось меньше гласных, чем на долю неполяков. Это означало, что крупные помещики в новом земстве окажутся в меньшинстве. Кроме того, в отличие от уже действовавших земских учреждений, новое земство было бессословным. Наконец, во время обсуждения реформы в Думе был вдвое понижен имущественный ценз. В итоге получился национально-либеральный мутант, на которого в Государственном совете с негодованием набросились и либералы вроде М. М. Ковалевского, и реакционеры из лагеря Дурново, и помещики (как русские, так и польские).

Сподвижник Дурново В. Ф. Трепов переговорил с Николаем II и объявил, что царь не настаивает на этом законопроекте. Столыпин ничего не знал о ведущейся против него интриге. 4 марта 1911 г. в его присутствии Государственный совет отклонил статью о национальных куриях. Удар был нанесен в самое сердце законопроекта. Оставалось восстановить прежний ценз, и новое земство становилось таким же дворянским, как и старое. Очевидцы рассказывали, что Столыпин, услышав об итогах голосования, изменился в лице и «на какое-то время замер». После чего демонстративно подал в отставку. Царь ответил неопределенно, но Столыпин считал дело решенным. Между тем в верхах развернулись споры. У Столыпина нашлись защитники среди великих князей, особенно активно действовали Александр и Николай Михайловичи. Первый из них, адмирал, был в недружественных отношениях с Витте. Второй, известный историк, выделялся среди великих князей образованностью и интеллигентностью. Оба утверждали, что без Столыпина «произойдет развал»[60].

Решающую роль сыграло вмешательство вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Как и ее сын, она мало интересовалась столыпинскими хуторами и отрубами, но обладала здравым умом и, зная своего сына, считала, что без твердой руки Столыпина ему будет хуже. 9 марта Столыпина вызвали к царице-матери. Входя в ее кабинет, он столкнулся с Николаем II, который выходил оттуда. Император имел вид провинившегося школьника, только что получившего выговор. Не поздоровавшись, он быстро прошел мимо. Столыпин, наоборот, встретил у императрицы теплый прием. Проявленное ее сыном колебание она объяснила влиянием Александры Федоровны. Но теперь, уверяла Мария Федоровна, император твердо обещал просить Столыпина взять отставку обратно. В тот же день Столыпин получил письмо от царя именно с такою просьбой[61].

[59] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 3, с. 484—486; Бок М. П. Ук. соч., с. 320.
[60] Дякин В. С. Ук. соч., с. 217—218; Речь, 9.III.1911; Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 3, с. 544.
[61] Бок М. П. Ук. соч., с. 325—326.

На следующий день Столыпин был на аудиенции у Николая II. Вообразив себя хозяином положения, он соглашался взять отставку назад на жестких условиях: Дурново и Трепов должны быть удалены из Государственного совета; обе законодательные палаты следует распустить на три дня, чтобы провести законопроект о западном земстве по 87-й статье; 1 января 1912 г. будут назначены по выбору Столыпина 30 новых членов верхней палаты взамен неугодных. Царь опять начал колебаться, но вечером того же дня подвергся новому нажиму со стороны матери, и на следующий день соглашение состоялось. Некоторым членам Думы Столыпин показывал листок из блокнота, на котором рукою царя были записаны поставленные ему условия[62] (возможно, это было записано просто для памяти, а потом вместе с другими бумагами листок случайно оказался у Столыпина; вряд ли он специально потребовал у Николая «долговую расписку»). Царь попал в унизительное положение, что вызвало в нем новую волну ненависти к премьеру.

Правые, однако, не сдались, и Государственный совет перед роспуском успел демонстративно отклонить законопроект о западном земстве[63]. Обе палаты были распущены на срок с 12 по 15 марта, законопроект провели по 87-й статье в думской редакции. Дурново и Трепов отправились отдыхать за границу. Казалось, Столыпин мог вздохнуть с облегчением. Но немедленно начались новые неприятности. Собравшись после роспуска, обе палаты внесли запросы о происшедшем инциденте. Пришлось признать, что имел место «некоторый нажим на закон». Обе палаты сочли объяснения председателя Совета министров неудовлетворительными.

Эти прения показали, как остро стоял в России вопрос о законности. Бесчинства властей, особенно на местах, с введением представительного строя почти не уменьшились. Нельзя сказать, что Столыпин не боролся с этим. Так, ему удалось сместить и отдать под суд московского градоначальника А. А. Рейнбота, и он прилагал усилия к смещению известного своими беззакониями одесского градоначальника И. Н. Толмачева. Но то были «выдающиеся» в своем роде правители. Рязанский губернатор князь А. Н. Оболенский был не столь знаменит, но и он доставлял Столыпину немало неприятностей. Посылая к нему ревизора, премьер говорил: «Он сажает в тюрьму за вылитое на улицу в уездном городе ведро помоев, засадил туда же каких-то девочек, дьяконских дочерей, и не хочет понять, что этим сыплет мне на голову горячие уголья». Калужский губернатор князь С. Д. Горчаков при помощи казенных землемеров добивался расширения своего имения за счет сопредельных владений[64]. Столыпин мало что мог сделать и с тем, и с другим: во-первых, таких было много; во-вторых, они были его родственники; в-третьих, трудно было добиваться законности от подчиненных, когда сам премьер проделывал с законом рискованные эксперименты.

Общеизвестен непотизм Столыпина. Посланник при папском дворе С. Д. Сазонов стал министром иностранных дел потому, что был женат на сестре жены Столыпина. Младший офицер императорской яхты Б. И. Бок, женившись на старшей дочери Столыпина, сразу же получил должность морского агента в Берлине, потом внезапно вышел в отставку, уехал в одно из ковенских имений Столыпина и стал уездным предводителем дворянства. Предполагалось, что он ускоренным темпом пойдет по стопам тестя и станет его надежной опорой. Впро-

[62] Шидловский С. И. Воспоминания. Ч. I. Берлин. 1923, с. 194.
[63] Государственный совет. Стеногр. отч. Сессия 6. СПб. 1911, с. 1362.
[64] Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914).— Исторические записки. Т. 107, с. 293, 295.

чем, Столыпин не был исключением: вся правящая верхушка России была переплетена родственными узами.

Одной из застарелых государственных болезней России была провокация. Система внутриполитического шпионажа создавалась десятилетиями и в конце концов приняла такие изощренные формы, что оказалась фактически вне контроля высших должностных лиц и превратилась в очень опасное орудие тех, кто держал в руках ее нити. В конце 1908 г. был разоблачен как сотрудник охранки Е. Ф. Азеф, длительное время руководивший боевой организацией партии эсеров. В его истории, ставшей достоянием гласности, самое неприятное для правительства было то, что далеко не все покушения, организованные Азефом, кончались провалами. Достаточно назвать убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича. Отвечая на запрос в Думе, Столыпин произнес одну из самых ярких своих речей. Он говорил о трудном деле созидания новой России, о строительных лесах, которые пока еще портят внешний вид возводимого здания. И вместе с тем, вопреки очевидным фактам, премьер утверждал, что Азеф — добросовестный агент полиции и слухи о его участии в убийствах высших должностных лиц страны не имеют под собой оснований [65].

В то время Столыпин располагал большой властью. При желании ему, возможно, и удалось бы частично искоренить эту заразу. Окончание революции было подходящим для того моментом. Но Столыпин открыто санкционировал существование прежней системы. Оправившись от потрясения, испытанного в марте 1911 г., Николай II с особым удовольствием стал доставлять премьеру мелкие неприятности. В мае царь отказался подписать принятый обеими палатами законопроект «Об отмене ограничений политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана и звания». Столыпин должен был примириться не только с этим, но и с одновременным назначением на пост обер-прокурора Синода В. К. Саблера, активного противника столыпинских конфессиональных реформ. Вновь поползли слухи о скорой отставке Столыпина. Петр Аркадьевич стал часто болеть. Врачи известили, что у него стенокардия («грудная жаба», как тогда говорили). «Не знаю, могу ли я долго прожить»,— сказал он своему младшему брату Александру [66].

Тем не менее Столыпин не сдавался. Известно, что в последний год своей жизни он работал над проектом обширных государственых преобразований. Но после его смерти все бумаги, связанные с проектом, исчезли, и долгое время последний столыпинский проект был окутан пеленой таинственности. Эту завесу несколько приподняли вышедшие в середине XX в. воспоминания А. В. Зеньковского, помогавшего Столыпину при составлении проекта. Судя по ним, проект был грандиозен. Намечалось учреждение семи новых министерств (труда, местных самоуправлений, национальностей, социального обеспечения, исповеданий, обследования и эксплуатации природных богатств, здравоохранения). Предусматривалась организация и восьмого нового министерства — переселения. Некоторые из них образовывались на базе существовавших структур, другие не имели такой базы. Расходы, связанные с их созданием, требовали увеличения бюджета более чем в три раза, для чего предусматривались увеличение прямых налогов, введение налога с оборота, повышение акциза на спиртные напитки и пр. Отрицательные последствия неизбежной при этом инфляции Столыпин намеревался частично погасить прогрессивным подоходным налогом. В области местного управления намечалось понижение земского ценза примерно в 10 раз, с тем чтобы в земском управлении могли принимать

[65] Государственная дума. Стеногр. отч. Сессия 2. Ч. 2. СПб. 1909, с. 1418—1438.
[66] Бок М. П. Ук. соч., с. 330.

участие владельцы хуторов и рабочие, владеющие небольшой недвижимостью [67].

Создание новых министерств не было самоцелью и имело в виду реальные потребности. И все же план Столыпина производил пугающее впечатление. Предполагалось дальнейшее развертывание государственной машины. Столыпин непоколебимо верил в преобразующую силу бюрократии. В разговорах с Зеньковским он высказывал мысль, что в ближайшем будущем ему придется на некоторое время уйти в отставку. Он предполагал оформить свой проект в виде «всеподданнейшего доклада» и представить его Николаю II и Марии Федоровне. Ознакомившись с ним, они, как полагал Столыпин, «создадут те условия», при которых он сумеет вернуться к власти. Подобный план может показаться наивным. Вспомним, однако, что Витте, человек еще более искушенный, до конца своих дней лелеял мечту о возвращении к власти.

Значительные препятствия своему проекту Столыпин ожидал со стороны Думы и Государственного совета. На этот случай тоже был составлен план: если переговоры с председателями фракций не дадут желаемых результатов, проекты будут проведены по 87-й статье (по окончании срока полномочий III Думы и до созыва IV Думы)[68]. Столыпин таким образом собирался бесконечно долго эксплуатировать упомянутую статью. Нормальный порядок законодательства оказывался заблокированным, чрезвычайный — постоянно действующим, законодательные палаты превращались в декоративные учреждения, самодержавие же восстанавливалось в прежнем объеме.

Летом 1911 г. Столыпин, отдыхая в Колноберже, дорабатывал свой проект. 28 августа он приехал в Киев на торжества по случаю открытия земских учреждений и памятника Александру II. И сразу же стало очевидно, что его дни на высшем государственном посту сочтены. Ему не нашлось места в экипажах, в которых следовали император, его семья и приближенные. Ему вообще не предоставили казенного экипажа, и председателю Совета министров пришлось нанимать извозчика. Положение спас городской голова, уступив Столыпину свой экипаж. По городу ползли слухи о готовящемся покушении на премьера. Рассказывали, что Распутин, увидев его в экипаже, к ужасу собравшейся толпы завопил: «Смерть за ним!.. Смерть за ним едет!.. За Петром... за ним...» [69]. Охрана царя и его свиты во время торжеств была поручена товарищу министра внутренних дел, командиру корпуса жандармов П. Г. Курлову. В свое время он занял этот пост вопреки воле Столыпина, который добивался затем его смещения. Помощниками себе Курлов избрал вице-директора Департамента полиции М. Н. Веригина, начальника дворцовой охраны А. И. Спиридовича и начальника Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко. Спиридович и Кулябко были родственники. Курлов и Спиридович имели тесные связи с камарильей. Веригину Курлов протежировал по службе. То была тесно сплоченная компания.

26 августа в охранное отделение явился 24-летний киевский житель Д. Г. Богров и заявил, что во время своего недавнего пребывания в Петербурге он встречался с видными эсерами. Один из них, Николай Яковлевич, предупредил о своем приезде в Киев и попросил помочь с квартирой [70]. Богров — личность малопривлекательная, несмотря на попытки некоторых историков героизировать его. Этот прово-

[67] Зеньковский А. В. Ук. соч., с. 73—87.
[68] Там же, с. 71—72.
[69] Бок М. П. Ук. соч., с. 339; Зеньковский А. В. Ук. соч., с. 234; Шульгин В. В. Дни. Л. 1925, с. 75—76.
[70] Базылев Л. Загадка 1 сентября 1911 г.— Вопросы истории, 1975, № 7, с. 121.

катор родился в богатой семье, учился в университете, ездил за границу, играл в карты, за деньги выдавал охранке анархистов, затем решил убить Столыпина — вот и вся жизнь Богрова. На киевскую охранку информация Богрова произвела глубокое впечатление. В течение нескольких дней он шантажировал ее Николаем Яковлевичем, который (бесплотный, словно дух, видимый одному лишь Богрову) приехал в Киев, поселился у него на квартире, распаковал чемодан с двумя браунингами и велел узнать личные приметы Столыпина и министра просвещения Л. А. Кассо. Чтобы не спугнуть Николая Яковлевича (вдруг он установил наблюдение за самим Богровым?), надо было, как объяснял Богров, побывать там, где будет Столыпин, и как бы выполнить поручение, узнав приметы последнего. Поэтому Богров безотказно получал пропуска и билеты на все торжественные мероприятия и несколько дней ходил за Столыпиным едва ли не по пятам.

В литературе бытуют две основные версии дальнейших событий. А. Я. Аврех изложил свой вывод образно и сжато: «Гениальным полицейским нюхом Курлов и К° учуяли, что неожиданный приход Богрова является тем неповторимым случаем, который могут упустить только дураки и растяпы. Они отлично знали, что предвосхищают тайное желание двора и камарильи избавиться от Столыпина. Риск, конечно, был, но игра стоила свеч» [71]. Польский историк Л. Базылев склонен был считать, что охранка действовала без такого умысла: «вера в его (Богрова) сведения может удивлять. Но, доверяя Богрову, Кулябко и Курлов поступили согласно своему многолетнему опыту. Они только не учли, какие попытки может совершить болезненная натура их осведомителя, и поплатились за это своими должностями» [72].

1 сентября 1911 г. в киевской опере шла «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова. В ложе находился царь, Столыпин сидел в первом ряду, в 18-м ряду — Богров. После второго акта был большой перерыв, царь покинул ложу. Столыпин стоял спиной к сцене, опершись о рампу, и беседовал с министром двора бароном В. Б. Фредериксом и военным министром В. А. Сухомлиновым. Богров, подойдя к Столыпину на расстояние двух-трех шагов, дважды выстрелил. Одна пуля попала в руку, другая, задев орден на груди, изменила направление и прошла через живот. Столыпин сначала растерянно вытирал кровь, затем начал оседать на пол. Богров успел дойти до выхода из зала, но всеобщее оцепенение прошло, его схватили и избили. Когда порядок восстановился, зрители вернулись в зал, в ложе появился царь. Хор исполнил «Боже, царя храни». Раненого отправили в клинику. Состояние Столыпина несколько дней было неопределенным. Торжественные же мероприятия продолжались. Царь однажды побывал в клинике, но к Столыпину не прошел, а своей матери написал, что Ольга Борисовна его не пустила. 5 сентября состояние раненого резко ухудшилось, вечером Столыпин умер.

9 сентября Богров предстал перед Киевским окружным военным судом и 12 сентября по приговору суда был повешен. Современников удивила эта поспешная расправа. «Убийца был казнен подозрительно быстро,..— вспоминал Кофод,— как если бы боялись, что он скажет слишком много» [73]. Кто-то торопился замести следы. Но «криминальная четверка» уже мало что могла сделать. Очевидно, в дело включились какие-то другие силы. Можно говорить и о военном министре Сухомлинове, в чьем ведомстве находилась военная юстиция, и о самом царе. Это заметание следов вовсе не говорит в пользу версии о псевдоротозействе. Ротозейство тщетно было бы скрывать, оно было на виду.

[71] Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М. 1968, с. 386—387, 406.
[72] Базылев Л. Ук. соч., с. 127.
[73] Koefoed C. A. Op. cit., p. 141.

Наоборот, раз в обществе появились подозрения самодержавию выгоднее было бы показать, что ничего кроме ротозейства и не было. Версия Базылева предполагает и непрофессионализм охранников. Но выдумки Богрова, шитые белыми нитками, годились разве что для деревенского урядника, а не для матерых жандармов. Поэтому версия Авреха кажется предпочтительнее.

И все же выскажем еще одну гипотезу, промежуточную. Первому рассказу Богрова, с которым он пришел 26 августа, жандармы вполне могли поверить. Но потом, когда у него поселился невидимый Николай Яковлевич, а из Петербурга существование такого террориста не подтвердили, должны были появиться подозрения. Однако игра продолжалась, чтобы выяснить, что затеял осведомитель, и решить, как поступить. В конце концов охранка «заигралась» с Богровым, действуя тем беспечнее, что в сложившихся условиях жизнь Столыпина уже не представляла в ее глазах большой ценности. Крупные неприятности могли произойти, если бы Богров вздумал стрелять в царя. Но в театре все было устроено так, что добраться до Николая II было труднее... Впоследствии всю четверку предполагали отдать под суд за халатность, дело прошло через несколько инстанций, а затем по личному распоряжению царя его прекратили.

Столыпин просил, чтобы его похоронили в том городе, где он кончит свою жизнь. И 9 сентября он был похоронен в Киево-Печерской лавре. Органы печати подводили итоги пятилетней деятельности Столыпина как главы правительства. При этом крайние черносотенцы по-прежнему были непримиримы. Другие правые, а также октябристы и правые кадеты очень высоко оценивали его деятельность, хотя официальное кадетское руководство в лице П. Н. Милюкова сохранило к Столыпину отрицательное отношение [74]. Еще более резкие отрицательные характеристики высказывали публицисты демократического лагеря. В октябрьском номере «Русского богатства» за 1911 г. была помещена статья А. В. Пешехонова с красноречивым названием «Не добром помянут». Естественной звучала большевистская оценка: в статье «Столыпин и революция» Ленин назвал его «уполномоченным или приказчиком» русского дворянства, возглавляемого «первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым»; вместе с тем Ленин писал: «Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути» [75].

В последующие годы в разных городах России устанавливались памятники Столыпину, а в Государственном совете проваливались его реформы. Его деятельность не была однозначной. В целом Столыпин был, несомненно, крупным государственным деятелем, но вряд ли особо выдающимся. «У П. А. Столыпина был сильный ум,— писал современник,— но это был какой-то ум второго сорта, действительно лишенный и углубления, и идеалистического благородства, ум, смешанный с мелкой хитростью и лукавством» [76]. Однако при всех своих отнюдь не исключительных качествах Столыпин видел все же дальше и глубже, чем царь и помещики. Его судьба определилась тем, что они не захотели иметь «приказчика», превосходившего их по личным качествам.

[74] Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л. 1988, с. 17.
[75] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 325, 329.
[76] Изгоев А. Ук. соч., с. 130.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Украина—Москва (перекрестки 30-х годов)

Теперь хочу рассказать о том, как Берия был выдвинут в Наркомат внутренних дел СССР первым заместителем Ежова. Берия работал в то время секретарем ЦК Компартии Грузии. Когда я работал в Москве, то у меня сложились с Берией хорошие, дружеские отношения. Это был умный человек, очень сообразительный. Он быстро на все реагировал и этим мне нравился. На Пленумах ЦК партии мы сидели всегда рядом и перекидывались репликами по ходу обсуждения вопросов или о тех или других ораторах, как это всегда бывает между близкими товарищами.

В 1934 г. я отдыхал в Сочи. По истечении срока отдыха Берия пригласил меня возвратиться в Москву через Тифлис. Тогда Тбилиси еще называли Тифлисом. Я поехал пароходом в Батуми, а из Батуми — железной дорогой в Тифлис и пробыл там целый день. Потом купил билет в Тифлисе на Москву. Поезда тогда ходили из Грузии в Россию только через Баку. Я сказал проводнику, что займу свое купе на Северном Кавказе, в Беслане (так, кажется, называлась станция). Поехал Военно-Грузинской дорогой и в Беслане встретил поезд.

В Тифлисе я познакомился с некоторыми грузинскими товарищами. Грузия произвела на меня хорошее впечатление. Я вспомнил былое, когда в 1921 г., во время гражданской войны, был в Грузии вместе с воинскими частями. Наша часть стояла тогда на станции Аджамети под Кутаисом, а в Кутаисе находился штаб. Иной раз по долгу службы я ездил туда верхом, чаще всего от Аджамети до Кутаиса вброд через Риони. У меня сохранились хорошие впечатления от той поры, и мне было приятно вновь взглянуть на Грузию, вспомнить прежние времена, 1921 год. Сталин называл меня в шутку «оккупантом», когда я рассказывал ему о своих впечатлениях насчет того, как грузины, особенно грузинская интеллигенция, плохо относились к Красной Армии. Мне приходилось иной раз выезжать в политотдел 11-й армии, штаб которой стоял в Тифлисе. Бывало, сидишь в вагоне вместе с грузинами моего же возраста, еще молодыми, обращаешься к ним на русском, а они никогда мне не отвечали, делая вид, что не понимают русского, хотя я видел, что это бывшие офицеры царской армии и хорошо владеют русским. Простой грузинский народ вел себя иначе. Крестьяне встречали нас всегда очень гостеприимно, обязательно угощали. Если случались какие-либо семейные торжества, устраивались обеды, грузины делали это пышно. А наших красноармейцев, которые попадались им в такие часы, буквально затаскивали в дом, напаивали и потом провожали в воинскую часть. Никогда не было ни одного случая насилия над красноармейцами, хотя возможности имелись: вокруг заросли кукурузы, кустарники, лес.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—5.

Когда я рассказывал об этом Сталину, он как бы возражал: «Что вы обижаетесь на грузин? Поймите же, вы оккупант, вы свергли грузинское меньшевистское правительство». «Это,— отвечаю,— верно, я понимаю и не обижаюсь, а просто говорю, какая была тогда обстановка».

Теперь во второй раз познакомился я с Берией и другими руководителями Грузии. Кадры мне понравились, вообще люди очень понравились. Единственно то лишнее, рассказывал я Сталину, что чересчур гостеприимны. Очень трудно устоять, чтобы тебя не споили, нехорошо это. «Да, это они умеют,— отвечал Сталин,— это они умеют, я их знаю». В те годы сам Сталин выпивал еще весьма умеренно, и мне его умеренность нравилась.

Однажды, когда я был в Москве, приехав из Киева, Берию вызвали из Тбилиси. Все собрались у Сталина, Ежов тоже был там. Сталин предложил: «Надо бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя». Он и раньше ставил этот вопрос, при мне спрашивал Ежова: «Кого вы хотите в замы?» Тот отвечал: «Если нужно, то дайте мне Маленкова». Сталин умел сделать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ, хотя у него уже давно каждый вопрос был обдуман. Просто он ожидал ответа Ежова. «Да,— говорит,— конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос, кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном Комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры». Одним словом, отказал ему. А через какое-то время опять поставил прежний вопрос: «Кого в замы?». На этот раз Ежов никого не назвал. Сталин и говорит: «А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берию?» Ежов резко встрепенулся, но сдержался и отвечает: «Это — хорошая кандидатура. Конечно, товарищ Берия может работать, и не только заместителем. Он может быть и наркомом».

Следует заметить, что тогда Берия и Ежов находились в дружеских отношениях. Как-то в воскресенье Ежов пригласил меня и Маленкова к себе на дачу, там был и Берия. Это случалось не раз. Когда Берия приезжал в Москву, то всегда гостил у Ежова... Сталин ответил: «Нет, в наркомы он не годится, а заместителем у вас он будет хорошим». И тут же продиктовал Молотову проект постановления. Молотов всегда сам писал проекты под диктовку Сталина. Как правило, такие заседания затем кончались обедами у Сталина. Я подошел к Берии, по-дружески пожал ему руку и поздравил его. Он незлобно, но демонстративно, хотя и тихо, послал меня к черту: «Ты что поздравляешь меня? Сам же не хочешь идти на работу в Москву». Это он намекнул на то, что Молотов просил, чтобы меня утвердили заместителем Председателя Совнаркома СССР. Сталин согласился с этим и уже сказал мне об этом. Но я очень не хотел такого назначения и начал просить Сталина не делать этого. Сталин вроде бы прислушался к моим словам. А я уговаривал: «Товарищ Сталин, дело идет к войне. Сейчас меня более или менее узнали на Украине, да и я узнал эту республику, узнал ее кадры. Придет новый человек, ему будет сложнее. Мне полезнее находиться сейчас на Украине, чем идти к товарищу Молотову, хотя товарищ Молотов много раз меня уговаривал идти к нему».

Молотов хорошо относился ко мне, высоко оценивая мою деятельность и в Москве, и на Украине. Он часто звонил в Киев и советовался по тому или другому вопросу. Например, когда назначали наркомом земледелия Бенедиктова, позвонил ко мне и спросил: «Как вы смотрите на это, вы же знаете Бенедиктова?» Отвечаю: «Знаю. Наркомом будет хорошим. Высокое, конечно, выдвижение сразу из директо-

ров треста в наркомы, но это будет все же хороший нарком, знающий, умеющий работать и организовать дело». Или вот с Малышевым. Он был тогда главным инженером Коломенского паровозного завода. Я съездил в Коломну и после возвращения в Москву многое рассказал Сталину о Малышеве, поскольку он произвел на меня очень хорошее впечатление. Потом позвонил мне Молотов и поинтересовался: «Как вы посмотрите, если мы выдвинем Малышева наркомом машиностроения?» Отвечаю: «Очень хороший инженер. Считаю, что он будет также очень хороший нарком». Так случалось и по другим вопросам, связанным с людьми, которых я знал. Это свидетельствует о доверии и хорошем отношении Молотова ко мне. Я так это и расценивал. Да и Молотов тогда мне нравился, но идти в Совнарком СССР я не хотел.

Сталин согласился с моим аргументом насчет близости войны и сказал: «Ладно, пусть Хрущев остается на Украине». Когда я стал поздравлять Берию, именно это он мне и припомнил: «Как ты сам отбивался? Не хотел? А меня сейчас поздравляешь? Я тоже не хочу идти в Москву, мне в Грузии лучше». «Постановление уже есть и вопрос решен,— ответил я.— Ты теперь москвич, прощайся со своей Грузией».

Так был назначен Берия. Сталин при этом что-то надумал. Просто так он ничего не делал. Он, видимо, Ежову уже не доверял или же не то чтобы не доверял, а просто считал, что Ежов сделал свое дело и ему пора на покой, теперь нужно использовать другого. Тогда я думал, что Сталин хочет иметь в НКВД грузина. Он доверял Берии, а через Берию хотел проверить все дела Ежова. После назначения Берии в Наркомат внутренних дел я встречался с ним, приезжая в Москву. У меня опять сложились с ним хорошие отношения. Он мне рассказывал, что арестовывают много людей, и сетовал: где же будет край? На чем-то ведь надо остановиться, что-то предпринять, арестовывают невинных. Я соглашался с ним. У меня не имелось таких данных, но Берия — заместитель наркома внутренних дел, и я доверял ему и уважал его: вот честный коммунист; он видит, что допускались неправильные аресты, возмущается этим. Он и со Сталиным об этом говорил. Я знаю точно, хотя меня он убеждал, что у них об этом разговоров не возникало. Потом-то я понял, что это был хитрый ход: он рассказывал об этом Сталину, чтобы подставить ножку Ежову и самому занять место наркома.

Ежовым Сталин был уже недоволен. Тот сыграл свою роль, и Сталин хотел поменять на ходу лошадей, но продолжать ехать тем же курсом и осуществлять те же дела. Для этого ему нужны были другие люди. Раньше Ежов, заменяя Ягоду, уничтожил многие кадры, в том числе и чекистские, которые работали с Ягодой. Теперь Сталину (как я понял это после его смерти) понадобилось покончить с кадрами, которые выдвинулись при Ежове. Берия и предназначался для этого. А мы тогда считали: все дело в том, что он кавказец, грузин, ближе к Сталину не только как член партии, но и как человек одной с ним нации. Но у Сталина, как я потом сделал вывод уже после его смерти, имелись иные цели. А Ежов к тому времени буквально потерял человеческий облик, попросту спился. Он так пил, что и на себя не был похож. С ним я познакомился в 1929 г., во время обучения в Промышленной академии и часто встречался с ним по делам академии. Она находилась в ведении ЦК партии, а в ЦК кадрами занимался как раз Ежов. Академия — кузница кадров, как тогда говорили, поэтому меня часто вызывали в ЦК к Ежову, и я всегда находил у него понимание. Он был простой человек, питерский рабочий, а тогда это имело большое значение,— рабочий, да еще питерский. Но под конец своей деятельности, в конце своей жизни, это был уже совершенно другой Ежов. Я думаю, так повлияло на него то, что он знал, что происходит. Он понимал, что Сталин им пользуется как дубинкой для уничтожения кадров, прежде всего старых большевистских кадров, и заливал свою совесть водкой.

Позднее мне рассказывали следующее. На последнем этапе его жизни и деятельности у него заболела жена. Она легла в Кремлевскую больницу, но уже было решено, что, как только она выздоровеет, ее арестуют. Сталин широко применял такой способ ареста. Через жен ответственных работников он старался раскрыть «заговоры», раскрыть «предательство» их мужей — ответственных работников. Жены ведь должны знать их секреты и сумеют помочь государству разоблачить врагов народа. Так были арестованы жены Михаила Ивановича Калинина, Кулика, Буденного, позже и жена Молотова Жемчужина. Я даже не знаю, сколько их было, таких; наверное, огромное количество невинных женщин, которые пострадали за невиновность своих мужей. Все они были расстреляны или сосланы.

Жена Ежова стала выздоравливать и вскоре должна была выписаться, но вдруг умерла. Потом говорили, что она отравилась. Видимо, так это и было. Сталин и Берия рассказывали, что перед тем, как она отравилась, в больницу заходил Ежов, принес ей букет цветов. Это был условный знак — сигнал, что она будет арестована. Вероятно, Ежов догадывался и хотел устранить следы возможного разоблачения его деятельности. До чего дошло! Нарком — враг народа! Мы считали: раз она отравилась, то спрятала концы в воду и отрезала возможность разоблачить своего мужа. Впрочем, независимо от того, отравилась она или нет, Сталин уже давно решил, еще когда выдвигал Берию заместителем Ежова, что Ежов — конченый человек. Ежов ему стал не нужен. Продолжение деятельности Ежова было не на пользу Сталину, и он хотел с ним рассчитаться.

Ежова арестовали. Я случайно в то время находился в Москве. Сталин пригласил меня на ужин в Кремль, на свою квартиру. Я пошел. По-моему, там был Молотов и еще кто-то. Как только мы вошли и сели за стол, Сталин сказал, что решено арестовать Ежова, этого опасного человека, и это должны сделать как раз сейчас. Он явно нервничал, что случалось со Сталиным редко, но тут он проявлял несдержанность, как бы выдавал себя. Прошло какое-то время, позвонил телефон, Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил Берия: все в порядке, Ежова арестовали, сейчас начнут допрос. Тогда же я узнал, что арестовали не только Ежова, но и его заместителей. Одним из них был Фриновский. Фриновского я знал мало. Говорят, что это был человек, известный по гражданской войне, из военных, здоровенный такой силач со шрамом на лице, физически могучий. Рассказывали так: «Когда навалились на Фриновского, то Кобулов, огромный толстый человек, схватил его сзади и повалил, после чего его и связали». Об этом рассказывали, как о каком-то подвиге Кобулова. И все это тогда принималось нами, как должное.

Считалось, что у нас есть внутренние враги, а начало их разоблачению было положено при аресте видных военных в 1937 году. Они сознались. Говорили, что командующий войсками Московского военного округа, когда его вывели на расстрел и спросили, кому же он служил,— заявил, что служил немецкой армии и германскому государству, демонстративно сделал такое заявление перед смертью. Правда, казненный по тому же делу Якир в последние секунды жизни выкрикнул: «Да здравствует Сталин!», после чего был расстрелян. Когда об этом передали Сталину, он его обругал: «Вот какой подлец, какой иуда. Умирая, все-таки отводит в сторону наше следствие, демонстрируя, что предан Сталину, предан нашему государству».

Началась деятельность Берии. Мясорубка работала так же, хотя

отводящих от сути разговоров стало больше, именно со стороны Берии. При нас он Сталину ничего не говорил об осуждении репрессий, а по закоулкам часто рассуждал об этом. Он плохо говорил по-русски. Обычно так: «Очень, слюшай, очень много уничтожили кадров, что это будет, что это будет? Люди же боятся работать». Это он говорил правильно. Сталин совершенно изолировал себя от народа и ни с кем не общался, кроме своего окружения. А Берия знал настроения людей, агентура у него была очень большая, такая, что даже трудно сказать, сколько было агентов. Наконец и Сталин сказал, что были допущены перегибы.

Однажды, не помню, по какой причине, Сталин заговорил со мной на эту тему. Видимо, потому, что и на меня имелись показания. Когда я приехал на Украину, там не было наркома торговли. Я с большим уважением относился к Лукашову. Лукашов работал начальником Управления торговли в Москве. Когда Бадаев заправлял кооперацией, Лукашов руководил отделом овощей. Очень деятельный и хорошо знающий свое дело человек. Торговля была тогда плохо поставлена, продуктов не хватало, требовалась большая изворотливость. Я спросил Сталина: «Товарищ Сталин, могу ли я пригласить из Москвы на пост наркома торговли УССР Лукашова?». Он лично его не знал, но слышал о нем от меня. «Хорошо,— говорит,— пригласите». Спросил же я потому, что когда переходил на Украину, то поставил перед собой задачу: никого из москвичей не брать, кроме тех, которых мне отобрал ЦК партии.

Поработал у нас Лукашов недолго и был арестован. Меня это очень смутило, потому что я просил его кандидатуру у Сталина. Раньше познакомился с ним в Москве и очень уважал его. И вдруг — Лукашов враг народа! Это для меня был моральный удар. Как же так? Я видел этого человека, доверял ему, уважал... Ну, что делать? Не помню, сколько времени Лукашов сидел, а потом мне вдруг сообщили, что Лукашова освободили. Приехал он в Киев, я его принял, поговорил с ним. «Да,— рассказывает,— освободили, не виновен я, честный человек. Прошу верить мне так же, как верили и до моего ареста. Хочу рассказать вам, что когда меня арестовали, то били нещадно и пытали. Ставили скамейки, на которых, расставив ноги, я должен был стоять, до предела раздвинув их. При малейшем шевелении меня избивали так, что я терял сознание и падал. И бессонницей томили, и другие методы пыток применяли. А знаете, чего от меня требовали? Чтобы я показал на вас, будто вы заговорщик, а я по вашему заданию ездил за границу для установления связи».

Действительно, был такой случай, когда я работал еще в Москве. У нас не хватало лука и других овощных культур, в стране не было семян, особенно лука. Не помню, кто тогда сказал, что эти семена можно купить в Польше и в других странах Запада, но нужна валюта. Я попросил Сталина дать валюту и разрешить послать Лукашова. Лукашов закупил семена, привез, и мы их посылали в те республики и тем хозяйствам, которые выращивали овоши для Москвы по договорам. Тут сработал такой же метод, как арест жен: арестовывали близких к ответственным людям сотрудников, вот и решили арестовать Лукашова, чтобы он сказал что-то обо мне. Лукашов оказался крепким человеком, отчего тогда и остался живым. Конечно, ему просто повезло. Он и сейчас жив, но уже инвалид на пенсии. Инвалидом же его сделали в тюрьме.

Двух моих помощников в Москве тоже арестовали. Это я рассматривал как проверку меня лично. Один из них, Рабинович,— молодой хороший скромный человек. Другой — Финкель, тоже очень хороший человек, исключительной честности и скромности. Он занимался главным образом вопросами строительства, а сам по образованию был экономистом. Мне его порекомендовал Васильковский, редактор газеты «За индустриализацию». Это была газета Серго Орджоникидзе, наркома тяжелой промышленности. Сталин потом меня спрашивал: «Что, арестовали ваших помощников?» Отвечаю: «Да, хорошие были, честные ребята». «Да? А вот они дают показания, сознались, что они враги народа. Они и на вас показывают, что фамилию вы носите не свою. Вы вовсе не Хрущев, а такой-то. Это все чекисты стали делать, туда тоже затесались враги народа и подбрасывают нам материал, вроде бы кто-то дал им показания. И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии». Поясню, о чем шла речь. Тогда хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской охранкой и что его побеги из тюрем (а он предпринял несколько побегов) были подстроены сверху, потому что невозможно было сделать столько удачных побегов. Сталин не уточнял, на что намекали, когда разговаривал со мной, но я полагаю, что эти слухи до него как-то доходили. Он мне о них не сказал, а просто заявил, что чекисты сами подбрасывают фальшивые материалы.

В Центре считали так: пришел Берия и расчистит обстановку. Действнтельно, пошли новые аресты чекистов. Многих я знал как честных, хороших и уважаемых людей. Был арестован Реденс, близкий к Сталину человек, поскольку оба были женаты на родных сестрах. Муж старшей, Анны,— Реденс, а младшая, Надежда,— жена Сталина. Реденс часто бывал у Сталина, и я не раз видел его за общим семейным столом Сталина, к которому тоже приглашался не раз. И вдруг он смещен с поста уполномоченного НКВД по Московской области и послан в Среднюю Азию, в Ташкент. Потом его арестовали и казнили. Арестовали и других. Яков Агранов, замечательный человек, твердый чекист. Раньше он работал в Секретариате у Ленина. Честный, спокойный, умный человек. Мне он очень нравился. Потом он был особоуполномоченным по следствию, занимался делом Промпартии. Это, действительно, был следователь! Он и голоса не повышал при разговорах, а не то чтобы применять пытки. Арестовали и его и тоже казнили.

Берия завершил начатую еще Ежовым чистку (в смысле изничтожения) чекистских кадров еврейской национальности. Хорошие были работники. Сталин начал, видимо, терять доверие к НКВД и решил брать туда на работу людей прямо с производства, от станка. Это были люди неопытные, иной раз политически совершенно неразвитые. Им достаточно было какое-то указание сделать и сказать: «Главное, арестовывать и требовать признания», и всё: они сразу же делали. Как я уже рассказывал о допросе Чубаря, следователь объяснял: «Мне сказали — бить его, пока не сознается, что он «враг народа», вот я его и бил, он и сознался». В НКВД пошли уже такие кадры. Потом стали брать туда на работу людей с партийных должностей. Машина была уже запущена, и среди партийных работников не имелось фактически человека, на которого не было бы показаний.

Помню, например, такой случай. Звонит мне Вышинский: «Товарищ Хрущев, нам нужны кадры, и я хочу выдвинуть своим заместителем Руденко, прокурора Луганской области». Руденко был на Украине на хорошем счету, и я слышал о нем. Поэтому я попросил не забирать его в Москву. Мы сами имели виды на его выдвижение на Украине. А потом сообщаю: «Вам, наверное, известно, что на Руденко есть довольно большой материал? На него показывали те враги народа, которые были арестованы и казнены. Вы знаете об этом?» Отвечает: «Знаю, но думаю, что это клевета». «Я тоже думаю, что это клевета. Но выдвижение в Москву? Смотрите сами, как это будет расценено?»

Наверное, Вышинский струсил, и Руденко остался на Украине. Мы его выдвинули в прокуроры УССР с той оговоркой, что на него имеются показания и надо, мол, следить за ним. Потом он стал Генеральным прокурором Советского Союза и доныне работает в этой должности. Вот как были замазаны и оклеветаны многие честные люди. Я бы сказал тут, что люди, которые клеветали, тоже были в свое время честными, но их искалечили и физически и морально, заставив служить такому грязному делу и клеветать на собственных друзей.

Одним словом, работа по истреблению кадров продолжалась. И продолжалась она почти до самой смерти Сталина, только в разное время в разных масштабах. Украинское руководство, как партийное, так и советское, было уничтожено полностью: работники ЦК КП(б)У, секретари, заведующие отделами. Председатель Совнаркома УССР Любченко застрелился. Когда Косиора отозвали в Москву, то вдруг через какое-то время радиостанция, которая раньше носила имя Косиора, перестала называться прежним именем и стала именоваться просто Киевской станцией. Это был сигнал, что Косиора уже нет. Я и сам узнал только по этому сигналу, что Косиор арестован. А ведь он был заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров, то есть заместителем Молотова. Постышев был отозван с Украины и послан в Куйбышев. Там его арестовали и потом тоже уничтожили. Хатаевич, секретарь Днепропетровского обкома партии, работник высокого уровня, тоже был арестован. А ведь Сталин к нему относился с уважением. Помню, на одном из партийных Пленумов он его назвал Чингисханом за тот способ, каким Хатаевич, работая в Куйбышеве, запасся сахаром. В Куйбышеве не было сахара. Шел эшелон с сахаром в Сибирь и на Дальний Восток. Хатаевич велел отцепить для Куйбышева нужное количество вагонов и таким образом решил вопрос. Это было действительно нарушением государственной дисциплины. Сталин выступил: «У нас есть такие Чингисханы, которые не считаются с общими интересами государства, а делают то, что в интересах его провинции, вот Хатаевич такой». В Днепропетровске Хатаевич пользовался огромным авторитетом. Это был хороший трибун и хороший организатор. Затем — Прамнэк, из Донбасса, крупный работник. До него, по-моему, в Донбассе был Саркисян, тоже крупный работник, очень деятельный человек, много сделавший хорошего для Донбасса. Чернявский, секретарь Одесского, а потом Винницкого обкома партии, тоже был уничтожен. Любченко до того, как кончить жизнь самоубийством, написал записку Чернявскому с просьбой, если что случится, не забыть его сына. У него был сын 15 лет. Когда арестовали Чернявского, то нашли записку и схватили этого мальчишку. Вот до чего доходило дело.

В Москве и Московской области уничтожили всех секретарей райкомов партии. Я сейчас перечислить не смогу их конкретно, но практически всех уничтожили. Я был особенно потрясен, когда арестовали Коган. Коган в партии с 1907 г., человек исключительной честности и благородства. Она занималась вопросами культуры. В дореволюционном подполье, в Киеве, Каганович брал уроки по политэкономии у Косиора и у Коган. Какое-то время Коган была женой Куйбышева. Сообщили, что она призналась во вредительстве. Но когда после смерти Сталина подняли ее дело, то узнали, что она ни в чем не созналась, а бросала контробвинения и называла фашистами тех, кто ее арестовал. Она была тоже казнена. Сойфер, секретарь Ленинского райкома партии г. Москвы, старый уже человек, член партии или с 1905, или с 1903 года. Когда арестовали секретаря Тульского обкома партии Сидельникова, у нас взяли Сойфера работать в Тулу. Послали мы туда Сойфера. И вдруг узнаю, что и Сойфер арестован. А ведь Сойфер — это в буквальном смысле слова партийная совесть, кристальной честности человек. И вдруг — враг народа? Арестовали Николая Алексеевича Филатова, председателя Московского облисполкома, потом он был уполномоченным Контрольной комиссии по Ростову. И он был арестован и тоже уничтожен.

Кульков — старый московский деятель с подпольным стажем, выдвинутый секретарем горкома партии. Тоже арестован. Я сейчас уже и не смогу припомнить всех. Так поступали со многими москвичами. Сперва их выдвигали вместо арестованных «врагов народа» как опору, на укрепление партийных организаций, а потом, когда они туда приходили, вдруг мы узнавали, что и они арестованы. Так погиб Симочкин. Его выдвинули из Москвы в Иваново-Вознесенскую область а там арестовали. А Марголин, ближайший друг Кагановича? Я его знал по Киеву, потом мы с ним учились в Промышленной академии. Он был выдвинут вторым секретарем Московского комитета партии в то время, когда я был первым секретарем. Затем его взяли в Днепропетровск на укрепление местной парторганизации после ареста Хатаевича и там уничтожили. Набралась бы огромная книга, если лишь перечислить всех партийных работников, казненных в те годы.

Я почти не касаюсь здесь военных работников, потому что их я знал хуже. Из них я хорошо знал только Якира и командующего войсками Московского военного округа Белова. Военные тогда от нас, партийных работников, стояли далековато, мы с ними, даже с командующим войсками МВО, общались редко. Лишь когда возникали какие-то вопросы у военных, они обращались ко мне. У меня же к ним никогда вопросов не возникало. Правда, я знал Векличева, тоже военного. Он был ближайшим другом Якира, а когда появлялся в Москве, то заходил ко мне, так как мы с ним были знакомы по Киеву. Он работал в Политуправлении Киевского военного округа в месяцы, когда я работал заворготделом Киевского окружного комитета партии. Векличев был из донбасских шахтеров, прошел гражданскую войну и носил на петлице ромбы. По-моему, у него было три ромба. Тоже был арестован и уничтожен.

Потом появился документ, по-моему, письмо ЦК ВКП(б) парторганизациям СССР. В том письме описывалась борьба с врагами народа, излагались факты извращения этой борьбы; говорилось, что враги народа залезли в чекистские органы и много уничтожили преданных кадров. Теперь все запуталось, и трудно было разобраться, что к чему. Главное же для меня заключалось в том, что именно Сталин все это запутал. В некоторых случаях, например, в деле высших военных кадров, он действительно верил, что эти военные — враги народа, завербованные гитлеровской Германией, которые готовились Гитлером к предательству, когда гитлеровская армия нападет на Советский Союз. Превозносилось и ставилось в заслугу Сталину, что он сумел разоблачить это. Потом уж узнали, что это очень просто было придумано. Такой метод известен в истории: подбрасывают документы своим врагам, указывая среди них на лиц, которые якобы связаны с чужой разведкой, чтобы руками врагов расправиться с наиболее талантливым руководством армии или других служб. Подобным провокационным методом вообще широко пользуются разведки. Наша разведка тоже пользовалась этим методом против врагов. Такой метод весьма действен. Я уже говорил, каким образом разведка Гитлера подбросила документы Сталину (по-моему, через Бенеша, президента Чехословацкой Республики). Этого оказалось достаточно, и невинные люди были казнены.

И вот состоялся Пленум ЦК партии. На нем обсуждались провокационные методы работы НКВД и была принята соответствующая резолюция: прекратить! Закончился Пленум, на местах резолюцию изучили, а методы остались те же и условия те же: пресловутые «трой-

ки». Без суда и следствия людей арестовывали, допрашивали и судили одни и те же лица. Прокурор был низведен до уровня самого последнего ничтожества. Он не имел никакого влияния и не мог следить за законностью судопроизводства, ареста и прочего. Обстановка осталась такой, которая позволяла продолжить Берии то, что до него делал Ежов.

Сам Берия после этого Пленума часто говорил, что с его приходом необоснованные репрессии были приостановлены: «Я, один на один, разговаривал с товарищем Сталиным и сказал: где же можно будет остановиться? Столько-то партийных, военных и хозяйственных работников уничтожено». Но и после этого Берия продолжал прежнее, только не в таких масштабах, как раньше. Да и не имелось уже никакой нужды, потому что к тому времени Сталин насытился своим произволом и сам, видимо, несколько испугался последствий. Он теперь хотел сдержать репрессии и предпринимал к тому некоторые меры. Но и он не мог остановиться, потому что боялся врагов, им же самим выдуманных. Вот я говорю — выдуманных, но могут найтись умники и сказать: «Что же, врагов не было?» Нет, враги были. С ними мы воевали, врагов уничтожали. Но это надо делать дозволенными, государственными методами, методами суда и честного следствия, а не просто ворваться в дом, схватить за шиворот человека и тянуть его в тюрьму, а там бить, выбить из него показания и, основываясь на таких показаниях, не подтвержденных ничем другим, судить его. Вот это и есть произвол. Я решительно против этого.

Помню первые дни революции. Правда, жил я в таком месте, где у нас не было особых проявлений контрреволюции, если не считать выступлений донского казачества атамана Каледина. Там очень просто было разбираться, где враг, а где друг. Вредительство же, может быть, и существовало, но не было заметно. Да и без него все равно в промышленности был полный развал. Потом — гражданская война. Она тоже разграничила людей и упростила борьбу. Кто с кем, где белые, а где красные, сразу видно. Сама жизнь провела классовое разграничение. Имелись враги и в тылу, и с ними боролись. То была борьба, необходимая для защиты революционных завоеваний, защиты революционного пролетарского государства.

И вдруг в период, когда и с Промпартией покончили, и коллективизацию провели, и когда исчезла даже оппозиция внутри партии и наметилось полное и монолитное единство партийных рядов и трудового народа в СССР, вот тогда-то и началась буквально резня. Это уже не классовый подход. Во имя класса, во имя победы и закрепления победы пролетариата рубили головы, и кому? Тем же рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции.

С приходом Берии на пост наркома внутренних дел и устранением Ежова первый свалил массовые аресты и казни на голову Ежова. Но что раньше было сделано в Грузии? Когда я приехал в Грузию после смерти Сталина, то тех работников Грузинской ССР, с которыми я познакомился в 1934 г. в Тбилиси, никого, по-моему, уже не было в живых. После ареста Берии в 1953 г. какой-то грузин прислал из ссылки письмо в ЦК партии на мое имя. Он описывал, что сделал Берия по уничтожению кадров в Грузинской ССР и как он через трупы своих друзей пробивался к власти. Берия — это опасный враг, который втерся в абсолютное доверие к Сталину. Не знаю, чем он очаровал Сталина. Может быть, сходством натур?

Мне трудно объяснить все действия Сталина, его побуждения. Порою он высказывал трезвые суждения об арестах и несколько раз осуждал их в разговорах со мной с глазу на глаз. Но ничего не менял. И чего он добился этими арестами? Уничтожил преданные ему

лично кадры, а на их место пришли проходимцы, карьеристы типа Берии. Разве они надежнее? Чего он добился уничтожением Серго Орджоникидзе, который был его ближайшим другом? Несмотря на это, он уничтожил кадры Наркомата тяжелой промышленности, который возглавлялся Орджоникидзе, те кадры, которым Серго верил. Казнил родного брата Серго, затем стал подозревать самого Серго и довел его до самоубийства.

Наиболее, на мой взгляд, близкий человек к Сталину был тихий и спокойный грузинский интеллигент Алеша Сванидзе, брат жены Сталина, грузинки, которая давным-давно умерла. Я ее, конечно, не знал. Алеша часто бывал у Сталина, я его не раз там видел. Было заметно, что Сталину очень приятно вести беседы с Алешей. Чаще всего они говорили о Грузии, ее истории, ее культуре. Не помню, какое образование имел Сванидзе, но человек он был культурный, начитанный, был другом детей Сталина. Дядя Алеша, как его звали, часто ночевал у Сталина. И вдруг Алеша становится врагом народа, значит, и врагом Сталина. Ведь Сталин и народ — нераздельны. Когда я узнал об аресте Сванидзе, то просто ахнул. Как же так? Человек не вызывал никакого сомнения, и он мог тоже оказаться врагом народа? Но Сванидзе все же стал им в глазах Сталина и был арестован. Следствие кончилось тем, что его осудили на расстрел. Сталин все-таки колебался. Ему было трудно признать, что Алеша Сванидзе дружил с ним столько лет — и вдруг враг Сталина, враг партии, враг народа? Сталин потом часто возвращался к этой теме: как же так, Алеша — и вдруг шпион? (его представили, кажется, английским шпионом). Как заблагорассудится Берии, такая и создавалась версия. У Сталина появились обоснованные сомнения. Он спрашивал Берию: «В представленных мне материалах пишут, да и Алеша сам признался, что был шпионом и должен был меня отравить. Так он же мог сделать это совершенно спокойно. Много раз ему было это доступно, он у меня не раз ночевал. Так почему же он не сделал этого? Может быть, он все же не шпион?». Берия давал такое объяснение: «Товарищ Сталин, шпионы бывают разные, с разными заданиями. Бывают такие шпионы, которые много лет не проявляют себя, втираются в доверие и живут около людей, которых нужно будет уничтожить в определенное время. Алеша Сванидзе — как раз такой агент, который должен не проявлять себя, а наоборот, держаться тихо. Когда он получит сигнал, тогда и осуществит задуманное».

Конечно, в принципе такие агенты имеются, потому что тактика разведки многообразна. Разведка пользуется всеми доступными методами, чтобы навредить своему противнику. Но к Сванидзе этот шаблон явно не подходил. Сталин в конце концов согласился на казнь Алеши. И все-таки у него, видимо, оставались какие-то сомнения. Он говорил Берии: «Вы скажите от моего имени, что если он покается и все расскажет, то ему будет сохранена жизнь». Через какое-то время Берия докладывает, что Сванидзе расстрелян; ему перед расстрелом передали то, что сказал Сталин, он выслушал и ответил: «А мне не в чем каяться. В чем же я могу покаяться, если я честный человек, ничего не сделал против партии, против народа, против Сталина? Я просто не вижу, в чем я должен каяться». Его расстреляли. Сталин потом говорил: «Вот, какой Алеша, смотри! Такой интеллигентный, мягкотелый, а какую твердость проявил. Даже не захотел воспользоваться возможностью остаться в живых с условием покаяться. Не покаялся. Вот какой человек».

В чем Сталин был искренен, не знаю. Сванидзе же был умным человеком и ясно понимал, что если он покается, то его все равно ждет смерть, но несколько позже, и он просто не захотел пятнать свое доброе имя коммуниста.

Очень близким человеком к Сталину, к которому он питал большое уважение, был партийный вождь абхазского народа Лакоба. Ему Сталин полностью доверял. Лакобу, когда он приезжал в Москву, всегда видели у Сталина, или на квартире, или на даче. Когда Сталин уезжал в Сочи, то Лакоба, собственно, жил не в Сухуми, а в Гаграх или в Сочи, около Сталина. Лакоба был хороший бильярдист. Он приезжал со своим кием, располагался у Сталина, как у себя дома, и со всеми играл без проигрыша. Это был человек болезненный, глухой. Я не столь близко стоял к Лакобе, но мы с ним тоже поддерживали хорошие отношения. Я даже помню, что когда раз отдыхал, не то в Гаграх, не то в Сочи, он пригласил меня, и я ездил к нему на дачу, а он в свою очередь приезжал ко мне с женой и сыном. Потом он умер. Умер, ну и умер. Все люди могут умереть, без исключения. Но вот что интересно: потом я узнал, что, когда Лакоба умер и о том доложили Сталину, то он хоть и пожалел, но не особенно. Его никакая смерть не огорчала, даже самых близких людей.

Спустя какое-то время вдруг Берия создает дело уже на мертвого Лакобу: якобы тот был заговорщиком. Я сейчас не помню, какие конкретно факты приводились в доказательство того, что он заговорщик, что хотя он и умер, но жалеть его нечего. И что же сделал Берия? Он приказал выкопать труп Лакобы, сжечь его и по ветру развеять пепел: врагу народа нет места даже в земле Абхазии! Когда я получше узнал Берию после войны, то подумал, что Берия выкопал труп Лакобы, не только руководствуясь личной ненавистью к нему. Он прятал концы в воду, видимо, опасаясь, что у Сталина может возникнуть идея приказать выкопать труп и сделать анализ, чтобы узнать, отчего же все-таки умер Лакоба? Может быть, он отравлен? Думаю, что Берия боялся этого, хотя и Берия, и Ежов очень хорошо с такими делами справлялись. У них имелись врачи, которые по их заданию подменяли человеческие органы и подставляли либо отравленные, либо же, если нужно — неотравленные, чтобы доказать желаемое: относительно того, кого они действительно отравили, представить дело так, что тот умер естественной смертью. Тут у них и возможности, и опыт были богатейшие. И вот еще какую низость и преступление совершил Берия: мальчик, сынок Лакобы, тоже был расстрелян по повелению Берии. Что побуждало Берию убрать Лакобу? Лакоба стал очень близким к Сталину, ближе, чем Берия, и мог информировать о делах в Грузии помимо Берии, мог рассказать о деятельности Берии в Грузии. А этого Берия не хотел допустить. Он хотел, чтобы единственным каналом информации о положении в Грузии был он сам. Так Лакоба пал жертвой. Это мое личное умозаключение. Я могу только строить предположение на основе интуиции, каких-нибудь вещественных доказательств не имею.

Или история с Жемчужиной. Жемчужина — жена Молотова, но известна она была не как жена Молотова, а как видный сам по себе человек. Она и сейчас жива, но находится на пенсии *. Когда она была молода и трудоспособна, то работала как активный член партии, руководила парфюмерной промышленностью (ТЭЖЭ, кажется, назывался этот трест). Потом она стала наркомом рыбной промышленности. Волевая женщина. Я с ней много раз сталкивался, когда работал секретарем Московских городского и областного партийных комитетов. Она на меня производила впечатление хорошего работника и хорошего товарища. И что было приятно — никогда не давала чувствовать, что она не просто член партии, а еще и жена Молотова. Она завоевала видное положение в Московской парторганизации собственной деятельностью, партийной и государственной. Сталин относился к ней с большим уважением. Я сталкивался с этим, когда мы встречались. Несколько раз Сталин, Молотов, Жемчужина и я были вместе в Большом театре, в правительственной ложе. Для Жемчужиной делалось исключение: жены других членов Политбюро редко бывали в правительственной ложе, рядом со Сталиным. Правда, иногда оказывалась там жена Ворошилова Екатерина Давыдовна, но реже Жемчужиной. На грудь Жемчужиной сыпались ордена, но все по справедливости и не вызывали каких-либо разговоров.

* В ту пору, когда это записывалось.

Вдруг, я и сейчас не могу ничем объяснить это, на Жемчужину был направлен гнев Сталина. Не помню, в чем ее обвинили. Помню только, как на Пленуме ЦК партии (я тогда уже работал на Украине) был поставлен вопрос о Жемчужиной. С конкретными обвинениями в ее адрес выступил Шкирятов — председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Шкирятов — старый большевик, но Сталин обратил его в свою дубинку. Он слепо, именно слепо, делал все так, как говорил Сталин, и как тот следователь, который вел следствие по делу Чубаря, вытягивал своими иезуитскими методами признания в несуществующих преступлениях. Иногда Сталин нуждался в том, чтобы Комиссия партийного контроля разобрала дело и уж потом исключила из партии обвиняемого, подтвердив, так сказать, подозрения. После этого его сейчас же хватали в приемной Шкирятова и волокли, куда следует. А там была уже предрешена расправа. И сколько таких было! Погибли тысячи людей!

Жемчужина выступила на Пленуме в свою защиту. Я восхищался ею внутренне, хотя и верил тогда, что Сталин прав, и был на стороне Сталина. Но она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный характер... Голосовали за вывод ее из состава Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) не то из состава кандидатов в члены ЦК. И все, конечно, голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком. Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не поднялся выше семейных отношений, до высоты настоящего члена партии, не смог осудить ошибки близкого ему человека.

Этим дело не кончилось. Посыпались всяческие «материалы». Сталин применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолюбие Молотова. Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то директором, близким Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова. Вытащили на свет постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова. Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: «Я просто не верю этому, это клевета». Насчет «сочинений», писавшихся органами НКВД, он лучше всех, видимо, был информирован, поэтому вполне был уверен, что тут документы сфабрикованы. Говорю здесь об этом для того, чтобы показать, что даже такие приемы были использованы. Одним словом, все средства были хороши для достижения цели, в данном случае для устранения Жемчужиной. Уже после войны ее репрессировали, о чем я расскажу позже. Но это уже другой вопрос, и о нем я несколько лучше информирован.

Чтобы яснее был обрисован портрет Сталина, хотел бы еще рассказать о Николае Алексеевиче Филатове, московском пролетарии, портном, члене партии с 1912 или с 1914 года. Мы познакомились с ним, когда я работал в Москве секретарем Бауманского райкома ВКП(б), а он был секретарем, по-моему, Ленинского райкома. Когда я стал секретарем городского партийного комитета, Филатов был выдвинут на пост секретаря Московского областного парткома. Я хо-

рошо знал его. Это был высокий, красивый мужчина, носивший маленькую французскую бородку. Мы сталкивались не только по работе, но и жили на даче, в одном доме в Огарево: я на верхнем этаже, Кульков (секретарь городского партийного комитета) там же на лестничной площадке, Булганин — внизу, а напротив Булганина — Филатов. Мы встречались и за завтраком, и за обедом, и вместе отдыхали.

Сталин хорошо относился к Филатову. Филатов имел слабость, как мы тогда считали, всегда ходить с фотоаппаратом. Во время демонстраций на Красной площади он обязательно появлялся с фотоаппаратом и фотографировал демонстрацию, членов Политбюро, членов правительства и, конечно, Сталина. Сталин, бывало, шутил: «Вон Филатов пришел, сейчас начнет фотографировать». Филатов улыбался и сейчас же, действительно, начинал фотографировать. Все к этому привыкли. Потом его послали в Ростов уполномоченным Комиссии партийного контроля по Северо-Кавказскому краю. Это был очень большой пост по тем временам, но вдруг Филатов был арестован и канул в вечность... Итак, это все люди, которых Сталин знал лично и относился к ним, казалось бы, хорошо, доверял им — и вдруг они уничтожены! Какие к тому имелись причины? Разве Филатов стал врагом народа? По каким побуждениям? Этот московский пролетарий прошел до революции школу подпольной борьбы, потом прошел школу гражданской войны, школу строительства нового, социалистического государства, из самых низов был выдвинут партией на довольно высокий пост. Можно ли говорить о каких-то его личных слабостях, о тщеславии? Навряд ли. Какие же побуждения к измене могли возникнуть у него? Не было таких побуждений. Так отчего же погиб Филатов, как сотни и тысячи других людей? Причина одна и та же. Свое мнение об этом сообщу ниже.

Хочу еще записать, как создавались такие дела. Наверное, тогда шел 1939-й или конец 1938 года. Поехал я в Донбасс. Меня тянуло в родные края, где я провел детство и юность. Захотелось встретиться со своими друзьями, с теми, с кем я работал на заводе Боссе, на рудниках: Успенском, Подщелковке, Горшковском, Пастуховке, 11-й шахте, 31-й шахте, Вознесенке. Там прошло мое детство. 6-летним привез меня отец в Донбасс из деревни. И детство, и юность свои провел я в Донбассе. Спустился я в шахту, вспомнил былое, прошелся по выработкам, побывал в забое, поговорил с забойщиками, послушал их беседы, потом вышел из шахты, и чекисты со мной, конечно. Один из них (забыл его фамилию), работавший в Сталинской области, производил впечатление интересного, умного, интеллигентного человека, по происхождению, видимо, из служащих. Он и докладывал мне по всем вопросам.

Со мною был там и Щербаков, одно время выдвинутый в Донбасс, а потом его перевели в Москву, после ареста секретаря Московского областного и городского партийного комитета Угарова, который пришел в Москву вместо меня, когда меня выдвинули на Украину. Раньше Угаров, сам он ленинградец, был секретарем городского комитета партии в Ленинграде, где работал еще с Кировым, а потом со Ждановым. На меня Угаров производил очень хорошее впечатление. Когда я работал в Москве, мы с ним и перезванивались, и соревновались. Соревнование было чисто дружеское. Он просто нравился мне, этот Угаров. Все было хорошо, избрали Угарова в столицу, вдруг звонит мне Сталин: срочно приезжайте, у нас неблагополучно с Москвой. Приехал. Он сказал мне, что Угаров оказался врагом народа, хозяйство в Москве запущено, Москва остается (а уже шла осень) без картофеля, без овощей. Когда я был руководителем Москвы, то этот вопрос мы решили успешно и Москву достаточно обеспечили и картофелем, и капустой, и другими овощами. Правда, не в широком ассортименте, но по тогдашнему уровню нашей жизни элементарными продуктами, то есть тем, к чему привыкли трудящиеся, мы обеспечивали.

Председателем Моссовета был тогда, по-моему, Сидоров. При мне, когда я являлся руководителем Московской организации, он работал директором одного Московского молочно-животноводческого треста. Сидоров был неплохим человеком, но это — попутное замечание, нужное мне просто для ассоциативной памяти. Сталин сказал мне: «Бросайте все на Украине, ничего там не случится, у нас Москва в отчаянном положении. Вы будете назначены уполномоченным ЦК партии по Москве и не уедете до тех пор, пока не создадите нужные запасы картофеля и овощей на зиму для столицы». Странный, пожалуй, был разговор. Но странности я адресую уже к Молотову, который спросил меня: «Когда вы уехали из Москвы, то поддерживали с нею связи?» Отвечаю: «Нет, никаких». «А почему?» «У нас такой порядок: если ушел из данной парторганизации, то всякие связи с нею прекращаются, чтоб не мешать новому руководству. Связь должна поддерживаться не с отдельными лицами, а с ЦК». «Угаров оказался врагом народа. Если бы вы были связаны с Москвой, то, может быть, мы скорее узнали бы и разоблачили его». «Мне,— отвечаю,— из Киева труднее разоблачать московских, вам ближе. Если уж говорить о том, кто должен отвечать персонально из членов Политбюро, то официально записано, что за Москву отвечает Жданов. Он секретарь Ленинградского обкома, он секретарь ЦК. К тому же он является секретарем горкома партии Ленинграда, так что за Москвой было кому наблюдать. Считаю, что претензии ко мне неосновательны». Вот тоже интересный подход, понадобилось найти виновника, который допустил, что Угаров стал врагом народа, хотя он никаким врагом народа не был, да и не мог быть.

После звонка Сталина пошел я на свое прежнее место в Московском обкоме партии и начал делать все, чтобы обеспечить выполнение задания. Опыт у меня был большой: я уже познал Украину, а Украина являлась крупным поставщиком овощей. Кроме того, я знал московские кадры. Быстро нажал на нужные рычаги и сделал все, что можно было сделать в то время года. Мы обеспечили поставки овощей, в Москве я просидел тогда примерно полмесяца. Провели мы и Пленум обкома партии. Сталин сказал: «Вы проведете Пленум и освободите Угарова от его должности» (тот не был еще арестован). Задал я вопрос: «Кого же избрать?». Сталин долго думал, ходил, рассуждал вслух, прикидывая: «Щербакова».

Раньше Щербаков секретарствовал в Сибири, в каком-то обкоме. Когда я прибыл на Украину, его послали в Донбасс, на усиление. «Придется,— говорит Сталин,— забрать у вас Щербакова». «Если нужен, берите. Только на него тоже есть показания. Враги народа показали на него: показания такие, которые вроде бы заслуживают доверия. Как же с ним быть?». Сталин опять ходил, ходил, ходил, думал, а потом говорит: «Давайте так. Проведем все-таки Щербакова, но к Щербакову надо послать вторым секретарем московского человека, которого бы мы хорошо знали, и ему надо сказать, что имеются материалы о том, что Щербаков связан с врагами народа, и предупредить, чтобы он следил за ним. Если что покажется подозрительным, пусть скажет об этом в ЦК». А кого вторым? Спросили Маленкова. Тот ответил: «Попова».

Тогда Попов работал у Маленкова в отделе кадров, кажется, его заместителем. Я познакомился с Поповым, поговорил с ним доверительно: вот, мол, идете вы в Московский обком. ЦК вам доверяет, но

и вы, с другой стороны, должны быть глазами ЦК, наблюдающими за Щербаковым. Щербаков работал в Москве и раньше: был первым секретарем Союза писателей СССР во времена Максима Горького. Что-то у него с Горьким тогда, насколько я помню, не вышло, Горький был протнв Щербакова, потому что тот вмешивался в конкретные дела писателей, и его послали секретарствовать в Ленинград, затем в Сибирь и Донецк. Пленум прошел хорошо. Избрали Щербакова. А в Донбассе, по-моему, выдвинули мы местного человека, который работал при Щербакове вторым секретарем обкома партии.

Возвращаюсь к Донбассу. Познакомился я с деятельностью шахт и заводов, с кадрами, проехал по старым своим местам, вспомнил былые времена, когда я был там рабочим и потом уже партийным работником. Решил съездить в Горловку. Мне сказали, что в Горловке неблагополучно с секретарем райкома партии. Сказал я тогда начальнику местного НКВД: поеду туда и сам посмотрю, побеседую с человеком. Приехал. Секретарь райкома мне незнаком. «Материалы» на него есть. Мне их уже показали, и начальник НКВД не сомневался, что и тут недобитый враг, остаток разгромленной заговорщической организации. Его арестовали, когда я приехал в Горловку (оперативность была очень большой). Через несколько часов появился протокол первого допроса, и тот человек уже сознался: показывает то-то и то-то; тот, кто его завербовал, вот он; и кто был с ним вместе, и пр. Тогда функционировали три секретаря райкома: первый, второй и третий. Первый показывает, что второй и третий тоже завербованы вместе с ним. «Ну, как же это так?» — спрашиваю начальника НКВД. «Да вот, знаете, так-то и так-то»; этаким христосиком прикидывается, но ставит вопрос об аресте и второго секретаря. Арестовали и его. Через какое-то время читают мне протокол допроса. Я обратил внимание иа то, что формулировки признаний первого секретаря и второго в их преступлениях сходятся почти слово в слово, да и записал их один и тот же следователь. Говорю: «Как может быть столь дословное совпадение? Ведь следователь допрашивал их отдельно?» «Знаете, ведь дело одно, да и следователь один, писал шаблонно». Это оказалось для меня каким-то штрихом, который посеял сомнения. Впрочем, тут уже вопрос оформления дела, составления протокола, а по существу я поверил, что человек сознался. Они оба показали на третьего секретаря Гаевого. Посмотрел я его биографию: местный рабочий, все его тут знают. Говорю: «Давайте соберем райком». Созвали заседание райкома партии. В состав райкома входили люди довольно почтенного возраста. Я сказал: «Товарищи, первый и второй секретарь (начальник НКВД может доложить более подробно) оказались связанными с врагами народа». Первым был Прамнэк. Им-то и была якобы создана враждебная нашему государству организация. Его к тому времени уже арестовали. И тогда эти члены райкома, старики, стали выступать так: «Товарищ Хрущев, тех мы не знаем, они люди приезжие, были присланы к нам, но Гаевой вырос в нашем поселке. Мы его знали еще тогда, когда он без штанов бегал; и родителей его знаем. Это наш человек, и мы за него ручаемся». Говорю: «Хорошо. Раз вы ручаетесь, то начальник НКВД, находящийся здесь, еще раз проверит, и Гаевого никто не тронет, но под ваше поручительство».

Гаевой остался на свободе. Спустя какое-то время он был выдвинут вторым секретарем Сталинского обкома партии, а потом, кажется, даже первым. Может быть, я сейчас недостаточно последовательно все излагаю, и случай с Гаевым произошел еще до Щербакова, потому что, по-моему, именно Щербаков выдвигал Гаевого в секретари обкома. Но дело не в нем, а в его коллегах. Такими методами создавались «врагн народа». И вышестоящие партийные организации, и руководители такого даже, как я, довольно высокого положения (я в то время уже был членом Политбюро) оказывались в полной власти документов, представленных работниками НКВД, которые определялн судьбу и того или иного члена партии, и беспартийного.

Тогда же в Донбассе я столкнулся с тем, что некоторые преподаватели Горного института имени Артема (рабфак которого я окончил в 1925 г.), люди, которых я очень уважал, тоже стали «врагами народа». Один из них, горный инженер Герчиков, по национальности еврей, очень хороший математик и был сильный, между прочим, гипнотизер. Потом он работал в угольной промышленности горным инженером. Вдруг он тоже попал в группу вредителей, но не в тот период, когда была кампания по раскрытию вредителей, а уже в период, когда разоблачали «врагов народа». Наркомом тяжелой промышленности был Каганович. Он приехал в Донбасс, произнес там громкую речь, перечислил несколько десятков разоблаченных врагов народа и назвал их фамилии, в том числе и Герчикова. Мне было больно, что Герчиков, которого я хорошо знал и с уважением к нему относился, тоже оказался врагом народа. Приехав в Донбасс в конце 1938 г., случайно встретил Герчикова. Однако это был уже не прежний Герчиков, а его тень. Я спросил: «Как поживаете?». Он выглядел мрачным, замкнутым. Буркнул, что плохо, что был арестован. Потом уже другие люди рассказали, что его страшно избивали, он лишился здоровья и в скором времени умер.

Вообще по приезде в Донбасс выяснилось, что там не осталось руководителей угольной промышленности, были только заместители. Пришлось выдвигать новых. Каганович выдвинул хороших и честных людей, но мало подготовленных, без подходящего образования. Выдвинулн и Никиту Изотова, очень хорошего рабочего, достойно прославившегося и поднятого на высоту как передовика. Но в руководители угольной промышленности он, конечно, не годился. И Дюканов был выдвинут, но тоже совершенно не годился. Мне жаловались на Дюканова: «Товарищ Хрущев, вы поймите нас. Вызывает он инженеров. Те ему докладывают. И если что-то не ладится и что-то не выполнено, так у него один аргумент: «Ты смотри, а то я тебе ж... нашлепаю». И каждый из нас, инженеров, дважды в сутки носит к нему это место, чтобы он его нашлепал». Я Сталину сказал тогда, что так поступать нельзя. У нас есть сейчас свои инженеры, они вполне могут руководить. Сталин согласился со мной. Выдвинули в Сталинский угольный трест Засядько. После войны он стал заместителем председателя Совета Министров СССР, сейчас уже умер. Человек имел большой недостаток: он пил и пил, бедняга. Но был очень хорошим администратором и организатором, прекрасно знал горное дело. В ту пору, по-моему, в Донбассе были и действовали объединения (тресты) в угольной промышленности и металлургии, во главе которых как раз и были поставлены новые инженеры. Я не буду их перечислять, да и не помню сейчас фамилий всех людей, которые возглавили тресты или же погибли в то время.

Постепенно положение в сельском хозяйстве и в промышленности начало выравниваться. Промышленность начала выполнять планы, и угольная, и металлургия, и машиностроение. Сельское хозяйство тоже стало набирать силу. Отстаивались новые кадры, несколько ослабли репрессии. Они уже не распространялись вширь, а как бы подбирали остатки тех лиц, которые упоминались в следственных протоколах при арестах и казнях «врагов народа».

Насчет сельского хозяйства. Случалось, звонит нарком финансов Зверев: «Мало продаете белого хлеба, особенно булочек и бубликов». Дело в том, что эти продукты продавались по повышенным ценам как

товары Наркомфина; выручка от их продажи поступала в средства накопления, шедшие на индустриализацию. Помню также, что по сахарной свекле тогда выправилось положение. И по зерну тоже: пшеницы заготавливали свыше 400 миллионов пудов. По тому времени это были для Украины большие цифры. После Великой Отечественной войны, когда я опять работал на Украине, сдавали и по 700 миллионов пудов хлеба. Но это уже в другое время. А в 30-е годы Украина, действительно, являлась житницей Советского Союза в смысле зерна, а о сахаре и говорить даже незачем. Кроме того, выращивали много овощей, табака, подсолнуха.

Вспоминаю также, когда я только-только приехал на Украину и приступил к своим обязанностям секретаря ЦК КП(б)У, мне как-то позвонил украинский академик Патон. Я слышал раньше о нем, но никогда с ним не встречался. Меня информировали, что это очень интересный человек, крупнейший машиностроитель, увлекшийся проблемой сварной конструкции мостов. Он попросился ко мне на прием, и я его принял. В кабинет вошел плотный человек, уже в летах, весь седой, коренастый, со львиным лицом, колючими глазами. Поздоровавшись, тут же вытащил из кармана кусок металла и положил на стол: «Вот, посмотрите, товарищ Хрущев, что может делать наш институт. Это полосовое железо (кажется, 10-миллиметровой толщины), и я его таким свариваю». Посмотрел я сварку. Так как сам я металлист, то со сваркой мне приходилось встречаться. Здесь был просто идеальный шов, внешне гладкий, как литой. Он говорит: «Это сварка под флюсом». Слово «флюс» я тогда услышал в первый раз. Были у Патона и другие изобретения. Он рассказал, какие возможности таит в себе сварка под флюсом, какую дает выгоду, как облегчает труд, повышает его производительность и качество сварных работ вообще, особенно их надежность. Он был поглощен идеей сварки всех железных конструкций из черного металла — мостов, стропил для перекрытия зданий и пр., и доказывал, что их выгоднее сваривать, а не клепать; нарисовал передо мной такую картину, что вскоре он изготовит автоматы, которыми мы будем сваривать корабли. Глаза у него буквально горели, и в словах была такая уверенность, что он заставлял и других поверить в его идею. Он умел хорошо показать свои достижения и таким людям, которые не являются специалистами, умел убедить их в правильности своих доводов.

Я был буквально очарован встречей и беседой с Патоном, его прогрессивными, революционными техническими идеями. Сейчас могу сказать, что Евгений Оскарович — отец промышленной сварки в СССР. Его сын — ныне Президент АН УССР, вполне достоин своего отца. Уже после смерти Патона-старшего я много раз встречался с Борисом Евгеньевичем, заезжал в институт, который он возглавлял, много раз слушал его, он показывал мне новые образцы достижений в области сварки. Ряд этих работ вышел далеко за пределы института, они широко внедрены в производство. Еще при нашей первой встрече Патон-старший сказал: «Я хочу жаловаться. Директор Днепропетровского завода металлических конструкций был в Киеве. Я его просил зайти ко мне в институт посмотреть на наши работы. Я хотел продемонстрировать нашу сварку металлоконструкций, чтобы внедрить ее на его заводе, прежде всего автоматическую сварку под флюсом. Он не нашел времени зайти ко мне и уехал в Днепропетровск. Вот как наши, советские люди относятся к новому. Внедрение автоматической сварки дало бы большую экономию металла, ускорило бы строительство и повысило производительность труда». Отвечаю: «Хорошо, что Вы мне сказали. Этот директор завода завтра же будет у Вас». Тут же при нем позвонил секретарю Днепропетровского обкома партии Задионченко. Он

был очень оперативным человеком, быстро понял суть дела и ответил: «Сейчас же ему позвоню, завтра он будет у Патона». Назавтра директор опять прилетел в Киев. Мне позвонил довольный Патон и сказал, что этот человек уже был у него, он все ему показал, и они нашли общий язык.

На меня беседа с Патоном произвела сильнейшее впечатление. Я тут же продиктовал записку Сталину, в которой сообщил обо всем, что мне рассказал академик, и что я сам увидел, когда ездил к нему в институт, знакомясь с его работами. В записке я очень хвалил Патона, восторгался его работами и писал о большом будущем такого метода работ, как сварка, подчеркивал, что надо форсировать работы Патона, чтобы поскорее внедрить их в практику наших заводов.

Прошло небольшое время, мне позвонил Сталин и предложил приехать в Москву. Я сейчас же сел в поезд. Тогда члены Политбюро и ЦК партии не летали, на это имелся запрет. Запрет появился интересным образом. Как-то Микоян, как мне рассказывали, поехал в Белоруссию, а там летчики предложили ему полетать на самолете. Он согласился, полетал, и об этом потом было написано в газетах. Сталин прочел, что Микоян летал на самолете и летчик при этом выполнял фигуры высшего пилотажа, и предложил объявить Микояну выговор за ненужный риск. Была сделана запись в протоколе, запрещавшая членам ЦК ВКП(б) и секретарям республиканских ЦК летать, это считалось слишком опасным. Летать мы стали во время войны.

Я очень любил самолеты и часто летал, когда занимал такое положение, которое Сталина не беспокоило. Летал, когда работал в Киеве в 1928—1929 годах. Там служил летчик Дейч. Я приехал в Ржищев, и он меня «угостил» впервые в жизни полетом на самолете. На меня это произвело сильное впечатление. Потом я часто летал на «юнкерсах». На «юнкерсе» у нас летал тогда начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии Баранов. Впоследствии он погиб при катастрофе. Это был замечательный человек, ближайший друг Якира. Во время маневров, когда он прилетел в Киев, разрешил мне полетать на его самолете. Таким образом, по тем временам я уже был «воздушным волком». А когда я работал в Москве секретарем МК партии, то полетал даже на экспериментальном самолете «Сталь-2». На нем я летал вместе с наркомом гражданского воздушного флота. Летал я и на дирижабле и тоже с наркомом гражданского флота. Но, хотя я уже много летал, теперь это было запрещено, поэтому я из Киева в Москву ездил только поездом.

Когда я приехал в Москву и встретился со Сталиным, то вновь стал рассказывать о Патоне. Он меня перебил: «Я вас как раз по этому вопросу и вызвал. Я прочел вашу записку, и мне она очень понравилась. Я полностью согласен с вами в оценке этих работ и хотел бы еще побеседовать с вами, а потом поставить этот вопрос в ЦК и записать решение, обязывающее внедрять сварку. А что за человек Патон? Какая у него воля? Хватит у него сил, если мы его сделаем уполномоченным Совета Народных Комиссаров и дадим ему неограниченный мандат по внедрению его метода сварки в производство? Сможет он заставить бюрократов внедрить сварку?». Отвечаю: «Насколько я знаю Патона, если ему дадут такой мандат, то бюрократам не будет никакого спасения. Он заставит их вертеться. Воля у него пробивная». Тут Сталин сказал мне, чтобы я не возвращался в Киев, пока не будет вызван Патон, и принято решение, дающее ему полномочия организовать внедрение в производство нового метода сварки. Когда приехал Патон, Сталин задал ему несколько вопросов и познакомился с ним. Он произвел и на Сталина тоже очень хорошее впечатление, да иначе и быть не могло: Патон был внутренне собранным человеком, органи-

зованным, ясно и кратко формулировавшим свои мысли, с волевым лицом и колючими, пронизывающими глазами. Он заставлял считаться с собой и умел влиять на людей, с которыми встречался. Сталину это понравилось. Патону выдали упомянутый мандат, и я сейчас же отбыл в Киев.

Еще когда я подробно расспрашивал Патона о возможностях сварки, у меня родилась мысль использовать его метод для сварки танковых корпусов на потоке. Я спросил его: «Сможете ли вы варить танковую сталь?». Он задумался: «Надо изучить. Я не могу сейчас вам ответить. А какова толщина этой брони?». «Видимо, до 100 миллиметров». «Сложно, но попробуем. Думаю, удастся». Теперь я вновь встретился с Патоном, чтобы лучше узнать, какие детали, какие металлы и какой толщины он может сваривать своим способом. Я надеялся, что его метод мог быть полезен для сварки танковых корпусов. Ведь война придвигалась вплотную.

Когда я опять поставил этот вопрос, Патон заметил, что нужно знать состав стали. Я предложил ему съездить на Харьковский танковый завод. Сначала это был завод, кажется, Гартмана, а потом он назывался ХПЗ (Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна), но там уже производилась новая продукция — изготавливались танки и дизель-моторы. Я сказал: «Попрошу заводских директора и парторга (директором там был Максарев, а парторгом — Епишев, который сейчас служит начальником Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота), они вас познакомят с производством и конструкторами, вы сами изучите производство и после этого выскажете мне свое мнение». Патон поехал в Харьков, познакомился с производством танков, затем сообщил, что ему понадобится какое-то время для размышлений, но уверен, что можно будет организовать автоматическую сварку танковых корпусов под флюсом. Говорю ему: «Это была бы большая победа для всей страны и для армии. Большое сделали бы дело».

Патон стал разрабатывать вместе с конструкторами танка и инженерами этого завода приспособления (как их называют в промышленности: кондукторы), которыми зажимались детали танка и в которых они сваривались. Забегу несколько вперед, чтобы закончить свой рассказ о Патоне и его участии в производстве танков, о его огромном участии в победах, которые были одержаны Красной Армией, потому что танки действительно начали сваривать, как блины печь, в результате помощи, оказанной Патоном. Когда вспыхнула война и события стали развиваться неблагоприятно для нас, а Красная Армия под ударами врага отступала, в частности к Харькову, мы вынуждены были эвакуировать харьковскую промышленность на восток. Производство танков попало из Харькова на Урал. Конструкторское бюро тоже выехало туда. Туда же отправился и Патон. Там быстро было налажено производство танков на новом месте. Патон внес большой вклад и в организацию производства боевых машин на потоке. Это был очень интересный человек, в ту пору уже немолодой и, как говорили тогда, старорежимный по духу, продукт воспитания в царское время.

В 1943 г. я прилетел в Москву по вызову Сталина. Сталин частенько вызывал меня с фронта для каких-либо бесед. В то же время оказался в Москве и Патон. Он попросился ко мне на прием. Я его принял, выслушал, и он вручил мне письмо в адрес ЦК партии. Он писал, что его отец служил при царе консулом в Италии, кажется в Генуе. «Когда совершилась революция,— писал он,— я уже сформировался как человек и, естественно, отнесся к революции несерьезно. Я считал, что это не полезное для нашей страны явление, и поэтому был против Октябрьской революции. Но я со своей стороны не предпринимал никаких контрмер и не участвовал ни в каких антисоветских организациях. Если так можно выразиться, я ожидал, что эта власть не продержится долго, она развалится, потому что она бесперспективна и бесплодна. Шло время. Я видел, как время испытывало власть и что власть держалась. Потом власть стала крепнуть, показала свои организационные способности, показала направленность действий, которая мне импонировала. Мне нравилось то, что делала Советская власть. С каждым годом притягательное действие Советской власти все больше и больше охватывало меня. Я начал лучше работать и стал как бы сливаться с той сущностью, которая создавалась Советской властью. Но я все-таки не забывал, как я относился к ней в первые дни революции, и поэтому считал, что не имею права на какое-то покровительство со стороны Советской власти или на какое-то особое доверие ко мне. Я продолжал честно трудиться на том участке, где работал. Тут началась война, и я был привлечен к строительству танков. Считаю, что я внес большой вклад в оборону нашей страны, организовал поточное производство танковых корпусов, внедрил автоматическую сварку под флюсом по своему способу. Сейчас я уже давно за Советскую власть. Теперь я чувствую, что имею моральное право обратиться к партии с просьбой, чтобы она приняла меня в свои ряды. Поэтому я пишу это письмо и прилагаю к этому письму в Центральный Комитет заявление о приеме в партию. Прошу поддержать меня, я хотел бы теперь быть партийным человеком».

Мне это письмо не только понравилось, оно тронуло меня, потому что Патон был человеком скупым на слова. Я чувствовал его глубокую искренность в признании Советской власти как власти народа, признании Коммунистической партии как организатора побед над врагом. Мне очень понравилось такое желание Патона — политически оформить свое участие в этой великой борьбе против фашистской Германии, став членом нашей партии. Я взял его документы и сказал, что убежден в том, что он будет принят в ряды ВКП(б). «Доложу товарищу Сталину, и Вы узнаете решение Центрального Комитета». Не помню, через сколько времени я встретился со Сталиным, но все рассказал ему и передал эти документы. Сталин тоже был взволнован, а он редко выдавал свое волнение, и сказал: «Ну, вот и решился Патон, он заслуживает всяческого уважения». И сейчас же предложил сформулировать такое решение: «Принять товарища Патона в партию без кандидатского стажа».

В то время, когда принимали Патона в партию, существовал порядок, согласно которому лица, вышедшие из буржуазной или интеллигентской среды, должны были обязательно при вступлении в ряды партии иметь испытательный кандидатский срок, который длился два года. Но к Патону это, в порядке исключения, не было применено. Ввиду особых его заслуг перед Родиной и партией в члены партии он был принят сразу. Мне это было очень приятно. Во-первых, я радовался за Патона и за страну, за то дело, которое сделал Патон для нашей страны и армии. Во-вторых, мне было приятно, что на мою долю выпало познакомиться с ним, понять его роль и привлечь к такому большому делу, как производство танков. После войны Патон вернулся к деятельности в Академии наук Украины, стал ее вице-президентом и продолжал свое дело так же плодотворно, как делал это во время войны и до войны.

Когда нас всех поразило несчастье, несчастье и для Украины, и для науки,— скончался Президент АН УССР Богомолец, которого все очень уважали,— встал вопрос о том, кто будет теперь президентом? Мне передавали, что ученые Украины взволновались. Это вызывалось тем, что многие из них полагали, что ЦК КП(б)У будет рекомендовать как раз Патона. Зная, с каким уважением я относился к Патону, думали, что эта кандидатура будет без сомнения названа. Тут следует сказать, что в АН УССР к Патону относились по-разному. Считаю, что абсолютное

большинство ученых относилось к нему с большим уважением именно как к ученому. Но все очень боялись его характера и поэтому страшились того, что он станет президентом Академии. Все знали его волю, нетерпимость к пустословию, конкретность в делах. У него была просто пробивная воля. До моего слуха дошли рассуждения, что если президентом будет Патон, потому что его поддерживает Хрущев, то он поразгоняет и то, и другое, и третье, превратит Академию наук в экспериментальные мастерские. То есть, обвиняли его в излишнем практицизме. Да, это был именно такой человек, который хорошо умел ставить научные знания на службу делу. Он не терпел отвлеченных разговоров и бесплодного словоблудия под маркой учености. Действительно, для таких людей он мог быть грозой.

Мы все же учли такое отношение к нему, и поэтому у нас не возникла идея рекомендовать его президентом. Надо было бы «нажимать», что при голосовании встречено было бы плохо. Да и Патон сам к тому не стремился. Он был поглощен своим делом и институтом, которым руководил. Сейчас этот институт известен не только в нашей стране, он занял в мировой науке по сварке металлов довольно высокое положение. После смерти Патона институтом руководит, причем успешно, его сын Борис, который сейчас является Президентом АН УССР.

Когда Патон умер, заканчивалось строительство в Киеве нового моста через Днепр. Это был самый большой мост в Киеве. Он цельносварной. Патон добивался этого, и я его поддержал, чтобы была принята цельносварная конструкция. Он был техническим руководителем по сварке моста. Я в то время приехал по какому-то делу на Украину. Украинцы носились с идеей присвоить этому мосту мое имя. Меня это удивило, особенно потому, что к тому времени у нас уже было принято решение запретить присваивать предприятиям, учреждениям, колхозам и пр. имена руководителей партии и правительства, находящихся в здравии. И даже ряд почетных имен, которые были присвоены раньше, мы специальным решением сняли. Как я в шутку говорил тогда, лишили всех прав и состояния этих людей, которые «нахапали» себе фабрики, заводы и города. Нездоровое даже было такое соревнование, чье имя будет присвоено большему количеству предприятий или колхозов. Это дикая вещь! При Ленине этого, по-моему, еще не было. Потом иногда присваивалось имя здравствующего Буденного (как героя гражданской войны). Присваивались также имена умерших в память их добрых дел, которые они совершили для партии, ради народа.

Я спросил украинцев: «Зачем вы хотите присвоить мое имя мосту? Это прямое нарушение решения ЦК. Я против, тем более что сам был инициатором вынесения такого решения. Неужели вы не понимаете, в какое положение меня ставите? Прошу вас никуда не вылезать с предложениями такого характера. И зачем долго искать, кто более достоин, чтобы его имя было присвоено этому сооружению? Вот, например, академик Патон. Прошу, внесите именно такое предложение, и правительство утвердит его». Так мосту было присвоено имя Патона. И сейчас этот мост, как говорится, живет и здравствует, а люди, проезжая по нему, вспоминают добрым словом его создателя академика Патона.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. Февраль — сентябрь 1917.

ТОМ ПЕРВЫЙ. Выпуск первый

Глава XV. *Положение центральных держав к весне 1917 г.*

Первым основным вопросом, который стал передо мной в Ставке, была задача фронта. Я не могу сказать, чтобы служба внешней тайной разведки давала нам очень широкое осведомление, тем более, что главная организация ее, находившаяся в Париже, пользовалась отрицательной репутацией. Тем не менее, при некотором содействии союзников, мы обладали достаточным знанием как общего, так и военного положения в стане наших врагов. Это положение рисовалось нам далеко не в блестящем виде. Но я должен сказать откровенно, что действительность, обнаружившаяся теперь, превосходит все наши предположения, особенно по той картине положения Германии и союзных ей держав в 1917 г., которую дают Гинденбург[1] и Людендорф.

Без сомнения, нелегко было положение и союзников, в особенности Франции, которая делала колоссальное напряжение, привлекая в ряды войск все способное носить оружие мужское население и мобилизуя почти всю свою промышленность. И в Англии, и во Франции чувствовалось большое моральное напряжение и сильное расстройство всех экономических связей. Но если союзники могли еще черпать большие людские запасы в своих колониях, из которых Англия, например, к весне 1917 года извлекла миллион человек, то Германия выкачала уже из своей страны все, что мог дать народ,— все возрасты от 17 до 45 лет. Верховное командование ее, однако, не удовлетворялось этим и требовало всенародного ополчения от 15 до 60 лет — как для пополнения рядов, так и для службы и работ в тылу армии небоеспособных элементов, не исключая и женщин. Правительство не решалось на такой шаг, ввиду явной его непопулярности, и это обстоятельство вызвало острое трение между ним и командованием. С огромным напряжением и ценою ослабления своих кадров и запасов пополнений немцы создали к весне новых 13 дивизий, а для работ использовали широко и беспощадно пленных, особенно русских, и население оккупированных стран. Все эти меры не изменили, однако, существенно соотношения сил, которые у Антанты превосходили приблизительно на 40% численность армий центральных держав.

Промышленность в Германии испытывала жестокое потрясение. Все фабрики и заводы, какие только могли быть использованы для военных целей, были мобилизованы, станки переделаны, изменено производство. Это обстоятельство в связи с критическим недостатком сырья вызвало в стране острую нужду в предметах первой необходимости.

Продолжение. См.: Вопросы истории, 1990, №№ 3—5.

Струны, очевидно, были перетянуты, если командование в период наибольшей военной опасности сочло себя вынужденным вернуть частной промышленности несколько заводов и из строя — на заводы 125 тысяч квалифицированных рабочих. При таком полном напряжении состязаться с противниками в отношении производства военных материалов Германия все же не могла. «Положение было невероятно трудно и почти безвыходно. Нечего было больше думать о наступлении. Надо было сохранить резервы для обороны»,— говорит Людендорф *.

Но тяжелее всего отзывалась блокада, которой подвергли Германию державы Согласия. Все усилия немецкого правительства, практиков и ученых не приводили к желанным результатам. Хлеб и жиры заменялись суррогатами, рацион населения дошел до минимума, потребного для существования; не только в стране, но и в армии приходилось прибегать к суррогатам из соломы и древесины для питания лошадей, иногда и людей. Масса населения, особенно среднего класса, положительно умирала с голоду. «Голодная блокада, организованная нашими врагами, бросила нас не только в физические страдания, но и в моральное отчаяние»... *

В Австрии положение было не лучше: Галиция была разорена войной, двукратным переходом из рук в руки, беженством и болезнями. Венгрии хватало хлеба; она давала часть его армии, но, в силу известного сепаратизма, препятствовала вывозу его в Австрию, в которой царил голод. Занятие в 1916 году Румынии с ее богатыми запасами, несомненно, умерило несколько кризис, но за дальностью расстояния и в силу расстроенного транспорта могло оказать влияние не скоро и далеко не в решающей степени.

«Вечное недоедание... создало упадок сил физических и нравственных и породило трусливое и истерическое настроение в немецком обществе» *. Неудивительно, что вся совокупность создавшейся обстановки вызвала большую усталость и потерю веры в победу у германского народа, правительства и армии.

Что касается австрийской армии, то она никогда не представляла из себя особенно серьезной силы, требовала постоянной подпорки со стороны немцев и теперь могла рассыпаться в любой момент от одного оглушительного удара. Видный австрийский генерал фон Арц — далеко не пессимист — в начале апреля 1917 г. уверял, что «благодаря недостатку сырья и усталости войск австрийская армия не может драться долее, чем до зимы».

Едва ли, кроме высшего германского командования, какие-либо широкие общественные и народные круги желали продолжения войны. Всю страну охватило страстное желание мира. Это желание, однако, как-то странно совмещалось с гордым тоном и непримиримостью основных начал мирных предложений, как будто Германия, обращаясь дважды к воюющим державам, дарила мир, а не просила его, и в самом себе носило зачатки слабости и поражения. Оно парализовало волю страны к победе, ослабило приток живой силы, создало большие затруднения правительству в рейхстаге, крайне нервировало командование и подорвало дух армии. Несомненно, во всем этом движении серьезную роль сыграл и левый фланг немецкой общественности — социал-демократическая партия независимых.

Создавались и внешние политические осложнения: Австрия все более и более вырывалась из орбиты германской политики, граф Чернин[2] носился уже с планом австро-польского объединения, ставившего необыкновенно остро вопрос о Познани и польской Силезии. В Австрии — и в обществе, и в политических кругах — все более укреплялось убеждение, что приносятся бесконечные жертвы и само существование

* Mes souvenirs de guerre. Людендорф.

двуединой монархии поставлено на карту только ради интересов Германии. Император Карл[3] в середине апреля 1917 года писал Вильгельму[4] о необходимости, учитывая опасность всеобщей революции, заключить мир ценою хотя бы больших жертв. Что касается Болгарии, то донесения военных агентов и секретная дипломатическая переписка производили на меня такое впечатление, что только некоторая инертность наших и союзных дипломатов замедляла разрешение этого большого исторического недоразумения, которое окончилось лишь в сентябре 1918 года падением Болгарии. Пожалуй, не без влияния осталось еще одно обстоятельство — не учтенная союзниками ошибка психологического характера: не следовало сербские войска после отдыха и приведения в порядок на Корфу развертывать на Салоникском фронте, противопоставляя их болгарам как возбуждающее начало неизжитой и обостренной исторической вражды. Точно такую же ошибку сделала Ставка в конце 1916 года, отправив в Добруджу в составе русского отдельного корпуса сербскую дивизию, сформированную из пленных югославян. Сам Гинденбург признает, что «народный энтузиазм болгар был далеко не такой, как в 1912 г. В 1915 г. болгар подвинул на войну холодный расчет правительства (идея гегемонии на Балканском полуострове) гораздо более, нежели национальный подъем» *.

23 марта Америка объявила войну Германии. В послании Вильсона[5] объявление войны мотивировалось нарушением Германией элементарных основ международного права и человечности подводной войной: «Германцы без зазрения совести стали топить всякого рода суда без предупреждения и не подавая помощи их пассажирам. Топились без всякого сострадания суда нейтральных и дружественных держав, наравне с враждебными и даже госпитальные, снабженные пропусками, выданными самим же германским правительством». Президент потребовал кредитов на полную мобилизацию флота и увеличение армии. На основании утвержденного сенатом и палатою подавляющим большинством голосов законопроекта в Америке введена была обязательная повинность, предоставлено право президенту призвать немедленно 500 тысяч человек и позже еще 500 тысяч.

Конечно, формирование и перевозка экспедиционных американских войск требовали очень большого времени. Фактически первые дивизии начали прибывать на Европейский фронт только в середине июня 1917 г.; в июне 1918 г. перевезено до 500000 человек, а к декабрю 1918 г.— до 1,4 миллиона. Но объявление войны Америкой, помимо морального влияния на воюющие и нейтральные державы, вносило полную определенность в политическую ситуацию, предоставляло державам Согласия теперь же помощь морскими силами и легальную возможность еще более широкой материальной и экономической поддержки Америкой **, наконец, создавало реальную угрозу враждебным странам в будущем.

Это событие было естественным и предвиденным немцами, когда они в сознании безвыходности своего положения, рискнули в январе 1917 г. поставить последнюю карту, начав подводную войну. Несомненно, эта война нанесла очень тяжелые материальные потери державам Согласия. По исчислениям немцев, февраль стоил союзникам потери 780, март — 860, апрель — более 1 миллиона, май — 870 тысяч тонн. Но решительных результатов, которые только и могли оправдать все невыгодные стороны этого мероприятия — и прежде всего всеобщее озлобление против Германии,— она не достигла. Англия, против которой главным образом направлена была подводная война, ответила на этот вызов и потерю своего тоннажа увеличением площади запашки на

* «Aus meinem Leben».

** С июля 1914 года по июнь 1917 года Америка доставила Антанте снабжения на 53 миллиарда франков.

3 миллиона акров, сокращением ввоза без чрезмерного нарушения интересов промышленности на 6 миллионов тонн, увеличением добычи минералов в пределах самой страны и регулировкой внешней торговли, в смысле сосредоточения тоннажа для предметов первой необходимости; одновременно начались серьезные технические изыскания действительных способов борьбы с подводными лодками. Словом, французский морской министр, адмирал Ляказ имел основание 12 мая выступить со следующим официальным заявлением: «До 1 января 1917 года союзники потеряли 4,5 миллиона тонн. Но мы построили 4402 тысячи тонн и получили 990 тысяч тонн в качестве приза. Таким образом, к 1 января 1917 г. мы оказались в таком же положении в отношении тоннажа, как в начале войны. С этого времени до конца апреля мы потеряли еще 2½ миллиона тонн. Если сохранится та же пропорция и в будущем, то к концу года мы за частичным возмещением потеряем 4—4½ миллиона тонн из 40 миллионов. Можно ли опасаться, что такая потеря угрожает нашей жизни?»

К середине июня Гинденбург в телеграмме к императору весьма пессимистически определял положение страны: «Огромное беспокойство возбуждает в нас упадок народного духа. Надо поднять его, иначе война проиграна. Наши союзники также нуждаются в поддержке, если мы не хотим, чтобы они нас оставили... Нужно разрешить экономические проблемы, страшно важные для нашего будущего. Является вопрос, способен ли канцлер их разрешить? А разрешить нужно — иначе мы погибли».

В ожидании большого наступления англо-французов на Западном фронте немцы сосредоточили там главное свое внимание, средства и силы, оставив на Восточном — после русской революции — лишь число войск, едва достаточное для обороны. Тем не менее, положение Восточного фронта продолжало вызывать к себе нервное отношение немецкого командования. Устоит ли русский народ или в нем возобладают пораженческие влияния? «Так как состояние русской армии не позволяло нам ответить ясно на этот вопрос,— говорит Гинденбург,— то наше положение в отношении России продолжало оставаться далеко не надежным».

Глава XVI. *Стратегическое положение русского фронта к весне 1917 г.*

Русская армия к марту 17-го г., невзирая на все свои недочеты, представляла внушительную силу, с которой противнику приходилось весьма считаться. Благодаря мобилизации промышленности, деятельности военно-промышленного комитета и отчасти несколько оживших органов военного министерства боевое снабжение достигло размеров доселе небывалых. К тому же усилился подвоз артиллерии и вообще военного материала от союзников на Мурман и к Архангельску. К весне мы имели сильный 48-й корпус — название, под которым скрывалась тяжелая артиллерия особого назначения — «Таон», состоявшая из крупнейших калибров. В начале года произведена была реорганизация технических (инженерных) войск с целью значительного их расширения. Вместе с тем началось развертывание новых пехотных дивизий. Эта последняя мера, проведенная ген. Гурко в дни его временного пребывания начальником штаба Верховного главнокомандующего, заключалась в переходе пехотных полков с 4-батальонного состава на 3-батальонный и в уменьшении числа орудий на дивизию, взамен чего из выделенных частей создавались в каждом корпусе третьи дивизии, соответственно пополненные, с небольшой артиллерией. Несомненно, по существу эта организация, будучи проведена еще в мирное время, придала бы большую гибкость корпусам и значительно увеличила бы их силу. Но во время войны приступать к ней было рискованно: к весенним операциям старые дивизии были раздерганы, а новые предстали в жалком виде, как в отношении боевого снаряжения (пулеметы и пр.), так и технического и хозяйственного оборудования; многие из них не успели получить надлежащей внутренней спайки — обстоятельство, имевшее исключительно серьезное значение перед лицом вспыхнувшей революции. Положение было настолько остро, что Ставка вынуждена была в мае дать разрешение фронтам расформировать те из третьих дивизий, которые окажутся мало боеспособными, обращая их на пополнение кадровых; мера эта, однако, почти не применялась, встретив сильное противодействие в частях, тронутых уже революционным движением.

Другой мерой, ослабившей значительно ряды армии, было увольнение от службы старших возрастных сроков. Мотивом к такой чреватой последствиями мере, принятой накануне общего наступления, послужило заявление на совещании в Ставке 30 марта министра земледелия Шингарева *, что положение продовольствия критическое и что он совершенно не берет на себя ответственности за питание армии, если не будет сброшено с рационов до миллиона ртов. При обмене мнений указывалось на огромное, непропорциональное развитие в армии небоевого элемента, пребывание в составе ее множества едва ли необходимых вспомогательных учреждений в виде крайне разросшихся общественных рабочих организаций, китайских, инородческих рабочих дружин и т. д. Упоминалось также об омоложении армии. Крайне обеспокоенный таким направлением мыслей, я поручил дежурству представить статистические данные относительно всех указанных категорий лиц. Но пока производилась эта работа, 5 апреля вышел приказ военного министра об увольнении из внутренних округов солдат свыше 40 лет на сельскохозяйственные работы до 15 мая (позднее срок продолжен до 15 июня, фактически почти никто не вернулся), а 10 апреля состоялось постановление Временного правительства об увольнении вовсе от службы лиц, имеющих более 43 лет от роду.

Первый приказ вызвал психологическую необходимость, под напором солдатского давления, распространить его и на армию, которая не примирилась бы со льготами, данными тылу; второй вносил чрезвычайно опасную тенденцию, являясь фактически началом демобилизации армии. Никакая нормировка не могла уже остановить стихийного стремления уволенных вернуться домой, и массы их, хлынувшие на станции железных дорог, надолго расстроили транспорт. Некоторые полки, сформированные из запасных батальонов, потеряли большую часть своего состава; войсковые тылы — обозы, транспорты расстроились совершенно: солдаты, не дожидаясь смены, оставляли имущество и лошадей на произвол судьбы: имущество расхищалось, лошади гибли. Эти обстоятельства ослабили армию и, в свою очередь, отдалили на некоторое время ее боевую готовность.

На огромном фронте от Балтийского моря до Черного и от Черного до Хамадана (город в Персии.— *Ред.*) тянулись русские позиции. На них стояло 68 армейских и 9 кавалерийских корпусов. Как значение фронтов, так и общее состояние их было далеко не одинаково. Северный наш фронт **, включавший Финляндию, Балтийское море и линию Западной Двины, имел большое значение как прикрывавший подступы к Петрограду, но значение это строго ограничивалось требованиями обороны. Сообразно с этим, ему не представлялось возможным уделять ни крупных сил, ни большого числа тяжелой артиллерии. Условия театра, сильная оборонительная линия Двины, ряд естествен-

* Министерство ведало и продовольствием.

** Командовали последовательно генералы: Рузский, Драгомиров, Клембовский, Черемисов.

ных тыловых позиций, связанных с основными позициями Западного фронта, невозможность серьезной операции к Петрограду ранее овладения морем, находившимся в наших руках — все это позволяло бы считать фронт до известной степени обеспеченным, если бы не два обстоятельства, сильно тревожившие Ставку: бо́льшая, чем где-либо, развращенность войск Северного фронта, благодаря близости революционного Петрограда, и состояние — не то автономное, не то полуанархическое — Балтийского флота и его баз — Гельсингфорса и Кронштадта, из которых второй служил вместе с тем и главной базой анархо-большевизма.

Балтийский флот, сохраняя до известной степени внешние формы служебного подчинения, совершенно вышел из повиновения. Командующий флотом, адмирал Максимов, находился всецело в руках центрального матросского комитета; ни одно оперативное приказание не могло быть осуществлено без санкций этого комитета. Не говоря уже о боевых задачах, даже работы по установке и исправлению минных заграждений — главное средство обороны Балтийского моря — встречали противодействие со стороны матросских организаций и команд. Во всем этом ясно сказывалось не только общее падение дисциплины, но и планомерная работа немецкого генерального штаба. Являлось опасение за выдачу секретных морских планов и шифров...

Наряду с этим войска 42-го отд. корпуса, расположенные по финляндскому побережью и на островах Моонзунда, вследствие долгого безделья и разбросанного расположения, с началом революции быстро разложились, и часть их представляла из себя совершенно опустившиеся физически и морально толпы. Какая-либо смена или передвижение их были невозможны. Помню, как в мае 1917 г. я долго и безрезультатно добивался посылки на Моонзундские острова пехотной бригады. Достаточно сказать, что командир корпуса не решался объехать и ознакомиться со своими частями,— обстоятельство, характерное и для войск, и для личности начальника.

Одним словом, весною 1917 г. положение на Северном фронте было таково: мы получали ежедневные донесения о состоянии ледяных заторов в проливах между материком и островами Рижского залива, и долгое их стояние казалось главной реальной силой противодействия вторжению немецкого флота и десанта. Временами, чтобы разбудить правительство и советы и чтобы привлечь к боевой работе разлагавшийся петроградский гарнизон, Ставка подчеркивала тревожное положение северного направления, в особенности на Ригу, что, однако, кроме обвинения Ставки в контрреволюционности, ни к чему более не приводило. К весне принимались меры для подготовки Двинского и Рижского плацдармов для демонстративно-наступательных действий. Между Десной и Припятью тянулся Западный фронт *. На всем его огромном протяжении два направления Минск — Вильна и Минск — Барановичи имели для нас наибольшую важность, представляя возможные направления как наших, так и немецких наступательных операций, имевших прецеденты в прошлом. Первое из этих направлений весною обеспечивалось сосредоточением на нем крупных наших сил и тяжелой артиллерии, собранных там для участия в предполагавшемся общем наступлении; второе — всегда внушало некоторое опасение, тем более что в резерве там была одна лишь конная дивизия. Прочие районы фронта и в особенности южный — лесисто-болотистое Полесье — по условиям местности и дорог являлись пассивными, а по Припяти, притокам ее и каналам издавна установилось даже какое-то полумирное сожительство с немцами, с развитием небезвыгодного для «товарищей» тайного товарообмена. Поступали, например, донесения, что в Пинск на

* Командовали последовательно генералы: Эверт, Гурко, Деникин и Балуев.

базар ежедневно являются с позиции русские солдаты — мешочники, и их появление по разным причинам поощряется немецкими властями.

Было еще одно уязвимое место — это тет-де-пон (предмостное укрепление.— *Ред.)* на Стоходе, у станции Червище-Голенин, занимаемый одним из корпусов армии генерала Леша [6]. 21 марта немцы, после сильной артиллерийской подготовки и газовой атаки обрушились на наш корпус и разбили его наголову. Войска наши понесли тяжелые потери, и остатки корпуса отведены были за Стоход. Ставка не получила точного подразделения числа потерь за невозможностью выяснить, какое число убитых и раненых скрывалось в графе «без вести пропавших». Немецкое же официальное сообщение давало цифру пленных в 150 офицеров и около 10 000 солдат...

Конечно, по условиям театра этот тактический успех немцев не имел никакого стратегического значения и не мог получить опасного для нас развития. Тем не менее, странной показалась нам откровенность осторожного канцлерского официоза: «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», который писал: «Сообщение Ставки русского Верховного главнокомандующего от 29 марта заблуждается, если усматривает в операции, предпринятой германскими войсками и предписанной тактической необходимостью, возникшей лишь в ограниченных пределах данного участка, крупную операцию общего значения» *. Газета знала то, в чем мы не были вполне уверены, и что теперь разъяснил нам Людендорф. С начала русской революции Германия поставила себе новую цель: не имея возможности вести операции на обоих главных фронтах, она решила «следить внимательно и поощрять развитие процесса разложения в России», добивая ее не оружием, а развитием пропаганды. Бой на Стоходе предпринят был по частной инициативе генерала Линзингена [7] и испугал германское правительство, считавшее, что немецкие атаки «в период, когда братанье шло полным ходом», могут оживить в нас, русских, угасавший дух патриотизма и отдалить падение России. Канцлер (Т. Бетман-Гольвег.— *Ред.)* просил главную квартиру «делать как можно меньше шума вокруг этого успеха», и последняя запретила всякие дальнейшие наступательные операции, «чтобы не расстраивать надежд на мир, близких к осуществлению».

Наша неудача на Стоходе произвела в стране большое впечатление. Это был первый боевой опыт «самой свободной в мире революционной армии»... Ставка ограничилась сухим изложением факта, без какой бы то ни было тенденции; в кругах революционной демократии объясняли его, где изменой командного элемента, где злым умыслом военного начальства, желавшего якобы подчеркнуть таким предметным уроком негодность новых порядков армии и опасность падения дисциплины, где неспособностью начальства. Московский совет предъявил в Ставку обвинение в измене одного из помощников военного министра, командовавшего ранее на этом фронте дивизией... Другие всецело относили наше поражение к разложению войск.

Фактических причин неудачи было две: тактическая, обусловленная сомнительной целесообразностью занятия узкого тет-де-пона во время разлива реки, с необеспеченным надлежаще тылом, и, может быть, не совсем правильное применение техники и войск; и психологическая: падение морального элемента и дисциплины в войсках. Это последнее обстоятельство, выразившееся, между прочим, в огромном, непропорциональном числе пленных, заставило по разным побуждениям «глубоко призадуматься» и русскую Ставку, и главную квартиру Гинденбурга.

Наиболее важным и привлекавшим исключительное внимание яв-

* В нашей сводке такого определения я не нашел.

лялся Юго-западный фронт *, простиравшийся от Припяти до Молдавии. От него шли на северо-запад чрезвычайно важные операционные направления в глубь Галиции и Польши — на Краков, Варшаву, Брест-Литовск. Наступление по ним прикрывалось с юга Карпатами, разделяло южную австрийскую группу армий от северной немецкой, угрожая тылу и коммуникациям последней. Эти операционные направления, не встречая, в общем, серьезных преград, выводили нас на фронт австрийских войск, боевые качества которых были много ниже германских; тыл Юго-западного фронта был сравнительно устроен и богат; психология войск, командования и штабов его всегда значительно разнилась от других фронтов: на общем славном, но безрадостном фоне кампании только юго-западные армии одерживали потрясающие успехи, видели сотни тысяч пленных, проходили победно сотни верст в глубь неприятельской территории, спускались с Карпат в Венгрию. В этих войсках раньше всегда жила вера в успех. Юго-западный фронт создал имена Брусилову, Корнилову, Каледину... Все эти обстоятельства заставляли смотреть на Юго-западный фронт как на естественную базу и центр предстоящих операций и сообразно с этим сосредоточить в нем войска, технические средства, большую часть тяжелой артиллерии («Таона») и боевых запасов. Соответственно подготовлялся для наступления, с устройством плацдармов, проведением дорог, главным образом район между верхним Серетом и Карпатами.

Далее следовал — до Черного моря — Румынский фронт **. После неудачной для нас кампании 1916 г. наши войска заняли линию по Дунаю, Серету и Карпатам и укрепились на ней достаточно прочно. Румынские войска частью располагались на фронте, вкрапленные между нашими IV и IX армиями (армия Авереско), частью еще организовались под руководством французского генерала Бертело и при участии русских артиллерийских инструкторов. Реорганизация и формирование шли весьма удовлетворительно, тем более что румынский солдат представляет из себя отличный боевой материал. Я познакомился с румынской армией еще в ноябре 1916 года, когда с 8-м армейским корпусом был брошен в Бузео, в самую гущу отступавших румынских армий, имея оригинальную директиву двигаться по Бухарестскому направлению до встречи с противником и затем прикрыть это направление, привлекая к обороне отступающие румынские войска. С тех пор в течение нескольких месяцев, ведя бои у Бузео, Рымника, Фокшан, имея в подчинении разновременно два румынских корпуса или соседями — армию Авереско, я достаточно хорошо познакомился с румынскими войсками. В начале кампании обнаружилось полное игнорирование румынской армией опыта протекавшей перед ее глазами мировой войны: легкомысленное до преступности снаряжение и снабжение армии; наличие нескольких хороших генералов, изнеженного, не стоявшего на должной высоте корпуса офицеров и отличных солдат; наличие порядочной артиллерии и совсем необученной пехоты. Вот главнейшие свойства румынской армии, довольно быстро потом приобретавшей некоторую организацию, улучшавшей свое боевое снаряжение и обучение. Взаимоотношения между фактическим русским главнокомандующим, именовавшимся «помощником», и номинальным — румынским королем — установились довольно благоприятные. Хотя начинавшиеся эксцессы русских войск сильно портили отношения с румынами, но тем не менее фронт не внушал серьезных опасений.

При создавшейся общей обстановке и в зависимости от условий театра только широкое наступление большими силами в направлении Бухареста и вторжение в Трансильванию могло иметь стратегическое и политическое значение. Но ни новых сил нельзя было двинуть в Румынию, ни состояние румынских железных дорог не позволяло надеяться на возможность широких стратегических перевозок и снабжения. Театр являлся поэтому второстепенным, и войска Румынского фронта готовились к частной активной операции, имевшей целью приковать к себе австро-германские силы.

* Командовали последовательно генералы: Брусилов, Гутор, Корнилов, Балуев, Деникин, Володченко.

** Командовали последовательно генералы Сахаров и Щербачев.

Я уже говорил, что питание всех трех фронтов, за исключением Юго-западного, внушало большие опасения и не раз приводило к опасному расходованию войсковых запасов. Но это обстоятельство не являлось таким абсолютным и непредотвратимым, как в Германии, не обусловливалось отсутствием предметов питания, а зависело более от внутренней экономической и продовольственной политики и транспорта — причины, с которыми можно было до некоторой степени бороться.

В совершенно исключительном положении находился Кавказский фронт *. Дальность расстояния, выработавшаяся за много лет практика известной автономности кавказской администрации и командования, пребывание во главе Кавказской армии с августа 1916 года великого князя Николая Николаевича — человека властного и пользовавшегося своим особым положением в разрешении различных спорных вопросов, возникавших со Ставкой, наконец, совершенно своеобразные условия театра и противника, сильно отличавшиеся от условий Европейского фронта,— все это создало какую-то обособленность Кавказской армии и неестественные отношения со Ставкой. Генерал Алексеев говорил не раз, что, несмотря на все свое старание, он очень плохо разбирается в кавказской обстановке. Кавказ жил своей жизнью, осведомляя центр лишь в той степени, в какой считал нужным, и в освещении, преломленном сквозь призму местных интересов.

К весне 1917 года Кавказская армия была в тяжелом положении не в силу каких-либо стратегических или боевых преимуществ противника — сама турецкая армия отнюдь не представляла серьезной угрозы,— а от внутреннего неустройства: совершенно бездорожный и голодный край, без продовольствия и фуража, до крайности затрудненный транспорт делали невыносимой самую жизнь войск. И если правофланговый корпус мог еще довольствоваться сносно, пользуясь черноморским транспортом, то прочие корпуса, и в особенности на левом фланге, находились в крайне тяжелом положении.

По условиям местности, вьючный, малоподъемный транспорт требовал огромного количества лошадей при полном отсутствии на месте корма; паровые, тепловые и конные железные дороги строились медленно, отчасти по недостатку железнодорожных материалов, отчасти потому, что таковые Кавказским фронтом были непроизводительно израсходованы на постройку Трапезундской железной дороги, вследствие параллельного морского транспорта не имевшей первостепенного значения.

Словом, в начале мая генерал Юденич доносил, что, вследствие болезней и падежа лошадей, обозы приведены в полное расстройство, некоторые батареи стоят на позициях незапряженными, транспортов выбыло до половины, потребность в лошадях до 75 тысяч; огромный недостаток в рельсах, подвижном составе и фураже; из боевого состава пехоты только за половину апреля выбыло вследствие цинги и тифа 30 тысяч человек, т. е. 22%, и т. д. Все это заставляло генерала Юденича «предвидеть необходимость вынужденного отхода к источникам питания, центром — к Эрзеруму, правым флангом — к границе».

Требования были значительно преувеличены, но положение фронта действительно было серьезное. Ставка с трудом удовлетворила часть

* Командовали последовательно: великий князь Николай Николаевич, генералы Юденич и Пржевальский.

нужд Кавказского фронта за счет других, но при этом я не мог не обратить внимания главного кавказского командования на то, что обеспечение железнодорожными техническими средствами не зависело от Ставки; ибо заказы делались ранее помимо нее, равно как создание и осуществление плана строительства; и что укомплектования за счет европейских фронтов не будут даны Кавказу, который, как оказалось по проверке, имел в своих запасных частях 104 тысячи человек; но различные местные комитеты парализовали власть кавказского командования, не выпуская запасных полков на фронт и считая их «обеспечением против контрреволюции».

Исход, предвиденный генералом Юденичем, не мог быть допущен, как по причинам морального свойства, так и потому, что наш отход освобождал бы турецкие силы для действий против других азиатских фронтов. Это обстоятельство особенно беспокоило английского военного представителя при Ставке, который неоднократно от имени своего командования просил о наступлении левого фланга наших войск в долине реки Диалы для совместной операции с английским месопотамским отрядом Моода против турецкой армии Халил-Паши. Конечно, это наступление вызывалось больше политическими (аннексионными) соображениями англичан, чем стратегическими требованиями, тем более что материальное положение нашего левофлангового корпуса было поистине бедственное, а к маю на Диале начиналась тропическая жара.

В результате Кавказский фронт не мог развить наступательной операции, и войскам его предписано было только активно оборонять занятую линию, с условным наступлением левофлангового корпуса, в связи с англичанами, если последние организуют снабжение корпуса продовольствием. Фактически в середине апреля совершен был частный отход на Огнотском и Мушском направлениях, в конце апреля началось безрезультатное продвижение левого фланга в долине Диалы, и затем на Кавказском фронте установилось состояние среднее между миром и войной.

Наконец, последняя составная часть русских вооруженных сил — Черноморский флот... В мае и в начале июня в нем были уже серьезные беспорядки, приведшие к отставке адмирала Колчака, но флот считался все же достаточно боеспособным, чтобы выполнить свою задачу — владения Черным морем, в частности, блокаду турецкого и болгарского побережья и охрану морских путей к Кавказскому и Румынскому фронтам.

Этим я закончу краткий обзор положения русского фронта, не вдаваясь излишне в стратегические комбинации: всякая наша стратегия этого периода, какова бы она ни была, разбивалась о солдатскую стихию. Ибо от Петрограда до Дуная и до Диалы быстро распространялось, росло и ширилось разложение армии. Трудно было в начале революции учесть степень его углубления на разных фронтах, трудно было предвидеть все возможности его влияния на будущие операции. Но уже души многих отравляло сомнение: не напрасны ли все наши соображения, расчеты и усилия...

Глава XVII. *Вопрос о переходе русской армии в наступление*

Итак, перед нами во всей своей силе и остроте встал вопрос: нужно ли русской армии перейти в наступление?

Временное правительство опубликовало 27 марта обращение «к гражданам» о задачах войны. Среди ряда фраз, затемнявших в угоду революционной демократии прямой смысл обращения, Ставка не могла найти твердых оснований для руководства русской армией: «Оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага — первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа... Цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов... но... не допустит, чтобы Родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики Временного правительства... при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников»...

В ноте от 18-го апреля, препровожденной министром иностранных дел Милюковым союзным державам, находим еще одно определение: «Всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы... усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче — отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей Родины»... *

Конечно, все это были фразы, весьма робко, осторожно, туманно определяющие задачи войны, дающие возможность любого толкования их смысла, а главное лишенные правдивого обоснования: стремление к победе в народе, в армии не только не усилилось, но шло значительно на убыль, как результат, с одной стороны, усталости и падения патриотизма, с другой — чрезвычайно интенсивной работы противоестественной коалиции, заключенной между представителями крайних течений русской революционной демократии и немецким генеральным штабом,— коалиции, связанной невидимыми, но ясно ощущаемыми психологическими и реальными нитями. К этому вопросу я вернусь позднее. Здесь же отмечу лишь, что разрушительная работа по циммервальдской программе в пользу прекращения войны началась задолго до революции, исходя как извне, так и извнутри.

Временное правительство, проводя для умиротворения воинствующих органов революционной демократии бледные, неясные формулы в отношении цели и задач войны, не стесняло, однако, нисколько Ставку в выборе стратегических способов для их достижения. Поэтому нам предстояло разрешить вопрос о наступлении независимо от существующих направлений политической мысли.

Единственное, ясное, определенное решение, в котором не могло быть разномыслия среди командного состава, было: Разбить вражеские армии в тесном единении с союзниками. Иначе страну нашу неминуемо постигнет крушение. Но такое решение требовало широкого наступления, без которого не только немыслимо было одержать победу, но и затягивалась бесконечно разорительная война. Ответственные органы демократии, в большинстве своем исповедуя пораженческие взгляды, старались повлиять соответственно на массы. От этих взглядов не были вполне свободны даже и умеренные социалистические круги. В солдатской среде идеология циммервальдовской формулы не воспринималась вовсе, но зато сама формула давала известное оправдание чувству самосохранения или попросту — шкурничеству. И потому идея наступления не могла быть особенно популярной в армии. Развал в войсках ширился все более, и терялась уверенность не только в упорстве наступления, но даже и в том, будет ли исполнен приказ — удастся ли сдвинуть армию с места... Огромный русский фронт держался еще прочно... по инерции, импонируя врагам, не знавшим, так же как и мы, размеров сохранившейся потенциальной силы его. Что, если наступление вскроет наше бессилие?

* Подобные определения давали повод пораженческой пропаганде объяснять наступление, например, в направлении на Львов, «империалистическими, захватными стремлениями».

Таковы были мотивы против наступления. Но слишком много более веских причин повелительно требовали иного решения. Центральные державы дошли до полного истощения своих людских, материальных и моральных сил. Если осенью 1916 года наступление наше, не увенчавшееся решительным стратегическим успехом, поставило враждебные армии в критическое положение, то что было бы теперь, когда силы и техника наши возросли, соотношение их изменилось значительно в нашу пользу, а союзники к весне 1917 года заносили громовой удар над головою врагов. Немцы с болезненным страхом ожидали этого удара и, с целью выйти из-под него, еще в начале марта отвели свой стоверстный фронт между Аррасом и Суасоном вглубь, верст на 30, на так называемую линию Гинденбурга, подвергнув невероятному и ничем не оправдываемому опустошению оставленную территорию. Этот отход был знаменателен как явный показатель слабости наших врагов и сулил большие надежды на будущее... Мы не могли не наступать: при полном развале контрразведывательной службы, вызванном подозрительностью революционной демократии, разгромившей органы ее, смешав по недомыслию их функции с кругом ведения ненавистных сыскных отделений; при установившейся связи между многими представителями Совета рабочих и солдатских депутатов и агентами Германии; при более чем легком общении между фронтами и облегченном донельзя шпионаже — наше решение не наступать стало бы, несомненно, известным противнику, который немедленно начал бы переброску своих сил на запад. Это было бы равносильно прямому предательству в отношении союзных народов, несомненно, приводившему, если не к официальному, то к фактическому состоянию сепаратного мира со всеми его последствиями. Настроение революционных кругов Петрограда в этом вопросе казалось, однако, настолько колеблющимся, что в Ставке создалась вначале совершенно необоснованная подозрительность даже в отношении Временного правительства. На этой почве произошел небольшой инцидент.

В конце апреля, во время отъезда Верховного, начальник дипломатической канцелярии доложил мне, что среди иностранных военных представителей царит большое возбуждение: только что получена из Петрограда телеграмма итальянского посла, в которой он категорически уверяет, что Временное правительство пришло к решению заключить сепаратный мир с центральными державами. Когда факт получения такой телеграммы был установлен, я, не зная тогда, что итальянское представительство по свойственной его членам экспансивности не раз уже являлось источником ошибочных сведений, послал военному министру телеграмму в весьма горячих выражениях, оканчивавшуюся словами: «презрением заклеймит потомство то дряблое, бессильное, безвольное поколение, которого хватило на то, чтобы свергнуть подгнивший строй, но не хватает на то, чтобы уберечь честь, достоинство и само бытие России». Вышел конфуз: сведение было ложным, правительство, конечно, не помышляло о сепаратном мире. Позднее, 16 июля, в историческом совещании в Ставке (главнокомандующих с членами правительства), мне еще раз пришлось высказать свой взгляд по этому вопросу: «...Есть другой путь — предательство. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути — политическое, моральное и экономическое рабство».

Я знаю, что в некоторых русских кругах такое прямолинейное исповедывание моральных принципов в политике впоследствии встречало осуждение: там говорили, что подобный идеализм неуместен и вреден, что интересы России должны быть поставлены превыше всякой «условной политической морали»... Но ведь народ живет не годами, а столетиями; я уверен, что перемена тогдашнего курса внешней политики существенно не изменила бы крестный путь русского народа, что кровавая игра перемешанными картами продолжалась бы, но уже за его счет... Да и психология русских военных вождей не допускала таких сделок с совестью: Алексеев и Корнилов, всеми брошенные, никем не поддержанные, долго шли по старому пути, все еще веря и надеясь на благородство или, по крайней мере, здравый смысл союзников, предпочитая быть преданными, чем самим предать.

Дон-кихотство? Может быть. Но другую политику надо было делать другими руками... менее чистыми. Что касается лично меня, то три года спустя, пережив все иллюзии, испытав тяжкие удары судьбы, упершись в глухую стену неприкрытого слепого эгоизма «дружественных» правительств, свободный поэтому от всяких обязательств к союзникам, почти накануне полного предательства ими истинной России, я остался убежденным сторонником честной политики. Только роли переменились: теперь уже мне пришлось убеждать парламентских деятелей Англии *, что «здоровая национальная политика не может быть свободна от всяких моральных начал, что совершается явное преступление, ибо иначе нельзя назвать оставление вооруженных сил Крыма, прекращение борьбы против большевизма, введение его в семью культурных народов и хотя бы косвенное признание его; что это продлит немного дни большевизма в России, но распахнет ему широко двери в Европу»... Я верю глубоко, что историческая Немезида не простит им, как не простила бы тогда нам.

Начало 1917 года было временем катастрофическим для центральных держав и решительным для Согласия. Вопрос о русском наступлении чрезвычайно волновал союзное командование [8]. Военные представители Англии (генерал Бартер) и Франции (генерал Жанен) часто бывали у Верховного главнокомандующего и у меня, интересуясь положением вопроса. Но заявления немецкой печати о проводимом союзниками давлении или даже ультимативных требованиях в отношении Ставки неверны: это было бы просто не нужно, так как и Жанен и Бартер понимали обстановку и знали, что задержкой и препятствием к переходу в наступление служит только состояние армии. Они старались ускорить и усилить техническую помощь, в то время как их более экспансивные сотрудники — Тома, Гендерсон и Вандервельде — лидеры социалистических партий запада, пытались безнадежно горячим словом зажечь искру патриотизма среди представителей русской революционной демократии и войск.

Наконец, Ставка учитывала еще одно обстоятельство: в пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, русская армия несомненно и быстро догнила бы окончательно, в то время как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение, если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством большой победы. Это чувство могло разрушить все интернациональные догмы, посеянные врагом на благодатной почве пораженческих настроений социалистических партий. Победа давала мир внешний и некоторую возможность внутреннего. Поражение открывало перед государством бездонную пропасть. Риск был неизбежен и оправдывался целью — спасения Родины.

Верховный главнокомандующий, я и генерал-квартирмейстер (Юзефович) совершенно единомышленно считали необходимым наступление. Старший командный состав принципиально разделял этот взгляд. Колебания, и довольно большие при этом, на разных фронтах были лишь в определении степени боеспособности войск и их готовности. Я утверждаю убежденно, что одно это решение, даже независимо от приведения его в исполнение, оказало союзникам несомненную пользу, удер-

* Конец апреля 1920 года.

живая силы, средства и внимание врагов на русском фронте; этот фронт, потеряв свою былую грозную мощь, все же оставался для врагов неразгаданным сфинксом.

Любопытно, что в то же время в главной квартире Гинденбурга разрешался тождественный вопрос. «Общее положение в апреле, мае до июня,— говорит Людендорф,— не давало возможности открыть серьезные действия на восточном фронте». Но позже... «по этому поводу в главной квартире были большие споры. Быстрое наступление на восточном фронте с теми войсками, которые были в распоряжении главнокомандующего этого фронта, подкрепленными несколькими дивизиями с запада — не лучше ли это решение, чем ожидание? Это был наиболее подходящий момент, говорили некоторые, разбить русскую армию, когда боевая ценность ее уменьшилась. Я не согласился, невзирая на улучшение положения на западе. Я не хотел делать ничего, что, казалось, могло разрушить реальную возможность мира»... Конечно — мира сепаратного. Какого — мы узнали позднее, после Брест-Литовска...

Армиям отдана была директива о наступлении. Общая идея его сводилась к прорыву неприятельских позиций на подготовленных участках всех европейских фронтов, к широкому наступлению большими силами Юго-западного фронта в общем направлении от Каменец-Подольска на Львов и далее к линии Вислы, в то время как ударная группа Западного фронта должна была наступать от Молодечно на Вильно и к Неману, отбрасывая к северу немецкие армии Эйхгорна. Северный и Румынский фронты содействовали частными ударами, привлекая к себе силы противника.

Время для наступления было назначено предположительно, в широких пределах. Но дни шли, а войска, ранее управлявшиеся приказами и безропотно выполнявшие самые тяжелые задачи,— те самые войска, которые своей грудью, без патронов, без снарядов сдерживали некогда стихийное наступление австро-германских масс,— теперь стояли с парализованной волей и помутневшим разумом. Начало все откладывалось.

* * *

Между тем союзники, подготовившие к весне широкую операцию, учитывая значительное усиление врагов на западном фронте в случае полного развала русской армии, начали великое сражение во Франции, как было обусловлено планом кампании, в конце марта, не дожидаясь окончательного решения вопроса о нашем наступлении. Впрочем, одновременность действий на считалась союзными главными квартирами необходимым условием предстоящей операции и раньше, до потрясения русской армии. Наше наступление, в силу особенных физических и климатических условий театра, предусматривалось не ранее мая. Между тем генерал Жоффр, согласно общему плану кампании 1917 года, выработанному 2 ноября 1916 г. на конференции в Шантильи, наметил началом наступления англо-французских армий конец января и первые числа февраля; сменивший его генерал Нивель[8], после конференции 14 февраля 1917 г. в Кале, перенес начало наступления на конец марта.

27 марта начались атаки англичан у Арраса, на фронте около 20 верст. Подготовленный небывалой силы артиллерийским огнем * прорыв немецких позиций принял угрожающие для немцев размеры. С обеих сторон были введены огромные силы. Сражение, то замирая, то вновь вспыхивая, длилось весь апрель. Англичане проникли в глубь неприятельских позиций верст на 6, заняв линию Ленс—Фонтэн, так называемый хребет Вими, представлявший весьма важный и сильно укрепленный рубеж. Сражение это потребовало от немцев огромного напряжения и больших потерь, поглотило резервы и запасы. А в то же время (2 апреля) на широком фронте Суассон — Реймс — Оберив началась большая операция французов, ознаменовавшаяся вначале также большим успехом и вызвавшая оставление немцами, понесшими громадные потери, своих сильных позиций.

* 3 тысячи иемецких орудий были противопоставлены 4 тысячам английских, выпустивших в первые семь дней атаки 9—10 миллионов снарядов.

Этот комбинированный удар, направленный концентрически от Арраса на Дуэ и от Реймса на Шарлевиль, обещал решительные результаты. Битва народов, которая должна была решать судьбы их, протекала с огромными жертвами, нося поистине истребительный характер. Но вскоре в темпе грандиозной борьбы наступило какое-то замедление и равновесие. Введение в дело всех немецких резервов, их систематические и упорные контратаки приостановили движение союзников. Его не оживило ни начавшееся удачно 2 мая итальянское наступление на Изонцо, ни успешные атаки англичан в конце мая в Бельгии.

На разных участках Западного фронта шли еще кровавые бои, но уже не оставалось никакого сомнения, что решительная весенняя операция союзников, на которую возлагалось столько надежд, от которой ожидали конца страданиям народов, окончена, не оправдав надежд. Обе стороны сочли себя победительницами, и обе были обескровлены. Стратегическое положение не изменилось. Немцы понесли весьма тяжкие потери: за период с 1 апреля по середину июня общие потери их составили свыше 250 тысяч человек, в том числе пленными 64 500. Англо-французам досталось 509 орудий, 1318 пулеметов и много другой военной добычи. Моральное состояние немцев пало еще более от сознания явного превосходства техники союзников; благодаря истощению немецких запасов и резервов к англо-французам перешла инициатива на всем европейском фронте войны. Таковы были блестящие, но далеко не решительные результаты весеннего наступления.

К концу апреля официозная пресса союзников, вдохновленная главными штабами, предостерегала уже народ от увлечений, иллюзий и надежд на скорую победу и приглашала ждать терпеливо прибытия свежих британских и американских сил... В то же время в англо-французской печати начали подыматься нетерпеливые голоса в пользу скорейшего наступления русской армии.

Несогласованность операций западного и восточного европейских фронтов давала свои горькие плоды. Трудно решить, могли ли союзники отсрочить свое весеннее наступление на два месяца, и поскольку выгода комбинированной с русским фронтом операции компенсировала бы предоставление Германии лишнего времени для усиления, устройства сил и пополнения запасов. Одно несомненно, что отсутствие этой связи во времени доставило немцам огромное облегчение. «Я враг бесполезных соображений,— говорил Людендорф,— но я не могу отказаться подумать, что было бы, если бы Россия наступала в апреле и мае и одержала ряд небольших успехов. Нам предстояла бы тогда, как и осенью 1916 г., очень тяжелая борьба. Наши боевые припасы уменьшились бы в угрожающей степени. По зрелом размышлении, если перенести на апрель — май (даже те) успехи, которые были одержаны русскими в июне, я не вижу, каким образом высшее командование могло бы остаться хозяином положения. В апреле и мае 1917 г., несмотря иа нашу победу (?) на Эне и в Шампани, нас спасла только русская революция»...

* * *

Помимо общего наступления на австро-германском фронте, в апреле возник еще один не лишенный интереса вопрос — самостоятельная операция по овладению Константинополем. Министр иностранных дел

Милюков, вдохновленный молодыми пылкими моряками, вел многократно переговоры с генералом Алексеевым, убеждая его предпринять эту операцию, которая, по его мнению, могла увенчаться успехом и поставить протестующую против аннексий революционную демократию перед совершившимся фактом.

Ставка отнеслась совершенно отрицательно к этой затее, так не соответствовавшей состоянию наших войск: десантная операция — чрезвычайно деликатная сама по себе — требовала большой дисциплины, подготовки, порядка, а главное, высокого сознания долга десантными войсковыми частями, которые временно становились совершенно оторванными от всякой связи со своей армией. Море в тылу — это обстоятельство угнетающе действует и на сильные духом части. Этих элементов в русской армии уже не было.

Просьбы министра становились, однако, так настойчивы, что генерал Алексеев счел себя вынужденным дать ему показательный урок: предположена была экспедиция в небольших размерах к малоазиатскому берегу Турции, кажется, в Зунгулдак. Операция эта, не имевшая особенно серьезного значения, потребовала сформирования отряда в составе полка пехоты, броневого дивизиона и небольшой конной части и возложена была на Румынский фронт. Прошло некоторое время, и сконфуженный штаб фронта ответил, что сформировать отряд не удалось, так как войска... не желают идти в десант... Этот эпизод, вызванный прямолинейно понятой идеей «без аннексий», извращавшей все начала стратегии, а может быть, и просто шкурничеством, служил еще одним плохим предзнаменованием для предстоящего общего наступления. Оно, между тем, готовилось в муках и страданиях. Русский заржавевший, зазубренный меч все еще раскачивался, и неизвестно было только, когда раскачается окончательно и по чьим головам ударит...

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — генерал-фельдмаршал. Во время первой мировой войны командовал войсками Восточного фронта (с ноября 1914 г.), начальник Генштаба (с августа 1916 г.), фактически главнокомандующий.

[2] Чернин Оттокар (1872—1932) — граф, австрийский министр иностранных дел в декабре 1916 — апреле 1918 года.

[3] Карл I Габсбург (1887—1922) — император Австрии и король Венгрии (Карл IV) в 1916—1918 годах. В ходе революции 1918 г. 11 ноября отрекся от престола в Австрии, 13 ноября — в Венгрии.

[4] Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 гг., свергнут в результате Ноябрьской революции 1918 года.

[5] Вильсон Томас Вудро (1856—1924) — 28-й президент США (1913—1921) от Демократической партии. Инициатор вступления США в первую мировую войну. В январе 1918 г. выдвинул программу мира — «Четырнадцать пунктов». Участвовал в организации антисоветской интервенции.

[6] Леш Л. П. — генерал, командующий 3-й армией Юго-Западного фронта в период наступления, предпринятого 22 мая (4 июня) 1916 г. в связи с тяжелым поражением итальянской армии и обращением союзников к России с просьбой ускорить наступление для отвлечения сил противника с итальянского фронта.

[7] Линзинген А. — генерал, командующий австро-венгерской армейской группой. Входившая в нее 4-я армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда была разгромлена в ходе наступления армий Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г. (Луцкий прорыв).

[8] Нивель Робер Жорж — французский генерал, сменивший на посту главнокомандующего отставленного 27 декабря 1917 г. Жоффра. 15 мая 1917 г., после провала апрельской наступательной операции между Реймсом и Суассоном, был отставлен.

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

А. Ф. Керенский

От редакции. Вниманию читателей предлагаются главы из последней книги А. Ф. Керенского «Мемуары. Россия на историческом повороте». Тем самым недоступная ранее массовому читателю работа этого крупного политического деятеля, сыгравшего важную роль в истории России, получает выход на широкую советскую публику. Думается, знакомство с нею позволит нашему читателю составить более полное и объективное представление об этом этапе нашей истории. К сожалению, до недавнего времени в нашей историографии, как и в научно-популярной литературе и исторической беллетристике, преобладал плоскостно-догматический и одноцветно-схематизированный подход к событиям этого периода. К тому же политические деятели, принадлежавшие к противостоявшему большевикам лагерю, изображались, как правило, искаженно, а зачастую просто оглуплялись, окарикатуривались. Между тем на самом деле на исторической сцене в тот период действовали яркие и сильные исторические личности, придерживавшиеся различных социально-политических взглядов, отражавших все цвета тогдашнего достаточно пестрого политического спектра. И не зная этих людей, нельзя понять глубинной сути происходивших в стране процессов.

Особенный интерес, естественно, представляют для нас демократические силы. Мемуары А. Ф. Керенского как раз и интересны тем, что дают возможность наглядно представить и понять, какое яркое развитие в дореволюционной России получили различные демократические движения, которые с большой силой проявили себя в революциях 1917 года.

В публикуемых воспоминаниях повествуется, и это представляется особенно ценным, о конкретных личностях, деятелях истории, каждый из которых обладал своим собственным видением политического процесса. Читая «Мемуары», мы имеем возможность наблюдать, как менялись их взгляды и позиции, в чем они оказались правы, а где заблуждались. А это позволяет читателю самому осмыслить их роль и место в сложной и противоречивой истории России первых десятилетий XX века.

А. Ф. Керенский, как он сам писал, не стремился воссоздать «объективную историю», но хотел изложить свои взгляды, свое понимание того, как и почему развивались события, в которых он участвовал непосредственно или же чему был заинтересованным свидетелем. Поэтому не следует искать в мемуарах Керенского исчерпывающего ответа на многие вопросы, волнующие сейчас и специалистов-историков, и читающую публику. Гораздо плодотворнее будет, на наш взгляд, если мы непредвзято и вдумчиво прислушаемся к живому голосу человека, который искренне любил Россию, хотя и не так, как мы, понимал ее прошлое и исторические судьбы.

Александр Федорович Керенский прожил долгую жизнь. О том, как формировались его идейно-политические воззрения, как он участвовал в политической борьбе, работал в Государственной думе, Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, как был министром, а затем министром-председателем Временного правительства, он сам рассказывает в своих мемуарах. Стоит, пожалуй, добавить, что в 1918 г. он эмигрировал во Францию, с 1940 г. жил в США. Он активно участвовал в общественной жизни русской эмиграции. С 1922 до 1932 г. редактировал газету «Дни». Скончался А. Ф. Керенский в 1970 г. в Нью-Йорке в возрасте 89 лет.

Текст мемуаров воспроизводится по изданию: The Kerensky Memoires. Russia and History's Turning Point by Alexander Kerensky. Lnd. Cassell. 1966.

Перевод осуществлен Г. А. Шаховым, воспоминания которого о встрече с А. Ф. Керенским в США в январе 1964 г. также предлагаются вниманию читателя.

При подготовке материала к печати были уточнены некоторые даты и факты.

От переводчика. В этих кратких заметках я хотел бы рассказать читателю о своей встрече с автором публикуемых в журнале мемуаров — Александром Федоровичем Керенским, случившейся давным-давно, а точнее, в начале января 1964 года. Сразу оговорюсь, что не являюсь большим поклонником тех воспоминаний, в которых текстуально приводятся беседы, состоявшиеся 30 или даже 50 лет назад. Не могу полностью поверить в незыблемость памяти мемуариста, когда он в самых красочных деталях описывает обстоятельства таких встреч и бесед. Мне более по душе воспоминания, подкрепленные неоспоримыми документами и фактами, как это, кстати сказать, делает в своих мемуарах А. Ф. Керенский. Тем не менее полагаю, что автор воспоминаний может достаточно достоверно рассказать о том, что особенно поразило его воображение, вызвало внутреннюю реакцию приятия или неприятия. Возвращаясь к мемуарам А. Ф. Керенского, отмечу, что их автор, будучи человеком весьма сдержанным, не раз подчеркивает именно те факты, которые имели для него крайне важное, порой основополагающее значение. Исходя из этих соображений, я и беру на себя смелость рассказать коротко о разговоре с А. Ф. Керенским, который немало поразил мое «зашоренное» по тем временам воображение, вызвав в незрелой журналистской душе бурю негодования, протеста, а порою удивления и изумления.

Итак, январь 1964 года. Случайные обстоятельства позволили мне во второй раз побывать в Соединенных Штатах Америки. Время во всех отношениях тревожное и нестабильное. Только что был убит президент Кеннеди, и вся Америка буквально захлебывалась стремительно несущимися событиями. Какое-то потаенное ощущение тревоги замечалось и в настроениях советских служащих и журналистов. Мои коллеги, проживавшие тогда в Америке, могут подтвердить, что уже в начале 1964 г. появились серьезные признаки крупных политических перемен в Советском Союзе, возможных перестановок в руководстве страны. Во всяком случае, такие обстоятельства были весьма благоприятны для неординарных поступков и суждений...

В один из самых обычных солнечных январских дней ко мне в гостиничный номер в Вашингтоне зашел мой приятель—журналист. Он-то и предложил мне встретиться вместе с ним с Керенским, с «гнусным предателем интересов народа России», со «ставленником злейшей контрреволюции в 1917 году», с «одним из главарей антисоветской эмиграции», как его живописали в то время наши учебники истории, научные исследования и энциклопедические статьи. Он сообщил при этом, что встреча санкционирована свыше и даже «рекомендована».

Говорят же, что судьба выдумывает сюжеты позатейливее, чем любой писатель-фантаст. Мог ли предполагать я, учась в средней школе или изучая русскую историю XX века в институте, что встречусь когда-нибудь в маленьком вашингтонском ресторанчике с «живым» Керенским, который в сознании моем умер где-то в начале двадцатых годов! А встретившись с ним, мог ли предполагать, что его воспоминания будут без изъятий опубликованы на страницах советской научной периодики!

...Не буду переписывать свидетельства современников о внешности А. Ф. Керенского, как это порой делают опытные мемуаристы. Замечу лишь, что для своих 80 с лишним лет он выглядел весьма моложаво: высокий, подтянутый, с ясным внимательным взглядом. Впрочем, сам А. Ф. Керенский в своих мемуарах не без легкого кокетства отмечает, что всегда выглядел намного моложе своих лет, что мешало ему в ранние годы и благоприятствовало в зрелые. В облике его не было и намека на те «бонапартистские» черты, которые придали ему авторы наших юбилейных кинокартин, не ощущалось никакого стремления играть «на публику», как отмечали его современники-недоброжелатели. В нем скорее угадывался давно забытый у нас тип русского интеллигента-разночинца. Еще раз повторю, что не помню деталей: ни как он был одет, ни какого цвета и фасона был на нем костюм. А вот существенное, то, что поразило неожиданностью, врезалось в сознание и осталось.

Итак, фрагменты из разговора с А. Ф. Керенским, которые, в силу их неординарности для моего тогдашнего мировоззрения, произвели наибольшее впечатление и в какой-то мере поколебали его.

Речь зашла о его политических убеждениях и отношении к социализму. После небольшой паузы он сказал, что всегда придерживался идей «демократического социализма», которые в начале XX века поддерживало большинство мыслящих людей в России. При этом акцент тогда делался на слове «демократический», поскольку без демократии любой социализм, по его словам, в лучшем случае бессмыслица, а в худшем — безжалостная, негуманная диктатура. Социализм означает заботу о благе всего общества, без всяких изъятий, без гегемонии и диктатуры, без ущемления интересов одного класса ради выгоды другого и тем более без уничтожения того или иного класса. И хотя понятия «демократический» и «социализм» не очень вяжутся друг с другом, на деле их сочетание, утверждал Александр Федорович, обрело реальную силу и значимость, что подтверждает опыт многих стран демократического социализма на Западе. Если взять Швецию или Швейцарию, то их пример особенно ярко подчеркивает преимущества демократического социализма, а не того социализма, который опирается на концлагеря типа Дахау, на регламентацию всех сторон жизни населения, на славословие не всегда достойного вождя. Если бы в 1917 году русская демократия, убежденно говорил Керенский, самая передовая по тем временам в мире, не совершила столько фатальных ошибок, если бы к власти пришли не сектанты, а коалиция народных социалистических сил, то будущее Российского государства могло сложиться совсем иначе, без ужасных катаклизмов, невосполнимых потерь, без гибели десятков миллионов людей. Великий талант народа России, его предприимчивость и трудолюбие давно обеспечили бы ему материальное изобилие и социальный прогресс. Вот часто пишут о производстве продуктов на душу населения, а ведь в 1913 г. Россия занимала по большинству показателей первое место в Европе. А с тех пор прошло 50 лет, и трудно понять, во имя чего принесено столько жертв и лишений, если перед Россией снова стоит задача догнать Европу...

Признаюсь, эти доводы и рассуждения показались мне в то время рассуждениями обиженного ходом истории человека, отвергнутого и растоптанного ею, плодом порушенной жизни, брюзжанием одинокого старика. Я слушал его, сознавая неоспоримое превосходство своих «самых передовых и прогрессивных убеждений» над замшелыми, архаичными взглядами представителя «доисторического материализма»...

Другой фрагмент. Речь зашла о роли В. И. Ленина в событиях первых лет Советской власти. А. Ф. Керенский не произнес ни одного слова хулы лично в адрес человека, который предопределил его политический крах. Он не прибег к расхожим терминам и эпитетам, принятым в среде крайне озлобленных и потому несправедливых людей...

Шел 1964 год, кончалось «славное десятилетие руководства страной верного ленинца Н. С. Хрущева», который вывел, по утверждениям его соратников, наконец страну на путь процветания и построения коммунизма. А впереди предстояли, как оказалось, трясинные, застойные годы.

Наш обед меж тем подходил к естественному завершению. И тут мой коллега-журналист задал А. Ф. Керенскому неожиданный вопрос: не хотел бы он посетить Советский Союз в качестве гостя какой-либо общественной организации, побывать в Зимнем дворце, в Москве, в Мавзолее, увидеть своими глазами, что произошло на его родине после отъезда в эмиграцию. Не обязательно в этом или следующем году, а, скажем, в 1967-м, когда страна будет праздновать 50-летие Великого Октября. (Теперь, задним числом, я полагаю, что ради этого вопроса и была устроена встреча с А. Ф. Керенским, «санкционированная и рекомендованная».)

Вопрос, видимо, застал нашего собеседника врасплох. Несмотря на подчеркнутую сдержанность, он не сумел скрыть явных признаков растерянности: отодвинул тарелку, снова придвинул ее, положил на салфетку вилку и стал крутить ее, вытащил из бокового кармана очки, которые очень редко надевал при людях. После большой паузы он подчеркнуто жестко сказал, что такую возможность полностью отвергает. Нет смысла, пояснил он, возвращаться туда, где погребено столько несбывшихся надежд, где все вызывает горечь и боль, где никогда не найдется места для его могилы.

Да и кроме того, саркастически улыбнулся он, мне ведь порекомендуют явиться в Зимний дворец в женской одежде, в которой я, по утверждению большевиков, бежал за границу. А ведь уехал я из Петрограда не в женском платье и не за границу. Я отправился в Псков. Затем провел немало месяцев в ожидании благоприятных событий в России. И лишь позднее, опасаясь немецкого плена, был вынужден покинуть Родину. Думал, ненадолго, оказалось навсегда.

Я никогда, добавил он, не видел фотографий Мавзолея, и мне, человеку верующему, представляется невозможным стоять у саркофага, в котором покоится непогре-

бенное тело человека, которого я знал лично. А если быть предельно искренним, то не только в этом заключается причина моего отказа. Мне кажется, что поездка в Россию вызовет кривотолки среди моих старых и новых американских друзей, которые могут подумать, что я отрекаюсь от своих взглядов, от всей своей жизни, от близких мне людей. Мне не хотелось бы завершить свой жизненный путь столь очевидной экстравагантностью. Да и физически, подчеркнул он, я вряд ли способен совершить такую поездку. Многое зависит не только от меня...

Тогда подумалось, что А. Ф. Керенский абсолютно прав: зачем, в самом деле, ехать ему в Москву, кому нужен он на нашем празднике, кто вообще вспомнит «эту жалкую, ничтожную личность», по определению виднейших советских историков? Сегодня же, читая мемуары А. Ф. Керенского, прихожу к выводу, что в его лице Россия имела своего преданного сына, стремившегося защитить ее величие, культурные традиции, обеспечить благосостояние народа в условиях подлинной свободы, подлинной демократии. И пришло время, по примеру Франции, Англии и других цивилизованных стран, определить достойное место в истории всех участников великих революций.

Г. Шахов

Глава I. *Годы становления*

Симбирск, расположенный в среднем течении Волги, в правление Александра II был главным городом во всех отношениях наиболее отсталой губернии России. По ее территории не проходила ни одна железная дорога. В период навигации по Волге курсировали пароходы, но в бесконечно долгий зимний сезон связь с внешним миром осуществлялась только на лошадях по замерзшим просторам Волги. Город был построен в 1648 г. на одном из холмов высокого берега реки. На самом верху холма разместились кафедральный собор, губернаторский дворец, гимназия, женский монастырь и публичная библиотека. По его склону до самого берега шли великолепные яблоневые и вишневые сады. Весной деревья покрывались благоухающими белыми цветами, по ночам сады оглашались соловьиными трелями. Туда же, к берегу Волги, спускался уступами парк с тремя аллеями, а за рекой открывалась величественная панорама бескрайних луговых просторов. Каждый год, когда начинал таять снег, река выходила из берегов и затопляла левобережные низины, разливаясь словно бескрайнее море. А в разгар лета над лугами неслись песни крестьян, косивших траву и складывавших ее в высокие стога, а также веселый шум пикников горожан. Вокруг всего города по крутым берегам Волги раскинулись дворянские поместья.

В политической жизни города, как в миниатюре, отражались настроения и эмоции, потрясавшие страну. Ибо хотя Симбирск был главным образом городом консервативных землевладельцев, враждебно настроенных к либеральным реформам Александра II, определенную роль играла и немногочисленная элита, состоявшая из учителей, врачей, судей и адвокатов, которые горячо поддерживали эти реформы и ратовали за осуществление в повседневной жизни города новых, либеральных идей. На нижней ступени социальной иерархической лестницы стояла третья группа — радикалы, или «нигилисты», как называла молодых революционеров-смутьянов консервативная верхушка.

Симбирск напомнил о себе Санкт-Петербургу весьма неприятным образом, когда был раскрыт заговор с целью убийства Александра III. Осуществить заговор предполагалось 1 марта 1887 г., и одним из заговорщиков был сын инспектора и директора народных училищ Симбирской губернии и брат Владимира Ульянова (Ленина). Вот каким образом судьба нашего захолустного города, до которого не дошла еще железная дорога и куда нерегулярно поступала почта, переплелась с судьбой могущественной империи *.

И хотя Александр Ульянов был связан с моей жизнью лишь косвенно, в детском воображении он оставил неизгладимый след не как личность, а как некая зловещая угроза. При одном упоминании его имени в моем сознании сразу же возникала картина мчащейся по ночному городу таинственной кареты с опущенными зелеными шторками, которая по мановению могущественной руки отца Сони увозит людей в неизвестность. Соня — маленькая девочка, которую иногда приводили к нам на танцевальные занятия, а отец ее возглавлял жандармское управление Симбирской губернии. Раскрытие в Санкт-Петербурге тайного заговора и арест сына видного симбирского чиновника послужили основанием для арестов в городе, которые, как правило, проводились по ночам. Тревожные разговоры взрослых об этих ужасных событиях проникли в нашу детскую, а тесные отношения нашей семьи с семьей Ульяновых привели к тому, что мы скоро узнали о казни их высокоодаренного сына. Таким было мое первое соприкосновение с революционным движением.

Я родился 22 апреля 1881 года. Отец мой, Федор Михайлович Керенский, был директором мужской гимназии и средней школы для девочек. Карьера его сложилась отнюдь не ординарно. Он родился в 1842 г. в семье бедного приходского священника Керенского ** уезда Пензенской губернии. В те дни духовенство было самостоятельным сословием, отличавшимся своими вековыми традициями и обычаями. Дети священнослужителей даже посещали особые школы. Именно такую школу окончил мой отец, поступив затем в Пензенскую духовную семинарию. После революции 1848 г. в Западной Европе, доступ в университеты в России был закрыт для всех, кроме дворян, однако в правление Александра II эта социальная дискриминация была упразднена и поэтому со временем отец смог осуществить свою заветную мечту о поступлении в университет. А до этого нужда заставила его стать учителем в приходской школе, но когда в результате изнурительного труда он сумел накопить достаточно денег, то поступил в Казанский университет, считавшийся одним из лучших в России. Подобно многим из своих собратьев, которым предстояло посвятить себя церкви, он не чувствовал подлинного призвания к этому поприщу и вместо того, чтобы пойти по стопам отца, всем сердцем отдался изучению истории и классической филологии. Его замечательный педагогический талант был по достоинству оценен и вознагражден. В возрасте 30 лет он получил назначение на пост инспектора средней школы, а в 37 лет стал директором школы в Вятке. Двумя годами позже он возглавил мужскую гимназию и среднюю школу для девочек в Симбирске.

Родители мои познакомились в Казани, где отец занялся преподавательской деятельностью сразу же по окончании университета. Моя мать была одной из его учениц. Она была дочерью начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа, а по материнской линии — внучкой крепостного крестьянина, который, выкупившись на свободу, стал в Москве процветающим купцом. От него мать унаследовала значительное состояние.

Ранние годы предстают в моем сознании в виде идиллических картинок домашней жизни. Длинный коридор делил наш дом надвое — на мир взрослых и мир детей. Воспитанием двух старших сестер, которые посещали среднюю школу, занималась гувернантка-француженка.

* По иронии судьбы, три человека, жизнь которых тесно сплелась в критические годы истории России,— всеми ненавидимый последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, Владимир Ленин и я — были уроженцами Симбирска.

** Наша фамилия, как и название соответствующего города, происходит от имени реки Керенки. Ударение делается на первом слоге (Ке́ренский), а не на втором, как это часто делают у нас в России и за границей.

Младшие же дети были отданы на попечение няни, Екатерины Сергеевны Сучковой. В детстве она была крепостной и не научилась грамоте. Обязанности ее были такими же, как и у всякой няни: она будила нас утром, одевала, кормила, водила на прогулку, играла с нами. По вечерам, готовя нас ко сну, она с особым тщанием проверяла, расстегнуты ли воротнички наших длинных ночных рубашонок, чтобы легче было, как она говорила, «выпустить злых духов». Перед сном она рассказывала нам какую-нибудь сказку, а когда мы подросли, вспоминала порой дни своего крепостного детства. Она и жила с нами в нашей просторной детской. Ее угол был любовно украшен иконами, и поздними вечерами слабый свет лампадки, которую она всегда зажигала, отражался на аскетических ликах особенно почитаемых ею святых. Зимою она ложилась спать вместе с нами, и тогда сквозь смежающиеся веки я видел, как она истово молилась, преклонив колена перед иконами. В ней не было ничего особо примечательного: ни острого ума, ни глубокой мудрости. И все же для нас, детей, она была абсолютно всем.

В наших повседневных детских занятиях и играх мать была значительно ближе к нам, чем отец. Отец никогда не вмешивался в жизнь нашей детской. В сознании нашем он стоял где-то в стороне как высшее существо, к которому няня и мать обращались лишь в минуту крайней необходимости. Обычно стоило произнести всего одну угрозу: «Вот подожди, отец проучит тебя!» и все становилось на свои места, хотя отец никогда не прибегал к физическим наказаниям и ограничивался лишь разговором, стараясь растолковать нам суть дурного поступка. Мама любила посидеть с нами за утренним завтраком, когда мы пили молоко. Она интересовалась всеми нашими делами и при необходимости мягко журила за тот или иной проступок. Вечерами она заходила в детскую, чтобы перед сном перекрестить нас, поцеловать и пожелать доброй ночи. С раннего детства мы всегда молились по утрам и перед сном.

После утренней прогулки с няней мама часто звала нас в свою комнату. Повторять приглашение дважды никогда не требовалось. Мы знали, что мама будет читать нам или рассказывать разные истории, а мы будем слушать, уютно примостившись у ее колен. Она читала не только сказки, но и стихи, былины, а также книги по русской истории. Эти утренние чтения приучили нас не только слушать, но и читать. Не помню, когда мать начала читать нам Евангелие. Да и чтения эти не носили характера религиозного воспитания, поскольку мать никогда не стремилась вбивать в наши головы религиозные догмы. Она просто читала и рассказывала нам о жизни и заповедях Иисуса Христа.

Практическую же сторону христианства мы узнали от няни. Никогда не забуду, например, одного из чудесных весенних дней, когда мы вышли на обычную утреннюю прогулку. После долгой, суровой зимы по Волге пошли первые пароходы. В тот день по улицам города из местной тюрьмы к речному причалу вели партию заключенных, приговоренных к ссылке в Сибирь. Вслед за скорбной колонной, окруженной конвоем из солдат, двигался фургон, набитый женщинами и детьми. Когда мы с братом увидели наполовину обритые головы осужденных, услышали звон их кандалов, мы в ужасе бросились бежать. «Вы куда? Неужто вы и в самом деле боитесь, что они обидят вас? — закричала нам вслед няня.— Лучше пожалейте этих несчастных. Нам ли судить и осуждать? Ради Христа, будем добры к ним». И, повернувшись ко мне, добавила: «Ну-ка, Саша, вот я сейчас куплю калач, а ты пойди к солдату, тому, что впереди, и попроси, чтоб разрешил отдать калач несчастным. И радость придет не только к ним, но и к тебе». Такой практический урок христианства преподала нам няня на примере современной жизни. А когда мы с братом Федей затевали драку, она стыдила нас обоих, приговаривая: «Ах вы, маленькие злыдни! Христос повелевает нам прощать друг друга, так-то вы выполняете его завет!»

С чувством глубокого удовлетворения возвращаюсь я мыслями к детству, проведенному в России, в стране, где повседневную жизнь питают религиозные верования, укоренившиеся в народе за тысячелетие существования христианства.

Мы с братом Федей очень любили религиозные праздники. С нетерпением ждали мы дня Благовещения, когда во имя духовного родства всего сущего на земле в дом приносили клетки с птицами, которых затем выпускали на волю. Ибо, согласно старинной русской поговорке, «в этот святой день даже птицы отдыхают от трудов и не вьют гнезда себе». На Великий пост торжественная тишина опускалась на город, сменив безудержное веселье только что закончившейся масленицы. В семь лет нам впервые разрешили присутствовать на пасхальной заутрене, поразившей наше воображение. Но особенно запомнилась мне торжественная служба, когда совершалось святое причастие детей, и нас с братом, одетых в белые курточки с красными галстучками под белыми стоячими воротничками, подвели к батюшке. Позади нас стояли рядами старшие ученики в аккуратных форменных синих костюмах с серебряными пуговицами и среди них, должно быть, стоял и примерный ученик Владимир Ульянов. Не забыть мне и того мгновения, когда я, потрясенный, впервые увидел изображение распятого Христа, словно прозрачного в падающих на него лучах света и при этом совсем живого. Мальчиком Владимир Ульянов тоже, наверно, смотрел на это распятие и, быть может, в душе посмеивался, сохраняя благочестивое выражение лица,— если, конечно, верить его собственному рассказу о том, как он в 14 лет выбросил в мусорное ведро свой нательный крест. Что касается меня, то в моих чувствах никогда не было двойственности, в детстве я был глубоко религиозен. Я до сих пор помню старого протоиерея нашего кафедрального собора, который приходил по воскресеньям к нам к чаю и давал мне читать популярные религиозные брошюрки с толкованием важнейших религиозных праздников. Религия была и навсегда осталась составной частью нашей жизни. Эти ранние впечатления, образ замечательного человека, пожертвовавшего жизнью ради блага других и проповедовавшего лишь одно — Любовь — стали источником моей юношеской веры, которая впоследствии воплотилась у меня в идею самопожертвования во имя народа. На этой вере зиждился революционный пафос — и мой и многих молодых людей того времени. Конечно, в религиозной вере была и другая сторона, официальная, казенную сущность которой выражал Священный синод — бездушный бюрократический институт. Своей борьбой с инакомыслием, своим бездушным отношением к нуждам людей он лишь укреплял позиции атеизма. Но в детские годы мы ничего не знали об этой стороне Церкви.

Когда мне исполнилось шесть лет, неожиданно кончилось мое безмятежное детство. Вдруг все — родители, няня, старшие сестры, друзья дома — стали проявлять ко мне особую заботливость и нежность. Я почувствовал эту перемену, но не знал причины. И был весьма озадачен, когда на меня буквально обрушился град подарков. При этом меня осаждали просьбами не волноваться и не утомляться. Время от времени приходил доктор, который осматривал мое бедро и голень. А как-то вечером в детскую зашла мать, тихо присела на мою кровать и объявила, что скоро мы отправимся на тройке с колокольчиками в город Казань. Я был в восторге. Зимой добраться до Казани можно было только по льду Волги. Мы отправились в путь в закрытом возке, куда для обогрева поставили жаровню. По приезде в Казань мать привела меня после нескольких дней отдыха на прием к известному специалисту по костным заболеваниям, профессору Студенскому. Тщательно осмотрев меня, он поставил диагноз: туберкулез бедренной кости. Когда профессор пришел к нам на следующий день, его сопровождал молодой че-

ловек приятной наружности. Они вновь осмотрели мою правую ногу, и молодой человек со сноровкой заправского сапожника снял какие-то мерки. Назавтра молодой человек пришел снова. Он втиснул мою правую ногу в похожую на сапог металлическую штуковину выше колена, так, что я не мог согнуть ногу. Я завопил благим матом, молодой же человек промолвил: «Прекрасно». А мать сказала: «Ведь не хочешь же ты до конца жизни остаться хромоногим, правда?» И, заметив в моих глазах испуг, добавила: «Ну, вижу, что не хочешь. А потому веди себя разумно: когда мы вернемся домой, придется тебе полежать немного в кровати. И вот увидишь: скоро будешь бегать и играть сколько захочешь». Ее серьезный голос звучал успокаивающе. Через два дня мы отправились обратно в Симбирск. Вернулись домой как раз накануне Рождества, и я до сих пор помню, как меня вывезли к елке на специально сделанной кровати. Я пролежал в постели шесть месяцев, и сидеть после этого мне разрешили, лишь не снимая тяжелого кованого сапога с привязанным к каблуку дополнительным грузом.

Я всегда был живым, подвижным ребенком, а потому лежать в кровати было для меня сущее наказание. Много лет спустя сестра рассказывала, что за время болезни я стал просто несносен. «Впрочем,— добавила она,— вспышки раздражения быстро проходили. Тебя, а заодно и всех нас от твоих выходок спасало чтение». Я всегда любил книжки, но отнюдь не желал читать их сам. Но однажды во время болезни, устав от бесконечного лежания и хандры, я взял со столика какую-то книгу. И это положило конец скуке и тоске. Не помню сейчас ни названия, ни автора книги, но именно с этого мгновения чтение стало основной привычкой всей моей жизни. Я позабыл обо всем на свете, не замечал тяжести отвратительного кованого сапога. Я проглатывал книги и журналы, исторические романы, описания путешествий, научные брошюры, рассказы об американских индейцах и жития святых. Я познал обаяние Пушкина, Лермонтова и Толстого, не мог оторваться от «Домби и сына» и проливал горючие слезы над «Хижиной дяди Тома».

Должно быть, к лету 1887 г. болезнь отступила, ибо хорошо помню радость от прогулок в деревне, где мы проводили каникулы. Я полностью выздоровел и снова стал жизнерадостным и веселым мальчишкой. Но что-то все-таки изменилось. Видимо, я вырос из детских штанишек, и общения с братом Федей стало явно недостаточно. До сих пор все мои чувства и впечатления сливались в одну гармоническую, но весьма зыбкую субстанцию, названия которой я не знал. Теперь же я знал, что имя ей было — Россия. В глубине души я чувствовал, что все окружающее меня, все, что происходило со мной, изначально было связано с Россией: красота Волги, вечерний звон, архиерей, торжественно восседающий в карете, запряженной четверкой лошадей, каторжники в кандалах, хорошенькие маленькие девочки, с которыми я ходил в танцклассы, оборванные босоногие деревенские ребятишки, с которыми играл летом, мои родители, детская, няня, герои русских былин, Петр Великий. Я стал размышлять, задавать вопросы, стремясь понять сущность того, что ранее считал очевидным.

А в остальном жизнь протекала по прежним канонам. И только детские праздники и шумные рождественские торжества нарушали спокойный ход будней. Я открыл для себя красоту музыки и часами слушал, как мать, аккомпанируя себе на рояле, пела глубоким контральто. Иногда она устраивала музыкальные вечера, и я подкрадывался к закрытым дверям и слушал, хотя считалось, что я давно сплю. Наутро я пробирался в гостиную, хватал разбросанные по роялю ноты, пытаясь разобрать их и спеть прелестные песни, которые слышал накануне. Иногда нас брали на прогулку в парк, спускавшийся из центра города к берегу Волги. На полпути к реке стояла скромная церквушка, к которой приткнулось маленькое чистенькое кладбище. Вокруг церкви раскинулся пышный сад. Священник этой церкви был старший брат моего отца. Нас водили к нему ранней весной в пору цветения яблонь и вишен, или осенью по возвращении из деревни, когда варили чудесное яблочное и грушевое варенье. В скромном домике дяди, особую прелесть которому придавали герань, всевозможные кактусы и другие растения, нас бесконечно баловали, закармливая домашним вареньем и всевозможными сладостями.

Мы всегда принимали нежную заботу тети как должное. И, само собой разумеется, никто никогда не говорил нам о разнице в положении двух братьев. Но, сравнивая непритязательный прицерковный домик с нашим просторным домом, мы, дети, чувствовали эту разницу и делали свои собственные выводы.

В начале 1889 г. мы узнали о том, что нам предстоит навсегда покинуть Симбирск и перебраться в далекий Ташкент — столицу Туркестана *. Мы отродясь не слышали о Ташкенте и потому весть о переезде нас крайне взволновала. Нам сказали, что вначале мы поплывем вниз по Волге, затем пересядем на другой пароход и поплывем по Каспийскому морю, на другой стороне моря сядем в поезд и, наконец, поедем конным экипажем. Наступила весна и начались лихорадочные сборы. В доме творилось невесть что, но нам, детям, эта суматоха доставляла огромную радость. Утром в день отъезда нас посетили самые близкие друзья, чтобы попрощаться и, как это водится на Руси, вместе посидеть и помолиться перед дорогой. Затем все поднялись, перекрестились, обнялись и отправились на речной причал. У всех стояли в глазах слезы, и мы, дети, взволнованные до глубины души, чувствовали, что происходит что-то необратимое. На причале нас поджидала большая толпа знакомых. Наконец прозвучал пронзительный гудок парохода, сказаны последние отчаянные слова прощания, подняты на борт сходни. Застучали по воде колеса, и люди на берегу закричали и замахали белыми носовыми платками. Еще один гудок, и Симбирск, где я провел счастливейшие годы своей жизни, начал постепенно удаляться, становясь частью далекого прошлого.

Я пишу эти строки и снова, как наяву, ощущаю очарование одного удивительного мгновения моей жизни в Симбирске. Произошло это майским днем. Освободившаяся от ледяного плена Волга казалась безбрежной и, словно радуясь и резвясь, затопила луга на левом берегу. Симбирск от вершины холма до берега оделся, словно невеста, в бело-розовый наряд из лепестков цветущих вишен и яблонь. В лучах солнца сияла, трепетно дрожа, эта захватывающая душу красота. Издали доносилось журчание весенних ручьев, склоны холма оглашались пением и щебетанием птиц, жужжанием пчел, майских жуков и, бог знает, какими еще звуками живых существ, восставших от зимней спячки. В тот памятный день сердце мое не лежало к играм, и я стремглав помчался посмотреть на реку. Потрясенный открывшейся красотой, я испытал ощущение какого-то ликующего восторга, которое почти достигло состояния духовного преображения. И вдруг, поддавшись безотчетному чувству страха, я опрометью бросился бежать. Этот момент стал для меня решающим в выборе духовного пути, которым я следовал потом всю оставшуюся жизнь.

У меня остались самые смутные воспоминания об Астрахани и о пароходе «Каспиец», на который мы пересели после плавания по Волге. Не помню и сколько времени мы добирались до форта Александровска ** на северо-восточном побережье Каспия, где пароход сделал короткую остановку. Однажды утром мы услышали: «Ну вот, дети, мы и при-

* Отца перевели туда инспектором учебных заведений.

** Ныне Шевченко, по имени знаменитого украинского поэта, который провел там годы ссылки.

ехали». Наскоро одевшись, мы выскочили на палубу. Там уже столпились все пассажиры, с нетерпением всматривавшиеся в берег той земли, которая была целью нашего путешествия. И наконец нашим взорам открылась полоса бурой бесплодной земли и смутные очертания далеких гор. Вдоль берега там и сям стояли маленькие домишки и огромные складские помещения. Пароход отдал якоря, и мы высадились в Узун-Ада, захудалом городке, единственном в то время порту вдоль всего транскаспийского пути. И если на море мы мучались от нещадного солнца, то здесь нам показалось, что мы попали в раскаленную, пышущую жаром печь — и никаких надежд на лучшее. До самого горизонта простирались выжженные солнцем пески. Через пустыню от Узун-Ада до Самарканда шла, минуя несколько оазисов, железнодорожная одноколейка. (В те времена она считалась великим достижением военного и гражданского инженерного искусства.)

После перегрузки с парохода на поезд наших бесчисленных сундуков и корзин мы, дети, отправились в первое в нашей жизни путешествие по железной дороге. Из многочисленных впечатлений особенно запомнилось одно— переправа по деревянному мосту через Амударью (в древности Оксус). Река в этом месте отличалась особенно сильным течением, и длинный мост содрогался и раскачивался от мощных ударов стремительно катившихся вод. Поезд тащился со скоростью черепахи. Вдоль всего моста стояли баки с водой на случай возможного пожара, а рядом с поездом вышагивал часовой, бдительно следя за вылетавшими из паровоза искрами.

Железнодорожный путь обрывался, достигнув Самарканда. После тихой благодати родных волжских берегов затененные деревьями улицы, восточный город с его удивительными мозаиками XV века и древними мечетями были столь же необычны, сколь и зловещие пески безжизненной закаспийской пустыни. Проведя в Самарканде три дня, мы отправились конными экипажами в Ташкент. И еще через три дня подъехали к красивому дому, стоявшему на пересечении двух широких улиц. Здесь, в этом доме в Ташкенте, мне предстояло провести школьные годы — с 1890-го по 1899-й — и войти в новую социальную среду, совершенно непохожую на ту, что была характерна для европейской России.

В отличие от Симбирска, расположенного на холме, с которого открывался захватывающий дух вид на безбрежные просторы Волги, Ташкент стоял на плоской равнине; вдали призрачно белели покрытые снежными шапками вершины Памира. Улицы города являли причудливое сочетание Европы и Азии. Как и Самарканд, Ташкент делился на два непохожих, но тесно связанных между собой города. Новый город, возникший после захвата Ташкента русскими войсками в 1865 г., представлял собой один огромный сад. Он был распланирован с большим размахом, и особую прелесть его широким улицам придавали тополя и акации. В буйной зелени деревьев и кустов прятались большие и маленькие дома. Старый город, построенный много веков назад, где проживало около ста тысяч мусульман, состоял сплошь из лабиринта узеньких улочек и проулков. Высокие глинобитные стены домов без единого окна скрывали от любопытного взора все, что происходило внутри. Сердцем старого города, средоточием его торговой и общественной жизни, был огромный крытый базар.

В свои девять мальчишеских лет я, конечно же, не мог разобраться в тонкостях политической и общественной жизни Ташкента, как и всего Туркестана. В отличие от Симбирска в Туркестане не было сословия дворян, вздыхавших по ушедшим временам крепостного права, не сказалась на его развитии и нищета разоренных крестьян. Не ведал Туркестан и нелепой государственной политики, сохранявшей неграмотность сельского населения, пагубных запретов детям «низшего сословия» посещать школы, подавления любых проявлений свободомыслия в учебных заведениях, в печати, гонений против общественных организаций. Туркестан находился так далеко, что до него не дотягивались руки реакционных чиновников, стремившихся превратить империю с населявшими ее многочисленными народами в Московское царство.

Как я уже говорил, Ташкент был завоеван в 1865 г. и превращен в столицу Туркестана. А в 1867 г. первым генерал-губернатором недавно захваченной страны был назначен герой кавказских войн генерал К. Р. Кауфман. Выдающийся администратор, он вошел в историю Туркестана (умер генерал Кауфман в 1882 г.) как преобразователь новых земель. В этой своей деятельности он руководствовался положениями Устава об управлении Туркестаном, разработанного Александром II. Устав этот делает честь наиболее просвещенным годам правления Александра II, когда в России проводились преобразования, соответствующие высоким идеалам свободы и равенства.

Центрально-Азиатская часть Российской империи простиралась от восточного берега Каспийского моря до границ с Персией, Китаем и Афганистаном. Достигнув своих естественных рубежей, Россия прекратила курс «дранг нах Остен». Созидательная энергия русских людей была теперь направлена на культурное и экономическое развитие этих отдаленных районов, на приобщение их к цивилизации. С подозрением наблюдала за продвижением России в глубь Азии Англия. Исторические традиции ломаются нелегко: прошло много лет после того, как Россия захватила свою часть Центральной Азии, а Великобритания по-прежнему видела в ней враждебного соперника. Да и русские не очень-то были склонны проявлять доверие к Англии. Продвижение в 1880 годах русских войск к Кушке (на границе с Афганистаном) чуть не привело к англо-русской войне. Я помню с тех школьных лет, какую тревогу в военных кругах Ташкента вызывал лорд Керзон, тревогу, которая рассеялась лишь тогда, когда англо-русская комиссия окончательно установила демаркационную линию на Памире.

На Западе широко распространено мнение, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся великую цивилизацию Центральной Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России. Мы приехали в Туркестан спустя всего шесть лет после экспедиции умиротворения, проведенной генералом М. Д. Скобелевым в туркменском оазисе Геок-Тепе (1881 г.) и всего 24 года спустя после захвата самого Ташкента. Тем не менее, собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в «оккупированной» стране. Ташкент был просто-напросто далекий уголок России.

На деле та готовность, с какой русские пришельцы сходились с местным населением, снискав их уважение и дружбу, была просто удивительна. Жизнь русских людей протекала одинаково мирно повсюду, будь то в Самаре на Волге или поблизости от могилы Тамерлана. Когда мы жили в Ташкенте, отцу не раз приходилось совершать служебные поездки — в качестве инспектора учебных заведений он побывал в самых отдаленных районах Туркестана. Единственным его оружием в этих поездках была трость. За 20 лет пребывания на Востоке он объехал весь Туркестан большей частью в дорожной карете, ни единого раза не столкнувшись с неприятностями в общении с местным населением. Успех русской колониальной политики в Азии зиждился на терпимости к местному образу жизни. Конечно, случалось, в Туркестане, как и в любой другой губернии Центральной России, служили чересчур ретивые и малообразованные чиновники; порой совершались отдельные попытки вмешательства в религиозные обычаи и национальные тради-

ции. Но с самого начала население убедилось в том, что все эти случаи были лишь исключением из правила. Русские города росли и процветали бок о бок с местными поселениями. Наряду с сохранением традиционной системы мусульманского обучения открывались русские школы, которые были доступны всем, без каких-либо ограничений по религиозному или национальному признакам. Местная судебная система, основанная на Коране, сосуществовала с открытым судебным разбирательством, принятым в России. Строительство железных дорог, открытие банков и промышленных предприятий, развитие хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, возведение ирригационных сооружений — все это, несомненно, произвело благоприятное впечатление на мусульманское население. Туркестан, некогда страна с замечательной, а ныне исчезнувшей цивилизацией, за 30 лет русского господства вступил на путь возрождения и процветания.

Моя жизнь в Ташкенте, как и прежде беззаботная, стала тем не менее более разнообразной и интересной. Произошли изменения в семье. Разрушились барьеры между взрослыми и детьми. Утратила былую власть над нами наша няня. Мы, младшие дети, стали участвовать в жизни родителей и старших сестер. Место французской гувернантки заняла русская девушка, которая была для сестер скорее подругой, чем воспитательницей. Моя комната соседствовала с кабинетом отца, где он проводил почти все время. Он редко ходил на службу, потому что работал, принимая своих коллег и посетителей на дому. Со временем отец стал играть все более существенную роль в моей жизни. Даже его шаги в кабинете действовали на меня успокаивающе, и я с нетерпением ждал часа, когда он войдет ко мне и начнет проверять домашние задания. Он проявлял большой интерес к моим сочинениям, обсуждал со мной проблемы истории и литературы, требовал четкости и краткости в изложении мысли, часто повторяя свое любимое изречение: «non multa sed multum», которое в вольном переводе означает: «меньше слов, больше мыслей». Я стал чаще прислушиваться к разговорам взрослых. Нередко присутствовал и при беседах отца с другими высокопоставленными чиновниками, когда обсуждались весьма важные вопросы. Рассматривая ту или иную проблему, они исходили из интересов, стоявших перед государственной властью или страной в целом. Государственная власть представлялась им неким живым существом, удовлетворение потребностей которого было для них превыше всего.

Отец часто упоминал Сергея Юльевича Витте, к которому относился с восхищением. Витте был честным, преданным государству политическим деятелем, обладавшим широким кругозором, но ему было крайне трудно отстаивать свои взгляды перед реакционными чиновниками Санкт-Петербурга. Однажды во время пребывания в Ташкенте Витте посетил отца. Его сердечность и учтивость позволили отцу сказать позднее: «Если бы все вельможи Санкт-Петербурга походили на Витте, Россия была бы совсем другой страной».

Еще одно событие сыграло немаловажную роль в становлении всего моего мышления. После заключения франко-русского союза (1892 г.) Лев Толстой выступил с открытым письмом, в котором выразил по этому поводу свое негодование. Для него, как и для всех прогрессивно настроенных граждан России, союз республики и самодержавия представлял грубое нарушение принципов справедливости и свободы. Этот яркий памфлет, серьезнейшее обвинение Александра III, не мог быть опубликован в России. Но, размноженный на мимеографе, он в тысячах копий ходил по стране; одна из них дошла до Ташкента. Из обрывков разговоров за обеденным столом и разного рода намеков я сделал вывод, что после обеда родители намерены познакомиться с памфлетом Толстого. По установившемуся порядку, час после обеда они проводили

в комнате матери, обсуждая события дня или читая друг другу какую-нибудь книгу. Нам же, детям, надлежало отправиться в свои комнаты. Однако мне удалось незаметно проскользнуть обратно и спрятаться за портьерой. Затаив дыхание, слушал я толстовские обвинительные слова, каждое — словно острие бритвы. Я не слышал, что потом говорили родители, поскольку постарался покинуть свое убежище, едва закончилось чтение. Тем не менее волнение, звучавшее в голосе отца, и некоторые из его замечаний по ходу чтения позволили мне сделать вывод, что он в какой-то степени разделяет мнение Толстого. Я был еще слишком молод, чтобы полностью разобраться в сути его обвинений, однако мне стало ясно, что Россия страдает тяжким недугом.

И все же моим монархическим взглядам и юношескому обожанию царя все услышанное не нанесло ни малейшего ущерба. 20 октября 1894 г., в день смерти Александра III, я долго заливался горючими слезами, читая официальный некролог, воздававший должное его служению на благо Европы и нашей страны. Я истово молился, выстаивая все заупокойные службы по случаю кончины царя, и усердно собирал в классе деньги с учеников на траурный венок. Взрослые, однако, не высказывали особых признаков скорби. Они были преисполнены надежд на то, что новый царь, молодой Николай II, сделает решительные шаги по пути дарования народу конституции. Но Николай с презрением отверг самое идею, назвав ее «бессмысленными мечтаниями».

Не буду подробно останавливаться на школьных годах, проведенных в Ташкенте. Я был общителен, увлекался общественными делами и девочками, с энтузиазмом участвовал в играх и танцевальных балах, посещал литературные и музыкальные вечера. Часто совершались верховые прогулки, что было вполне естественно, поскольку Ташкент был центром и военного округа. У сестер не было отбоя от кавалеров, и жизнь казалась нам восхитительной. Однако где-то в глубинах моей души таилась замкнутость и скрытность. К 13 годам у меня уже сложилось довольно четкое представление о мире, в котором я жил, хотя временами я чувствовал острую потребность побыть одному и поразмыслить о жизни. Это чувство внутреннего одиночества не покидало меня и позже, даже на вершине моей политической карьеры.

В десятилетие между 1880 и 1890 годами большинство русских учащихся относились к школе либо со скукой, либо даже с ненавистью, но только не в Туркестане. Нас не пичкали бездушными формальными догмами, как это было в европейской России. Нам нравились и наши учителя и наши занятия в классах. К концу школы у нас сложились прочные дружеские связи с некоторыми из преподавателей, и они, со своей стороны, обращались с нами почти как с равными. Знания, полученные от них, значительно превосходили школьную программу. Мы много говорили о планах на будущее и без конца обсуждали достоинства и преимущества того или иного университета. Я принял решение заниматься двумя важнейшими науками: историей и классической филологией (обе преподавались на одном факультете), а также юриспруденцией. На смену детским мечтаниям о карьере актера или музыканта пришло решение отдать, по примеру отца, все силы служению народу, России, государству.

Ни я, ни один из моих соклассников не имели ни малейшего представления о проблемах, которые волновали молодых людей наших лет в других частях России, толкнувших многих из них еще в школьные годы к участию в нелегальных кружках. Теперь я понимаю, что два фактора: особый социальный, политический и психологический климат, сложившийся в Ташкенте, и наша оторванность от жизни молодых людей в европейской России сыграли наиболее важную роль в формировании моего мировоззрения. Позднее, в годы моей политической деятельности,

я часто сталкивался с людьми своего поколения, которые участвовали в событиях 1905 и 1917 годов. И для меня было очевидно, что их поведение и мышление складывались под влиянием тех социальных и политических постулатов, которые они восприняли в школах европейской России, а посему они видели российскую действительность в свете устарелых и косных догм. Мы же, учившиеся в школах Ташкента, за редким исключением смотрели на мир без всяких предубеждений. Над нами не тяготели шаблонные, навязанные нам стереотипы, мы были вольны делать свои собственные выводы из происходящих событий. Именно это позволило мне постепенно изменить свои взгляды и освободиться от веры в благодетельного царя.

Летом 1899 г. я завершил подготовку к отъезду в Санкт-Петербург. Со мной ехала сестра Анна, которая намеревалась поступить в консерваторию, и мы оба предвкушали радость от предстоящей студенческой жизни, хотя и слышали об университетских беспорядках, ставших в столице повседневностью. О студенческих волнениях весны 1890 г. нам рассказала сестра Елена, которая вернулась из Санкт-Петербурга, где посещала только что открывшийся Женский медицинский институт. Все это крайне встревожило родителей, но ничуть не обеспокоило ни Нюту (Анну), ни меня. Еленины рассказы лишь усилили наше страстное желание поскорее добраться до Санкт-Петербурга.

Глава II. *Университетские годы*

Во времена моей молодости большинство студентов Петербургского университета, как правило, жили в скромных, непритязательных меблированных комнатах на Васильевском острове. Общежития в те годы не пользовались популярностью у студентов, подозревавших, что они находятся под надзором полиции. На самом деле их подозрения не имели под собой никаких оснований, ибо студенты в общежитиях пользовались полной свободой.

Поначалу я, как и почти все студенты, предполагал поселиться в меблированных комнатах, однако изменил свои намерения, поняв, что, живя в общежитии, смогу познакомиться со сверстниками, приехавшими из всех уголков России. Мои надежды оправдались, и очень скоро я обзавелся многими хорошими друзьями.

Мы спорили обо всем на свете. До сих пор помню жаркую дискуссию вокруг бурской войны. А после «боксерского» восстания 1900 г. все наши помыслы сосредоточились на Дальнем Востоке. И все же основное внимание мы отдавали нашим национальным проблемам.

Другим достоинством общежития было его местоположение. Дар одного из почитателей Александра II, здание общежития было построено внутри университетского двора и стояло в самом начале улицы, ведущей к набережной Невы. Красота набережной не переставала восхищать меня. Именно там билось величественное сердце Российской империи. На левом берегу реки, прямо перед моими глазами, на исторической площади, где произошло восстание декабристов, высились Адмиралтейство и Сенат. На фоне Исаакиевского собора вырисовывалась конная статуя Петра Великого (пушкинский «Медный всадник»); чуть влево от «адмиралтейской иглы» виднелся Зимний дворец и Петропавловская крепость — близкие и дорогие сердцу символы нашей истории. На Васильевском острове находилась Академия наук, «кунсткамера», возведенная еще Петром Великим. Громадные университетские корпуса были построены в изящном величественном стиле начала XVIII века. Рядом с университетом стоял бывший Меншиковский дворец, в котором ныне разместилась военная академия. Справа к дворцу примыкала Румянцевская площадь, небольшой сквер, где в 1899 г. была разогнана студенческая демонстрация, а еще дальше виднелась Академия изящных искусств и знаменитые сфинксы. Санкт-Петербург был для меня не только замечательным творением Петра Великого, но и городом, который обессмертили Пушкин и Достоевский. И хотя трагические герои Достоевского обитали в отдаленных трущобах вокруг Сенного рынка, дух великого писателя витал надо всем городом.

Поступив в университет, мы, новички, впервые в жизни испытали пьянящее чувство свободы. Покинув отчий дом, мы были вольны теперь поступать, как нам заблагорассудится. Жизнь швырнула нас в свой водоворот, запретным отныне было лишь то, что мы сами считали таковым. Символом нашей новой, свободной и прекрасной жизни стал так называемый коридор — бесконечно длинный и широкий проход, который соединял все шесть университетских корпусов. После лекций мы собирались там толпой вокруг наиболее популярных преподавателей. Других мы подчеркнуто игнорировали, и они, проходя мимо, демонстрировали свое полное безразличие к нам.

Ко времени моего поступления в университет студенческие волнения закончились, однако их отголоски еще были слышны. С особым удовольствием бойкотировали мы лекции тех профессоров, которые заменили преподавателей, уволенных в предыдущий академический год за симпатии к бастующим студентам. Много неприятностей, как мне помнится, мы доставили, к нашему вящему удовольствию, молодому казанскому профессору Эрвину Гримму, которого назначили на место популярного профессора, специалиста по истории средних веков И. М. Гревса. Едва завидев в «коридоре» предмет нашего презрения, мы начинали улюлюкать и, войдя вслед за ним в аудиторию, поднимали шум, в котором тонули его слова. Время от времени появлялся кто-нибудь из администрации и удалял из аудитории нескольких нарушителей порядка. Эта кампания продолжалась до тех пор, пока всем не надоела, и только тогда был восстановлен мир.

В первый год пребывания в Санкт-Петербурге у меня не было друзей за стенами университета, я посещал дома знакомых моих родителей, общественное положение которых никак не было связано с моей студенческой жизнью. Я весьма скоро почувствовал, что они несколько обескуражены тем, что скромный молодой человек, каким они меня всегда знали, вдруг превратился в молодого безумца, развязно рассуждающего о театре, опере, музыке и современной литературе и даже иногда намекающего на знакомство с некими девицами с Высших женских курсов.

Однако возвратившись осенью 1900 г. из Ташкента, где я провел свои первые студенческие каникулы, я познакомился с семьей Барановских. Госпожа Барановская, разведенная жена Л. С. Барановского, полковника Генерального штаба, была дочерью видного китаеведа В. П. Васильева, члена Российской Академии наук и многих зарубежных академий. У нее было две дочери, Ольга и Елена, и сын Владимир, который служил в гвардейских артиллерийских частях. Очаровательная семнадцатилетняя Ольга посещала бестужевско-рюминские Высшие женские курсы, пользовавшиеся в те годы огромной популярностью. К студентам, которые окружали Ольгу, вскоре присоединился ее талантливый, подающий большие надежды двоюродный брат, мой сверстник Сергей Васильев. Эти молодые люди, с которыми у нас оказалось много общего, куда больше подходили мне, чем мои знакомые из общества. Нас объединял широкий круг интересов, мы обсуждали проблемы современной России и зарубежную литературу и без конца читали друг другу стихи Пушкина, Мережковского, Лермонтова, Тютчева, Бодлера и Брюсова. Мы были заядлыми театралами и в тот весенний сезон неделями ходили, зачарованные блистательными постановками Станиславского и Немировича-Данченко в Московском Художественном те-

атре. В жарких дискуссиях о текущих событиях в России и за рубежом мы, как и многие молодые люди того времени, решительно осуждали официальную политическую линию. Почти все мы сочувствовали движению народников или, скорее, социалистам-революционерам, но насколько я помню, марксистов среди нас не было. Нет нужды говорить о том, что многие из нас принимали участие в студенческих демонстрациях.

Наш кружок распался, когда Барановские переехали из своего дома на Васильевском острове на улицу, расположенную вблизи Таврического сада. К тому времени мы повзрослели, нашей беззаботной студенческой жизни пришел конец. Однако не стану утверждать, что меня это так уж расстроило, ибо Ольга Барановская стала моей невестой.

По Университетскому уставу 1884 г. студентам было запрещено создавать какие-либо организации, даже самые безобидные неполитические студенческие ассоциации и клубы. Коль скоро были закрыты все возможности коллективной деятельности, она велась нелегально. Самыми большими студенческими обществами стали землячества, объединявшие студентов, приехавших из одних и тех же мест. Землячества были основными центрами студенческой активности — на них запрет никогда не распространялся. В первые годы обучения в университете землячество студентов из Ташкента было для меня родным домом, я был даже избран в его совет. Своей главной задачей наше землячество, как и другие ему подобные, считало оказание помощи малоимущим студентам и поддержание контактов между земляками. Наряду с другими мероприятиями мы устраивали благотворительные концерты, в которых нередко принимали участие известные актеры и певцы. Не однажды мне доводилось обращаться к таким знаменитостям, как Мария Савина, Вера Комиссаржевская и Н. Н. Ходотов, и я ни разу не получил отказа.

Моя сестра, студентка-медичка, жила в привилегированном женском общежитии, где тоже устраивались благотворительные концерты и куда приглашались актеры и писатели. На одном из первых литературных вечеров, где я присутствовал, свои произведения читали такие известные писатели, как Д. С. Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус. Каждое землячество занималось также просветительской деятельностью, создавая библиотеки, содействуя книжному обмену и т. д.

Одним из основателей московского землячества, возникшего в 1887 г., был В. А. Маклаков. Землячество москвичей стало во главе «борьбы с беззаконием и произволом» специально назначенных университетских инспекторов. Его центральный орган, известный под названием «Объединенный совет», стал руководить всем студенческим движением. Большинство студентов склонялось к народничеству, но поскольку к тому времени еще не сформировались какие-либо политические партии, старшекурсники были в основном привержены общим идеям свободы, не всегда четко сформулированным. Однако всех нас объединяло полное неприятие абсолютизма.

Марксисты (социал-демократы) пропагандировали свою «экономическую» доктрину, которая требовала отказа от союза с буржуазными и мелкобуржуазными студенческими организациями и призывала сосредоточить все усилия во имя достижения победы промышленного пролетариата. Однако подобные идеи почти не нашли последователей среди студентов. Для большинства из нас, россиян, ставка только на промышленный пролетариат и полное игнорирование крестьянства была совершенно абсурдной. И даже помимо такого отношения к крестьянству марксизм отталкивал меня своим органически присущим ему материализмом и подходом к социализму как к учению лишь одного класса — пролетариата. Согласно марксизму, классовая принадлежность полностью поглощала сущность человека. Но без человека, без личности, индивидуальной и неповторимой, без идеи о необходимости освобождения

человека как этической и философской цели исторического процесса — что же тогда оставалось от великой русской идеи? В таком случае пришлось бы стереть из памяти и традиции нашей литературы.

И тем не менее весьма большие средства студенческой «центральной кассы» находились в руках марксистов.

Социал-демократическими лидерами в среде студенчества были Г. С. Хрусталев-Носарь, будущий председатель совета рабочих депутатов (в 1905 г.), и будущий издатель «Мира Божьего» Н. Иорданский. При активной поддержке некоторых студентов Иорданский играл ведущую роль на переговорах с председателем комиссии по расследованию причин студенческих беспорядков — генералом П. С. Ванновским. Иорданский, как он рассказывал мне позднее, одним из первых среди социал-демократов выступил против «экономизма». Как известно, против «экономизма» выступал и Ленин.

Борьба между социалистическими группировками в стенах университета в начале нынешнего столетия отражала резкое противостояние двух систем общественного и экономического мышления в среде радикальной интеллигенции. Позднее именно это обстоятельство сыграло исключительно важную роль в революции 1917 года.

Студенческое движение

Голод 1891—1892 гг. и вызванная им эпидемия холеры в немалой степени способствовали оживлению в стране политической активности, чему в значительной мере помогли и выступления Льва Толстого. Вынужденное чрезвычайными обстоятельствами разрешить земствам участвовать в кампании по оказанию помощи пострадавшим, правительство тем самым, помимо своей воли, содействовало развитию общественной инициативы. В этих условиях и возникло студенческое движение, целью которого было добиться восстановления либерального университетского устава 1863 года. В 1897 г. студентка Вера Ветрова, заключенная в Петропавловскую крепость, подвергла себя самосожжению, облив одежду керосином из лампы. Студенчество было потрясено. Волнения прокатились по всем университетам страны. Полиция разогнала огромную толпу, собравшуюся у Казанского собора в Санкт-Петербурге, где должна была состояться панихида по Ветровой. 8 февраля 1899 г. во время ежегодной официальной церемонии по случаю годовщины основания Санкт-Петербургского университета стихийно вспыхнула политическая демонстрация, и студенты покинули помещение. Собравшиеся на Румянцевской площади демонстранты подверглись нападению конной полиции, многие были зверски избиты. Именно это событие дало толчок к развитию политического движения студенчества. Н. П. Боголепов, неплохой специалист по римскому праву, но безжалостный как министр просвещения, потребовал и добился высочайшего разрешения немедленно призвать в армию всех студентов, замешанных в беспорядках. Эта мера, напомнившая о временах Николая I, была неукоснительно проведена в жизнь: десятки студентов отправили в Сибирь. Правительство, видимо, рассчитывало с помощью террора сломить волю студентов, однако сосланные в Сибирь студенты в знак протеста против действий властей выступили с открытым письмом, в котором подчеркнули, что важнейшая цель студенческого движения — пробуждение политической активности старшего поколения с тем, чтобы и оно встало на путь борьбы за свободы по английскому образцу.

Я помню тот день, когда Боголепов незадолго до своей гибели посетил наше общежитие,— нам сказали, что министр изъявил желание познакомиться с условиями жизни студентов. Высокий, с суровым выражением лица, в безупречно сшитом костюме. Боголепов шел по коридору в сопровождении ректора. Руководствуясь отнюдь не враждебно-

стью в отношении его лично, а лишь царившими тогда настроениями, ни один из студентов не приветствовал гостя. При его появлении в библиотеке собравшиеся там студенты просто-напросто игнорировали его. Это был молчаливый, но весьма красноречивый протест. Одни отстраненно смотрели в сторону, другие делали вид, будто погружены в чтение, третьи углубились в газеты. Боголепову дали в полной мере почувствовать настроение студенческих умов.

А вскоре после этого, 14 февраля 1901 г., у министра просвещения попросил аудиенции Петр Карпович, бывший студент, дважды до того исключенный из университета. За многие предыдущие годы не было совершено ни одного политического убийства, и министр, не колеблясь, дал согласие на встречу с молодым человеком. Грянул выстрел, и смертельно раненный Боголепов упал.

Эта акция индивидуального террора — за Карповичем не стояла ни политическая, ни партийная организация — отбросила нас ко временн революционного террора царствования Александра II, и остается только удивляться, почему покушавшегося не казнили. Событие это оставило неизгладимый след в сознании очень многих, в том числе и в моем: в готовности умереть ради торжества справедливости мы усматривали акт великого духовного героизма.

Казалось, царь задался целью укрепить нашу веру в эффективность террора, назначив на место убитого министра престарелого генерала П. С. Ванновского, известного в прошлом своей реакционностью на посту военного министра, но в новом своем качестве приятно удивившего всех справедливым отношением к студентам. Было отменено решение об их принудительном наборе в армию, а к осени 1902 г. возвратились из Сибири сосланные студенты.

Ванновский недолго продержался на своем посту. После серии стычек с министром внутренних дел Д. С. Сипягиным, известным своими крайне реакционными взглядамн, он был вынужден уйти в отставку. Новым министром просвещения стал Г. А. Зенгер (1902—1904 гг.), с которым я был лично знаком. Профессор филологии Варшавского университета, убежденный приверженец классического образования, он получил известность как переводчик на латинский язык пушкинского «Евгения Онегина». Красивый славный человек, но отнюдь не сильная личность, он тем не менее стремился продолжать либеральную политику Ванновского. Его сменил генерал Глазов, чье назначение дало толчок новым студенческим волнениям.

В этот период большинство преподавателей, проявляя осмотрительность, стремились занять нейтральную позицию, и лишь немногие решались открыто выступить с осуждением полицейского произвола. И тем не менее в 1903 г. около 350 преподавателей поставили свои подписи под петицией в защиту студенческих и академических свобод. Петиция была отклонена.

Моя первая политическая речь

Память не сохранила, по какому поводу я произнес первую политическую речь, однако я точно помню, что было это на студенческом собрании в конце второго курса. Огромная толпа студентов заполнила лестницу центрального входа; пробравшись сквозь толпу до верхней площадки, я и произнес ту свою первую страстную речь. До сих пор не могу понять, что толкнуло меня к этому выступлению, ведь я не принадлежал ни к какой партии. Тем не менее в своей глубоко прочувствованной речи я призвал студентов помочь народу в его освободительной борьбе. Речь была встречена шумными аплодисментами.

До этого момента моя репутация была безупречна. Однако на следующий день меня вызвали к ректору университета. Он приветствовал

меня такими словами: «Молодой человек, не будь вы сыном столь уважаемого человека, как ваш отец, внесшего такой большой вклад в служение стране, я немедленно выгнал бы вас из университета. Предлагаю вам взять отпуск и пожить некоторое время вместе с семьей». Наказание было, конечно же, весьма мягким, тем не менее мне льстило, что отныне я стал «ссыльным студентом». Таков был первый знак отличия, который я получил в борьбе за свободу.

В глазах молодых людей Ташкента я выглядел героем и буквально млел от их восторгов. К несчастью, мой приезд домой был омрачен первым в моей жизни серьезным столкновением с отцом, который был донельзя расстроен всей этой историей. Видимо, его пугала возможность того, что я пойду по пути братьев Ульяновых. Главный его аргумент сводился к тому, что, если я хочу сделать что-нибудь полезное для родины, я должен думать о своем будущем, настойчиво учиться и избегать опрометчивых поступков. «Поверь мне,— сказал он,— ты еще слишком молод, чтобы понять нужды страны и разобраться в том, что с ней происходит. Станешь старше, поступай как тебе заблагорассудится. А пока изволь слушаться меня». Он добился от меня обещания проявлять благоразумие и держаться в стороне от всякой политической деятельности до дня окончания университета.

Слова отца произвели на меня огромное впечатление. Он был абсолютно прав, говоря, что я не имел никакого представления о жизни в России; и все же, хотя я и дал ему обещание, я знал, что если не делами, то в мыслях своих накрепко связан с политикой.

Первоначально я предполагал закончить два факультета: исторический и юридический. Однако в конце первого курса вышел приказ Боголепова, запрещающий студентам учиться одновременно на двух факультетах. Мне пришлось оформить перевод на юридический факультет и из-за этого я окончил университет на год позже положенного.

На третьем и четвертом семестрах юридического факультета занятия мои шли вполне удовлетворительно, однако политические события в России, становившиеся все более бурными, тянули меня совсем в другую сторону. Я готовился к академической карьере, надеясь после окончания университета посвятить себя научной работе в области уголовного права. Но в глубине души я уже тогда понимал, что этому не суждено исполниться и что мое место среди тех, кто борется с самодержавием, ибо я был твердо убежден, что ради спасения Родины необходимо как можно скорее добиться принятия конституции. Не социологические доктрины порождали революционное движение в стране. Мы вступали в ряды революционеров не в результате того, что подпольно изучали запрещенные идеи. На революционную борьбу нас толкал сам режим.

Чем больше я размышлял о судьбах России, тем отчетливее осознавал, что в бедах ее повинно не правительство, а верховная власть. Моя точка зрения нашла подтверждение после свершения революции, когда было опубликовано множество документов, мемуаров, сообщений высокопоставленных чиновников и людей, близких к императорской семье. В те дни доступ к таким документам был, конечно, закрыт, и для определения источника зла мне приходилось полагаться на собственный здравый смысл и интуицию. Но проходившие в стране события снова подтвердили мою правоту.

Резкое ограничение свобод в Финляндии породило чувство горечи и глубокое недовольство среди законопослушных и лояльных финнов. По праву и справедливости верховной власти надлежало проявлять заботу о всех народах, населявших империю. Вместо русификации нерусских народов глава верховной власти великой разноплеменной империи должен был бы прилагать все усилия для сплочения и единения всей страны.

Неразумная политика русских властей нашла типичное воплощение на Кавказе в попытках конфисковать собственность Армянской церкви в духовном центре армян Эчмиадзине. Царь остался глух к просьбам католикоса, который дважды обращался к нему с призывом остановить уничтожение армянского народа. Ответа не последовало.

На пост министра внутренних дел вместо убитого Сипягина был назначен Вячеслав Константинович Плеве, воинственный и безжалостный реакционер, который вызывал ненависть даже в правительственных кругах. Вскоре после этого назначения в Кишиневе в пасхальный день (6 апреля 1902 г.) состоялась массовая резня евреев. В личном письме царю Витте писал: «Господь Бог поможет нам лишь в том случае, если царь России будет представлять одно, единое государство». Николай II не внял этому предупреждению.

В 1901 г. власти провели несколько карательных операций в Полтавской и Харьковской губерниях; подверглись телесным наказаниям сотни крестьян, которые после неурожая 1901 г. и последовавшего за ним голода отобрали часть зерна у богатейших помещиков. Поначалу толпы крестьян собирались у помещичьих домов с просьбой выдать им бесплатно зерно и фураж для скота, в чем им было отказано. Спустя несколько недель к поместьям потянулись вереницы крестьянских подвод. Сбив амбарные замки, крестьяне погрузили на подводы столь необходимые им зерно и фураж и уехали. Волнения прокатились и по другим сельскохозяйственным районам. Вскоре после начала крестьянских беспорядков царь присутствовал на военных маневрах, а также на церемонии открытия памятника Александру III в Курске. После завершения церемонии царь встретился на устроенном им под открытым небом приеме с предводителями дворянства всех южных губерний и земств, с волостными и деревенскими старшинами. Обратившись поначалу к представителям помещиков, царь одобрительно заметил: «Мой незабвенный отец, претворяя в жизнь замечательные начинания моего деда, призвал вас вести за собой крестьянство. Вы служили мне верой и правдой. Позвольте поблагодарить вас за эту дружбу». И, обратившись к земцам, сказал наставительно: «Помните, ваш главный долг — обеспечить на местах развитие сельского хозяйства». Когда же очередь дошла до представителей крестьян, в его голосе зазвучал металл: «Этой весной крестьяне разграбили поместья в Полтавской и Харьковской губерниях. Виновные понесут наказание, и, надеюсь, власти не допустят новых беспорядков. Позвольте напомнить вам слова моего покойного отца, с которыми он обратился в Москве по случаю коронации к волостным старшинам: «Слушайтесь во всем наших славных предводителей дворянства и не верьте злонамеренным слухам». Запомните, что нельзя разбогатеть за счет грабежа чужой собственности. Только честный и упорный труд, бережливость и следование божьим заветам принесет вам благо. Передайте вашим односельчанам все, что я сказал, и скажите им, что я никогда не оставлю их».

Призывать крестьян в начале XX века повиноваться предводителям дворянства было в высшей степени наивно. Это доказывает, насколько плохо знал царь страну, которой был призван управлять. Для царя именно дворянство представлялось воплощением всей политической власти и экономического могущества, хотя к тому времени оно перестало играть какую-либо самостоятельную роль и в политической и в экономической жизни страны. В этом и объяснение того, почему царь принял сторону Плеве, отстаивавшего привилегии дворянства, и почему он сделал Плеве преемником Витте.

Осознав все это, я пришел к выводу, что по вине верховной власти Россию ждут великие беды и испытания.

Профессура

Университетское образование необходимо, и не только потому, что оно учит, а по сути дела, вынуждает студента мыслить самостоятельно, но и потому, что оно заставляет его приводить свои суждения в соответствие со знаниями, полученными из первоисточников. В результате некоторые люди меняют свое мировоззрение, отнюдь не отказываясь при этом от своих первоначальных взглядов, а лишь выбирая ту или иную доктрину, которая должным образом подтверждала бы их собственные идеи. Именно это и произошло со мной в процессе занятий на историко-филологическом факультете. Я сам искал и находил профессоров, которые подтверждали правильность моих собственных интуитивных взглядов на окружающий мир.

Профессора С. Ф. Платонова отличала твердость убеждений и поведения. Всегда безупречно одетый, он не допускал в отношениях со студентами и капли фамильярности. В чем-то он как историк, на мой взгляд, превосходил В. О. Ключевского, поскольку Ключевский свои описания исторических событий и деятелей всегда приукрашивал казавшимися мне излишними саркастическими комментариями. Платонов же, наоборот, всегда излагал суть дела четко и ясно. Он был очень популярен среди студентов, но никогда не был объектом такого поклонения, как Ключевский в Москве. Платонов не раз возил нас на экскурсии — сначала в Псков, потом в Новгород, где знакомил нас с устройством некогда процветавшей там древнерусской демократии.

Профессор греческой истории Тадеуш Зелинский был высокий и красивый, курчавые волосы делали его похожим на одну из любимых греческих статуй. Его лекции о Платоне и Сократе, о сущности греческой культуры, Прекрасного и Божественного послужили подтверждением моих взглядов, что идеи, воплощенные в христианстве, уходят корнями в более древний, дохристианский период.

Профессор Михаил Иванович Ростовцев, в ту пору еще очень молодой, дал нам отменное знание римской истории. Нас буквально завораживали его рассказы о жизни греческих городов, процветавших на берегах Черного моря задолго до рождения Руси. Его лекции об этой дорусской цивилизации на юге России подтверждали вывод, что истоки демократии Древней Руси уходили в глубь истории куда дальше, чем считалось ранее, и что существовала определенная связь между ранней русской государственностью и древнегреческими республиками.

Еще одним замечательным преподавателем был у нас философ Николай Онуфриевич Лосский. Его учение исходило из предпосылки, что человек как существо духовно независимое должен развивать в себе голос совести и поступать в соответствии с внутренними побуждениями, свободными от каких-либо несовместимых с его духовностью догм. Это был невысокий, внешне невзрачный человек с горящим открытым взором, который жил в своем собственном мире и отличался болезненной застенчивостью даже в отношениях со студентами. И хотя сегодня ему далеко за 90, он нисколько не изменился, сохранив в первозданности молодость и творческий дух. Перейдя на юридический факультет, я при всякой возможности посещал лекции Платонова и Лосского.

На юридическом факультете меня особенно поразили лекции профессора Льва Иосифовича Петражицкого по философии права. В то время ему было между 35 и 40 *. Курс своих лекций он обычно предварял такой фразой: «Вам будет трудно понимать меня, потому что я думаю по-польски, пишу на немецком, а обращаюсь к вам по-русски». Позднее он настолько преуспел в русском языке, что стал блестящим оратором в первой Думе. Как и Зелинский, он был из тех поляков, ко-

*Позже он, находясь в Польше, покончил жизнь самоубийством.

торые впоследствии стали так непопулярны в Польше Пилсудского из-за своей убежденности в том, что отношения между народами России и Польши должны строиться не на политических, а на братских основах. Они, конечно же, понимали, что все либерально мыслящие культурные граждане России выступают в поддержку независимости Польши. Таких, как они, высоко ценивших русскую культуру и русские социальные идеи, в Польше не любили.

Петражицкий был выдающимся ученым. Он первый провел четкую грань между правом и моралью, а также между законом per se (как таковым) и законами, созданными государством. Его психологический подход к праву и его теория политической науки, основанная на идее естественного права, которую он возродил одним из первых, наверняка получили бы всеобщее признание, не прекрати тогдашняя Россия своего существования. Отрадно, что сегодня наметилась тенденция возрождения интересов к его учению.

Для меня особенно важным было то, что, опираясь на экспериментальную психологию, Петражицкий определял право и мораль как два принципа, сосуществующих в сознании человека и формирующих его внутреннюю жизнь. Подлинная мораль — это внутреннее осознание долга, выполнению которого человек должен посвятить всю жизнь, при одном, однако, обязательном условии: чтобы на него при этом не оказывалось никакого внешнего давления. Согласно Петражицкому, в праве выражается осознание того, что́ человеческое существо может ожидать от себе подобных и чего, в свою очередь, ожидают от него самого другие. Свою теорию Петражицкий подтверждал опытами с детьми. Позднее я повторил эти опыты на своих сыновьях и убедился в их достоверности. В области права и юриспруденции Петражицкий сыграл ту же роль, что Галилей — в астрономии.

Еще одна важная идея Петражицкого заключалась в том, что государство не должно ограничиваться простой функцией поддержания закона и порядка, но должно осуществлять руководящую роль в борьбе экономических и социальных сил, происходящей в обществе. Однако он отвергал марксистскую идею о том, что государственная власть — простое орудие в руках правящего класса для эксплуатации и подавления своих оппонентов.

Согласно марксистскому учению, государственной власти предопределено стать «диктатурой пролетариата», когда пролетариат захватит власть. Но коль скоро пролетариат — класс наиболее совершенный идеологически и самый последний в истории человечества, необходимость в диктатуре отпадет сама собой и наступит эра свободы. История, любил повторять Петражицкий, знает примеры, когда действующие законы перестают отвечать потребностям повседневной жизни, когда у более молодого поколения формируются совершенно иные концепции закона или права. Основываясь на многочисленных примерах, он показал, как появление рабочего класса привело к изменению трудового и социального законодательства во всей Европе. И в данном конкретном случае такие изменения неизбежны и законны.

Петражицкий, крупный специалист и по римскому праву, принимал участие в разработке гражданского кодекса Германии. Он утверждал, что современным обществам не следует слепо копировать положения римского права, поскольку оно чисто формально и крайне ограниченно рассматривает интересы справедливости и личности. С пришествием Христа, по его мнению, наступила новая эра, когда творческое начало порождается чувством христианской любви.

Петражицкий был худощавый блондин с весьма невыразительной наружностью. И в то же время от него исходила огромная моральная и духовная сила. Влияние его воззрений было столь велико, что возвращение к взглядам на право и мораль, которых ты придерживался до знакомства с его теорией, становилось практически невозможным. Для студентов, привыкших к банальным рассуждениям о праве и морали, его теории казались настолько необычными и возбуждающими, что лекции его приходилось проводить в большом зале заседаний, рассчитанном по крайней мере на тысячу студентов.

Много позднее, когда я уже занимал пост в правительстве, он не раз навещал меня и предлагал осуществить немало полезных начинаний в области законов и политики для улучшения социальных отношений. Увы, в условиях 1917 г. следовать его отличным советам было едва ли возможно.

Укреплению моих убеждений в значительной степени содействовали и лекции по истории русского права, прочитанные бывшим ректором университета профессором В. И. Сергеевичем, который, к сожалению, был вынужден уйти в отставку после событий 1899 года. Всякий раз, говоря о праве Древней Руси, он подчеркивал, что и «Русская правда» Ярослава Мудрого одиннадцатого века и «Поучение», которое оставил своим сыновьям Владимир Мономах, отвергали смертную казнь.

Рассказывая о правовых отношениях на Руси, он особенно упирал на то, что Русь никогда не знала концепции божественного происхождения власти, и подробно останавливался на взаимоотношениях между престольным князем и народным вече. И если Платонов в своих лекциях подчеркивал политическую сторону конфликта между ними, то Сергеевич рассматривал его с юридической точки зрения.

Когда я поступал в университет, Н. М. Коркунов там уже не преподавал. Однако все мы были знакомы с его трудами, особенно с его лекциями по общей теории права и монографией «Указ и Закон». Убежденный критик всех форм авторитарных режимов, Коркунов стремился при этом доказать, что абсолютизм в России не равнозначен деспотическому полицейскому режиму, поскольку существует универсальный, обязательный для всех закон, которому должны соответствовать все выпускаемые Верховной властью указы.

К сожалению, все это было справедливо лишь в теории. Александр III в какой-то мере еще считался с этим постулатом. А уж Николай II полностью его игнорировал, глубоко убежденный в том, что воля его, независимо от того, соответствует она или нет действующим законам, обязательна для исполнения всеми его подданными.

Лосский и Петражицкий помогли мне оформить мои интуитивные воззрения в систематическую, рационалистическую структуру. По натуре я никогда не был позитивистом. Ницше, Спенсер и Маркс различными путями пришли к воззрениям, так или иначе основанным на материализме. Мне эти воззрения были всегда чужды. Материальный прогресс — это развитие вещей, преобразование телеги в аэроплан. Однако для 90 процентов просвещенных людей XIX века как в России, так и на Западе — это отнюдь не означало, что и духовное развитие человечества должно происходить подобным образом. Абсурдность этих воззрений еще раз доказали две чудовищные войны, а также опыт большевизма и фашизма. Идеи добра, красоты и любви, с одной стороны, и идеи зла, с другой — вечные составные человеческой натуры, и к пониманию этой истины, на мой взгляд, более всего приблизилась христианская этика. Она пока остается трудным, почти недостижимым идеалом. Для многих людей она представляется абсурдной и нереальной, ибо любовь к врагу противоречит человеческой натуре. Некоторые даже считают, что она лишь ослабляет волю человека.

В студенческие годы эта проблема меня очень занимала и я прочел огромное количество книг о первобытных людях, всячески стремясь найти различия в духовном мире первобытного и современного человека.

Такого подтверждения я не обнаружил. Напротив, я утвердился во мнении, что идеалы первобытных обществ по существу не отличались от идеалов современного человечества. Общество, и тогда и сегодня, строило свою жизнь, положив в основу какую-нибудь одну, разделяемую всеми идею,— например, веру в то или иное божество. Это могло быть даже идолопоклонство, но и в поклонении идолам выражалась одна, общая для всех идея. Более того, я выяснил, что каждое общество всегда имело в той или иной форме общепринятый кодекс морали.

Взгляд отдельного человека на мир определяется не только логическим мышлением. Так же, как есть люди, неспособные разобраться в музыке или живописи, существуют и такие, которые обитают в трехмерном «научном» мире и не чувствуют присутствия в жизни «иррациональных» элементов. Однажды мой близкий друг признался мне, что ему не дано ни осознать, ни понять Бога. Я ответил: «Значит, в этом и есть суть твоей веры». Человек — существо верующее. Он всегда стремится преобразовать мир в соответствии со своими внутренними мироощущениями. Это религиозный инстинкт, и никакое научное знание управлять им не может.

Еще в школьные годы на меня огромное впечатление произвело утверждение Владимира Сергеевича Соловьева о том, что материалистические теории превращают человеческие существа в крошечные винтики чудовищной машины. И мне всегда были по душе социалисты-революционеры, а также народники, которые были убеждены в том, что стремятся к освобождению человека, а не к превращению его в орудие классовой борьбы.

Я читал также статьи молодого марксиста-экономиста Петра Бернгардовича Струве. Но когда я дошел до той страницы, где он пишет, что индивидуальности нет места в природе и ее не следует принимать в расчет, я понял, что марксизм не для меня. Мое отношение лишь укрепилось, когда я познакомился с «Коммунистическим манифестом» Маркса и Энгельса, где утверждается, что общечеловеческая мораль лишь орудие в классовой борьбе, а мораль рабочего класса не имеет ничего общего с моралью капиталистического мира.

(Продолжение следует)

ПУБЛИКАЦИИ

ПРОТОКОЛЫ ЦК КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

№ 26. Постановления Центрального Комитета. Заседание 6 мая 1906 г. (пленарное) [1].

1) За отказом В. Д. Набокова от должности товарища председателя ЦК. избран на эту должность единогласно закрыт[ой] подачей голосов П. Н. Милюков.

2) Вопрос об организации секретариата ЦК в Петербурге передан на обсуждение самого секретариата (т. е. А. А. Корнилова и Н. Н. Черненкова) с участием П. Н. Милюкова.

3) Принято предложение А. В. Тырковой об организации в клубе к. д. партии [2] политических бесед для членов партии с непременным участием членов Думы; постановлено учредить для заведывания устройством таких бесед комиссию в составе А. В. Тырковой, А. С. Ломшакова и Д. Д. Протопопова [3].

4) Решено образовать в Москве постоянный отдел ЦК из проживающих в Москве членов ЦК под председательством кн. П. Д. Долгорукова, с особым секретариатом, на содержание которого ассигновать до 275 руб. в месяц. Главной задачей Московского отделения поставить агитационную деятельность и пропаганду партийной программы в провинции и для этого сосредоточить в заведывании означенного отделения: а) устройство лекций, бесед, лекционных и агитационных поездок в провинцию и б) снабжение провинции партийной литературой. При Московск[ом] отделении оставить склад партийных изданий «Народного права», что же касается редакции изданий, то поручить секретариату выяснить возможность и действительную необходимость переноса этой редакции в Петербург [4].

5) Постановлено напечатать в 500 000 экз. тронную речь и ответный адрес Думы, ассигновав на это до 1000 руб. Исполнение этого постановления поручить А. И. Каминке. Независимо от этого ЦК имеет возбудить в парламентской фракции партии Нар[одной] Своб[оды] вопрос о печатании и распространении в народе самою Думою отчетов о своих заседаниях [5]

6) По вопросу о финансах ЦК-та, по выслушании доклада М. В. Сабашникова, дополненного кн. Пет[ром] Дм. Долгоруковым, решено: а) учредить особую финансовую комиссию в составе кн. Петра Дм. Долгорукова, В. Д. Набокова и А. И. Каминки с правом пополнять свой состав путем кооптации: б) просить каждого из членов ЦК собрать не менее 300 руб. и указать теперь же, в какой срок он может это сделать [6]; а) если понадобится, уполномочить петербургских членов ЦК сделать заем для пополнения наличных средств к-та.

7) [7] Постановлено впредь до отмены пятачковых взносов на каждых 5 членов партии, уплачивающих пятачковые взносы, в возмещение их высылать или газету «Народное Дело» или другое издание, соответствующее целям партии.

8) [8] Обсуждалось положение фракции партии Народ. Своб. в Госуд. совете. Постановлено устроить 7 мая совместное с членами этой фракции заседание ЦК и по предложению В. И Вернадского кооптировать в состав ЦК членов Госуд. совета: А. А. Шахматова и Г. В. Выковского.

9) Постановлено ассигновать на обустройство секретариата думской фракции К. Д. партии 500 рублей.

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—3.

10) Обсуждалось по желанию С. А. Муромцева, следует ли ему оставаться после избрания его председателем Думы в составе ЦК. Признано, что пребывание С. А. в составе к-а безусловно желательно и вовсе не противоречит условиям парламентской жизни.

11) Постановлено пленарные заседания комитета устраивать раз в месяц, всего лучше в первое воскресенье каждого месяца и членам к-та рассылать за неделю повестки.

12) Ф. А. Головин заявил по вопросу о реформе земских учреждений, что он предлагает возбудить[9] в бюро общеземских съездов вопрос, не следует ли там выработать проект реформы городск. и земск. самоуправления.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 65—69, 83; д. 33в, лл. 37—38.

№ 27. Заседание 7 мая совместно с членами Госуд. Совета, принадлежащими к партии Народ. Свободы.

Сверх членов ЦК в заседании по особому приглашению присутствовали члены Госуд. Совета: гг. Юмашев, Лаппа-Данилевский, Боргман, Выковский, Шахматов и Богалей. После обмена взглядов присутствующие члены Госуд. совета признали, что вопрос о выходе их из состава Госуд. совета должен быть решаем совместно с Центр. К-том партии. Затем признано было необходимым удерживаться от осуществления инициативы внесения законопроектов в Госуд. совет, но в интерпелляциях, если они соответствуют принципам и целям партии Народ. Своб., принимать участие; и частных совещаниях членов Госуд. совета (часто устраиваемых ради избежания публичного обсуждения некоторых вопросов в заседаниях Госуд. совета) участвовать и против них протестовать, а затем содействовать опубликованию всего в них происходящего; совещания междупартийные — не между отдельными лицами, а между группами и партиями для устройства партийных соглашений — признать допустимыми[10].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 70; д. 33в, л. 39.

№ 28. Заседание Центрального Комитета 10 мая (1906 г.)

1) По вопросу об отношении к Трудовой Группе постановлено:

а) признать, что общение между парламентскими фракциями желательно не в виде взаимной посылки делегаций в фракционные комитеты, как предлагает Трудовая Группа, а в форме периодических или непериодических совместных заседаний для сговора и совместного обсуждения очередных вопросов парламентской жизни;

б) стараться пропагандировать нашу партийную периодическую и непериодическую литературу в среде Трудовой Группы;

в) организовать публичные чтения и беседы по текущим вопросам парламентской жизни, для чего рекомендовать фракции выделить особую комиссию[11];

г) признать желательным устройство более демократического клуба для привлечения в него крестьян.

2) По обсуждении сообщенного Комитету сведения о том, что 13 мая состоится в Думе декларация министерства, решено предложить фракции не обсуждая вперед по существу этой декларации, так как содержание ее достоверно неизвестно, тотчас же по прочтении ее председателем Совета министров потребовать перерыва, чтобы обсудить тогда ее содержание, сговориться с другими парламентскими группами и устранить таким образом случайные и необдуманные изъявления и речи.

3) Постановлено пополнить состав редакции «Вестника Партии Народной Свободы», образовав постоянный редакционный совет из редактора В. Д. Набокова, ответственного редактора А. И. Каминки, П. Н. Милюкова, И. И. Петрункевича, всего состава редакции «Права» (кроме лиц, не принадлежащих к Партии Народной Свободы) и секретариата Центрального Комитета.

4) Постановлено предложить фракции произвести выборы фракционного комитета[12].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп 1, д. 27, л. 76.

№ 29. Заседание 17 мая 1906 года.

1) По вопросу о плате за помещение, занимаемое Центральным Комитетом, С.-Петербургским Комитетом и другими учреждениями, состоящими при этих Комитетах, за все четыре комнаты признано справедливым уплачивать Правлению клуба К. Д. Партии по 200 р. в месяц с тем, что на долю Центрального Комитета придется приблизительно 100 р. Окончательно переговорить и условиться по этому вопросу с Председателем Правления клуба кн. Д. И. Бебутовым поручено кн. Петру Дм. Долгорукову и А. А. Корнилову.

2) По вопросу о партийных собраниях в Петербурге решено все устраиваемые партией собрания разделить на 4 категории: а) клубные собрания для выслушания сообщений депутатов о ходе дел в Думе, б) такие же собрания для обсуждения с членами клуба предположений на ближайшее будущее, в) организационные собрания представителей комитетов Центрального и Петербургского, районов г. Петербурга и парламентской фракции и г) митинги и районные собрания. Признано, что первые три категории собраний устраиваются в клубе К.— Д. Партии каждое по 1 разу в неделю при участии членов Центрального Комитета и парламентской фракции. Постановлено для заведывания означенными собраниями избрать по соглашению с Петербургским Комитетом особую комиссию и просить членов парламентской фракции оказать свое содействие всем категориям партийных собраний в Петербурге.

3) Выслушан был доклад А. А. Корнилова[13] о мерах к распространению партийных учреждений вширь и вглубь и о командировании с организационными целями в провинцию А. М. Колюбакина и других авторитетных членов Партии. При этом признано было, что из северных губерний России губернии Вятская и Олонецкая в организационном отношении могут быть предоставлены местным силам при содействии избранных от этих губерний членов Государственной Думы; точно так же обойдутся своими силами губернии Тверская, Костромская и Ярославская; в губернии Северо-Западного края (литовские), ввиду отсутствия в этих губерниях губернских комитетов, следует назначить постоянного уполномоченного (в Вильне), причем содействие ему будет оказывать партийный литературный орган в Вильне «Свободное Слово», если он в свою очередь будет поддержан литературными силами Центрального Комитета и парламентской фракции хотя бы в первые недели своего существования. Для поездок же с организационными целями в прочие губернии в летние месяцы 1906 года установлены следующие маршруты: 1) губ. Новгородская, Архангельская, Вологодская (взял на себя А. М. Колюбакин с 18 мая по начало июня); 2) губ. Петербургская, Псковская и Остзейский край; 3) Среднее Поволжье и прилегающие к нему или попутно расположенные губернии: Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Пензенская, Саратовская, Уральская (область), Тамбовская, Воронежская и Рязанская (взял на себя А. М. Колюбакин в течение июня и июля месяцев[14]); 4) Сибирь (губ. Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская) и попутно губернии: Пермская, Уфимская и Оренбургская; 5) Кавказ, попутно Астрахань и на обратном пути Донская область; 6) Украйна и Новороссия (предполагается организовать местными силами); 7) Юго-Западный край (собств. силами); 8) Подмосковные губернии: Тульская, Орловская, Курская, Калужская, Смоленская (объезд их предположено поручить А. А. Кизеветтеру). Независимо от объезда этих губерний отдельными организаторами решено составить и послать во все губернии и во все местные комитеты особый циркуляр о необходимости энергичного развития партийных организаций, каковой поручено выработать А. А. Корнилову по совещании с А. М. Колюбакиным и Н. Н. Черненковым.

4) Постановлено напечатать для распространения в народе особой брошюрой: декларацию министерства, речи депутатов, произнесенные в Думе 13 мая, и резолюцию Думы о недоверии кабинету Горемыкина. В виде предисловия перепечатать крупным шрифтом тронную речь и ответный адрес.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 76—78; д. 33в, лл. 40—42.

№ 30. Заседание 20 мая 1906 года.

1) Выяснена причина задержки официальной публикации о легализации партии (срок которой, установленный законом, наступил 14 мая[15]), состоящая в том, что 1) не образовано до настоящего времени, вопреки закону, присутствия по делам об обществах, 2) не заведены установленные законом реестры и 3) не указана министром внутренних дел по соглашению с министром юстиции форма статей для распубликования обществ, уставы которых зарегистрированы по закону 4 марта. Поручено П. Н. Милюкову, В. Д. Набокову и А. И. Каминке посетить лично градоначальника, министра внутренних дел и все учреждения, от которых зависит движение этого дела, и сделать им энергичные представления. При неудаче этого пути возбудить в парламентской фракции вопрос о необходимости немедленного запроса по этому предмету в Думе.

2) Выслушан доклад финансовой комиссии о безотрадном состоянии финансов Центрального Комитета, зависящем прежде всего от непоступления установленных взносов местных групп. Выработан особый циркуляр для рассылки на места. Поручено комиссии напечатать его и разослать. Предположено просить Председателя Центрального Комитета кн. Павла Дм. Долгорукова совместно с лекторами посетить некоторые крупные центры. Просить А. М. Колюбакина обратить на этот предмет особое внимание при его разъездах. Просить с тою же целью проехать в разные губернии А. А. Стаховича. Просить о том же Н. М. Кишкина и Е. В. Де Роберти. Предположено также устроить в Петербурге платные лекции, организацию каковых поручить А. И. Каминке. В качестве желательных лекторов намечены: гг. П. Н. Милюков, Гредескул, Е. Н. Щепкин, Герценштейн, Новгородцев, Родичев, Ледницкий, Котляревский, Набоков, Винавер. Утвержден состав финансовой комиссии: кн. Петр Дм. Долгоруков, Набоков, Каминка, И. В. Гессен, Винавер. Постановлено просить всех членов Центрального Комитета назвать тех лиц, привлечение коих в состав этой комиссии или к содействию ей может быть полезно.

3) Рассмотрено заявление (проф. Петражицкого) о желании выборщиков г. Петербурга иметь своих представителей в заседаниях парламентской фракции. Удовлетворить это желание в полной мере признано невозможным, а в виде компромисса предположено дать выборщикам превалирующее участие в организационных совещаниях (по четвергам) между членами Центрального и Петербургского Комитетов, членами парламентской фракции и представителями районов г. Петербурга.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 78—79; д. 33в, лл. 42—43.

№ 31. 3 июня [1906 г.].

1. По вопросу о легализации ввиду того, что переговоры с властями П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова и А. И. Каминки не привели к желательным результатам, решено обратиться к министру внутренних дел через Председателя Центрального Комитета кн. Павла Дм. Долгорукова лично и письменно, для чего поручено А. А. Корнилову составить записку с изложением всех обстоятельств дела и требовать от министра особого циркуляра губернаторам, без чего развитие нашей партии в провинции парализуется ввиду отсутствия легализации по вине администрации. Если министр внутренних дел не удовлетворит этого требования, представить формальный запрос в Думе.

2. О пятачковом сборе признать, что сбор этот должен поступать в распоряжение Центрального Комитета независимо от раскладочного сбора и что в возмещение его на каждых пять членов должна быть высылаема особая премия в виде «Народного Дела» или др. партийного издания соразмерной стоимости. Об этом составить и разослать особый циркуляр.

3. В виду отказа Павла Дм. Долгорукова от председательствования в церковной комиссии избран председателем ее П. Н. Милюков[16].

4. По вопросу об отношении к армии признано желательным включение соответственного отдела в нашу партийную программу, а чтобы отдел этот ближе соответствовал действительным и назревшим потребностям в преобразованиях в армии и флоте, решено обратиться к офицерам, сочувствующим К.—Д. Партии, с просьбой доставить нам их проект программы необходимых реформ, соответствующих духу Партии Народной Свободы.

5. По вопросу о международных отношениях признано также желательным пополнить соответствующим отделом нашу программу и в виде временной меры назначить особую комиссию по международным отношениям в составе: П. Н. Милюкова (председатель), И. И. Петрункевича, В. И. Вернадского, С. А. Котляревского и П. Б. Струве.

6. Выслушав сообщение А. С. Изгоева о возникновении при Центральном Комитете особого бюро по снабжению статьями провинциальных газет, близких к программе К.—Д. Партии, Центральный Комитет признал желательным разослать сведения об этом бюро и условия, на которых оно принимает статьи, всем выдающимся литераторам Партии и особыми обращениями привлечь к соглашению о печатании таких статей возможно большее число провинциальных изданий.

7. Заслушав сообщение Г. В. Выковского о желательности издания брошюры о современном политическом положении страны вроде брошюры, изданной Вятским товариществом, Комитет постановил сообщить об этом издательской комиссии «Народного Права».

8. Членами клубной библиотечной комиссии назначены: Де Роберти, Якушкин и Корнилов.

9. Приступив к обсуждению вопросов о том а) следует ли нашей парламентской фракции заявлять о своем нежелании каникул в этом году и б) что делать, если такие каникулы будут назначены вопреки желанию Думы, Центральный Комитет после оживленного обмена взглядов принял предложение Н. Н. Щепкина: выразить желание Думы по этому вопросу косвенно в наказе аграрной комиссии в таком примерно виде: поручить аграрной комиссии в своих работах сообразоваться с тем обстоятельством, что Дума считает необходимым, в виду положения дел в стране, не прерывать работ своих на лето.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 79—80; д. 33в, лл. 43—44.

№ 32. Заседание 4 июня [1906 г.] (пленарное)[17].

1) Постановлено закрытой баллотировкой единогласно кооптировать в состав Центрального Комитета Михаила Герасимовича Комиссарова.

2) Постановлено выдать за работу в канцелярии Центрального Комитета служащей в Петербургском городском Комитете О. М. Поведской за май месяц 20 р. и предоставить секретариату на таких же условиях в случае надобности приглашать г-жу Поведскую для исполнения письменных работ и в будущем.

3) По выслушании доклада о положении дела по легализации партии решено оставить в силе вчерашнее постановление и просить В. Д. Набокова присоединиться к кн. Павлу Дм. Долгорукову при его посещении министра внутренних дел.

4) По предложению кн. Павла Дм. Долгорукова постановлено заняться заблаговременно работами по изучению и разработке данных для составления государственного бюджета, для чего образовать бюджетную комиссию в составе: Петрункевича (председатель), Кокошкина, Котляревского, Струве и Корнилова.

5) Из доклада финансовой комиссии выяснилось, что платные лекции, предположенные в заседании Комитета 20 мая, в настоящий сезон не имеют шансов на успех. Устройство концертов, спектаклей и проч., как средство для усиления денежных сборов, признано не вполне совместимым с значением и характером Партии. Между тем средства Партии весьма плохи, и взносы губернских групп по-прежнему не поступают. Из 10 000 руб. долга до настоящего времени погашены лишь 5000 руб., и имеется возможность из остальных 5000 р., срок платежа которых наступает на днях, погасить лишь 1500 руб., а остальные 3500 р. приходится отсрочить еще на 6 месяцев. В виду этого решено сделать доклад о состоянии финансов Центрального Комитета во фракции и просить членов фракции оказать содействие к более правильному поступлению взносов местных групп и просить гг. членов парламентской фракции при поездках своих в провинции сообщать Центральному Комитету по возможности заблаговременно о

дне выезда, дабы секретариат мог снабжать их необходимыми сведениями. Независимо от этого положено просить членов Центрального Комитета И. И. Петрункевича, П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, М. М. Винавера и Г. Ф. Шершеневича оказать содействие финансовой комиссии по сбору пожертвований на дела Партии у некоторых состоятельных ее членов [18].

6) Обсуждено было присланное на усмотрение Комитета для оглашения в печати письмо на имя М. А. Стаховича с порицанием его парламентской деятельности, составленное Елецким Комитетом К.-Д. Партии по поручению собранного им публичного митинга. Постановлено не печатать этого послания в виду как неудачной его редакции, так и того обстоятельства, что оно подписано нашим партийным комитетом, тогда как порицание Стаховичу, как члену другой партии, могло бы исходить или от членов одной с ним партии, или от земляков его без различия партий, но ни в коем случае не от нашей партии, как таковой. Об этом постановлении уведомить бюро Елецкой группы.

7) Подвергнут был обстоятельному обсуждению вопрос о том, как отнестись нашей фракции в Думе к навязываемым Думе каникулам, какие употребить способы к устранению таковых и как поступить в том случае, если Дума будет распущена вопреки своему желанию. После горячих и продолжительных прений [19] постановлено: 1) связать, как решено уже 3 июня, выражение своего нежелания расходиться на каникулы с наказом аграрной комиссии. 2) Составить общее распределение занятий Думы на все лето. 3) На случай роспуска приготовить во фракции особую резолюцию о таковом действии правительства. Исполнение этих решений возложить на членов Комитета Петрункевича, Винавера и Якушкина. По вопросу о том, что делать нашей фракции в случае роспуска Думы, доложить фракции содержание всех высказанных в Комитете суждений по этому вопросу.

8) Согласно заявлению кн. Павла Дм. Долгорукова о неимении в данное время достаточных лекторских сил в Москве решено постараться удовлетворить из Петербурга требования лекторов, поступившие из Гродны, Могилева, Тихвина и Суджи; просить депутата И. Л. Шрага выехать в Городню и Могилев при поездке его в Чернигов.

9) Признать окончательно желательным немедленный перенос редакции «Народного Права» из Москвы в Петербург, причем признать допустимым пригласить в редакторы лицо, формально не принадлежащее к партии в виду заявления членов Комитета Корнилова и Черненкова, что по существу лицо это разделяет программу и тактику партии и вполне одобряет направление, принятое уже издательством «Народное Право».

10) Постановлено немедленно напечатать для распространения в народе заявление 42-х по земельному вопросу в 50 000 — 100 000 экземплярах [20]. Протоколы III съезда напечатать в 2000 экземплярах.

11) Признать необходимым иметь в Петербурге свой популярный орган для пропаганды в широких слоях населения наших принципов и для пояснения деятельности нашей Партии в Думе [21]. В этих видах признать желательным перенос «Народного Дела» из Москвы в Петербург с тем, чтобы в Петербурге оказывать редакции этого органа всевозможное содействие силами Центрального Комитета и парламентской фракции.

12) Постановлено уполномочить члена К.-Д. Партии И. Д. Ромма на образование партийных комитетов в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской и Минской при содействии редакции «Свободного Слова». В виду заявления члена Комитета Г. В. Выковского, сообщить Ромму о возможности получения им содействия в этом деле со стороны местного органа «Gazeta Wilenska»

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 80—82; д. 33в, лл. 44—46.

№ 33. Постановления ЦК. Заседание 11 июня 1906 г.

1) Доложено письмо члена партии нар[одной] своб[оды] А. К. Энгельмейера на имя А. А. Корнилова с запросом о том, может ли член партии Н[ародной] Св[ободы] продать принадлежащую ему или его жене землю крестьянам при содействии Крестьянского банка. Решено уведомить г. Энгельмейера, что вопрос этот не входит в сферу действия партийной дисциплины и не подлежит партийному разрешению [22].

2) Выслушав доклад члена партии А. П. Молчанова о рассылке крестьянам разных мест газет прогрессивного направления на льготных условиях и по соображении этого доклада с ранее сделанным заявлением Б. Э. Кетрица аналогичного характера, ком-т постановил предоставить секретариату образовать при ЦК К. Д. партии в г. Петербурге особое бюро по рассылке газет, с привлечением в состав его Б. Э. Кетрица и А. П. Молчанова, и в распоряжение этого бюро ассигновать из средств ЦК до ста рублей серебром.

3) Ознакомившись с обращениями Моск. отд. ЦК и председателя его кн. П. Д. Долгорукова на имя А. А. Корнилова и в ЦК об указании особого лица, на которое можно было бы возложить дело рассылки лекторов и агитаторов по губерниям Петербургского округа, к-т признал подходящим для этой цели лицом своего сочлена А. С. Ломшакова и с его согласия постановил уведомить об этом Моск. отделение.

4) Рассмотрев вопрос о высылаемых полицией безработных, принимавших участие в освободительном движении, ЦК постановил поручить С. А. Котляревскому, П. Б. Струве и А. С. Ломшакову проектировать запрос по этому предмету в Госуд. Думу, подвергнуть его предварительно внесения в Думу обсуждению во фракции, а что касается материальной помощи таковым безработным, то оказывать таковую, в виду отсутствия потребных для этого специальных средств, лишь в исключительных случаях.

5) Вследствие письма А. М. Колюбакина о необходимости, по его мнению, обращения к народу от имени партии о ходе работ Государственной Думы в связи с возложенными на нее задачами и условиями, в которых ей приходится работать, ЦК поручил проектировать подобное обращение П. Н. Милюкову к следующему заседанию к-та в среду, 14 июня [23].

6) Постановлено признать желательным издание особой брошюры о заседании Госуд. Думы 8 июня [24], о чем сообщить распорядительной комиссии издательства «Народное Право».

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 125—126.

№ 34. 21/VI 906.

1) Заявление Френкеля о предложении дроводелов [25] устроить им клуб при условии вступления их в партию. Все это надо в Изм[айловском] полку. По-видимому, в Моск. районе сообщить Левину и Добровольскому и 3-его член [25]. Френкель и все дело передать в ведение П[етер]бургского к-та.

2) Обращение П[етер]бургск. агитац. к-сии об устройстве митингов.

3) Доклад Богалея о запросе в Госуд. Совете м[инист]рам со стороны центра (Ермолов и др.). Думает, что центр обладает более 100 голосов, т. е. абсолют. большинство[м]. У них 2 вопроса: 1) программа их деятельности в Госуд. Совете — м[ежду] проч[им] инициатива по внесению законопроектов, 2) об отношении к мин[истерст]ву—желают выразить ему недоверие после запроса 4 м[инистр]ам. Обвиняют м[инист]ров в крайне незакономерном образе действий и прежде всего бездействии власти. Колебания относит[ельно] способа действий (допускают возможность личного обращения к Государю через Ермолова). Каменский и Баулин присутствуют в заседаниях центра.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 127—127 об.

№ 35. Соединенное заседание 26/VI 906.

1) По вопросу о смертной казни в Госуд. Совете. Следует ли желать, чтобы Госуд. Совет принял законопроект.

Богалей ставит вопросы: 1) идти ли в комиссию? 2) просит помочь разрешить вопрос о 55 ст. Основных законов [26].

Милюков обсуждает вопрос с точки зрения интересов кадетского м[инистерст]ва и находит с этой точки зрения конфликт ос[обенно] полезным, но в то же время не советует выходить членам Госуд. Совета и советует войти им в комиссию.

Якушкин выдвигает ту точку зрения, что важен сам по себе в глазах народа самый вопрос. Следует предложить во фракции вопрос, какое ей занять положение как в случае отвержения Госуд. Советом законопроекта, так и в случае поправок (ссылки на 55 ст. Основ. зак.). Якушкин думает, что это сделать тогда, когда выяснится полож[ение] дела в Госуд. Совете.

2) О международных (междупарламент.) сношениях.

3) Мусульманская группа довела до сведения Милюкова, что группа конституировалась и желает иметь представителя в ЦК.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 128.

№ 36. 28/VI 906

1) Доклад Долгорукова о финансах. Принять к сведению. Послать циркуляры по маршруту Колюбакина [27].

2) О клубных лекциях по письму Бебутова [28]. Решили просить фракцию перенести заседание в клуб. К-сию в клубе дополнить Де Роберти и Изгоевым.

3) Труд[овая] группа.

4) Воскресенье в 1/2 11-го.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 130.

№ 37. 2/VII 906.

1) Вопрос о недовольстве ЦК-том в среде фракции и о желательности обсуждения кабинет. вопроса во фракции и вопрос[а] по существу об условиях образования парлам. кабинета.

Шаховской выдвигает вопрос о необходимости [для] лидеров партий их переговоров с председ. Думы и между собой. Это важно и для переговоров при составлении Кабинета.

Долгоруков указывает, что необходимо совещание лидеров для техники прений в Думе.

Винавер тоже о senioren-conven'e [29]

Решено поставить завтра во фракции вопрос о м[инистерст]ве. 1) Амнистия. 2) Отмена смерт. казни. 3) Отмена военного полож. и чрезв. и ус[иленной] охраны повсеместно. 4) Carte blanche [30] на выгон. 5) Отмена финансовых штук [31]. 6) Аграрная реформа отчуждение. 7) Госуд. Совет (право инициат[ивы] к отм[ене] основ. зак. 8) Вопрос о вхождении в кабинет м[инистро]в воен[ного], морск[ого] и иностр[анных дел].

2) О газете народной в П[етер]бурге. Издатель фирма «Просвещение». Поручается Изгоеву переговорить с Просвещением и с Голубевым, а затем созвать совещание из лиц, могущих составить редакц. совет.

3) От чистой выручки в Сестрорецке 20% в пользу безработных.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 132.

№ 38. 3/VII 906 [32]

Вопрос программы. Когда говорят о программе м[инистерст]ва, то идет речь не о программе партии, а о программе мер, к-рые м-во считает необходимым провести в ближайшем будущем. В этой программе м[ожно] ставить не все отделы нашей партийной программы, но те пункты программы, к-рые будут выставлены, не должны заключать в себе никаких отступлений от программы, напр. аграрная программа удельные земли [33]. Об учредит[ельном] собрании едва ли вопрос программный — его не поднимут я думаю даже и трудовики. Что разуметь под *коалиционным* м-вом? Тут вопрос не о личном составе м-ва, а о том, на кого будет опираться это м-во.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 133.

№ 39. Заседание 15/VII 906

Долгоруков Пав. Предметы занятий: 1) съезд, 2) место пребывания ЦК и 3) тактика и директивы в провинции (сношения с др. партиями). *Милюков* докладывает заключ[ение] фракции о съезде. Съезд д[олжен] б[ыть] собран в ближайшее вр[емя] по указанию ЦК с тем, чтобы немедленно мест[ные] к-ты избрали на этот случай делегатов. Состав съезда д[олжен] б[ыть:] члены фракции + представители от уездов, где это возможно.

Долгорук[ов] ставит вопрос о сроке съезда.

Колюбакин. Как можно скорее. Большая рассеянность партии. Ждут директив.

Гессен. Думает, что поэтому прежде вопроса о съезде нужно решить вопрос о съезде [34].

Решено: съезд обсуждать после тактики.

Милюков докладывает результаты териокских совещаний [35]. Деятельность Думы как офиц[иального] учреждения признана прекращенной; вопрос о возмож[ности] в будущем созыва депутатов I Думы оставить открытым, обеспечив возможность собрать ее в нужный момент. Парлам[ентская] фракция разъезжается. Остается небольшой комитет (конспират[ивный]) для услежения нужного момента и созыва фракции. Точка зрения крайних партий и труд[овой] группы. Презрение их к идее информац[ионных] к-тов.

Вопрос о директивах с точки зрения фракции. Какие лозунги ближайшей борьбы. Лозунг возвращения старой Думы в прямом виде отвергнут, а на случай требования этого др. партиями поставлен лозунг — требовать немедл[енного] созыва народ[ных] представителей. Вопрос о том, на каком принципе (всеобщ. изб. права или нет) соберется это представительство, оставлен открытым. Требование м[инистерст]ва из парлам[ентского] большинства. Третий пункт очередной агитации принудит[ельное] отчуждение земли. Остальные вопросы не успели решить.

Долгоруков Петр. Фракция постановила распространять аграрное воззвание [36]. Вопрос о выборгск[ом] манифесте [37]. Разные точки зрения.

Обсуждение вопросов тактики

Муханов. Едва ли партия м[ожет] отвергнуть Выборг[ский] манифест. Вопрос о практической осуществимости мер, предложенных манифестом, и о способах, какими эти меры м[огут] б[ыть] осуществлены, а равно, как члены партии д[олжны] в этом отношении действовать.

Милюков справку о териокских совещаниях.

Колюбакин. Вопрос о приговорах населения, выражающих доверие членам Госуд. Думы.

Мнения: Татаринов, Тенисон, Капенельсон, Долгоруков, Замысловский. Мое мнение о приговорах — бойкот скупщиков, стражники и проч., о рекрутах, о раздвоении партии. Можем ли мы остаться в стороне? По-моему, тут уместно употребить в дело избирателей.

О госуд[арственном] перевороте, к-рый совершило правительство.

Милюков. Об обращении к партии до съезда.

1) Присоединяется ли принципиально ЦК как представ[итель] партии к Выб[оргскому] манифесту?

2) До реш[ения] съезда ставится ли партийной задачей как распространение, так и содействие к осуществлению требований манифеста?

3) Возлагается ли практич[еское] проведение постановлений выборг[ского] манифеста открыто на существующие органы партии? Отвергнуто.

Вечернее засед[ание]

Присутствуют: Черненков, Якушкин, Камин[ка], Долгор[уков], Тесл[енко], Выковский, Мухан[ов], Гредескул, Гессены, Изгоев, Колюбакин, Вернад[ский], Иорданский, Сабашников, Щепкин, Маклаков, де Роберти, Ломшаков.

Вопрос о съезде.

Съезд во 2-ой половине августа, а теперь предлагается выбрать немедля депутатов, так как срок м[ожет] и приблизиться. Сами сейчас предпочитаем конец августа. Члены фракции участвуют. Секретариат вырабатывает по уездам и губ. делегат[ским] съездам допустить вносить поправки. Место — Москва, а Финляндия в резерве, и м[ожет] б[ыть] перенесен в П[етер]бург.

О местопребывании в П[етер]бурге или Москве разделились голоса пополам и отложили до понедельника.

Принято, что желательно получить приговоры о вотуме одобрения Думы населением, и они совершенно комбинируются с манифестом.

Постановления ЦК, состоявшиеся 15 июля 1906 года

1) Центральный Комитет как представитель партии Н. С. *принципиально* присоединяется к выборгскому манифесту.

2) До решения съезда ставится партийной задачей как распространение, так и содействие к осуществлению требований манифеста.

3) [38] Практические меры, связанные с п. 2, предоставляются усмотрению местных комитетов и отдельных членов партии. Открытое выступление комитетов в этом деле не должно иметь места до партийного съезда.

4) Принятые только что постановления опубликованию не подлежат.

5) Партийный IV съезд должен быть созван не позднее конца августа. На места тотчас же рассылаются оповещения о том, что съезд соберется во 2-ой половине августа и что на всякий случай местным партийным учреждениям предлагается теперь же избрать делегатов, так как обстоятельства могут вынудить внезапный созыв съезда ранее предназначенного срока.

6) В состав съезда входят: члены фракции и ЦК-та и делегаты, присланные с мест, причем желательно предоставить каждой конституированной уездной группе иметь своего делегата; независимо от этого каждый губернский комитет должен быть представлен одним или двумя делегатами. В тех губерниях, где не имеется особых конституировавшихся уездных групп, на губернию должно быть назначено ЦК-том определенное число делегатов. Разверстка делегатов производится секретариатом и утверждается в обыкнов[енном] заседании ЦК. Губернские съезды могут вместо распределения делегатов между уездами избрать соотв[етствующее] число делегатов от съезда, а губ. комитеты могут сообщить ЦК о замеченных неудобствах или пропусках в сделанной ЦК разверстке.

7) Местом съезда назначается Москва, но съезд м[ожет] б[ыть] перенесен и в Петербург. При невозможности устроить открытый съезд в России будет созван съезд в Финляндии.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 134—140об.

№ 40. 17/VII

1) Местопреб[ывание] секретариата.
2) Подготовка съезда.
3) Какие последствия для членов партии из Выборг. постановлений?
6) [39] О составлении отчета о Думе и о партии в Думе.
7) О репрессиях.
9) [40] О питейных учреж[дениях] и бойкоте акциза.

1) Отчет Колюбакина. Выбрана к-сия из Корнилова, Колюб[акина], Черненкова, Шаховского, Иорданского по организации способов организации провинции в связи с событиями и с выборг. манифестом.

2) Переиначена редакция п. 3-го постановлений 15/VII.

3) О перенесении секретариата в Москву. Вопрос остается открытым.

4) О приискании занятий б[ывшим] членам Г. Думы. В частности Харламова направить к Медведеву.

5) О депутации англ[ийских] парламентариев и журналистов. Назначить для переговоров П. Ник. Милюкова и Ф. И. Родичева. О франц[узских] газетах и финансах М-во ин. дел [41]: Набоков, Милюков, Родичев.

6) О к-те фракции: Гредескул, Кокошкин, Набоков, Муханов. Для сношений с ЦК др. партий П. Н. Милюков с одним из чл[енов] этого к-та.

7) Об обязательности выборгских постановлений и их расширении. О выемке из сберег. касс (как виде бойкота). Стражники и полицейские [42].

8) К[омис]сии по информации д[олжны] снестись теперь же по вопросу об осуществлении Выборг. манифеста с др. партиями [43].

9) Переговоры о съезде с м[инист]ром, возлагается на Павл. Дм. Долгорукова, а в его отсутствие на Муханова и Набокова [44].

10) По московскому инциденту [45] ехать к Столыпину кн. Долгорукову. В связи с этим переговорить о закрытии ЦК.

11) Об издании полного отчета о деятельности Думы и партии Н. С. в Думе (Набоков). Поручается Муханову и Набокову с правом привлекать и др. лиц.

12) Подготовить историч[ескую] часть доклада о финансовом бойкоте поручено: Корнилову и Кокошкину.

13) По распространению манифеста употребить на это остаток фракц. сумм и собранных денег, авансироаав 1000 р. (?).

14) Принять меры к соединению остальных членов нашей партии.

15) Вопрос о финансах. Долгоруков отказался от председательства и финанс. к-сии. Набокова просить собрать к-сию и доложить о будущ. порядке.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 141—142.

№ 41. 20/VII 906

1) Вопрос об издании воззвания Госуд. Думы по аграрн. вопросу. Решено издать. Редактирование поручить Муханову, Медведеву и Изгоеву.

2) Товарищем председателя в отсутствие Милюкова д[олжен] б[ыть] Муханов.

3) Секретариат м[ожет] б[ыть] усилен и предварительные переговоры об усилении его поручено вести с подходящими лицами Корнилову.

4) Вопрос об отношениях к полякам пока оставить открытым.

5) Вопросы съезда: 1) Отчет о деятельности нашей партии в Думе. 2) Дальнейшая тактика партии в связи с роспуском Думы и последовавшими событиями. 3) Планы избирательной кампании. 4) Финансы партии.

6) О похоронах М. Я. Герценштейна [46].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 143.

№ 42. 23/VII

1) Обратиться ко всем чл[енам] ЦК с просьбой доставлять статьи и всякие материалы в Еженедельник.

2) Совещание ЦК с представителями губернских к-тов 2 авг. в 11 час. утра в секретариате (считать пленарным).

3) Иорданскому послать телеграмму о сообщении о приезде Долгорукова для совещания.

4) Командировать до 2/VIII Колюбакина в Тамб. губ.

5) О съезде. Одобрено расписание и повестка.

6) Вопрос о распределении работы по сборнику [47]. Аграрный отдел. Приняты две главы: 1) посвященная трактованию агр[арного] в[опроса] в Думе по существу: 2) посвященная отражению на дум. речах различных обществ. течений. На первую ст[втью] пригласить: Чупрова (меньш. Кауфман, Якушкин). На вторую Ганфман.

7) Доклады. Тактика: 1) Бойкот. 2) Выбор лозунгов, 3) тактика на выборах, 4) тактика в Думе, 5) тактика по отношению к др. партиям. Поручено все Милюкову.

8) Созвать совещание ЦК с представителями районов и чл[енами] СПб к-та в пятницу 28/VII вечером [48].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 147—147об.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеющийся в деле конспективно составленный протокол почти целиком поглощается данным документом и поэтому не публикуется за исключением тех абзацев, которые воспроизведены в примечаниях.

[2] Первый Клуб Народной свободы был открыт в Петербурге 25 апреля 1906 года.

[3] На полях протокола против соответствующего пункта приписка: «Передано им».

[4] В протоколе добавлена фраза: «Экстренность и важность издательск[ого] дела» и приписка на полях: «Об этом циркуляр».

[5] В протоколе на полях приписка: «Исполняется».

[6] В протоколе добавлено: «Разослать письмо пред[седате]лям к-тов за подписью Павла Долгорукова (запросом, как и когда пополнится долг к-та».

[7] Пункт о пятачковых взносах в протоколе объединен с предшествующим, а под номером 7-м значится «Доклад Стаховича о трудовой группе».

[8] Пункты 8-й и 9-й в протоколе изложены так: «8) Отношение к фракции нашей в Госуд. Совете. Доклад Вернад[ского] 11 наших (из коих 1 сомнит[ельный] и 3 близких + 2 из назнач[енных]. Желание бежать. Предлагает Вернад[ский] кооптировать Выковского или Шахматова и устроить по крайней мере одно заседание ЦК с фракцией к. д. в Г.С[овете]. Выбраны в ЦК Выковский и Шахматов. В ближ. будущем желательно заседание ЦК с Г. С. Завтра в $2^1/_2$ ч. дня. 9) Отношение к парлам. фракции, речь Долгорук[ова] о том, что ЦК д[олжен] больше времени посвящать внепарлам. деятельности партии. Поручить секретариату устроить вход чл[енам] ЦК в Дум[у]. Ассигновать из средств ЦК 500 руб. на содержание секретариата фракции».

[9] В протоколе не «предлагает возбудить», а «возбудил».

[10] В черновой записи этого протокола, ошибочно помеченной 7 июня (д. 21, л. 83), на полях приписка: «О наказах, о законопроектах, о роли лазутчиков, дезорганизаторская группа, бациллы».

[11] В черновой записи протокола (там же, лл. 90—91 в разделе «Трудовая группа» указано: «1) Общение парл. фракций, вместо делегаций желательны соединенные партийные заседания, как к-тов, так и фракций. 2) Литературу нашу пустить в Труд. группу. 3) Устройство чтений. Просить фракционный к-т выделить особый орган для этого. 4) Вопрос о демократич. клубе Рождеств. бюро — им пользоваться для устройства чтений и назначать туда лекторов». По отзыву начальника Петербургского охранного отделения, Рождественский клуб кадетов, названный так по месту его расположения (6-я Рождественская ул., 22), заслуживал к себе «наиболее серьезного внимания» среди всех остальных клубов партии, действовавших в Петербурге. Члены клуба, доносил полковник А. В. Герасимов в Департамент полиции в мае 1906 г., «судя по произносимым ими речам», «принадлежат не к к.-д., а к социал-демократам, а многие из них... поддерживают тесные сношения с социалистами-революционерами». Нелегальные издания обеих революционных партий широко распространялись во время заседаний клуба (ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП. 00, 1906(11), д. 642, лл. 6—6об.).

[12] Выборы комитета парламентской фракции кадетов были произведены на ее совместном заседании с ЦК 11 мая 1906 года (ЦГАОР СССР, ф. 5102 (А. А. Корнилов), оп. 1, д. 277, л. 23).

[13] Сохранился собственноручный конспект этого доклада А. А. Корнилова: «1). Устройство и расширение партийных организаций, выяснив изменение задач (углубление и расшир[ение] сети). Выделение городских к-тов из губернских и правильное распределение задач между ними. Деление нек-рых губерний на два или три самостоятельных района. Указание способов образования сети: поездки, устройство съездов, правильное снабжение литературой. Устройство агитац. курсов в губернии. 2). Вопрос о внепартийной поддержке Думы со стороны населения. Поддержка м[ожет] выражаться прежде всего в резолюциях митингов и в приговорах законно существующих обществ (напр., с.-хоз., пожар.) и организаций, а равно сельских и волостных сходов, земских собраний и городских Дум и т. п. Агитация с этой целью м[ожет] вестись посредством организации: а) коллегий выборщиков, б) блоков прогресс. партий» (там же, ф. 523, оп. 1, д. 27, л. 109).

[14] Собственноручные отчеты А. М. Колюбакина о его поездках по России с организационными целями отложились в ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 797.

[15] В соответствии с Временными правилами об обществах и союзах губернатору или градоначальнику следовало в двухнедельный срок рассмотреть заявление об образовании общества и в случае «встреченного им препятствия» передать его в специально образуемое губернское или городское по делам об обществах присутствие. Последнее было обязано в месячный срок рассмотреть проект устава нового общества и заявление о его образовании. Общество считалось легализованным с момента его внесения в особый реестр, о чем полагалось опубликовать сообщение в официальной печати. Таким образом, на всю процедуру утверждения общества отводилось не более полутора месяцев.

[16] Судя по черновой записи этого протокола (л. 117), на председательствование в церковной комиссии рассматривалась также кандидатура П. И. Новгородцева.

[17] Черновая запись этого протокола (лл. 122—124), сделанная Корниловым, опубликована Б. Б. Граве (Красный архив, 1931, т. 3 (46), с. 63—66).

[18] В черновой записи этого протокола указывается: «Лица, к-рых просить ездить по П[етер]бургу к Бертенсону Долг[оруков] и Набоков. К Орлову-Давыдову Пав. Долг. и Винавер. К гр. Паниной Петрункевич. К Морозовой Марг. Кирил. Милюкову и Долг-ву. Шершеневич к татарам. Вопрос о Щукиных. Просить всех членов ЦК сообщить в недельный срок лиц, к-рых можно эксплоатировать в пользу партии» (л. 122).

[19] В черновой записи протокола ход прений по этому вопросу отражен следующим образом: «Вопрос о Госуд. думе. Во фракции было выражено желание, чтобы ЦК выработал свою формулу и доложил ее теперь же фракции, затем встретило сочувствие предлож[ение] Струве о том, чтобы воспользоваться ст. 10 (согласно ст. 10 Учреждения Государственной думы председателю ее следовало «всеподданнейше повергать на высочайшее благовоззрение о занятиях Думы».— *Авт.*). Эту мысль фракция также просила ЦК обсудить. Пав. Ник. Милюков развил имеющиеся в виду предложения о том, что делать, если распустят, и анализировал эти предположения в связи с возможными формами самого момента роспуска. Разъехаться и готовиться к новым выборам. *Петражицкий* — ничего не предрешать. *Петрункевич* — находит, что нужно разъяснить стране, почему не выполнены обязательства перед страной, а затем все остальное предоставить индивидуальным условиям и характерам. *Де Роберти.* Для малокультурн[ого] народа необходим символизм, и потому надо устроить спектакль и не расходиться добром, а заставить полицию вытолкать, а перед этим хорошо составленное обращение к народу. *Винавер.* Дума д[олжна] в этот момент выступать как целое, и декларация д[олжна] б[ыть] принята Думой. Этого недостаточно — нужна жертва, нужен остентативный (то есть показательный, демонстративный.— *Авт.*) факт, нужно внешнее сопротивление, сопровождаемое или общим арестом, или физическим разгоном. *Набоков.* Теперь секрет неуместен и невозможен. Прав-во, если кого боится, то не к-д-тов. Критика Винавера относительно возможности соглашения со всеми фракц. Думы. Кардинальный вопрос — подчиняться или не подчиняться. Если не подчинимся, то это будет не только остентативный акт, а акт революционный, и уже тогда дальше мы, как мы, не будем иметь возможности действовать. *Милюков.* Считает, что или тактика м[ожет] б[ыть] революционная или легальная. Средней быть не может. Критика Винавера. Если мы не хотим действовать легально, то надо объявить себя врем[енным] правительством, и это будет серьезная услуга революц. движению, хотя мы-то пойдем в хвосте, и в то же время д[олжны] рассчитывать, что мы все же пойдем при этом в хвосте, но услуга революц. движению будет в[есьма] серьезна. *Черненков.* Критика Милюкова. Не надо путать Думу и партию. Нужно соглашение с другими партиями, особенно с Трудовой. *Петражицкий* о роли Родичева. Вся революция до сих пор заключалась во взаимном истреблении разных слоев населения, а прав-во стоит в стороне и плюет на все это. Поэтому рев-ция есть дело вредное для народ. свободы. Все это [ведет] к анархизации. Другое дело, если бы м[ожно] б[ыло] взять Петроп[авловскую] крепость. Поэтому теперь тактика д[олжна] б[ыть] сдерживающая. *Муханов.* Что мы будем делать в том случае, если вся трудов. группа останется на своих местах? Если мы будем следовать указаниям Пав. Ник. [Милюкова], мы тогда как партия погибнем. *Де Роберти и Петрункевич. Корнилов.* О 10 статье для документа и критике легальности. Согласен с Черненковым. *Винавер* я иду не средним путем, а все тем, к-рым мы шли все время. Путем, к-рым предлагает идти Пав. Ник., мы не спасли бы конституц. принципа. Желательно было бы, чтобы вся фракция сидела, а если это невозможно, то надо предоставить тем, к-рые не хотят уходить,— сидеть. Мы не преследуем легальности во что бы то ни стало. Мы очень желали бы всегда быть легальными, и, действительно, мы не м[ожем] в стремлении быть легальными во что бы то ни стало доходить до содействия обману, к-рый правительство пускает в ход, чтобы отстоять или вернуть самодержавный строй. Сказать или революция или легальный путь — это значит избрать политику 17 окт. Поэтому прежде всего нужно вывести прав-во на свежую воду. Поэтому я поддерживаю предложение Струве о применении 10 ст. Тогда или прав-во не посмеет отказать Думе, или станет всем очевидной та позиция, к-рую прав-во занимает, и что врем[енный] роспуск есть обман. Затем я разделяю мысль Н. Н. о желательности столковаться с др. партиями, так же как и др. его мысль о возможности революц. к-та за границею, но я ни в каком случае не говорил бы об этом с трудовой группой. *Якушкин* сторонник боле радик[альной] программы и более умеренной тактики. Желал бы мирно разойтись на каникулы, но важнее единство всей Думы, и потому стоит за предложение Винавера и Петрункевича. *Набоков.* Что мы сделаем, если прав-во оставит нас спокойно сидеть в Думе? Аналогия со студентами. А если арестуют, то ведь быть арестованным м[ожет] б[ыть] в такое время всего приятнее. Прав-во действовало бы легально, а мы действовали бы незаконно, революционно. Решение 1) связь [с] агр. к-сией, 2) составить распределение занятий в Думе на ближайшие м-цы, 3) если будет внесен вопрос о роспуске, то приготовить на этот случай проект резолюции. Поручить исполнение этого Винаверу, Петрункевичу, Якушкину. Д[олжны] ли мы вносить во фракцию результаты наших прений по вопросу о том, что делать в случае роспуска? Доложить фракции содержание обсуждения и указать, как мы относимся. Выработать текст декларации» (лл. 122—124 об.).

[20] Имеется в виду кадетский аграрный законопроект, внесенный в I Государственную думу. Подробнее см.: Шелохаев В. В. Аграрная программа кадетов в первой русской революции.— Исторические записки, т. 86.

[21] Такой популярный орган под названием «Думский листок» выходил в Петер-

бурге с февраля 1907 г. сначала под редакцией А. А. Корнилова (под названием «Народная свобода — Думский листок»), а с марта — под редакцией А. А. Стаховича.

[22] Далее зачеркнуто: «Так как партия не имеет в виду препятствовать своим сочленам продавать принадлежащую им землю крестьянам на условиях для крестьян необременительных».

[23] Протокола заседания ЦК от 14 июня 1906 г. в деле не имеется.

[24] 8 июня 1906 г. Дума 140 голосами (включая кадетов) против 78 отвергла эсеровский аграрный проект («33-х»), предусматривавший немедленное и полное уничтожение частной собственности на землю и объявление ее вместе с недрами и водами общенародным достоянием.

[25] Так в тексте.

[26] В этой статье указывалось: «Верность подданства воцарившемуся императору и законному его наследнику, хотя бы он и не был наименован в манифесте, утверждается всенародною присягою».

[27] См. протокол от 17 мая 1906 г.

[28] Письмо в ЦК кадетской партии председателя правления Клуба Народной Свободы кн. Д. И. Бебутова от 28 июня 1906 г. (подлинник см. л. 131). Бебутов жаловался на «игнорирование клуба со стороны фракции и Центрального Комитета» и предлагал создать комиссию для организации еженедельных докладов в клубе.

[29] Сеньорен-конвент — совет старейшин парламентских фракций.

[30] Карт-бланш — свобода действовать по своему усмотрению в зависимости от обстановки.

[31] Так в тексте.

[32] В качестве протокола № 38 в деле подшита, видимо, фрагментарная запись выступления одного из членов ЦК.

[33] Так в тексте.

[34] Так в тексте. Надо, по-видимому, «тактике».

[35] Совещание членов ЦК с членами парламентской фракции, проходившее в Териоках (Финляндия) 12—14 июля 1906 г. в связи с роспуском I Думы. В качестве общепартийных лозунгов участники совещания выдвинули: «1) Немедленный созыв народных представителей; 2) думское министерство и 3) принцип принудительного отчуждения» (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33а, л. 46).

[36] Речь идет о решении кадетской фракции распространять воззвание к народу с призывом сохранять веру в мирный исход борьбы Думы с правительством.

[37] «Воззвание «Народу от народных представителей» — обращение большой группы депутатов I Думы, принятое в Выборге 10 июня 1906 г. в ответ на роспуск Думы,— содержало призывы до созыва новой Думы не давать правительству солдат и не платить налогов. 167 депутатов из числа подписавших воззвание в декабре 1907 г. были приговорены к кратковременному тюремному заключению, что означало лишение их избирательных прав при выборах в Думу и на общественные должности. В числе многочисленных репрессий, которым подверглись депутаты-перводумцы после 8 июля 1906 г., было и исключение депутатов-дворян из дворянских обществ.

[38] Пункт 3 в первоначальной редакции (зачеркнуто): «Практическое проведение постановлений выборгского манифеста не возлагается открыто на существующие органы партии». Редакция этого пункта была изменена на следующем заседании ЦК.

[39] Пункты 4 и 5 зачеркнуты: «4) О сношении с др. партиями. 5) Выбор уполномоч. фракции».

[40] Пункт 8 зачеркнут: «8) Командировка Колюбакина». Ниже также воспроизводится нумерация оригинала.

[41] Так в тексте.

[42] Сбоку на полях приписка: «Д[олжно] б[ыть] обсуждено на съезде, но уведомлять об этом нечего».

[43] На полях приписка: «Не потому обязателен, что фракция так решила».

[44] На полях приписка: «О справках историч. и иных. О роли ЦК».

[45] Имеется в виду появление полицейского на заседании Московского городского комитета партии к.-д. 13 июля 1906 г., о чем участниками заседания был составлен протокол. В письме Павлу Д. Долгорукову от 14 июля (см. л. 145) секретарь комитета А. Шевцов просил представить этот протокол министру внутренних дел.

[46] М. Я. Герценштейн был убит черносотенцами в Териоках 18 июля 1906 года.

[47] Сборник статей «Аграрный вопрос» (Тт. 1—2. М. 1905—1907).

[48] Протокола заседания 28 июля в деле нет.

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ ПРОТИВ ЦАРИЗМА И МЕСТНЫХ ФЕОДАЛОВ

Хаджи Мурат Ибрагимбейли

В военно-теоретическом наследии классиков марксизма народно-освободительная борьба горцев Дагестана, Чечни и Западного Кавказа против царизма занимает особое место. Энгельс квалифицировал эту войну, которая продолжалась почти беспрерывно свыше 20 лет, как справедливую, освободительную войну, подчеркивая, что это была «настоящая война», в которой «участвует сам народ»[1]. Основоположники научного коммунизма клеймили позором не только царизм, но и всю европейскую элиту, отмечая в программном документе Международного товарищества рабочих «бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа». С военной точки зрения Энгельс характеризовал борьбу горцев как «оборонительную войну», а действия царизма считал захватническими: «В основном же этот период (1830—1848 гг.— *Х. М. И.*) был посвящен завоеванию и русификации Кавказа»[2].

Российская дворянско-буржуазная и либеральная историография, игнорируя определяющее значение социальной базы долголетней борьбы горцев под руководством Шамиля, причиной ее считала ислам, учение мюридизма. Сочинения дореволюционных авторов[3] пропитаны духом великодержавного шовинизма и монархического ультрапатриотизма, в концептуальном отношении довольно однообразны. Все они историю Кавказской войны преподносили как следствие вмешательства Турции и Ирана. Оно имело место, но отнюдь не было не только единственной, но и главной причиной войны.

В современной буржуазной историографии тон в изучении этих проблем задают англо-американские и турецкие историки. В их работах борьба горцев против царизма и местных феодалов интерпретируется как выступление против русского народа[4], как стремление к превосходству «полумесяца ислама над двуглавым орлом русского царя»[5]. При этом игнорируются социально-экономические аспекты народно-освободительной борьбы горцев, не принимается в расчет роль царизма, причинами распада

ИБРАГИМБЕЙЛИ Хаджи Мурат — доктор исторических наук, профессор.

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 17, с. 200.

[2] Там же. Т. 16, с. 11; т. 12, с. 118—119; т. 22, с. 37.

[3] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Тт. 1—6. СПб. 1871—1889; Романовский Д. И. Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский и Кавказская война. СПб. 1881; Гизетти А. Л. Хроника Кавказских войск. Чч. 1—2. Тифлис. 1886; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, биографиях. Тт. 1—5. СПб. 1887—1889; Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис. 1860; Каспари А. А. Покоренный Кавказ. СПб. 1904; Эсвдзе С. С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис. 1909; Ковалевский П. И. Завоевание Кавказа Россией. Т. 2. СПб. Б. г.; и др.

[4] См., напр., Gokce G. Kafkasya ve Osmanli Imparatorlugunun Kafkasya siyaseti. Istanbul. 1979; Devlet N. Rusya Türklerinin milli mücadele tarini. Ankara. 1985, s. 2, 18; etc.

[5] Blanch L. The Sabres of Paradise. Vol. 2. Lnd.—Melbourne — N. Y. 1978, p. 253; см. также: Gokce G. Op. cit., s. 218—221; Longworth Ph. Tsar of all the Russias. Lnd. 1984, pp. 33—35.

имамата считаются только внутренние распри[6]. Есть и другая крайность: единственную причину борьбы горцев эти историки усматривают в политике наместников царя, в частности А. П. Ермолова, отрицая при этом обострение социальных противоречий в горском обществе в период подъема феодализма, стихийный протест горского крестьянства против крупных феодалов. Некоторые буржуазные историки квалифицируют горцев — участников движения как бунтовщиков, а другие утверждают, что выступления против царизма подвластных ему народов не были народными, так как ими руководили феодалы, а знаменем была религия[7]. Переиздаются работы, в которых тенденциозно изображается Кавказская война, используются в качестве основного источника писания кавказских и казачьих белоэмигрантов, а также труды некоторых советских историков, содержащие ошибочную, слабо аргументированную трактовку этой войны и освободительного движения горцев, личности Шамиля.

В современной советской историографии вооруженная борьба царской армии с горцами правомерно характеризуется как антиколониальная и антифеодальная[8]. Особую роль в обосновании этой концепции сыграли работы дагестанских историков, исследовавших социально-экономические и политические предпосылки, характер и движущие силы освободительной войны горцев Дагестана и Чечни.

Однако вновь привлечь внимание к движению народов Северного Кавказа против царизма и местных феодалов побуждают нас некоторые появившиеся в последние годы в научной печати публикации, в которых прослеживаются иные его оценки. «Вызывая постоянную военную напряженность на Кавказе,— пишет М. М. Блиев,— экспансия горцев уже во второй половине XVIII в. явно пришла в противоречие с политикой России на Кавказе»[9]. Таким образом, борьба народов Северного Кавказа ограничивается узконациональными тенденциями и выступает как «антирусская экспансия». Антифеодальные действия горцев автор истолковывает как подавление прежних феодалов новыми (при этом горское общество интерпретируется как только что вышедшее из стадии «военной демократии»); боевые действия горцев, защищавшихся от огромной царской армии, квалифицирует как грабительские набеги, а планомерные военные и карательные экспедиции царских войск трактует либо как оборонительные, либо как разобщенные, локальные действия, не заслуживающие названия войны. Наконец, Блиев утверждает, что со стороны горцев «Кавказская война... явилась завершающим этапом системы экспансии, ее ужесточенной и высокоорганизованной формой»[10]. Продолжая убеждать читателя в том, что Кавказская война была вызвана лишь внутренними противоречиями, а не колонизаторской политикой царизма, Блиев в дальнейшем заявил, что «разложение родовых отношений, классовообразовательные тенденции, набеги, а затем и Кавказская война — это разные звенья единого процесса феодализации в горных районах Дагестана» и Чечни[11]. Впоследствии он определяет эту войну как высшую форму организации набеговой системы на Кавказе. Эту концепцию поддержал и развил В. Б. Виноградов[12].

Автор настоящей статьи предпринимает попытку внести ясность в характеристику военно-политических событий конца XVIII — первой половины XIX в. на Северном Кавказе, в период Кавказской войны и народно-освободительного движения горцев. Постановка такой задачи обусловлена прежде всего тем, что по инициативе Блиева, Виноградова и их бывших и настоящих аспирантов данная проблема без достаточной

[6] См., напр., Blanch L. Op. cit., pp. 290—292, 404—409, etc.; Henze P. B. Unrewriting History. The Shamil Problem.—Caucasian Review, Münnich, 1985, № 6.

[7] См., напр., Henze P. B. Kafkasyada ateş ve kilic. 19 yüzyilda Küzey Kafkasya dag koylulerinin direnişi. Ankara. 1985, s. 18—40; Devlet N. Op. cit., s. 18—19.

[8] См., напр., Магомедов Р. М. Россия и Дагестан. Махачкала. 1987; Ортобаев Б. Х., Тотоев Ф. В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности.— История СССР, 1988, № 4; Халилов. А. М. Шамиль в истории и памяти народа.— Советский Дагестан, 1988, № 5; и др.

[9] Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки и сущность.— История СССР, 1983, № 2, с. 74—75.

[10] Там же.

[11] Блиев М. М. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII — первой половины XIX века.— История СССР, 1989, № 4, с. 155.

[12] Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976—1985 гг.: итоги и перспективы изучения).— История СССР, 1987, № 3.

аргументации, в искаженном свете, рекомендуется ныне не только узкому кругу историков-специалистов, но и широкой читательской аудитории, в том числе многочисленному отряду молодежи, учащимся, лекторско-пропагандистскому активу республиканских и областных обществ «Знание» Северного Кавказа и не только этого региона.

Не претендуя на всесторонний охват всех аспектов проблемы, автор надеется сдвинуть, наконец, с мертвой точки вопрос о необходимости правдивого, объективного ее освещения.

Вместе с С. Ц. Умаровым Виноградов разрекламировал еще в 1983 г. «новое прочтение» Блиевым истории народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа (на деле исходящее из дореволюционного геоантропологического деления его народов на «равнинных» и «горных», на «мирных» и «экспансивных») и охарактеризовал его как «зоркое» и «новаторское»[13]. Свои антиисторические построения Виноградов выдает за истину в последней инстанции, что механически перенимают его ученики и последователи. Так, Т. С. Магомадова пишет: «Специфика строя тайповых обществ породила еще в предшествующие века организованные верхушкой вольных обществ набеги ради добычи на территории соседей. В конце XVIII — начале XIX в. объектом таких набегов стали российские города и станицы. А с заселением горцами притеречных и прясунженских районов последние стали зоной, через которую проходили маршруты горской экспансии»[14]. Однако «специфику строя тайповых обществ» Магомадова не раскрывает, что же касается российских городов и станиц, которые, по ее утверждению, «в конце XVIII — начале XIX в.» стали объектом «набегов ради добычи», то напрашивается резонный вопрос: кто осуществлял вооруженные нападения, горцы или царская армия? И до сих пор Магомадова остается на тех же позициях. Об этом свидетельствует ее сообщение на Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в.» в Махачкале. Она заявила: «Опасность, грозившая Владикавказу и дороге, ведущей в Грузию, чреватая тяжелыми последствиями, заставила командование (царское.— *Х. М. И.*) приложить все усилия, чтобы не допустить соединения ингушей с мятежными чеченцами». Больше того, без ссылок на источник она добавила: «Сопротивление населения каралось Шамилем и его наибами жестоко, вплоть до уничтожения целых селений»[15]. Так Виноградов, Умаров, Магомадова трактуют справедливую народно-освободительную борьбу горских народов против царского самодержавия, а ее участников квалифицируют как «мятежников». Для «закрепления» этой оценки Виноградов и Умаров рекомендуют лектору: «Лучше всего употреблять формулировку: «так называемая Кавказская война» (или — при написании — брать термин в кавычки)»[16].

Характерно, что, обосновывая свою концепцию, Виноградов умалчивает о высказываниях Маркса и Энгельса насчет освободительной борьбы горцев. Но знакомясь с этими высказываниями, нельзя не обратить внимания на то, что основоположники научного коммунизма с особой симпатией к жителям Кавказа комментировали события, развернувшиеся на Северном Кавказе в 20—50-х годах XIX в., клеймили позором царизм, его колониальную политику и варварские методы покорения горцев[17]. Блиев, в свою очередь, замалчивает высказывание Энгельса о «борьбе на Кавказе», которая «из всех войн этого типа (национальное восстание, партизанская война в горной местности.— *Х. М. И.*) принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно

[13] Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вместе к великой цели. Грозный. 1983, с. 9.

[14] Магомадова Т. С. Атеистическое воспитание в изучении курса «История Чечено-Ингушской АССР» (досоветский период). В кн.: Атеистическое и интернациональное воспитание в преподавании исторических дисциплин. Сб. научно-методических м-лов. Грозный. 1988, с. 53. Тайп — совокупность кровных родственников, имеющих общее родовое имя.

[15] Магомадова Т. С. Начало «блистательной эпохи Шамиля» (восстание 1840 г. в Чечне).— Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20—22 июня 1989 г., Махачкала. 1989, с. 42.

[16] Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Ук. соч., с. 9.

[17] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 118—119; т. 16, с. 11; т. 17, с. 94, 200; т. 22, с. 37; т. 30, с. 335; и др.

придерживались при обороне своей территории» [18]. Блиев и Виноградов опускают широко известные оценки борьбы горцев против царизма, данные передовыми деятелями российской культуры А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, М. Ю. Лермонтовым, А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и другими. «Я шел в бой,— писал декабрист, подполковник В. С. Норов, участвовавший рядовым в Кавказской войне,— за дело, которое было мне совершенно чуждо, я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, я всегда восторгался их героическим сопротивлением». «Как искусно умеют они сражаться и геройски умирать!»,— восклицает другой декабрист, писатель, штабс-капитан А. А. Бестужев-Марлинский [19].

Массовое народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура (Ушурма) (1785—1791 гг.) трактуется Виноградовым как негативная реакция на активизацию русско-северокавказских отношений. «Мюридизм,— пишет он,— не только безнадежно пытался решить проблему феодализации края, но и послужил ответом консервативных слоев местного общества и традиционной «антироссийской партии», поддерживаемой извне, на активизацию русско-вайнахских и вообще русско-северокавказских отношений» [20].

Между тем восстание Мансура вспыхнуло именно тогда, когда было завершено сооружение системы кордонных (пограничных) укреплений царских войск на Кавказе. Известно, что к 1785 г. все эти укрепления составили единую Кавказскую линию от Каспия до Черного моря, разделенную в начале XIX в. на левый фланг, центр, правый фланг и Черноморскую кордонную линию.

Особенно интенсивно строительство укрепленных линий и крепостей шло в первой половине XIX в., в период Кавказской войны. В 1818 г. для борьбы против горцев Чечни и Ингушетии, для их устрашения была сооружена крепость Грозная (ныне г. Грозный), в 1832 г. было образовано Кавказское линейное казачье войско для размещения в укреплениях и крепостях Кавказской линии и для борьбы против горцев. Только в 1860 г. царское правительство в связи с завершением войны с народно-освободительным движением горцев под руководством Шамиля (1859 г.) упразднило Кавказскую укрепленную линию, созданную именно для покорения Кавказа. Что же касается Западного Кавказа, где военные действия завершились лишь в 1864 г., то и здесь царизм с 1830 г. строил укрепления как плацдарм для организации карательных экспедиций против «непокорных» черкесских народностей.

Еще в конце русско-турецкой войны 1828—1829 гг. командующий войсками Кавказской линии генерал Г. А. Эммануэль за отказ от безоговорочного подчинения разорил шесть натухайских и многие шапсугские аулы. Впоследствии были разорены и все аулы по левобережью р. Кубань [21]. Наряду с различными мерами, направленными на «умиротворение непокорных черкесских племен» в 40-х годах XIX в., командованием царских войск был составлен и «высочайше одобрен план военных действий на Кавказе, заключавшийся в том, чтобы систематически теснить горцев, прорезывая земли укрепленными линиями» [22]. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Е. П. Головин и начальник Кавказской линии и Черномории генерал П. Х. Граббе наиболее действенной считали тактику «устрашения» горцев, направленную на стирание с лица земли их аулов [23]. Например, численность почти 3-миллионного адыгского народа за период с 1835 по 1858 г. уменьшилась на 211 450 человек [24].

С построением укреплений Кавказской линии горские народы оказались в положении осажденных, им был отрезан выход на равнины, тем самым прерваны торговые, экономические и иные отношения. За этой линией шла усиленная раздача земель помещикам, создавались новые казачьи станицы и селения из отставных солдат. Земли за Тереком и Кубанью, которые веками использовались в скотоводческом хозяйст-

[18] Там же. Т. 12, с. 119.

[19] Цит. по: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М. 1961, с. 156.

[20] Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ.— История СССР, 1987, № 3, с. 95; см. также: История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия. Грозный. 1988, с. 32.

[21] Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией.— Архив Главного управления наместника Кавказского (АКАК). Т. 7. Тифлис. 1878, с. 880.

[22] Кубанский сборник. Т. Х. Екатеринодар. 1904, с. 36.

[23] Архив Раевских. Т. 3. СПб. 1910, с. 635.

[24] Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар. 1927, с. 22—23.

ве горцев, раздавались царскими властями дворянам и офицерам, в том числе грузинским и армянским. Только в XVIII в. у горцев было отнято более 623 306 десятин земли [25].

В обоснование своей мысли о том, что на борьбу с царизмом поднимались наиболее отсталые слои горского населения Северного Кавказа, Виноградов приводит [26] цитату Энгельса, в которой говорится о горных кантонах Швейцарии и о Норвегии, где «господствуют дофеодальное варварство, местная ограниченность, тупое, фанатическое ханжество, слепая преданность», утверждая, что эти условия жизни типологически близки Северному Кавказу. Правда, Энгельс отличал при этом еще и «добропорядочность» населения указанных местностей [27], но Виноградов, решив, видимо, отказать в этом положительном качестве горцам Северного Кавказа, укоротил цитату. Неправомерность подобного толкования подтверждается и другой работой Энгельса, где речь идет о сопротивлении реакционных сил Швейцарии и крестьянства отсталых кантонов процессу централизации страны, «цивилизации и прогрессу» [28]. Ведь горцы Кавказа выступали в целом за объединение, за создание собственного государства, за демократические порядки, против крепостнической России и крупных местных феодалов.

Образование имамата Шамиля, как и государства Абд аль-Кадира в Алжире, представляло собою в целом прогрессивное явление, хотя и имело религиозную оболочку. Последнее обстоятельство послужило Блиеву и Виноградову поводом для отрицания прогрессивного характера народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни. «Становление теократического феодального государства — имамата, где государственной религией стал мюридизм, окончательно подчинило освободительное движение горцев узкоклассовым интересам наибской верхушки»,— говорится в брошюре, изданной под редакцией Виноградова [29]. Энгельс указывал, что «восстания, как и все массовые движения средних веков, неизбежно выступали под религиозной оболочкой», и считал, что так обстояло дело вплоть «до последнего махди из Хартума, который с таким успехом сопротивлялся англичанам» [30]. Как известно, и В. И. Ленин писал о том, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития» [31].

Из многочисленных, раздираемых феодальными междоусобицами и внутренними противоречиями мелких дагестанских и чеченских владений Шамиль сумел создать единое государство, теократическое по форме и феодальное по социальной сущности. Объединение горских масс Дагестана и Чечни в единую государственную систему, хотя и в теократической форме, в тех условиях, несомненно, было прогрессивным шагом. Это государство превратилось в крепость, которой царская армия не могла овладеть в течение четверти века, хотя в два года (1812—1814) сокрушила могущественную наполеоновскую империю с ее «Великой армией» и привела к поражению в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. все еще сильную Османскую империю, вынудив ее просить мира.

В истории имели место широкие народные движения, несшие в себе черты как социальной борьбы, так и народно-оборонительной войны. Они были присущи и борьбе горцев Кавказа против царизма и местных феодалов в XIX веке. Вопрос лишь в том, каково соотношение обеих этих сторон в Кавказской войне. Блиев пытается доказать, что основная военная борьба происходила внутри самого горского общества: феодализирующаяся общинная (или даже родовая) верхушка боролась под лозунгами шариата и мюридизма против «потомственных» феодалов (крупная феодальная знать), видя в ней конкурентов, и за закабаление общинников — узденей. Он утверждает, что царизм первые 13 лет почти не вмешивался в войну горцев между собою, а с 1840 г. то сдерживал, то ускорял ее развитие, играя в общем второстепенную роль; распад имамата «в первую очередь обусловлен внутренними процессами и лишь ускорен действиями

[25] См.: Бентковский. Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г.— Ставропольские губернские ведомости, 1876, № 41; Кокиев Г. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в.— Известия Юго-Осетинского НИИ, 1933, вып. 1, с. 184—186.

[26] Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ, с. 96.

[27] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 51.

[28] Там же, с. 349.

[29] История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России, с. 44.

[30] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22, с. 468, 668, прим. 469.

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4, с. 228.

русского правительства», то есть был подобен «раздроблению раннефеодальных государств в процессе развития феодализма»[32].

Концепция «второстепенной роли» царизма в Кавказской войне резонно вызывает вопрос: в какой связи и по какой причине царское правительство бросило на Северный Кавказ Отдельный Грузинский (затем Кавказский) корпус, численность которого достигала в 1819 г. 50 тыс. солдат и офицеров (помимо 40-тысячного Черноморского казачьего войска, действовавшего на Северо-Западном Кавказе против адыгского народа)? Что делал 90-тысячный Отдельный Кавказский корпус на Северо-Восточном Кавказе в 1816—1859 годах, почему царское правительство наращивало присутствие своих вооруженных сил на Северном Кавказе и преобразовало в 1856 г. Отдельный Кавказский корпус в Кавказскую армию (доведя ее численность до 270 тыс. солдат и офицеров)[33]; случайно ли то, что «по высочайшему повелению» А. И. Барятинскому был присвоен чин генерал-фельдмаршала сразу после пленения им Шамиля?

Убедительным свидетельством того, что царизм вел многолетнюю изнурительную войну с горцами Северо-Восточного и Западного Кавказа, является учреждение царским правительством золотых, серебряных и бронзовых орденов и медалей для награждения генералов, офицеров и нижних чинов, участвовавших в покорении Дагестана, Чечни и Западного Кавказа, штурме и взятии крепостей и аулов.

В 1833 г. Николай I установил, что достойны награждения орденом Св. Георгия казаки Кавказского линейного казачьего войска, находившегося в «составе действующих войск и на кордонах», а офицерам Черноморских (Кубанских.— *Х. М. И.*) казачьих войск засчитывается «за действительную вся та служба, которую они несут по военной линии на Кубани»[34]. В 1839 г. была учреждена медаль «За взятие штурмом Ахульго 22.VIII.1839 г.», в 1860 г.— медаль «За покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859 годах», в 1864 г.— крест «За службу на Кавказе — 1864», медаль «За покорение Западного Кавказа в 1859—1864 гг.»[35]. За участие в Кавказской войне различными боевыми орденами и медалями были награждены десятки тысяч генералов, офицеров, нижних чинов царской армии[36].

Война горцев Дагестана, Чечни и Западного Кавказа против царизма и местных феодалов была справедливой, оборонительной и освободительной. Действия же царской России, посягнувшей на независимость горских народов и физически истреблявшей их, имели завоевательный, несправедливый характер. Поэтому неправомерно квалифицировать борьбу горцев как «систему набегов» ради «военной добычи». Точно так же нельзя отделять от остальных горцев ряд дагестанских народов (аварцев, даргинцев, лезгин и др.), чеченцев и некоторые адыгские народы (абадзехов, абазинов, бжедухов, натухайцев, убыхов, шапсугов), объявляя их носителями экспансионистских и грабительских начал. Другое дело, что в условиях, когда недовольство горцев политикой самодержавия и местных эксплуататоров (кстати, поддерживаемых царизмом) достигло своего апогея, антифеодальная борьба горцев слилась с их антиколониальной, антицаристской борьбой; во главе народных масс встали руководители секты мюридов, поднявшие знамя священной войны («газавата») против царской России. Вследствие этого борьба горцев проходила под лозунгом защиты ислама от «гяуров», «за торжество ислама».

Однако на этом основании ошибочно было бы утверждать, что горцы Дагестана, Чечни и Западного Кавказа выступали против русского народа, ибо их борьба носила классовый характер, была антицаристской, антиколониальной, но не антирусской. Вовсе не пропаганда идей мюридизма породила народно-освободительное движение горцев

[32] Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки и сущность, с. 67, 68, 75.
[33] См.: Фадеев Р. А. Ук. соч., с. 38—40; Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л. 1939, с. 98—99, 138; История Дагестана. Т. 2. М. 1968, с. 79—116.
[34] Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статутов. СПб. 1892, с. 205—206, 209, 223.
[35] Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М. 1985, с. 128, 142—143; см. также: Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статутов. СПб. 1892; Гинзбург С. М. Русские награды. Каталог русских наград от Петра I до Великой Октябрьской социалистической революции. Алма-Ата. 1964, с. 77.
[36] См.: Записки Терского общества любителей казачьей старины.— Владикавказ, 1914, № 7; Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статутов; Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис. 1901.

Дагестана, Чечни и Западного Кавказа, а двойной гнет царизма и местных феодалов. Добролюбов, подчеркивая социальную подоплеку движения горцев Кавказа, писал: «Не строгое учение мюридизма было причиною восстания горцев против русских. Коренною причиною была ненависть к русскому (то есть царскому.— *Х. М. И.*) господству»[37]. У горцев Дагестана и Чечни не было ненависти к русскому народу. Шамиль охотно принимал русских солдат. В его армии против царских войск сражались и русские солдаты-перебежчики, и поляки, и венгры, покинувшие родину после разгрома царизмом восстания 1831 г. и венгерской революции 1848—1849 годов[38]. «Среди горцев-воинов были целые подразделения из перешедших на сторону повстанцев русских, украинских и польских солдат»[39]. «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских,..— говорил Шамиль,— являются нашими чистосердечными друзьями... Создавайте им все условия и возможности к жизни»[40].

Основную причину борьбы горцев Северного Кавказа передовые люди России той эпохи усматривали в реакционной политике царизма. Причастный к декабристам генерал Н. Н. Раевский-младший, описывая драматизм положения горцев, подчеркивал, что их вытесняли с насиженных мест, сгоняли на тяжелые работы по возведению укреплений, дорог, мостов; из-за нескольких человек, выступавших против царских офицеров и чиновников, «мстили целым племенам»[41]. Строительство все новых и новых кордонных укреплений за реками Терек и Малка вело к уничтожению прибрежных селений и аулов, вырубке лесов и садов, выращенных горцами. Любое проявление ими недовольства жестоко подавлялось: за одного выразившего протест горца уничтожалось население всего аула или нескольких аулов. Политика царизма носила ярко выраженный военно-феодальный характер со всеми вытекающими отсюда для народов Северного Кавказа последствиями. Действия царских войск на Кавказе, писал Н. Н. Раевский, напоминали «все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами»[42].

Завоевательную, колонизаторскую политику царизма, осуществлявшуюся на Северном Кавказе военно-феодальными методами, Виноградов пытается заслонить «трудовой деятельностью русского народа» по освоению малонаселенных районов степного Предкавказья. Признавая наличие в рассматриваемый период и «самодержавно-крепостнического строя», и «произвола царской администрации», и «феодально-великодержавной политики царизма, угнетавшего трудящиеся массы всех народов»[43], он ограничивает колонизаторскую политику царизма на Северном Кавказе районами степного Предкавказья и квалифицирует ее как мирный экономический процесс, осуществляемый якобы вне политики царизма. И делается это вопреки фактам, свидетельствующим о продвижении все глубже в горы царских войск, методически истреблявших горцев Северного Кавказа[44].

Ермолов цинично заявлял в 1818 г.: «Я истребил деревни дженкутайские, в коих осмеливались они поднять оружие против нас, я вместе с оными предал огню все дома и имения». Он восторгался тем, что войска под командованием генерала Пестеля в селении Башлы — центре уцмийства Кайтагского, «не оставили камня на камне». Разорение и сожжение даргинских аулов Леваши, Уллу-Айя и др. в Акушинском кадийстве Дагестана в конце 1819 г. Ермолов объяснял тем, что «разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорившегося народа»[45]. Во исполнение его приказа карательной экспедицией полковника Пулло был сметен с лица земли один из самых цветущих притеречных аулов Чечни Дады-Юрт. Погибло все его

[37] Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. IV. М. 1937, с. 155—156.
[38] Бижев А. Х. Об участии польских радикально-демократических повстанцев в антиколониальной борьбе северокавказских горцев в 30-х годах XIX в.— Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 1.
[39] Кавказ, 1862, № 72—73.
[40] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 годах XIX в. Сб. док. Махачкала. 1959, с. 291—292.
[41] Архив Раевских. Т. 3, с. 342.
[42] АКАК. Т. 9, ч. 1, 1884, док. 434.
[43] Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ, с. 97.
[44] См., напр., Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис. 1901, с. 44; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб. 1871, с. 134—135.
[45] Цит. по: История Дагестана. Т. 4. М. 1968, с. 79, 82.

население, в том числе дети, женщины, старики [46]. В связи с окончанием русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Николай I писал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичу: «Кончив таким образом одно славное дело, предстоит Вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее,— усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [47].

В брошюре, подготовленной «в помощь университетским выпускникам-стажерам в лекторскому учительскому активу», Виноградов пишет: «На берегах Сунжи произошла встреча вайнахов с русским населением — казачеством, освоившим равнинную часть бассейна Терека» [48]. Но с какой целью казаки оказались на берегах Сунжи, что собою представляла их «встреча» с вайнахами? На эти вопросы историк не отвечает, ибо колонизаторские цели царизма, достигаемые прежде всего путем вооруженного продвижения в предгорья Северного Кавказа, не вмещаются в рамки созданной им схемы «освоения равнинной части бассейна Терека». Несмотря на это в докладе (соавтор — С. А. Айларова) на Всесоюзной научной конференции в Махачкале в июне 1989 г. Виноградов вновь вопрошал: «Правомерно ли говорить о «колониализме», «колонизаторстве» в отношении присутствия на Северном Кавказе России, которая с конца XVIII и до середины XIX в. лишь административно осваивала территории, значительная часть которых добровольно приняла российское подданство?» [49].

Неправомерность применения этих терминов при освещении действий царизма на Северном Кавказе Виноградов, Умаров, Айларова обосновывают тем, что «в России в указанный период развитие капитализма находилось на начальной стадии» [50]. При этом игнорируют высказывание Ленина о том, что «колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм» [51]; военно-колонизационный характер носили и крестовые походы XI—XIII веков.

Пытаясь убедить читателя в том, что на Северном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в. происходил «колонизационный (но не колониальный) процесс» [52], Виноградов по сути дела не оригинален. Еще в 1947 г. Х. Г. Аджимин в докладе «Об исторической сущности кавказского мюридизма» сформулировал положения, которые чуть ли не в тех же выражениях повторяют в наше время Блиев и Виноградов. Как известно, в дискуссии по этому докладу участвовали видные советские историки (М. В. Нечкина, К. В. Сивков и др.). Они показали, что Аджимян идеализирует политику царизма на Кавказе, неверно оценивает мюридизм и Шамиля. Подводя итоги обсуждения, Н. М. Дружинин говорил: «В основном движение горцев и политика Шамиля были антифеодальными. Поскольку движение было освободительным, оно являлось и прогрессивным» [53].

Перед осуществлением противоконституционного решения о массовом насильственном переселении ряда народов Северного Кавказа с родных земель на Северо-Восток страны Сталин и Берия для оправдания этой чудовищной акции сфабриковали в конце 1943 — начале 1944 г. версию о неблагонадежной политической обстановке в Чечено-Ингушетии, других автономных республиках и Карачаевской автономной области. Свою несовместимую с принципами ленинской национальной политики акцию они пытались оправдывать ссылками на то, что эти народы вели борьбу против России еще в XIX в. и в начале XX в., в силу чего неоднократно подвергались репрессиям и переселению в Сибирь, а после Крымской и Кавказской войн были изгнаны в Турцию [54].

---

[46] Мугуев Хаджи Мурат. Буйный Терек. Орджоникидзе. 1967, с. 115, 127, 139.
[47] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 годах XIX в., с. 58.
[48] Виноградов В. Б. Народной памяти следы. Грозный. 1989, с. 8.
[49] Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в., с. 52.
[50] Там же, с. 53.
[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27, с. 379.
[52] Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ, с. 97.
[53] См. Дискуссия о движении Шамиля.— Вопросы истории, 1947, № 11, с. 137.
[54] См. об этом: Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа.— Русская старина, 1882, т. 33, с. 176. Более того, царское правительство добилось расселения кавказских горцев в основном во внутренних вилайетах Османской империи, подальше от русско-турецкой границы (Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 450, д. 533, л. 52).

С этой целью было санкционировано публичное оскорбление исторической памяти 600-тысячного чечено-ингушского, а также аварского, даргинского и других народов Северного Кавказа на страницах центральной печати.

Автором антинаучной, клеветнической статьи «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» (Большевик, 1950, № 3) был М. Д. Багиров — фаворит Сталина, «правая рука» Берии, палач кавказских народов. Архивное управление МВД Грузинской ССР по заданию Берии выпустило крайне тенденциозный, искажавший, подтасовывавший факты сборник документов [55]. Историки и философы, исследовавшие эту проблему, были подвергнуты репрессиям, Г. Гусейнов — автор фундаментальной монографии «Из истории общественно-философской мысли в Азербайджане в XIX в.»,— доведен до самоубийства. После выхода в свет статьи Багирова и названного сборника документов точка зрения на движение горцев как реакционное, инспирированное извне, стала официальной.

После XX съезда партии объективная оценка народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа в XIX в. была восстановлена. Однако в 70-е — начале 80-х годов застойные явления в нашем обществе сказались и на исследовании этой проблемы. На изучение Кавказской войны было наложено негласное табу. Оценки народно-освободительного движения на Северном Кавказе и Шамиля вновь стали обретать негативный оттенок. Выход в свет статей Блиева (История СССР, 1983, № 2) и Виноградова (История СССР, 1987, № 3) стал своего рода реанимацией концепции о реакционной сущности борьбы горцев Дагестана и Чечни. Виноградов даже пошел дальше, призывая советских историков к обобщению «поучительного опыта боевого содружества» в «борьбе против реакционной политики имамата Шамиля» [56].

Против Шамиля совместно выступали царизм и местная феодальная знать. И речь идет не о «боевом содружестве», а о действиях кавказских (в основном закавказских) иррегулярных (милиционных) воинских формирований, созданных царским правительством в первой половине XIX в. для участия в русско-иранских и русско-турецких войнах. Это были азербайджанские, грузинские, осетинские, чеченские, ингушские, кабардинские и дагестанские конно-иррегулярные полки, эскадроны и дружины [57]. Боевое содружество русской армии и кавказских иррегулярных войск проявилось в русско-турецких и русско-иранских войнах первой трети XIX в. и в Крымской войне.

Царское правительство создавало и новые местные милиционные ополчения специально для борьбы исключительно против народно-освободительного движения горцев: иррегулярные полки, эскадроны и полуэскадроны из представителей дагестанской феодальной знати и ее челяди (аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин). Основная ставка делалась на грузинское дворянство. Весной 1855 г., например, царское командование для усиления Отдельного Кавказского корпуса сформировало по нарядам правительства кабардинские, пшавские, хевсурские, осетинские и другие конные и пешие ополчения [58]. Участвуя в борьбе против ирано-турецкой экспансии, они играли положительную роль. Использование же их царизмом в боях с восставшими горцами было актом реакционным. Характерно, что к боевым действиям против народов Чечни и Дагестана царское командование привлекало в основном иррегулярные формирования, состоявшие в большинстве своем из представителей дагестанских беков и ханов и грузинского дворянства, а также осетинской знати (алдаров, баделятов) и офицерства. Участие некоторых представителей дагестанской феодальной знати и их слуг в боях против Шамиля было обусловлено не только политикой царизма, но и их собственными интересами, опасением, что их постигнет участь ханов, беков и другой знати, оказавшейся под контролем имамата.

Известно, что Шамиль истребил крупных дагестанских феодалов. Особую его неприязнь вызывали те, кто правил своими владениями с санкции царского правитель-

---

[55] Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сб. док. и м-лов. Тбилиси. 1953.
[56] Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ, с. 98.
[57] Потто В. А. Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии и Дагестанского конно-иррегулярного полка. Тифлис. 1880; Волконский Н. А. История Грузинской пешей дружины. 1831—1881. Тифлис. 1884; Козубский Е. И. История Дагестанского конного полка. Петровск. 1909; и др.
[58] Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР, ф. 290, оп. 1, д. 76, лл. 8, 16—16об., 66—70об.

ства, получал царские чины и вознаграждения (шамхал тарковский Абу-Муслим-хан, мехтулинская ханша Нух-Бике, владетель Кайтага Джамавбек, кюринский Юсуф-хан, казикумухская ханша Уму-Кусум-Бике, ее управляющий Агалар-бек). Это и привело местную феодальную знать к участию в борьбе с Шамилем, что позволило царизму вести войну с ним наполовину руками покоренных народов[59]. Если следовать логике Виноградова, советские историки должны положительно оценить участие некоторой (небольшой) части закавказских и северокавказских народов, преимущественно феодалов и их слуг, совместно с царскими войсками в карательных экспедициях против массового народно-освободительного движения горцев[60], то есть положительно оценить предательство.

Кавказская война (без кавычек и не «так называемая») имела место. И объективное ее освещение, вскрытие реакционной сущности политики царизма отнюдь не мешает показу прогрессивных последствий единения народов Кавказа с русским народом. Самодержавие было их общим врагом. Поэтому нет и не может быть никакого противоречия между констатацией положения о прогрессивных последствиях присоединения народов Северного Кавказа к России с объективным изложением истории освободительной борьбы горцев против царизма и местных феодалов, долголетней изнурительной Кавказской войны, унесшей сотни тысяч жизней как русского, так и кавказских народов.

Виноградов ставит под сомнение исторические реалии первой половины XIX в., не вызывающие споров в советской историографии как раннего периода, так и 60—80-х годов. Вряд ли справедливы его обвинения в адрес всей советской исторической науки в «терминологическом произволе» и вульгарном социологизме некоторых оценок[61]. Вернее, его собственные схемы и построения тяготеют к необоснованной модернизации бесспорных исторических фактов и событий, не имеющей опоры на источники. Он сам показывает пример «терминологического произвола и вульгарного социологизма» в трактовке национально-колониальной, великодержавно-монархической политики царизма на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX века. Произвольные построения Блиева и Виноградова о «хищничестве» горских народов Северного Кавказа, стремление аргументировать свои положения о «колонизационном процессе» хозяйственными и социальными мотивами, отождествление тяжелейшей трудовой жизни горцев с такими надуманными понятиями, как «набеговая система», «система экспансии», «наемничество», не отражают исторических реалий.

Сказанное подтверждает необходимость дальнейшего изучения названных аспектов проблемы, а сделать это невозможно, во-первых, без учета и глубокого анализа всего достигнутого в данной области советской историографией; во-вторых, без кропотливых разысканий в центральных и местных архивохранилищах страны.

---

[59] Центральный государственный исторический архив ГССР, ф. 1438, оп. 7, д. 766, л. 8.
[60] Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ, с. 98.
[61] Там же, с. 97.

ВОССТАНОВИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В редакции «Вопросов истории» состоялась беседа главного редактора чл.-корр. АН СССР А. А. Искендерова с членом общества «Мемориал» Д. Г. Юрасовым, который на протяжении ряда лет занимается собиранием сведений о жертвах сталинских репрессий.

А. А. Искендеров. Когда и как Вы пришли к предмету сегодняшних занятий?

Д. Г. Юрасов. Историей я начал интересоваться еще в школе и уже тогда почувствовал недостаточность той информации, которую содержали учебники. Стал читать научную литературу. В Советской исторической энциклопедии я обратил внимание на неполноту биографических справок о видных политических деятелях советского периода нашей истории. В большинстве своем они заканчивались стандартной формулировкой: «незаконно репрессирован» (иногда добавлялось — «в условиях культа личности» и «посмертно реабилитирован»). Потом я обратился к Литературной энциклопедии, затем к разным изданиям Большой Советской Энциклопедии. Я обнаружил, что в издании, вышедшем уже при Л. И. Брежневе, исчезает формулировка «незаконно репрессирован».

В ходе своих разысканий я составлял списки репрессированных политических деятелей, писателей, военных, ученых. Постепенно они все более расширялись за счет сведений, почерпнутых из работ по истории КПСС, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, индустриализации и коллективизации. Однако о судьбе многих упомянутых в этих работах деятелей ничего не говорилось.

Когда я обратился в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), работники его, узнав о чем идет речь, отказались помогать мне в сборе информации.

После окончания школы в 1981 г. я устроился на работу в ЦГАОР, в хранилище специальных фондов. Впрочем, в само хранилище меня не пускали, а нужные для работы дела приносили в отдельную комнату. Иногда мне удавалось все-таки проникать и в хранилище, где и обнаружил материалы Центральной контрольной комиссии ВКП(б) с 1918 по 1934 г., документы НКВД (в частности, приказы по личному составу наркомата). Моя заинтересованность в этих материалах была замечена и мне было сделано строгое предупреждение, после чего я был переведен в полусекретное архивохранилище административно-контрольных и судебно-политических органов СССР. Здесь были материалы ЧК и НКВД с 1918 по 1930 г., Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории СССР, Инюрколлегии, Верховного суда, Прокуратуры, НК РКИ, Комиссии советского контроля — Госконтроля СССР. Среди них были личные дела работников этих органов, в том числе и с пометкой «изъято НКВД». В документах Верховного суда хранились дела и по реабилитации жертв сталинского террора, проводившейся после XX съезда КПСС.

К 1982 г. у меня собралось свыше 20 000 карточек, составленных на основе разных источников, в том числе и архивных (до работы в архиве у меня их было около 7000).

А. И. Совпадали ли данные, почерпнутые в книгах и журналах, с архивными?

Д. Ю. Не все. Я уже тогда установил, что многие дела на наиболее известных политических деятелей в этот архив зачастую вообще не попадали.

А. И. Много ли осталось в живых из числа тех, что были в Вашей картотеке?

Д. Ю. Нет, всего несколько человек.

А. И. Занимались ли Вы судьбой делегатов XVII съезда ВКП(б)?

Д. Ю. Да, я располагаю более полными списками, чем Л. С. Шаумян.

После военной службы, в 1985 г. я поступил на работу в архив Военной коллегии Верховного суда СССР. В нем около 2,6 млн. дел. Все документы здесь находятся в целости и сохранности (со дня образования Военной коллегии). Правда, многие дела до сих пор еще не обработаны и хранятся без нумерации и описей. Об этом, по сути дела ведомственном, архиве мало кто из историков, писателей и журналистов знает. Он находится на особом, привилегированном положении, так же как и архивы КГБ, МВД. Особенно интересны материалы Военной коллегии, которая судила, а впоследствии, в другом, конечно, составе, занималась и реабилитацией. Представьте себе такой гроссбух страниц на 600—700, где подшиты протоколы заседаний Военной коллегии, указан состав суда, перечислены осужденные и указано, по каким делам, а в заключении стоит зловещая фраза: «Приговорен к высшей мере. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит».

А. И. Сколько осужденных могло проходить за одно заседание?

Д. Ю. И 100, и 300... Очень много было групповых дел.

А. И. На всех ли заседаниях присутствовали обвиняемые? Некоторые приговоры выносились, очевидно, заочно?

Д. Ю. В протоколах заседаний Военной коллегии обычно указывалось, что именно показал во время суда тот или иной обвиняемый. Но в материалах выездных сессий, которые возглавляли заместители Ульриха, осужденные перечислены целыми списками.

Их, очевидно, вообще не вызывали на заседания коллегии. В качестве примера можно привести выездные сессии в Хабаровске по делу о «вредительстве» на железной дороге, которая осудила сразу 200 человек; в г. Свободном Амурской обл. в 1938 г., во время которой были осуждены и приговорены к высшей мере наказания около 500 человек сразу. Я работал с третьими экземплярами списков лиц, по которым приговоры были уже приведены в исполнение. (Первый экземпляр шел в ЦК ВКП(б), Сталину, второй — в НКВД, Ежову.)

А. И. В этих списках приговоренных к высшей мере наказания были только особо выдающиеся лица или и рядовые граждане?

Д. Ю. В них были внесены все, чьи дела рассматривались Военной коллегией как судом высшей инстанции.

А. И. Значит, Сталин знал, сколько людей расстреляно?

Д. Ю. Конечно, знал. Правда, на тех списках, что я держал в руках, нет пометок Сталина или Ворошилова. (Подобные документы хранятся, по-видимому, в других архивах.) В документах же Военной коллегии обычно делалась примерно такая запись: «За 26 октября 1938 г. приведены в исполнение приговоры в отношении.., по Москве.., по Ленинграду.., по Еревану..», и далее шли бесконечные списки приговоренных с указанием даты, когда они были расстреляны.

Меня интересовали, впрочем, и реабилитационные материалы. Что они собой представляют? Это папки, в которых десятки тысяч страниц машинописного текста. Они именуются как надзорные производства Военной коллегии на архивно-следственные дела. В этих папках подшиты протесты главного военного прокурора, определения Военной коллегии или Верховного суда. В протесте военного прокурора значилось: «проверкой от такого-то числа и месяца 1956 г. установлено: 1) Следствие велось незаконными методами. 2) Свидетели, дававшие показания, отказались от ранее данных. 3) Лица, проходившие по сопредельным делам, в настоящее время реабилитированы. 4) Следователи, проводившие расследование, в настоящее время осуждены за нарушение социалистической законности в органах НКВД» и т. д. Далее излагались конкретные мотивы дела, предъявленные обвинения, реакция на них обвиняемого, подписал ли он их или нет, что показал и как разваливалось дело в процессе проверки и реабилитации. Очень важны реабилитационные определения, из которых можно получить достаточно подробную информацию по сфабрикованным делам.

Когда нам говорят, что нет документов, позволяющих судить о размерах репрессий, то это не соответствует действительности.

На основании документов Военной коллегии можно было установить, что с 1935 по 1940 г. было осуждено 50 тыс. человек, приведены в исполнение приговоры к высшей мере в отношении 37 тыс. человек. За период с 1953 по 1957 г. было реабилитировано Военной коллегией 48 тыс. человек, то есть абсолютное большинство осужденных.

А. И. А осужденные «тройками» сюда не входили?

Д. Ю. Нет, здесь были документы только на тех, кто проходил через Военную коллегию или военные трибуналы какого-либо округа.

А. И. Какова была мотивация: за что обвиняли человека? Был ли тут какой-то единый стереотип?

Д. Ю. В документах содержится определенный набор обвинений: участие в шпионаже, диверсиях, контрреволюционной деятельности, контрреволюционном саботаже и т. д.

А. И. Вы и сейчас продолжаете работать в том архиве?

Д. Ю. Нет, в 1986 г. у меня выкрали мою записную книжку, после чего вызвали в спецотдел, лишили допуска, уволили с работы и исключили из института. С 1987 г. я начал заниматься своей легализацией, легализацией своих материалов.

А. И. Где вы сейчас работаете?

Д. Ю. В обществе «Мемориал», а также по договорам с журналами и газетами. Кроме того, выступаю с лекциями, езжу по стране. Начал готовить книгу.

А. И. О чем?

Д. Ю. Рабочее название «1937 год, только факты, только имена», но думаю, что оно изменится, поскольку в ней говорится не только о 1937 годе. В книге будут главы о руководящем составе Совнаркома, наркоматов, ЦК ВЛКСМ, ЦК ВКП(б), обкомов, крайкомов, об «Обществе старых большевиков» (из 1300 его членов было расстреляно 500), «Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» и т. д. Я думаю, что это будет полезный справочный материал для историков.

Когда я был уволен из архива, у меня было 100 тыс. карточек. Сейчас около 165 тыс., да подготовительный материал имеется еще на 30 тыс., то есть всего около 200 тыс. карточек.

А. И. У внесенных в Вашу картотеку репрессированных лиц были и есть ли родственники, их близкие? Знают ли они о существовании Вашей картотеки? Переписываются ли с Вами?

Д. Ю. Я веду обширную переписку с родственниками репрессированных. Многие просят помочь найти своих близких. Стараюсь ответить всем. Если же не располагаю собственной информацией, советую, куда им следует обратиться. Надо иметь в виду, что только по моей картотеке 20—25% родственников репрессированных не знают до сих пор о судьбе своих родных. К тому же сама система такой информации отработана у нас пока крайне слабо.

А. И. Как Вы считаете, можно ли вообще установить на основании собранных Вами данных какие-то тенденции, какую-то закономерность в этой кампании репрессий?

Д. Ю. Я пришел к выводу, что юридическая подоснова этих репрессий была отработана крепко. Если читать только документы, то ни к чему нельзя придраться. Обвиняемым по закону было запрещено возбуждать ходатайства о помиловании, если они проходили по делам, связанным с террористическими актами, саботажем, вредительством и т. д. Только в 58-й статье УК РСФСР из 14 пунктов 10 предусматривали высшую меру наказания. Дела оформлялись по шаблону: «Входил в контрреволюционную организацию», действующую, допустим, в Москве на базе такого-то завода. «Завербован...» и т. д. А эта «контрреволюционная организация» входила, скажем, в правотроцкистский блок, руководители которого были расстреляны в 1938 году. И далее шла цепочка.

А. И. Нельзя ли определить регионы, где репрессии были наиболее сильными?

Д. Ю. По моим данным, огромное число людей пострадало, например, в Закавказье. Здесь «тройки» и «двойки» приговаривали к смерти целые селения. Часто людей осуждали по национальной принадлежности (как, например, латышей по обвинению в «шпионаже» в пользу буржуазной Латвии). Были директивы НКВД 1938 г. о привлечении к уголовной ответственности латышей, поляков, немцев, эстонцев, финнов, карелов.

А. И. В чем Вы видите сейчас свой долг как историка?

Д. Ю. Я вижу его в том, чтобы продолжать собирать — по разным архивам — необходимую информацию, а затем переходить от фактов к выводам, аналитическим обобщениям, раскрывающим причины репрессий, условий, сделавших их возможными. То есть через судьбы конкретных людей выйти на эту проблему.

ДИСКУССИИ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О «НОВОМ НАПРАВЛЕНИИ»

Публикуя статью В. В. Поликарпова «Новое направление» — в старом прочтении», посвященную разбору книги В. И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений» (см. «Вопросы истории», 1989, № 3), редколлегия резервировала для автора указанной книги возможность ответить на критику. Ответ В. И. Бовыкина публикуется в том виде, в каком он получен редакцией.

Одновременно с этим редакция предоставляет слово члену-корреспонденту АН СССР П. В. Волобуеву и члену-корреспонденту АН СССР Е. И. Дружининой, которые также изъявили желание высказаться по обсуждаемой проблеме.

Должен признаться, статья В. В. Поликарпова, в которой дается отрицательная оценка моей книге «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» (М. 1988), явилась для меня неожиданностью. И отнюдь не потому, что я не предвидел критических откликов на нее. Наоборот, мне они представлялись, учитывая сложность рассматриваемых проблем и неоднозначность их трактовки в литературе, не только неизбежными, но и необходимыми. К тому же я прекрасно понимал, что, осмелившись покритиковать на страницах этой книги, а затем в статье «Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» (История СССР. 1988, № 5) некоторых ныне модных историков — сторонников «нового направления», вызвал «огонь на себя». Но мне трудно было предположить, что «возмездие» окажется столь откровенно погромным и далеким от науки.

Оскорбительный тон, подмена анализа содержания рецензируемой книги личными выпадами против ее автора, отсутствие доказательств предъявляемых ему обвинений или их имитация — таковы специфические свойства статьи В. В. Поликарпова. Уже на первой ее странице, не сказав ни слова даже о тематике моих исследований, В. В. Поликарпов характеризует меня в качестве представителя «традиционно-апологетического истолкования отечественной истории», занимающегося «псевдопатриотическим приукрашиванием монархически-имперского дореволюционного государства» (с. 44). А в следующем абзаце он объявляет, что я опубликовал свою книгу с негодной целью: чтобы «историографически оправдать» «кампанию» против «нового направления». Дальше — больше. На следующих двух страницах мне приписывается роль чрезвычайного уполномоченного «трапезниковского руководства», якобы исполнявшего особо ответственные его задания по искоренению «нового направления», а также «главного эксперта в комиссиях по оргвыводам и пр. и пр.» (с. 45—46). Дальнейшие пятнадцать страниц буквально испещрены различными обвинениями: в лучшем случае — в некомпетенции, «падении профессионализма», «слабом знании литературы по теме», «слабом знании литературы вопроса», «слабом знакомстве... с ...предметом» и т. п. (с. 49, 50, 54, 55, 57), в худшем — в злонамеренном искажении истины (с. 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60). Аналогичные обвинения В. В. Поликарпов адресует и тем, кого считает моими единомышленниками: И. Д. Ковальченко (с. 51, 55—56), В. Я. Лаверычеву (с. 52) и П. Г. Рындзюнскому (с. 53, 54). Наконец, на последней странице он выносит приговор: «Такого склада обществоведы долгое время находились в фаворе, блаженствуя в атмосфере застоя и обслуживая его идеологию. Новейшая их литературная продукция отмечена чертами распада» (с. 61).

Это не научная полемика, а война на уничтожение. Война без правил, в которой все средства хороши: темные намеки, передергивание текстов и фактов, прямая ложь. Если бы дело сводилось только к личному оскорблению я, наверное, предпочел бы промолчать. Но, пытаясь опорочить меня и мою работу, В. В. Поликарпов явно стремился дискредитировать то научное направление, к которому я принадлежу. Это в конечном итоге и побудило меня взяться за перо.

Итак, маленькая книжка (152 стр. формата 60×90) оказалась удостоена журналом «Вопросы истории» огромной (18 стр. формата 70×108) критической статьи (ее объем составляет, как видим, около 1/6 объема книги). Несмотря, однако, на такой значительный объем этой статьи, она не дает представления не только о содержании, но даже о тематике и структуре рецензируемой работы. Характеризуя ее тематику, В. В. Поликарпов умалчивает о четырех главах из семи. Он утверждает, что в моей книге «сжатое изложение» современного состояния изучения рассматриваемых проблем «облегчает анализ остального содержания», которое будто бы представляет собой «своего рода свод тех рекомендательно-запретительных историографических обзоров», с которыми я выступал, якобы участвуя в «кампании» против «нового направления» (с. 45). Однако на самом деле историографические экскурсы, содержащиеся в главах, наоборот, предшествуют освещению фактического содержания проблем и имеют целью облегчить его понимание. В них действительно использованы опубликованные мной в 1978, 1981, 1984 и 1988 гг. историографические обзоры, в которых «новое направление» и его критика упоминаются среди многих других фактов новейшей истории изучения проблем российского империализма. Но из шести глав книги, содержащих такие экскурсы, о «новом направлении» речь идет только в одной. И неужели В. В. Поликарпов полагает, что всякое выражение несогласия с «новым направлением» и даже упоминание о его критике как об историографическом факте предосудительно и может служить основанием для обвинения в участии в «кампании» против «нового направления»?

Наконец, если верить В. В. Поликарпову, еще один компонент моей книги, представляющий, по его словам, «наибольший интерес», составляет «полемика, вызванная уже условиями перестройки» с «активизировавшимися после 15 лет вынужденного молчания» моими «критиками», обвинившими меня «в сталинизме» (там же). Но верить ему не следует, т. к. никакой полемики с моими «критиками» в рецензируемой книжке нет[1]. Содержащаяся в ней полемика, «вызванная уже условиями перестройки», которая занимает всего две страницы, вставленные в «Заключение» на стадии правки корректуры, посвящена отнюдь не личным обвинениям в мой адрес, а задачам и путям дальнейшего изучения социально-экономической истории предреволюционной России. Необходимость более обстоятельного их обсуждения и в этой связи критического анализа выступлений сторонников «нового направления» побудила меня написать упомянутую выше специальную статью, которая была опубликована в журнале «История СССР» вслед за выходом моей книги и фактически является ее продолжением. Приписывая моей книге то, чего в ней в сущности нет, — наличие полемики со сторонниками «нового направления», «вызванной уже условиями перестройки», В. В. Поликарпов странным образом игнорирует мою статью, где такая полемика действительно содержится.

Трудно допустить, чтобы кандидат исторических наук, консультант редакции научного журнала был не в состоянии грамотно передать содержание рецензируемой им книги. Остается предположить, что он сознательно вводит в заблуждение читателя, стремясь создать у него превратное представление о тематике, структуре и характере моей работы. И вынужден он это делать потому, что, как показывает его статья, моя работа дала ему немного оснований для действительно научной критики. Почти все замечания В. В. Поликарпова относятся только к *двум главам* книги (II и V) и притом лишь к *историографическим их частям*. За единственным исключением — сделанного мельком необоснованного обвинения в преувеличении роли банков (с. 54) — они совершенно не затрагивают изложения в книге фактического материала и его анализа. Между тем, оспаривая мою концепцию, В. В. Поликарпов, казалось бы, должен был прежде всего подвергнуть критическому анализу изложенные мной факты и их интерпретацию. Ведь в историографических частях глав я излагаю концепции других авторов, а при рассмотрении фактов — свою. Мой критик легко мог опровергнуть мою концепцию, доказав, что приведенные мной факты неверны. Но он даже не попытался сделать этого.

Иначе говоря, критическая реакция В. В. Поликарпова на мою книгу *не адекватна* ее содержанию. А данная им негативная оценка этой книги и даже всей моей новейшей «литературной продукции» — просто *некорректна*.

* * *

Вероятно, В. В. Поликарпов сознавал это. Во всяком случае, его статья свидетельствует о том, что, оказавшись не в состоянии научно обосновать свою критику, он нашел

[1] Единственным моим «критиком», выступившим в печати до сдачи рецензируемой книги в набор, был В. Д. Поликарпов. Он обвинил меня и некоторых других историков «в приверженности духу и букве «Краткого курса», утверждая, будто я солидаризируюсь с данной там трактовкой вопроса об уровне и характере капиталистического развития России в своем введении к книге «Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг.» (Советская культура, 9.VII.1987). Между тем мной высказывалось диаметрально противоположное мнение. Положительно оценивая то, что трактовка вопроса о гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 гг. давалась в «Кратком курсе» на основе книги Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», я отмечал: «Однако она находилась в противоречии с распространенной тогда в литературе концепцией полуколониальной зависимости России, в соответствии с которой и освещались результаты социально-экономического развития страны в «Кратком курсе» (Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М. 1981, с. 15). Кстати, судя по подаренным мне В. Д. Поликарповым двум его книгам (1976 и 1980 гг.), он в годы застоя отнюдь не находился в состоянии «вынужденного молчания».

выход в подаче ее на эмоциональном фоне личных «разоблачений», с которых и начал статью. Нарисованный им злодейский образ автора книги должен был не только вызвать у читателя неприязнь к нему, но и внушить мысль, что такой автор просто неспособен написать нечто положительное и, конечно же, он не может быть прав. Тем самым мой критик фактически уже сделал свое дело. Но его «разоблачения» оказались слишком похожи на обывательскую сплетню, в которой досужие домыслы трудно отделить от злостной клеветы. Доверительный тон человека, посвященного в тайны «трапезниковского руководства», которым ведет В. В. Поликарпов свое повествование, не делает его правдоподобнее. Клеветническому личному выпаду требовалось придать видимость научности. Эту функцию выполняет пространный текст, занимающий около полутора десятков журнальных страниц, на протяжении которых В. В. Поликарпов пытается доказать, будто я в историографических разделах рецензируемой книги и других работах исказил взгляды представителей «нового направления» и неправильно отразил результаты исследований, посвященных аграрному строю России второй половины XIX—начала XX века. На читателя были обрушены вороха цитат, оперируя которыми мой критик все время силится меня на чем-то поймать и в чем-то уличить. При этом В. В. Поликарпов явно не может или не хочет постичь суть затрагиваемых им проблем. Исходя из презумпции моей виновности, он ищет лишь улики для обличений. Иначе трудно объяснить тот поразительный факт, что в статье мне предъявляются диаметрально противоположные, взаимоисключающие обвинения.

Посудите сами. Главное обвинение моего критика состоит в том, что я будто бы преувеличиваю степень развития капитализма и недооцениваю отсталость России. Это обвинение, бросаемое мне без малейшей попытки обсудить фактические данные, характеризующие российский капитализм, проходит красной нитью через всю статью. И вместе с тем вслед за В. Д. Поликарповым он приписывает мне приверженность «Краткому курсу» в понимании вопроса об уровне и характере капиталистического развития России накануне революции. Как можно совместить эти обвинения? Ведь основу характеристики российского капитализма в «Кратком курсе» составил сталинский тезис о полуколониальной зависимости России, под влиянием которого в советской историко-экономической литературе в 30-е годы стала подчеркиваться отсталость нашей страны. Следовательно, если я переоцениваю степень развития России, то никак не могу придерживаться «Краткого курса». И наоборот.

Далее В. В. Поликарпов, с одной стороны, приписывает мне «псевдопатриотическое приукрашивание» дореволюционного государства (с. 44). А с другой — обвиняет меня в том, что, отвергая «гиндинскую концепцию «государственного капитализма» в России как средства ускорения индустриального развития», я якобы придерживаюсь «одной из важнейших сталинских догм — отрицания роли дореволюционного государства в экономическом развитии» (с. 52—53). И вновь одно обвинение исключает другое. Перечень подобных взаимоисключающих обвинений и утверждений В. В. Поликарпова можно было бы продолжить. Они говорят о том, что в основе его критики *нет принципиальной научной позиции.*

При ознакомлении с результатами усилий моего критика нетрудно заметить, что они определялись не стремлением установить истину, а групповыми интересами. Персонажи его историографического экскурса четко и однозначно делятся на две категории. Это, с одной стороны, голуби — представители «нового направления» и причисляемые к нему моим критиком некоторые другие историки. Они всегда и во всем были и остаются правыми, выражая прогрессивные тенденции развития исторической науки. А с другой стороны, им противостоят ястребы — противники «нового направления», которые, выполняя установки «идеологического руководства», только и делали, что преследовали голубей, подавляли их живую мысль и т. д., и т. п. Нарисовать такую, весьма далекую от действительности картину было невозможно, не насилуя факты. И таких насилий в статье В. В. Поликарпова предостаточно. Можно даже сказать, что она построена на них. В направленном мной в редакцию «Вопросов истории» обширном письме специально разобраны многие случаи такого рода насилий. Учитывая просьбу редколлегии журнала о сокращении текста этого письма, я ограничусь указаниями на отдельные примеры, характеризующие «полемические» приемы В. В. Поликарпова. Самый невинный из них состоит в том, что вместо доказательства ошибочности тех или иных моих положений В. В. Поликарпов, бросив мне походя какое-либо обвинение и заронив тем самым у читателя недоверие, уводит разговор в сторону. Например, не имея возможности опровергнуть тот факт, что В. И. Ленин никогда не пользовался понятием «многоукладность», В. В. Поликарпов, обвинив меня в «ошибке», пустился в более чем сомнительные рассуждения о том, каким образом трактовал Ленин слово «уклад» в сложных и несложных текстах (с. 47—48), которые никак не доказывают, что он пользовался понятием «многоукладность».

Другой характерный его прием — соединение закавыченных обрывков фраз, выхваченных из разных мест рецензируемой книги или из разных моих работ, а иногда даже из работ разных авторов, в такие комбинации, где от их изначального смысла почти или совсем ничего не остается (с. 48, 49, 51, 52, 54—55, 59, 61). Стремясь уличить меня во всяческих ошибках, противоречиях и т. п., В. В. Поликарпов произвольно выбирает при этом отдельные положения, как бы не замечая всего остального, что их сопровождает.

В своих «разоблачениях» В. В. Поликарпов идет и на прямой обман. Он неоднократно обвиняет меня в фальсификации положений ряда авторов, «манипулировании литературными источниками» и «недостовер-

ности» ссылок (с. 50, 51, 54, 56, 58—59, 60—61). Проверьте, читатель, эти обвинения. Вы убедитесь, что В. В. Поликарпов прибегает к ним всякий раз, когда ему не нравится моя интерпретация цитируемого автора или позиция последнего.

Характеризуя меня как человека, занимающего «крайнее место на фланге того направления, которое принято именовать «оптимистическим» и которое, по оценке И. Ф. Гиндина, господствует в изучении отечественной истории с 30-х годов», В. В. Поликарпов поясняет: «Гиндин называл это направление «традиционным» — в отличие от «нового» (с. 44—45). Обратимся к упомянутому им источнику. Там говорится: «На конференции 1965 г. по генезису капитализма в России... оформилось новое направление в изучении российского феодализма, принципиально отличное от традиционного направления»[2]. Подлог налицо: не нужно быть консультантом исторического журнала, чтобы знать, что феодализм и империализм — это не одно и то же.

Приписав мне далее слова Ю. Н. Нетесина, высказанные на конференции в Свердловске в 1969 г., В. В. Поликарпов выдал их за «формулу обвинения» против «нового направления» (с. 51—52), хотя на самом деле они выражали тревогу, вызванную состоянием изучения социально-экономической истории предреволюционной России[3]. Столь же далеко от истины его утверждение о якобы «часто повторяемом» мной обвинении «нового направления» в «рецидиве народничества» (с. 53): ни на одной из указанных им трех страниц моей книги такого обвинения нет. В. В. Поликарпов извращает правду и когда сообщает читателю о моем убеждении «в «полной необоснованности» критического отношения к формуле «подчинения», «получившего хождение в нашей литературе в 60-е годы» (с. 54). На самом деле в тексте, на который он ссылается, речь идет о «полной необоснованности» «противопоставлении процессов сращивания государства с монополиями и подчинении последними отдельных звеньев государственного аппарата»[4]. На передергивании текста основана также попытка В. В. Поликарпова уличить меня в искажении Ленина: данную мной характеристику *отработочной системы* в целом, почти дословно воспроизводящую соответствующее ленинское определение[5], он выдает за «упрощенную трактовку» отработок «первого вида», сопровождая эту свою операцию обвинениями в мой адрес в «слабом знакомстве» и «недоучете... разницы» (с. 55).

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Но, надеюсь, и эти побудят читателя не принимать на веру утверждения В. В. Поликарпова. Хочу добавить лишь, что в своей «полемике» со мной он исказил и суждения тех историков, позиции которых взялся представлять. В частности, чтобы внушить читателю, будто Н. М. Дружинин не разделял мнения о смене феодализма капитализмом в пореформенной России, В. В. Поликарпов, приведя цитату из его статьи «Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США» (с. 48), выбросил из нее три фразы, ясно и недвусмысленно свидетельствующие о том, что Н. М. Дружинин не сомневался в победе капитализма в России, а многоукладность считал «общим явлением всех капиталистических стран на определенных этапах развития новой формации»[6].

Пожалуй, высшим «полемическим» достижением В. В. Поликарпова является последний абзац статьи (с. 61), где он, ловко используя какие-то закавыченные слова или обрывки фраз, рисует образ обществоведа, обслуживавшего идеологию застоя. Он при этом дает общую ссылку на шесть страниц из двух моих работ. Если читатель обратится к указанным страницам, то легко убедится в том, что некоторые из закавыченных слов там *вообще отсутствуют,* а те, которые имеются, несут в себе *совсем не тот смысл,* который придал им мой критик.

Приведенные мной примеры далеко не исчерпывают арсенал «полемических» приемов В. В. Поликарпова. Я ограничился лишь некоторыми из тех случаев, когда свои утверждения он сопроводил ссылками на источники, и поэтому их можно проверить. Вероятно, расчет был на то, что читатель, загипнотизированный разоблачительным тоном статьи и огорошенный обилием цитат, сопровождаемых хлесткими обвинениями и длинными нравоучениями, не станет вникать в текст и тем более заниматься проверкой содержащихся в ней утверждений.

* * *

Что же можно ожидать от В. В. Поликарпова в тех случаях, когда он не ссылается на источники? А таких случаев немало. Именно так поступает он, живописуя приписываемую им мне особую роль в реализации линии «трапезниковского руководства» на возврат к сталинизму, организации связанных с этим «проработочных» дискуссий, осуществлении «крутых оргвыводов» и «обслуживании» его «идеологии» (с. 44—46 и сл.). Если бы В. В. Поликарпов действительно хотел разобраться в содержании дискуссий по проблемам отечественной истории, происходивших в начале 70-х годов в Институте истории СССР АН СССР, Отделении

[2] Документы советско-итальянской конференции историков. М. 1970, с. 226—227.

[3] См. Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск. 1972, с. 10.

[4] Новое в советской исторической науке. М. 1988, с. 56. Мой критик упорно называет это издание «Новое в исторической науке».

[5] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 3, с. 186—187.

[6] Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история. М. 1987, с. 348. Кстати, упомянутой статье в этом томе предшествует статья под названием «Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882)».

истории АН СССР и на страницах печати, выяснить мою роль на посту заместителя директора Института истории СССР в 1969—1973 и 1974—1975 гг., ученого секретаря Отделения истории в 1973—1974 гг., а затем заведующего сектором Института истории СССР, он мог бы познакомиться с соответствующими материалами Института и Отделения в Архиве АН СССР, их публикациями в печати, а также трудами сотрудников сектора. Ничего этого В. В. Поликарпов не сделал. Приписывая мне различные злодейства, он избегает конкретных фактов и пользуется всякого рода намеками. А ведь ему было достаточно увидеть мою фамилию в составе редколлегии издания стенограммы совещания историков в ЦК КПСС в марте 1973 г.[7], чтобы сообщить читателю: «Бовыкин получил задание подготовить текст стенограммы совещания» (с. 46). Но это единственный «факт», который он смог привести.

Если я скажу, что видел С. П. Трапезникова всего несколько раз и притом, как правило, с большого расстояния, читатель после россказней В. В. Поликарпова может мне не поверить. Поэтому попробую призвать в свидетели самого С. П. Трапезникова. Характеризуя Россию «накануне глубоких революционных потрясений» и обращая внимание на ее «экономическую отсталость», ставшую «настолько угрожающей для Российского государства, что возникла реальная опасность утраты им целостности и независимости», он писал: «История дала немало фактов, когда некоторые цивилизованные государства не смогли своевременно использовать великие технико-экономические перевороты и оказывались в чрезвычайно трудных условиях. В результате это нередко приводило к трагическим последствиям, когда в силу отсталости и непонимания фактора времени, в силу противодействия реакционных кругов этому прогрессу стирались с карты целые государства, исчезали целые империи... Такая катастрофа чуть не постигла Россию. В то время как уже в XVIII в. такие европейские государства, как Англия и Франция, вышли на передовую арену благодаря технико-экономическому прогрессу, Россия прозябала в тисках отсталости. Ей угрожала непосредственная национальная гибель. Россию спасла Великая Октябрьская социалистическая революция, превратив ее в могучую социалистическую державу мира»[8].

Это совсем не похоже на «псевдопатриотическое приукрашивание монархически имперского дореволюционного государства», подтягивание уровня экономического развития России и недооценку ее отсталости, в которых меня обвиняет В. В. Поликарпов. В то же время очевидна близость к этим воззрениям современных представлений сторонников «нового направления» об отсталости России как факторе Октябрьской революции. Так, критикуя «давнюю тенденцию» к «подтягиванию уровня и типа капиталистического развития России к западноевропейскому образцу», П. В. Волобуев высказывает мнение, что одно из двух «объективных условий Октябрьской революции» было связано «с отсталостью страны, тяготами первой мировой войны и порожденной ею хозяйственной разрухой»: «Царизм и буржуазия довели страну до грани национальной катастрофы и по очереди должны были расплатиться за содеянное. Социалистическая революция оказалась в тех экстремальных конкретно-исторических условиях единственным выходом из тупика, в который завели страну господствующие классы (разумеется, выходом в интересах народных масс)»[9]. Характерно, что первый, кто под флагом перестройки изучения предпосылок Октябрьской революции выступил с критикой историков, которые якобы «принялись искусственно подтягивать уровень царской России к уровню США, Англии, Германии», и предложил пересмотреть результаты «памятной «дискуссии» о многоукладности социально-экономического строя России начала XX века», был И. И. Минц — автор восторженного предисловия ко второму изданию упомянутой книги С. П. Трапезникова[10].

Если учесть, что идею о многоукладности предреволюционной России взял на вооружение М. А. Суслов[11], то версия В. В. Поликарпова, изображающего борьбу с «новым направлением» и «теорией многоукладности» чуть ли не главным направлением усилий «трапезниковского руководства», выглядит совершенно абсурдной. Не согласуется она и с фактами. В упомянутой выше своей статье я уже обращал внимание на то, что, вопреки утверждениям сторонников «нового направления», ни в дискуссии 9—10 марта 1972 г. в Институте истории СССР, ни в обсуждении и постановлении Бюро Отделения истории АН СССР 4 июля 1972 г., ни в тогдашних критических выступлениях печати вопрос о «новом направлении» и применении «теории многоукладности» в изучении экономики предреволюционной России вообще не затрагивался, а на совещании в ЦК КПСС 21—22 марта 1973 г. его коснулись некоторые из выступавших как бы в дополнение к обсуждавшимся там центральным проб-

[7] Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе. Стенограмма совещания по историческим наукам (21—22 марта 1973 г.). М. 1974. Я был включен в редколлегию в качестве ответственного секретаря, поскольку в то время в течение полугода являлся ученым секретарем Отделения истории АН СССР.

[8] Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х тт. М. 1974. Т. 1, с. 21.

[9] Волобуев П. Обращаясь к великому опыту. Современные задачи и методология изучения Октября.— Коммунист, 1988, № 16, с. 95. «Суть» второго условия состоит, по словам П. В. Волобуева, в том, что «Февральская буржуазно-демократическая революция была не только прологом, но и залогом революции социалистической».

[10] В третьем издании оно стало как бы заключением.

[11] См. Суслов М. А. Избранное: речи и статьи. М. 1972, с. 560—561.

лемам[12]. Вероятно, деликатность ситуации, связанная с тем, что представление о многоукладности России разделял главный идеолог партии, обусловила весьма осторожный и нарочито невнятный характер прозвучавших там критических замечаний. Критиков больше всего возмущал сам факт провозглашения «некоего «нового направления»», но они предпочитали не связывать его с идеей многоукладности[13]. Это нашло свое выражение и в «Рекомендациях» совещания. Там отмечалось, что «появился несостоятельный термин о некоем «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, фактически подменяющий ленинский анализ этих проблем произвольными, необоснованными рассуждениями». Но о том, что «новое направление» использовало идею многоукладности России, там не говорилось[14]. В тех же случаях, когда в выступлениях на совещании в ЦК КПСС и затем в печати эта идея упоминалась, критиковалась не она сама, а такая ее трактовка, которая ставила под сомнение господствующую роль капиталистического уклада в России начала XX века[15]. Авторы обширной рецензии в журнале «Вопросы истории КПСС» на сборник «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» (Свердловск, 1972), выступив против толкования идеи многоукладности России отдельными его авторами, вместе с тем приветствовали применение этой идеи для изучения социально-экономических предпосылок Октябрьской революции. Они писали: «Исследование глубинных процессов эволюции многоукладной капиталистической системы открывает широкое поле деятельности для дальнейшего изучения на новом, более высоком уровне науки закономерностей исторического развития общества и прежде всего складывания материальных и политических предпосылок его революционных преобразований»[16].

В. В. Поликарпов грешит против истины, говоря об «административных гонениях», якобы обрушившихся на сторонников идеи многоукладности России (с. 60), о пересмотре издательских планов (с. 46), о 15-летнем «вынужденном молчании» представителей «нового направления» (с. 45) и «монополии Бовыкина — Лаверычева на трактовку проблемы предпосылок всех российских революций» (с. 46). Еще в середине 70-х годов дирекцией Института истории АН СССР была утверждена предложенная К. Н. Тарновским плановая исследовательская тема по истории мелкой промышленности в России с целью выявления механизма взаимодействия укладов в многоукладной российской экономике. Первые результаты ее разработки были опубликованы в 1981 г. на страницах «Вопросов истории»[17]. Годом раньше вышла из печати книга Ю. Н. Нетесина «Промышленный капитал Латвии (1860—1917)» (Рига. 1980), открывавшаяся разделом «Многоукладная система российского капитализма», которая была удостоена «Вопросами истории» весьма похвальной рецензии[18].

«Укрепление» сектора истории СССР периода империализма Института истории СССР, о котором В. В. Поликарпов упоминает как о главном объекте «крутых оргвыводов», направленных против «нового направления» (с. 46), было предписано дирекции этого института постановлением Бюро Отделения 4 июля 1972 г.[19], то есть до того как «новое направление» стало подвергаться критике. Преобразование прежнего сектора в новый — истории буржуазно-демократических революций в России — имело, вероятно, как и всякая реорганизация, свои плюсы и минусы. Как бы то ни было, все сотрудники прежнего сектора, зачисленные в новый сектор или перешедшие, по их выбору, в другие научные подразделения института, получили возможность продолжать разработку избранных ими проблем.

Неутверждение ВАКом докторской диссертации К. Н. Тарновского «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки», которое сторонники «нового направления» выдают за проявление борьбы с этим направлением, представляло собой бесспорно несправедливый и вредный акт. Но эта диссертация была защищена весной 1970 г., задолго до выхода свердловского сборника, вызвавшего критические замечания в адрес «нового направления».

В. В. Поликарпов сам упоминает книги К. Н. Тарновского, вышедшие в 1977 и 1983 годах. Первая же из них получила весьма благожелательную оценку на страницах «Вопросов истории»[20]. Обвиняя меня в каких-то немыслимых операциях с текстами этих книг, мой критик пишет:

[12] История СССР, 1988, № 5, с. 71—73.

[13] См. Минц И. И., Нечкина М. В., Черепнин Л. В. Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития.— История СССР, 1973, № 5, с. 12.

[14] Рекомендации совещания историков в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС 21—22 марта 1973 года. М. 1974.

[15] См.: Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе, с. 141 (выступление А. Л. Нарочницкого); Трапезников С. П. Советская историческая наука и перспективы ее развития.— Коммунист, 1973, № 11, с. 83.

[16] Левыкин К. Г., Сиволобов А. М., Шарапов Г. М. О книге «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности».— Вопросы истории КПСС, 1973, № 11, с. 115.

[17] См. Тарновский К. Н. Организация мелкой промышленности в России в годы первой мировой войны.— Вопросы истории, 1981, № 8.

[18] Вопросы истории, 1982, № 7 (рец. Корелина А. П.). Автор этих строк, которому издательство прислало рукопись Ю. Н. Нетесина на рецензию, рекомендовал ее к печати.

[19] См. Вопросы истории, 1972, № 8, с. 145; История СССР, 1973, № 1, с. 218.

[20] См. Вопросы истории, 1979, № 11.

«При этом умалчивается, что в книге 1983 г. Тарновский повторил все подвергнутые административной дискредитации в 70-х годах основные идеи о типе, особенности развития капитализма в России... Другое дело, что в обстановке административных гонений он не имел возможности изложить свое мнение развернуто» (с. 60). Но В. В. Поликарпов умалчивает о том, что те же «основные идеи» были «повторены» К. Н. Тарновским еще в книге 1977 г., выпущенной тиражом в 50 тыс. экз. Их изложение, связанное с анализом разработки редакционного проекта программы РСДРП в 1902 г., заняло в каждой из этих книг около 20 стр.[21]. И о какой «обстановке административных гонений» может идти речь, если с теми же «основными идеями» К. Н. Тарновский выступил в 1983 г. на страницах «Коммуниста»[22]. Добавлю к этому, что в конце 70-х годов он был приглашен в авторский коллектив подготовлявшегося Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС трехтомного труда «Исторический опыт трех российских революций» и стал автором главы «Неизбежность новой революции» во 2-м томе, посвященном Февральской революции 1917 года[23].

Как видим, легенда о насильственном пресечении поисков «в русле» «концепции многоукладности» противоречит фактам. Распространяя ее, сторонники «нового направления» явно стремятся представить любые критические замечания в их адрес как проявление «проработочной кампании» и тем самым поставить себя вне критики.

* * *

В. В. Поликарпов в претензии ко мне за то, что я не так, как он, понимаю «концепцию многоукладности». Странная претензия. В своей книге, а затем в статье я попытался сделать то, что должны были сделать, но, к сожалению, не сделали сами ее сторонники, а именно: рассмотреть и проанализировать их высказывания, чтобы уяснить, как возникла эта концепция, что она собой представляет, в чем ее новизна. Мои выводы сводились к следующему.

Во-первых, в стремлении использовать идею многоукладности экономики России для объяснения специфичности ее социально-экономического развития и особой его противоречивости я увидел попытку найти выход из определенной историографической ситуации, а не проявление злого умысла, как это мне приписывает мой критик. Во-вторых, упомянутое стремление, на мой взгляд, не превратилось в *научную концепцию*, оставшись на стадии *гипотезы*, поскольку оно не получило ни теоретического обоснования, ни фактического подтверждения.

Наконец, мой третий вывод состоял в том, что к началу 70-х годов среди сторонников идеи многоукладности дореволюционной российской экономики выявились два основных ее толкования: представители одного из них видели многоукладность в рамках капитализма, как господствовавшего способа производства, а другого — рассматривали капитализм в рамках многоукладности, т. е. некоей совокупности укладов, ни один из которых не был господствующим. Первое толкование не вносило ничего принципиально нового по сравнению с представлением, утвердившимся в советской историографии во второй половине 50-х — начале 60-х годов в результате преодоления «концепции» «Краткого курса», не оставлявшей места для проблемы экономических и, в частности, материально-организационных предпосылок социалистической революции в России. Это представление, которое В. В. Поликарпов изволит называть «традиционно-апологетическим», видело объективную основу расстановки классовых сил в трех российских революциях начала XX в. в сосуществовании капитализма в России со значительными пережитками крепостничества в ее политической надстройке и аграрном строе. Сторонники толкования многоукладности, как специфического свойства российского капитализма, обращая главное внимание на изучение противоречий, порождаемых сосуществованием в России капитализма и крепостнических пережитков, выступали за расширение сферы исследования. Они считали необходимым учесть неравномерность капиталистического развития отраслей народного хозяйства страны и ее экономических районов, большую роль мелкого товарного производства, наличие в значительных размерах полунатурального хозяйства в российской деревне и патриархальных отношений в колониях. Такой подход встретил одобрительное отношение со стороны рецензентов. Наоборот, второе толкование, поставившее под сомнение господствующие позиции капиталистических отношений в экономике России конца XIX — начала XX в., подверглось критике. Кстати сказать, лишь оно подразумевается под «новым направлением» в выступлениях историков, требующих ныне возрождения последнего.

Высказывая свое отношение к взглядам сторонников идеи многоукладности российской экономики, я отмечал, что научно некорректно и фактически неправомерно применять к России термин, который ши-

[21] Тарновский К. Н. 24 декабря 1900. М. 1977, с. 205—225; его же. Революционное дело (Ленинская «Искра» в борьбе за создание марксистской партии в России). М. 1983, с. 151—168. Кстати, издательство «Мысль», опубликовавшее в 1983 г. переработанный и расширенный вариант книги К. Н. Тарновского 1977 г., а также третье издание упомянутого выше 2-томного сочинения С. П. Трапезникова, отклонило в 1982 г. мое предложение о публикации книги «Россия на рубеже XIX—XX вв.: пути социально-экономического развития». Вот такая была монополия.

[22] См. Тарновский К. Начало большевизма.— Коммунист, 1983, № 11.

[23] См. Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М. 1986.

роко используется востоковедами (вкладывающими в него достаточно четко очерченный смысл) для отражения специфики стран «третьего мира», где еще не сформировался определенный способ производства. Вместе с тем мной высказывалась мысль о том, что при всей пестроте экономической структуры России, при наличии в ней не только феодальных пережитков, но и остатков дофеодальных отношений, для понимания характера российских революций и расстановки участвовавших в них классовых сил важны прежде всего те компоненты этой структуры, которые составляли основу и питательную среду социальных и политических противоречий, приведших к революционному взрыву[24].

Что же кроме бранных слов противопоставил этим выводам В. В. Поликарпов? Он объявил, что «в трудах исследователей», принадлежавших к «новому направлению», «заявило о себе постепенное осознание необходимости учитывать особенности развития дореволюционной России, обусловленные ее срединным положением между передовыми странами Запада и цивилизациями Востока». «С точки зрения этого направления,— пишет В. В. Поликарпов,— Россия относилась к странам «второго эшелона» капитализма со свойственными им сравнительной отсталостью и своим типом капиталистического развития (мозаичностью многоукладной экономики, повышенной ролью государства в экономических и иных отношениях и пр.)» (с. 44). Увы, все эти проявления «постепенного осознания необходимости учитывать», якобы представлявшие собой результат трудов «нового направления», были стары как мир. Необходимость учитывать особенности развития России, обусловленные ее географическим положением, давно находится в центре внимания русской историографии, порождая споры между историками разных направлений. Давнюю традицию имеет в русской историографии особое внимание к роли государства. Не «новым направлением» была впервые замечена и мозаичность экономики России, так же, как не ему принадлежала идея эшелонирования капиталистического развития различных стран мира для установления места России среди них.

Из «постепенного осознания необходимости учитывать» упомянутые особенности, по словам В. В. Поликарпова, «вытекало и новое понимание сцепления классовых сил в революционном процессе, сближение его социалистических и демократических задач» (с. 44). Однако проблема взаимодействия социалистических и демократических задач в российских революциях тоже не нова. Над ее решением давно бьются историки. В чем суть и новизна «нового понимания» этой проблемы «новым направлением»? Ответы В. В. Поликарпова разочаровывают: «более полным становилось представление», «вырабатывалось более объективное освещение» (с. 44). Столь же бессодержательным является его утверждение о якобы свойственном «новому направлению» сознательно применяемом системном подходе при изучении взаимодействия отсталых и передовых черт в русской экономике и т. п. (с. 48).

Как видно, ни на что, кроме общих фраз и славословий в адрес «нового направления», его новоявленный защитник не способен. Он не смог разъяснить смысла используемых им понятий «уклад» и «многоукладность», раскрыть содержание «нового направления», доказать его необходимость и плодотворность. Защиту этого направления В. В. Поликарпов строит на искажении взглядов его оппонентов и смысла их критических высказываний, фальсификации фактов и т. п. Обвиняя меня то в незнании, то в замалчивании трудов представителей «нового направления», он пишет: «Развернутые в этом русле исследования большой группы историков продолжались полтора десятилетия, пока не были пресечены путем проработочных кампаний под флагом борьбы против «нового направления» и «нового прочтения» теоретических трудов Маркса, Энгельса, Ленина» (с. 48). 15 лет — срок большой. Где же результаты этих «развернутых» исследований большой группы историков? В статье В. В. Поликарпова нет ссылок на них. Есть только туманная фраза: «Оставляя в стороне упомянутые работы Волобуева и Тарновского и появившиеся в 1960—1962 гг. монографии А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, А. М. Анфимова и других, легче, конечно, уверять, что тогда ересь еще не зародилась или что применение понятий многоукладности к дореволюционной России «так и осталось немотивированным» (с. 50). Что касается упомянутых В. В. Поликарповым работ П. В. Волобуева и К. Н. Тарновского, то это статьи, носившие обобщающий или историографический характер. В них многоукладность российской экономики лишь провозглашается, а не исследуется. А в монографиях А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина и А. М. Анфимова 1960—1962 гг. о ней вообще нет речи. Как же можно на страницах научного журнала так бесцеремонно вводить в заблуждение читателя?

По словам В. В. Поликарпова, «представители «нового направления» писали о многоукладности экономики, проявлявшейся в том, что в ней сочетались «капитализм как ведущий, определяющий уклад» с «пережитками феодализма и даже патриархальщины», тогда как «смешение понятий» (на которое указывал Тарновский) путем отождествления экономики в целом с капиталистическим укладом и, соответственно, свойств капитализма со свойствами экономики в целом — вызывало их возражения» (с. 50). Как это понять? Ведь давно известно, что если капиталистический уклад является определяющим, то он объединяет и подчиняет себе остальные уклады, придавая целостность той совокупности производственных отношений, которая образует общественно-экономическую формацию[25].

[24] См. Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. М. 1988, с. 93—111.

[25] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 733; т. 24, с. 65.

Если же этого не произошло, то капиталистический уклад не является определяющим. Между тем, приписывая оппонентам «нового направления» «произвольное обвинение» его «в отрицании ведущей (определяющей, системообразующей и т. п.) роли капиталистического уклада» (с. 51), В. В. Поликарпов вместе с тем утверждает, будто «в течение десятилетий» историки признавали наличие «буржуазной экономики» в пореформенной России только из боязни быть «разоблаченными» как «контрабандисты троцкизма» (с. 47). При этом он внушает читателю, что труды А. С. Нифонтова, П. Г. Рындзюнского, И. Д. Ковальченко и его учеников, в которых обосновывается определяющая роль капиталистических отношений в аграрном строе России конца XIX — начала XX в., не заслуживают доверия. И это делается не на основе серьезных научных аргументов, а при помощи различных трюков (с. 53, 57, 59). Но вопрос о том, были или нет капиталистические отношения господствующими в России,— это вопрос фактов, и его решение возможно лишь на пути их изучения. Конкретно-исторические исследования, проведенные до сего времени, дают на него положительный ответ.

В моей книге изложение исторических концепций связано с их фактическим обоснованием. В ней предпринята попытка показать, на какой системе конкретно-исторических знаний строятся современные представления об экономике дореволюционной России. В той мере, в какой позволял ее объем, она отражает результаты исследований нескольких поколений историков. Это и установленные ими конкретные факты экономической жизни страны, и массовые количественные данные, характеризующие динамику ее капиталистического развития. Обрушившись на мою книгу именно за то, что она отражает результаты исторических исследований, опровергающие постулаты «нового направления», В. В. Поликарпов разорвал связь историографических концепций и исторических фактов. Пытаясь посеять недоверие к этим результатам, он использовал разные средства: игру на действительных и мнимых противоречиях различных авторов, всякого рода трюки и прямую фальсификацию текстов. Но так и не обратился к конкретным фактам. Тем самым новоявленный защитник «нового направления» наглядно показал его главное свойство, на которое мне уже приходилось обращать внимание,— нежелание считаться с историческими реалиями[26]. Научным знаниям, полученным в результате систематических исследований и вполне подлежащим проверке, сторонники «нового направления» противопоставляют лишь бездоказательные общие рассуждения. Потому-то они и уклоняются от *научной дискуссии*, т. е. сопоставления фактов и обсуждения основанных на них наблюдений и выводов, переводя разговор в русло политических обвинений инакомыслящих: в сталинизме и проч. Еще в 1986 г. П. В. Волобуев дал согласие выступить на страницах «Истории СССР» в дискуссии «О спорных проблемах социально-экономического развития России в конце XIX — начале XX в.» с обоснованием своей концепции[27]. Но ни он сам, ни кто-либо другой из сторонников «нового направления» излагать свои взгляды и доказывать их истинность в научном журнале не стали. Вместо этого они открыли в 1987 г. в массовой печати кампанию, направленную на дискредитацию и подавление своих оппонентов. В. В. Поликарпов перенес ее на страницы «Вопросов истории».

* * *

Одно из обвинений моего критика состоит в том, что я неправильно определил «дату рождения «нового направления», умышленно отодвинув ее «на середину или вторую половину 60-х годов», чтобы «записать десятилетие после XX съезда КПСС в свой актив» (с. 49). Более раннее происхождение «нового направления» означает, что у него было гораздо больше времени для получения доказательств своей правоты. Тем самым его сторонникам труднее объяснять отсутствие таких доказательств мерами по «пресечению» и т. п. Однако, как я понял, В. В. Поликарпов готов пожертвовать этим обстоятельством ради установления «родства» «нового направления» с «эпохой разоблачения культа личности». В этом он видит тот «актив», которого я будто бы пытался лишить «новое направление». В обоснование более раннего его происхождения В. В. Поликарпов ссылается на статьи П. В. Волобуева 1957—1958 годов. В некоторых из них действительно содержится слово «многоукладность». Но, на мой взгляд, оно употреблено всуе, поскольку П. В. Волобуев при этом вел речь о «*двухцветности*» российской действительности, обусловленной одновременным существованием в России как передового промышленного и финансового капитализма, так и отсталой деревни[28]. В гораздо большей степени для его работ второй половины 50-х годов были характерны, с одной стороны, преувеличение господства монополий и финансового капитала в России, а с другой — приверженность тезису о полуколониальной зависимости России, как следствию ее экономической и политической отсталости. Заявленная В. В. Поликарповым претензия на «родство» «нового направления» с «эпохой разоблачения культа личности» заставила меня задуматься над странной эклектичностью работ П. В. Волобуева того времени и их месте в процессе освобождения исторической науки от навязанных ей в годы культа личности догм и установок,

[26] См. История СССР, 1988, № 5, с. 71—73, 82—83, 89—100.

[27] См. там же, с. 67.

[28] См. текст выступления П. В. Волобуева по докладу А. Л. Сидорова «Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». В кн.: Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1970, с. 87.

который начался после смерти Сталина. Я уже высказывал свои сомнения относительно тезиса П. В. Волобуева о том, что после XX съезда КПСС до рубежа 60—70-х годов происходил «в целом здоровый (несмотря на известные издержки) процесс развития исторического познания»[29]. В эту формулу никак не вписываются постановление ЦК КПСС 1957 г. о журнале «Вопросы истории», пресечение научных поисков по проблемам истории коллективизации, Великой Отечественной войны и др., которые невозможно рассматривать как «издержки», т. е. необходимые затраты, обеспечивавшие «здоровый процесс». Думаю, что для понимания ситуации, сложившейся в советской исторической науке после XX съезда, ключевое значение имеет исход новаторских усилий, предпринимавшихся в 1953—1956 гг. журналом «Вопросы истории». Тема эта давно ждет своего обстоятельного освещения[30]. Коснусь ее лишь постольку, поскольку она помогает уяснить рассматриваемую проблему «родства» «нового направления» с «эпохой разоблачения культа личности».

Утвержденная в июне 1953 г. новая редколлегия журнала во главе с А. М. Панкратовой взяла курс на преодоление догматизма и начетничества в исторической науке, конъюнктурного освещения и лакировки событий прошлого. Выступив против вульгаризации марксизма, журнал стал инициатором интересных теоретических дискуссий. Но далеко не всем это было по душе. Над журналом нависла угроза. 28 апреля 1955 г. А. М. Панкратова в связи с предстоящим ее докладом в Отделе науки и культуры ЦК КПСС о работе журнала «получила «Записку» за подписью т. Волобуева», являвшегося в то время сотрудником этого отдела. В «Записке» редколлегия обвинялась в том, что «ослабила внимание к вопросам идейно-политической выдержанности публикуемых материалов»[31]. Автор «Записки» подвергал разносу опубликованные в «Вопросах истории» статьи М. А. Барга, Л. В. Даниловой и В. Т. Пашуто, Л. Е. Кертмана, И. С. Кона, А. М. Некрича, Ю. З. Полевого как слабые в научном отношении, путаные или даже ошибочные. Редколлегии инкриминировались и случаи «неправильного подбора авторов», когда она руководствовалась не качеством представленного материала и актуальностью темы, а стремлением «реабилитировать» автора, подвергавшегося репрессиям[32]. В письме, адресованном секретарям ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, П. Н. Поспелову и М. А. Суслову, а также заведующему Отделом науки и культуры А. М. Румянцеву, А. М. Панкратова, характеризуя «Записку» П. В. Волобуева, писала: «Она написана, по-видимому, в расчете, что никто не проверит правильности утверждений, излагавшихся в ней, и не прочтет статей, которые в «Записке» упоминаются. Я считаю этот факт особенно тревожным, так как тенденциозно и недобросовестно составленная записка по тому или иному вопросу может дезинформировать руководство Отдела науки, которое полагается на честное и компетентное мнение своих сотрудников»[33].

Первая атака была отбита. Журнал продолжал свою линию. XX съезд КПСС, казалось бы, подтвердил ее правильность. Расширяя наступление на укоренившиеся в исторической науке сталинские догмы, «Вопросы истории» публикацией в № 6 за 1956 г. статьи Б. Б. Граве «Была ли царская Россия полуколонией?» приступили к демонтажу концепции полуколониальной зависимости России. Однако в это время уже начался новый раунд борьбы против журнала. Под давлением развернувшейся во второй половине 1956 г. проработочной кампании редакция журнала пошла на некоторые уступки. В частности, в начале 1957 г. в журнале были опубликованы статьи И. В. Маевского[34] и А. Е. Иоффе[35], которые, возражая Б. Б. Граве, хотя и не особенно настаивали на применении к России понятия «полуколония», но очень подчеркивали ее экономическую отсталость и зависимость. Однако сделанные уступки уже не могли ничего изменить, и мартовское постановление ЦК КПСС 1957 г. стало поворотным моментом в истории журнала и, можно сказать, конечным — в жизни его главного редактора[36].

В «эпоху», с которой В. В. Поликарпов связывает рождение «нового направления», происходило не только разоблачение культа личности. Тогда проявлялась и иная тенденция: ограничить, сузить рамки этого разоблачения и тем самым помешать радикальному освобождению исторической науки от сковывавшего ее воздействия культа личности. Носители этой тенденции, признав некоторые очевидные факты и отказавшись от наиболее абсурдных догм, вроде тезиса о полуколониальной зависимости России, стремились сохранить в

[29] Там же, с. 71.

[30] Недавняя публикация Е. Н. Городецкого «Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х годов» (Вопросы истории, 1989, № 9) лишь частично восполняет этот пробел. Странно, что он, будучи знаком с материалами личного фонда А. М. Панкратовой, обошел начальный этап борьбы против взятого ею курса.

[31] Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 61, лл. 10—15 (копия письма А. М. Панкратовой Н. С. Хрущеву, П. Н. Поспелову, М. А. Суслову и А. М. Румянцеву).

[32] Там же, д. 65, лл. 1—39, 43—47, 52—78; см. также: д. 61, л. 15.

[33] Там же, д. 61, л. 12.

[34] Маевский И. В. К вопросу о зависимости России в период первой мировой войны.— Вопросы истории, 1957, № 1.

[35] Иоффе А. Е. Об усилении зависимости России от стран Антанты в годы первой мировой войны.— Вопросы истории, 1957, № 3.

[36] На следующий день после заседания Секретариата ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос о журнале, А. М. Панкратова оказалась в больнице. Через два с половиной месяца ее не стало.

основном прежние, привычные представления. Именно эту тенденцию выражали записка П. В. Волобуева и его статьи, положившие, по мнению В. В. Поликарпова, начало так называемому «новому направлению». В свете этого представляются по меньшей мере странными попытки П. В. Волобуева выдать «новое направление» за такую «группу историков», «которая дальше всего отошла от сталинских схем и продвинулась вперед по пути освоения ленинского наследия и понимания противоречивой действительности кануна и огненных лет революции»[37], а себя — за движущую силу этого движения, борца против «линии на догматизацию и фальсификацию истории, на возрождение старых схем «Краткого курса»[38]. Публикуя на страницах «Советской культуры» отрывок из дневника А. П. Кучкина, воспроизводящий его речь на совещании преподавателей общественных наук в 1965 году, П. В. Волобуев пишет: «Я работал тогда директором Института истории СССР Академии наук СССР и поддерживал настоящих, передовых ученых, пытавшихся правдиво, отойдя от сталинских схем, воссоздать историю трех революций особенно Великой Октябрьской революции»[39]. Это звучало бы не очень скромно, даже если бы было правдой. Но назначение П. В. Волобуева директором Института истории СССР состоялось лишь в 1970 г., а сам институт был создан в 1968 г. Зачем понадобилось это мифотворчество? Чтобы не бросалось в глаза совпадение назначения П. В. Волобуева с тем «рубежом», когда, по его собственной периодизации, «здоровый процесс» в исторической науке «был прерван»? И не слишком ли много мифов в проповедуемой сторонниками «нового направления» его истории?

Начавшийся в середине 50-х годов процесс освобождения исторической науки от догм и сложившихся стереотипов оказался очень сложным, болезненным, противоречивым и длительным. Он ведь не завершился до сих пор. Меры по преодолению последствий культа личности, предпринятые во второй половине 50-х — начале 60-х годов, носили половинчатый и непоследовательный характер. Изменения, происшедшие в руководстве страны в середине 60-х годов, внесли дополнительную сумятицу в умы историков. При этом сказалась их длительная привычка к руководящим указаниям, приоритету канонических текстов над фактами, ориентации исследования на заранее заданный результат. Бурное развитие во второй половине 50-х годов архивных разысканий, обнаружив взаимную неготовность к ним как архивов, так и историков, вызвало определенное разочарование у тех, кто стремился к достижению быстрых результатов. В этих условиях даже похвальное, казалось бы, стремление к новизне нередко таило в себе дремучий догматизм. Подобное квазиноваторство проявилось, в частности, в призывах к «новому прочтению» классиков. Такое «прочтение» означало фактически поиск новых цитат и формул взамен тех, которые перестали носить канонический характер. Сея иллюзию научного знания, обновляя и укрепляя сложившееся в годы культа личности признание приоритета априорных, особенно канонизированных представлений над результатами эмпирических исследований, призывы к «новому прочтению» нанесли ощутимый урон делавшему свои первые шаги научному, основанному прежде всего на твердо установленных фактах познанию процессов капиталистического развития России. Проявлением такого урона было, в частности, заметное ослабление во второй половине 60-х годов интереса историков к работе по этой тематике в архивах[40].

Таковы были условия, когда стала пропагандироваться идея многоукладности России. Она, как и некоторые другие идеи того времени, носила априорный характер. П. В. Волобуев высказал ее не в работах, излагающих результаты конкретно-исторических исследований, а в общетеоретических статьях. К. Н. Тарновский пришел к ней на основе историографических исследований, И. Ф. Гиндин — в результате изучения экономической политики царского правительства. Причем сторонники этой идеи, обратившись к ней, попытались ее канонизировать, утверждая, что она была выдвинута и разработана В. И. Лениным[41]. Как видим, срабатывала старая привычка: раньше В. И. Ленину для вящей убедительности приписывался тезис о полуколониальной зависимости России, теперь то же проделывалось с идеей многоукладности России, призванной в какой-то мере заменить скомпрометированный тезис. «Новое направление» означало, таким образом, возвращение не только к старой, лишь слегка подновленной схеме объяснения причин Октябрьской революции, делавшей акцент на специфике России, недостаточности развития здесь капитализма и слабости российской буржуазии, но также и к старым методам такого объяснения: оно постулировало выдвинутую им «концепцию многоукладности», обосновывая ее не научными доказательствами, а априорными рассуждениями и ссылками на непререкаемые авторитеты.

[37] Волобуев П. В. Великий Октябрь.— Наука и жизнь, 1987, № 11, с. 11.

[38] Волобуев П. Такие люди были всегда! — Советская культура, 6.V.1989.

[39] Там же. В другом месте этой статьи говорится: «Вернусь к тому, с чего начал, когда во второй половине 60-х годов наметился консервативный поворот в идеологической политике партии, осуществлявшейся в том числе и особенно рьяно С. Трапезниковым, в частности в отношении нашего института... В порядке пробного шара Трапезников высказал даже «невинное» пожелание переиздать «Краткий курс»! Это было на совещании преподавателей общественных наук в ноябре 1965 года».

[40] См. Тематика исследований по документальным материалам в центральных государственных архивах СССР. Вып. 1—9. М. 1963—1970.

[41] Подробнее об этом см.: История СССР, 1988, № 5, с. 83—89.

* * *

Бросается в глаза, что инициаторами реанимации «нового направления» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции были люди, никогда не занимавшиеся изучением социально-экономической истории: Ю. Н. Афанасьев, специалист по борьбе с «буржуазными фальсификаторами» истории Октября, и И. И. Минц, являвшийся на протяжении нескольких десятилетий председателем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Именно им, непосредственно занимавшимся историей Октябрьской революции, принадлежит, судя по публикациям, идея свалить вину за обнаружившееся теперь плачевное состояние ее изучения на «соседей» — историков, исследовавших объективные процессы общественно-экономического развития России конца XIX — начала XX века. Эти историки будто бы не признают каких-либо особенностей капиталистической эволюции России по сравнению с передовыми странами мира[42], и под влиянием «западных «оптимистов», не приемлющих революционный путь общественного развития», скрывают дореволюционную отсталость царской России, стараясь добиться, чтобы в ее изображении «появился хотя бы небольшой перевес в пользу дореволюционных успехов и эпизодического процветания, а не фундаментальной отсталости и пережитков»[43].

«Доморощенным «оптимистам»», придерживавшимся, по словам И. И. Минца, позиции «квасного патриотизма»[44], было противопоставлено якобы разгромленное «в начале 70-х годов» направление, которое, как уверял Ю. Н. Афанасьев, занималось «поисками в русле теории многоукладности предреволюционного российского общества, обобщениями относительно особенностей исторического пути развития России»[45]. Эту идею активно поддержал В. Д. Поликарпов[46], ближайший сподвижник И. И. Минца, также никогда не занимавшийся исследованием социально-экономической истории России, и П. В. Волобуев[47], уже четверть века как переставший им заниматься.

Обвиняя противников «нового направления» в «квасном патриотизме» и «псевдопатриотическом приукрашивании монархически-имперского дореволюционного государства», в отрицании особенностей России и наличия в ее экономике различных укладов и т. д., его нынешние сторонники явно пытаются воспользоваться тем, что сейчас, когда широкое распространение получило представление об отсталости России как главной причине неудач социалистического строительства в СССР, отрицание такой отсталости, приписываемое противникам «нового направления», выглядит не только ошибочным, но и политически подозрительным. Однако следует напомнить, что ссылки на отсталость России для оправдания допущенных ошибок применялись и раньше. В середине 30-х годов во вновь выходящих книгах оказались существенно уменьшены цифры промышленного производства в России на 1913 г. и его удельного веса в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства страны[48]. Именно в это время в историческую науку в качестве непререкаемой догмы был привнесен сталинский тезис о полуколониальной зависимости России, в распространении и утверждении которого до выхода «Краткого курса» истории ВКП(б) большая роль принадлежала первому тому «Истории гражданской войны» (М., 1936), подготовленному при деятельном участии И. И. Минца. Отказ от этого тезиса в конце 50-х — начале 60-х годов стал важным моментом в преодолении сталинских догм и переходе к подлинно научному, основанному на фактах изучению процессов капиталистического развития России.

Против такого изучения выступало раньше и сейчас выступает вновь «новое направление», стремящееся подчинить ведущиеся исследования априорным формулам. П. В. Волобуев недавно в пылу полемики заявил, будто бы мне многоукладность «ненавистна»[49]. На самом деле мне ненавистны привносимые в процесс научного познания установочные заклинания, под которые подгоняется фактический материал. Сколько их уже было: Россия — величайший резерв западного империализма; Россия — полуколония Франции и Англии; военно-феодальный характер российского империализма; многоукладная российская экономика; Россия — модель мира и т. п.

Отказавшись от магических формул, смысл которых никто толком не мог разъяснить, и пользуясь относительной свободой, поскольку далекая от проблем «развитого социализма» экономическая история России конца XIX — начала XX в. мало кого раньше интересовала, историки, занимавшиеся ее разработкой, за последние 10—15 лет существенно продвинулись вперед в изучении реальной исторической действительности. Достаточно полистать библиографические справочники и библиотечные каталоги, чтобы убедиться в том, насколько нелепы обвинения в прекращении изучения исторических предпосылок Октябрьской революции, в игнорировании феодальных пережитков и раннекапиталистических отношений, в «игнета-

[42] Афанасьев Ю. Энергия исторического знания.— Московские новости, 11 января 1987 г.

[43] Огонек, 1987, № 6, с. 4.

[44] Там же; см. также: Минц И. И. О перестройке в изучении Великого Октября.— Вопросы истории, 1987, № 4.

[45] Афанасьев Ю. С позиций правды и реализма.— Советская культура, 21.III.1987.

[46] Поликарпов В. О «дискуссиях» минувших лет.— Советская культура, 9.VII.1987.

[47] Наука и жизнь, 1987, № 11, с. 11—12.

[48] Лельчук В. С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М. 1975, с. 202—212.

[49] Россия 1917 год: выбор исторического пути. М. 1989, с. 265.

емом описании высших форм капитализма» и т. д. и т. п. Разумеется, и данному участку исторической науки оказались в той или иной мере присущи свойственные ей в целом проявления застоя. Но лучшее, что было создано в этой области, явилось результатом отказа от привычных априорных представлений и овладения крупными массивами источников. Вместо схоластических рассуждений о взаимодействии укладов изучалась реальная картина переплетения капиталистических и пережиточных отношений в различных сферах народного хозяйства и регионах страны, складывании, развития и функционирования организационных форм новейшего капитализма (в том числе и высших) и их приспособлении к окружающей социально-экономической среде. Характерна тесная связь этих исследований с разработкой методических и методологических проблем исторического познания, внедрением количественных методов с применением математики и вычислительной техники.

На смену умозрительным размышлениям об особенностях и типе российского капитализма пришли сравнительные исследования объективных процессов общественного развития России и других стран в конце XIX — начале XX в., которые стали осуществляться в рамках двустороннего научного сотрудничества историков СССР с историками ГДР, Венгрии и Чехословакии. Самые первые их результаты уже увидели свет. На основе изучения фактической истории оказался возможным плодотворный научный диалог и с западными историками. В то время, когда Ю. Н. Афанасьев боролся с буржуазной историографией, исследователи, занимающиеся разработкой фактической истории, прокладывали пути к сотрудничеству с лучшими из ее представителей, к активному участию советских историков в международных исследовательских проектах.

Что предлагает взамен «новое направление», отвергая результаты изучения процессов капиталистического развития России, полученные за последние 15 лет? По сути дела ничего, кроме возврата к старым представлениям, несоответствие которых реальной исторической действительности показали проведенные исследования. В статье, опубликованной недавно в «Коммунисте», П. В. Волобуев дал негативную оценку исследованиям аграрников, показавшим, что в российском сельском хозяйстве начала XX в. господствовали не феодальные, а буржуазные отношения, представлявшие собой, однако, неразвитые формы аграрного капитализма. Обратите внимание, как мотивируется эта оценка. «В последнее десятилетие,— пишет П. В. Волобуев,— историки грешили преувеличением уровня развития аграрного капитализма. При этом игнорировалось, что формирование социальных слоев буржуазного общества у нас тогда не завершилось, а тяжесть крепостнических пережитков возросла. Если и дальше идти по этому исследовательскому пути, то окажется, что столыпинская политика ускорения буржуазной эволюции русской деревни была близка к успеху. Но, как известно, она провалилась, да и вряд ли Столыпину удалось бы модернизировать Россию и тем предотвратить революцию»[50]. Как видим, П. В. Волобуев отвергает результаты новейших исследований только на том основании, что они не соответствуют привычным ему, но давно устаревшим представлениям. К тому же сама эта попытка отвергнуть результаты конкретных научных исследований, без анализа фактического материала, основываясь лишь на общих рассуждениях, отдает чем-то замшелым. Таким образом, фактической истории, т. е. научному изучению исторического процесса, противопоставляется под видом «нового направления» нефактическая, надуманная история, в основе которой лежат конъюнктурные соображения, магические формулы-заклинания, априорные схемы, досужие построения,— все что угодно, но только не систематически изученные факты, взятые в их совокупности и взаимосвязи. Естественно, что и методы «самоутверждения» «нового направления» носят соответствующий характер. Не владея фактами, да и не придавая им значения, как это наглядно показала статья В. В. Поликарпова, сторонники «нового направления» используют в своей борьбе с инакомыслящими не научную аргументацию, а иные, более привычные им средства. И. И. Минц объявил противников «нового направления» пособниками «идеологов империализма»[51], Ю. Н. Афанасьев и В. Д. Поликарпов — трапезниковцами и сталинистами[52], П. В. Волобуев — противниками перестройки[53]. А В. В. Поликарпов, продемонстрировавший все, на что способно «новое направление», полностью обнажил его научную наготу.

* * *

Как могла статья, содержащая явные искажения фактов, необоснованные обвинения и клеветнические вымыслы, оказаться на страницах солидного научного журнала? Эту загадку отчасти прояснило письмо ответственного секретаря редакции О. Ф. Афанасьева авторам неопубликованной альтернативной рецензии на мою книгу[54]. Объясняя им, что эта рецензия «была отклонена ввиду ее низкого научного уровня и откровенно комплиментарного характера», О. Ф. Афанасьев почему-то не ограничился этим и привел еще два аргумента. Один из них: «Некоторые члены редколлегии сочли недостаточно этичным, чтобы в роли объективных и нейтральных ценителей научных достоинств книги В. И. Бовыкина выступали две его бывшие аспирантки» (из четырех авторов рецензии). Не странно ли, что члены редколлегии не подумали об этичности, объективности и нейтральности, санкционируя публикацию статьи Поликарпова-младшего? Другой аргумент: «Что касается существа проблемы, то позиция Поликарпова В. В. не расходится с мнением таких признанных специалистов в области социально-экономической истории СССР эпохи империализма, как П. В. Волобуев, Г. З. Иоффе, Е. Г. Плимак, Г. Л. Соболев, Е. Н. Городецкий, В. И. Старцев, В. П. Булдаков, К. Ф. Шацилло, А. И. Козлов и др., которые тоже выступают с критикой концепции В. И. Бовыкина». О. Ф. Афанасьев, видимо, не знает, что большинство перечисленных им «признанных специалистов» никогда не занимались изучением социально-экономической истории предреволюционной России. Вероятно, ему неизвестно и то, что К. Ф. Шацилло — тоже мой бывший аспирант. Я не знаю, какие выступления имеет в виду О. Ф. Афанасьев. Некоторые из перечисленных им «признанных специалистов» высказывали отрицательное отношение к моей книге, поскольку я посмел в ней не согласиться с постулатами «нового направления»[55]. Но научной, т. е. аргументированной, критики моей *концепции* и ни от кого из них не слышал.

Не удивляет ли вас, читатель, это деление историков на признанных и непризнанных? Тем более что мнение признанных редакцией «признанными специалистами» во главе с П. В. Волобуевым играет, оказывается, очень важную роль при публикации материалов в журнале. Ведь, как сообщил О. Ф. Афанасьев, преимущество статьи В. В. Поликарпова по сравнению с неопубликованной альтернативной рецензией состояло в том, что его позиция «не расходится с мнением» П. В. Волобуева и К°. Совместимо ли все это с упомянутым выше требованием этичности, объективности и нейтральности? И как при всем этом журнал намерен развертывать на своих страницах свободные научные дискуссии?

На вопросы наводит и сформулированное О. Ф. Афанасьевым понимание плюрализма. «Придерживаясь принципа плюрализма мнений в научных спорах,— пишет он,— журнал предоставлял и впредь будет предоставлять свои страницы для публикации ответов ученых на критику их трудов». Но разве плюрализм — это предоставление последнего слова подсудимым, а не обеспечение равноправия при обсуждении различных мнений? Увы, между заявлениями о приверженности принципу плюрализма и его реальным осуществлением есть немалое различие. Это подтвердила и публикация журналом письма Б. Х. Ортобаева «Защита «нового направления» негодными средствами» (1988, № 10). Редакция, которая не видела необходимости при публикации статьи своего сотрудника В. В. Поликарпова дать какие-либо пояснения, сопроводила отклик Б. Х. Ортобаева на нее специальным заявлением, в котором, солидаризировавшись с В. В. Поликарповым, попыталась подкрепить некоторые его обвинения в мой адрес. О какой же равноправной дискуссии может идти речь, если в ходе ее редакция откровенно поддерживает одну сторону?

В заявлении «От редакции» в связи с критическими замечаниями Б. Х. Ортобаева говорится: «Публикуя столь остро полемическую статью, редакция, конечно, произвела сплошную проверку всех фактических сведений и цитат и несет за них полную ответственность». Надеюсь, что приведенные мной выше примеры в достаточной мере показывают, чего стоит это заверение. К тому же вслед за ним следуют два абзаца, в которых редакция уже от своего имени приписывает мне близость ко взглядам С. П. Трапезникова. Утверждая, в частности, будто, «по оценке Бовыкина», исследование Трапезникова «по аграрно-крестьянскому вопросу» давало «правильное решение сложных вопросов обсуждаемой проблемы», она в подтверждение дает ссылки на две статьи. В первой из них книга Трапезникова указана в подстрочнике, наряду с другими работами, в которых рассматриваются сквозные проблемы трех российских революций. А во второй — обзоре изучения проблем истории России периода империализма за время между XXIV и XXV съездами КПСС, написанном шестью авторами (в числе которых кроме меня были: М. С. Волин, Ю. И. Кирьянов, В. Я. Лаверычев, И. М. Пушкарева, С. В. Тютюкин, о чем редакция умалчивает), говорилось не о «правильном решении...», а о «детальном освещении» «истории разработки В. И. Лениным аграрной программы партии в эпоху трех русских революций». Причем это сказано не в написанном мной разделе о социально-экономической литературе, а при анализе историко-партийных работ. Редакция прибегает к передержке, и когда, приведя цитату из опубликованного в журнальной хронике изложения моего выступления в ВШПД и не оговорив этого, выдает его за реализацию мной «как администратором (зам. директора Института истории СССР АН СССР)» «директив» С. П. Трапезникова (с. 182). Разумеется, в качестве администратора мне приходилось исполнять разные директивы. Потому-то я и ушел с упомянутой должности еще в 1975 году. Но для того, чтобы давать «установки», мне не нужно было ехать в ВШПД. Там хватало своих администраторов.

Как может редакция что-то проверить, если она сама, в силу предвзятости или по каким-либо другим причинам, допускает подобные, мягко говоря, неточности?

О том, насколько мало эффективна ее проверка, свидетельствует и опубликованная в том же № 10 статья «признанного специалиста» В. П. Булдакова «У истоков советской истории: путь к Октябрю». Ее автор, во-первых, приписал мне мнение, будто «в России сложилось некое «оптимальное сочетание» объективных предпосылок социализма», заявляя: «и это в то время, как сами вожди Октября утверждали, что в России социализм не мог победить «непосредственно и немедленно»...» (с. 64). Меж-

---

[50] Коммунист, 1988, № 16, с. 94—95.

[51] Огонек, 1987, № 6, с. 4; см. также: Вопросы истории, 1987, № 4, с. 4—5.

[52] Советская культура, 21.III, 9.VII.1987.

[53] Наука и жизнь, 1987, № 11, с. 11—12.

[54] Авторы рецензии передали мне копию этого письма, поскольку в нем высказывалось намерение редакции опубликовать мой «ответ на критику».

[55] См. выступления Е. Г. Плимака, Е. Н. Городецкого, В. И. Старцева и мое за «круглым столом» по истории Октября 22—23 октября 1988 г. (Россия 1917 год: выбор исторического пути, с. 77—81, 85—86, 106, 182—197).

ду тем на указанной им странице и в ряде других мест моей книги как раз и говорится о невозможности в России «непосредственного» перехода к социализму и необходимости позаботиться о «посредствующих звеньях»[56]. Во-вторых, сославшись на меня, он усмотрел «восторг некоторых авторов по поводу того, что Россия по протяженности железных дорог занимала второе место в мире после США» (с. 67), хотя в указанном им месте нет ни малейшего признака восторга. Патологические особенности восприятия, проявляющиеся в том, что В. П. Булдаков не замечает того, что есть, и, наоборот, видит то, чего нет,— это его личная проблема. Но где была редакция?

Свое заявление по поводу письма Б. Х. Ортобаева редакция заключает выражением уверенности в том, что читатели «смогут самостоятельно разобраться», правильно ли приведены цитаты, не искажены ли факты и т. д. (с. 182). Это верно. И письмо Б. Х. Ортобаева свидетельствует о том, что они уже начали разбираться. Но нужно ли заставлять их заниматься этим, публикуя все новые и новые искажения того, что действительно содержится в моей книге? Учитывая заверение редакции об ее ответственности за содержание статьи В. В. Поликарпова, я все же надеюсь, что в том заявлении, которое будет сопровождать мое письмо, редакция, не задавая читателям новых задач для самостоятельного разбирательства, объяснит им, каким образом статья В. В. Поликарпова со всеми присущими ей неординарными свойствами могла увидеть свет, а заодно принесет мне свои извинения.

В. И. Бовыкин

[56] См. Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений, с. 12, 19—25.

В последнее время в нашей печати все чаще дебатируется вопрос о предпосылках Октябрьской революции: были ли они достаточными? Не произошло ли у нас перескакивания через этап, то есть преждевременного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической? Если да, то какие выводы следует сделать из этого для нашей современности? На этот вопрос ответа не дается...

В 1988 г. вышла книга В. И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции». В связи с этим в «Вопросах истории» (1989, № 3) появилась полемическая статья В. В. Поликарпова «Новое направление» — в старом прочтении». Как видно из заголовка, тема статьи чрезвычайно сужена по сравнению с критикуемым трудом В. И. Бовыкина. В. В. Поликарпов не дает в ней стройного и последовательного изложения своей концепции предпосылок Октября, так же как и концепций цитируемых авторов. Статья состоит из большого количества закавыченных или пересказанных кусочков чужих работ, даваемых иногда без необходимого контекста. Свою задачу автор, очевидно, видел в том, чтобы показать, что так называемому новому (теперь очевидно обновляемому) направлению в изучении истории России не давали ходу, тесня его «традиционно-апологетическим истолкованием отечественной истории (прежде всего советского периода)» (с. 44). О том, что именно такова целевая установка статьи В. В. Поликарпова, говорит и отклик на нее не согласного с ним Б. Х. Ортобаева под названием «Защита «нового направления» негодными средствами»[1].

Обращает на себя внимание тот факт, что все трое участников спора цитируют в положительном смысле труды академика Н. М. Дружинина, опираясь на его авторитет, но толкуя его взгляды по-разному. Вот почему мне показалось необходимым дать возможность читателям журнала услышать (в буквальном смысле слова) голос самого Н. М. Дружинина, записанный на магнитофонную пленку 14 марта 1973 г. Проявляя интерес к происходившим в то время дискуссиям между сторонниками и противниками «нового направления», в частности по вопросу о многоукладности России в предоктябрьский период, Н. М. Дружинин высказал свое мнение об этом в беседе со мною. Переношу на бумагу дословно его интервью, сохранившееся в нашем архиве.

— **Вопрос.** Что такое многоукладность? Существует ли такая проблема и нужно ли ее разрабатывать?

— Я понимаю проблему многоукладности не только в смысле сосуществования различных социально-экономических укладов, но также их взаимодействия. Мне кажется очень важным конкретное историческое исследование этого взаимодействия, причем изучение должно вестись на основе марксистско-ленинской методологии, т. е. учения о формациях — смене феодализма капитализмом, капитализма социализмом. Необходимо, мне кажется, конкретно изучить, как капитализм постепенно, медленно (в силу наличия феодального уклада, а затем феодальных пережитков) изменял эти изживающие формы, как он побеждал не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Вот с этой точки зрения, мне кажется, проблема многоукладности имеет научное значение, имеет смысл, потому что у нас, прямо нужно сказать, весь этот процесс перехода от одной формации к другой, процесс укрепления капитализма в большой аграрной стране с преобладанием крестьянского населения изучен недостаточно и требует поднятия новых источников, в частности тех, о которых говорил Валерий Иванович [Бовыкин] на венгерской конференции[2], оппонируя представителям того течения, с которыми он не согласен.

Я согласен с Валерием Ивановичем во всем том, что он говорил на [советско-] венгерской конференции. Считаю, что он совершенно прав, говоря в своем втором выступлении — на обсуждении уральского сборника[3],— что, в сущности, проблема многоукладности не сформулирована сторонниками изучения этой проблемы. Она не раскрыта по ее внутреннему содержанию. Больше того, мне кажется, что всякий читатель этого уральского сборника, следя за полемикой между сторонниками двух разных точек зрения, убеждается, что под многоукладностью разумеется [оппонентами В. И. Бовыкина] не только сосуществование различных укладов и борьба между ними, но, в сущности, и отсутствие созревшего, победившего капитализма. Это, по существу, ликвидация учения о социально-экономических формациях, отрицание капиталистического строя как такового в России и перечеркивание классического труда Ленина «Развитие капитализма в России». Моя точка зрения по этому вопросу отражена в статье «Об особенностях генезиса капитализма в России»[4], где я говорю в конце о многоукладности, сохранившейся после реформы 1861 г., но в то же время подчеркиваю, что при наличии этой многоукладности капитализм пробивал себе все время дорогу. Я должен еще прибавить, что в этой статье я также подчеркиваю закономерность наличия такой многоукладности в переходный период и в других странах. Такая многоукладность была, например, в Америке — в США, где наряду с капиталистическим строем Севера существовало рабовладельческое хозяйство. Они боролись друг с другом и в то же время в известной мере сращивались, что не мешало жизнеспособному, имевшему перспективу победы капитализму в конце концов разорить рабовладельчество, но от него остались, как известно, пережитки. Сохранилась также многоукладность после Французской революции XVIII столетия в форме крестьянской издольщины. Нужно вспомнить, что Маркс, говоря о генезисе капиталистической ренты, подчеркивал, что существуют переходные формы от феодализма к земледельческому капитализму; что на смену феодальной ренты не сразу приходит капиталистическая рента; что сохраняется в некоторых странах парцеллярная мелкая собственность крестьян и что существует также издольщина, т. е. отработки, которые были у нас в России. Таким образом, ничего самобытного, своеобразного Россия в этом смысле не дала. Разница только во времени, темпах развития, разница в формах, масштабах, в особенности в модификациях. Но основные, ведущие процессы переживались всеми странами одинаково.

— **Вопрос.** Можно ли сформулировать поставленную проблему следующим образом: Ленин указал на наличие нескольких укладов в послеоктябрьский период. Но у Ленина не было необходимости в обстановке того времени изучать взаимодействие этих укладов применительно к периоду до Октябрьской революции. Перед историками такая задача может быть поставлена, разработка этой проблемы важна и полезна. Только проблема эта предполагает изучение того, как ведущий — капиталистический уклад постепенно подавлял, ослаблял остальные уклады.

— Конечно. Это тоже моя мысль: если мы хотим ясно, конкретно и подробно представить себе социально-экономические процессы нашей страны, то мы должны продолжать те исследования, которые начаты были другими учеными-марксистами, Марксом и Лениным. Мы должны более широко и более глубоко проникнуть в сущность тех явлений, которые за отсутствием источников и за недостатком их раньше были неизвестны.

* * *

Мысли, высказанные Н. М. Дружининым, нашли свое отражение в его статьях, опубликованных в 1972—1976 гг.[5], а также в его монографии «Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг.» (М. 1978). В этой книге автор прослеживает, как капиталистический уклад, сформировавшийся еще в XVIII в., развивается (особенно после реформы 1861 г.), позволяя говорить о победе капиталистического строя в начале 1880-х годов. В итоге изучения огромного фактического материала о сельском хозяйстве и промышленности Н. М. Дружинин приходит к выводу, что в конце XIX в. в России формируется рабочий класс и складываются предпосылки для союза пролетариата с крестьянством. Этот вывод оказался настолько важным, что по желанию советской общественности «Заключение» его монографии было дважды переиздано — в 1979 и 1987 годах[6].

Следует пожалеть, что автор статьи В. В. Поликарпов, сам не высказался по этим крупным вопросам, имеющим прямое отношение к проблеме предпосылок не только революции 1905 г., но в конечном счете и двух последующих революций. Для этого ему пришлось бы, конечно, глубже изучить и самостоятельно осмыслить труды Н. М. Дружинина и собранный им в течение многих лет его жизни весь богатый материал источников.

Член-корреспондент АН СССР Е. И. Дружинина

[1] Вопросы истории, 1989, № 10.

[2] Речь идет о советско-венгерской конференции на тему «Социальная структура русской и венгерской деревни во второй половине XIX — начале XX в.» (14 сентября 1972 г.). Н. М. Дружинин ознакомился со стенограммой.

[3] Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск. 1972.

[4] Дружинин Н. М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США (впервые напечатано в 1972 г.).— Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М. 1987, с. 348.

[5] Дружинин Н. М. Избранные труды, с. 320—396 (частично переведено на иностранные языки).

[6] История СССР, 1976, № 6, с. 182—187; Дружинин Н. М. Избранные труды, с. 397—404.

Являясь сторонником плюрализма и борьбы мнений в науке и испытав на себе, что значит в течение десятилетия быть лишенным права на ответ критикам, я тем не менее считаю, что редколлегия журнала «Вопросы истории», предоставляя свои страницы для ответа рецензентам, вправе требовать от ищущих справедливости соблюдения некоторых обязательных условий. Меня, например, не смущает полемическая заостренность письма В. И. Бовыкина по поводу статьи В. В. Поликарпова «Новое направление» — в старом прочтении». Полемика в науке, даже сверхострая,— не помеха для выяснения истины и сближения позиций спорящих сторон. Дело в другом: в необходимости строгого соблюдения элементарной научной добросовестности и корректности в отношении рецензента и представляемых им воззрений или концепций. Эти принципы в письме Бовыкина нарушаются.

Автор письма не скупится на упреки в адрес Поликарпова. Их нельзя назвать корректными, хотя в отношении собственной литературной продукции он требует вежливости. Статья Поликарпова, по его мнению, написана в «оскорбительном» и «разоблачительном» тоне, содержит «личные выпады» против автора книги, «слишком похожа на обывательскую сплетню», представляет «прямой обман» и «клеветнические вымыслы», приписывает «различные злодейства» и в конечном счете подменяет научную полемику «войной на уничтожение», причем «войной без правил, в которой все средства хороши: темные намеки, передергивание текстов и фактов, прямая ложь». Видимо, Бовыкин перепутал: время застоя и действительно недопустимые приемы критики того времени перенес на наши дни и на автора, в этом ничуть не повинного. Не случайно в письме и книге Бовыкин ничтоже сумняшеся продолжает ссылаться как на историографический факт на постыдные, открыто разгромные рецензии и статьи, опубликованные в 70-х годах в журналах «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории» и других изданиях. В них, действительно, авторы в выражениях и навешивании ярлыков не стеснялись, с необыкновенной легкостью отлучая от марксизма и науки представителей «нового направления». Как видим, у Бовыкина двойные критерии корректности.

А главное, в своем письме Бовыкин хочет доказать недоказуемое — будто бы его книга «Россия накануне великих свершений» вовсе не является попыткой оправдать задним числом свое активное участие в борьбе с «новым направлением», в разгроме этого направления в исторической науке, этой позорной странице в нашей историографии. Из письма узнаем любопытнейшие факты: оказывается, Бовыкин вовсе и не участвовал в кампании против «нового направления», а просто выражал несогласие с ним и критиковал его представителей. О характере этой критики можно судить и по содержанию помещенного выше письма.

Одновременно автор письма стремится — в который раз! — доказать, что «новое направление» было и остается ненаучным и ошибочным. Неясно, однако, почему с ним так яростно боролись в 70-х — начале 80-х годов, а Бовыкин не складывает оружия и до сих пор. Только за последние два года он написал книгу, ставшую предметом критики на страницах «Вопросов истории», обширную журнальную статью[1] и, наконец, рассматриваемое письмо.

Я уверен, придет время, и честные историографы напишут о горстке сторонников «нового направления» как о людях, которые в период, когда большинство историков предавалось историческому пустозвонству, а атмосфера застоя убивала всякую живую мысль, пытались противостоять административному произволу в исторической науке и реставрации сталинизма и остались верны своим научным убеждениям, жертвовали ради них своей карьерой, здоровьем, а порой и жизнью.

Что касается названных работ Бовыкина, то надо учесть, что, поскольку времена изменились, ему пришлось пристраиваться к перестройке. Но, как справедливо заметил он сам, «ратовать за перестройку и перестраиваться самому — это далеко не одно и то же»[2]. Его же названные работы — лучшее тому подтверждение. Бовыкин в своем письме выражает недовольство по поводу того, что Поликарпов в своей рецензии в лице Бовыкина «рисует образ обществоведа, обслуживающего идеологию застоя». Но ведь Поликарпов в данном случае ничего не придумал, он лишь выразил широко распространенный среди научной общественности взгляд на смысл деятельности Бовыкина в годы застоя.

Бовыкин прав, критикуя в своем письме Поликарпова за то, что он «странным образом» игнорирует его статью в журнале «История СССР». К сожалению, эта статья почему-то до сих пор по достоинству не оценена научной общественностью. Между тем в этой статье делаются открытия, заслуживающие всемерной популяризации. Отметим хотя бы два. Первое. Еще до начала перестройки, в последнее 15-летие, то есть в годы застоя, происходил «процесс самоочищения советской исторической науки от всего наносного», который «принес зримые результаты»[3]. Итак, читатель, мы, историки, можем смотреть на других обществоведов сверху вниз: пока они погрязали в застое, в вульгарном социологизме и конъюнктурщине, мы самоочищались. Более того, в исследовании исторических предпосылок Великого Октября мы в те же последние 15 лет сделали «качественно новый шаг»[4]. Разумеется, вперед и только вперед...

Теперь, слава богу, мы знаем, когда и почему началось это самоочищение в нашей исторической науке. С середины 60-х годов

[1] Бовыкин В. И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.— История СССР, 1988, № 5, с. 67—100.

[2] Там же, с. 97.

[3] Там же.

[4] Там же.

«новое направление», по Бовыкину, «в полной мере проявило свою разрушительную силу, подавляя (!) разработку альтернативных идей»[5]. А в письме он договаривается даже до того, что представители «нового направления» стояли будто бы у истоков тенденции «ограничить, сузить рамки этого разоблачения (культа личности.— *П. В.*) и тем самым помешать радикальному освобождению исторической науки от сковывавшего ее воздействия культа личности». Что при таком положении дел в исторической науке оставалось делать? В середине 70-х годов «новое направление» пришлось подавить, и это открыло простор для творческой мысли историков в области предпосылок Великого Октября. А мы-то, несведущие, полагали, что историкам мешали административное вмешательство в дела нашей науки, засилье догматизма и отступления от марксистской методологии. Благодаря этим открытиям стали ясны теперь причины и подавления «нового направления» и административных преследований его представителей.

В этой связи считаю уместным ответить на упреки Бовыкина в том, что сторонники «нового направления» уклонялись от участия в научной дискуссии. Мне, в частности, ставится в вину, что я, дав в 1986 г. редакции журнала «История СССР» согласие выступить на его страницах (о таком моем согласии журнал без моего ведома возвестил в редакционной вводке к упомянутой пространной статье Бовыкина), не сделал этого. Действительно, в свое время я получил приглашение от тогдашнего главного редактора акад. И. Д. Ковальченко принять участие в «круглом столе» о спорных проблемах социально-экономического развития России в конце XIX — начале XX века. Однако, согласившись с таким замыслом в принципе, принять участие я практически не смог не только из-за перегруженности другими делами, но и ввиду открывшихся новых обстоятельств: мне стало известно о наличии в редакционном портфеле статьи Бовыкина. Мне, одному из немногих оставшихся в живых сторонников «нового направления» (я даже числюсь его главой и бит был как его глава, но, говоря по совести, идейным вдохновителем этого направления был безвременно умерший К. Н. Тарновский) предстоит еще выступить с рассказом о нем по всему комплексу проблем, а не только тех, которые избирательно поднимаются Бовыкиным.

Бовыкин обвиняет Поликарпова в том, что он вводит в заблуждение читателей. Но его письмо на поверку представляет образец именно такого творчества. В частности, он утверждает, что в рецензии ее автор не дал представления о содержании, структуре и тематике его книги. Далее Бовыкин пишет, что из шести глав книги лишь в одной он говорит о «новом направлении». Но это не так. Три главы (2, 3 и 5), а также заключение содержат пространную критику как тех или иных концепций «нового направления», так и отдельных авторов. Так, в главе 2-й А. М. Анфимову припомнили, что он в свое время писал, что до первой мировой войны «в земледельческом строе Европейской России полукрепостнические порядки еще превалировали над капиталистическими»[6]. Затем Бовыкин победоносно сообщает, что А. М. Анфимов в дальнейшем якобы «окончательно» отказался от этого положения[7]. Здесь надо отметить три момента. Во-первых, Бовыкин и сейчас, в эпоху плюрализма научных мнений, не допускает мысли о правомерности такой точки зрения, как преобладание полукрепостнических отношений в аграрном секторе предреволюционной России. Во-вторых, умалчивает, при каких обстоятельствах и какими способами был добыт в 70-х этот отказ. В-третьих, излюбленным критическим приемом Бовыкина являются упреки в адрес «нового направления» в том, что его выводы носят априорный характер и не опираются, в отличие от направления, представленного им самим, на результаты изучения процессов капиталистического развития России. Но, думается, даже у Бовыкина нет оснований сказать это об А. М. Анфимове. И разве уберегли Анфимова эти исследования от гонений в 70-е годы?

Еще один пример научной недобросовестности, касающийся интерпретации моих критических замечаний в адрес аграрников за преувеличение уровня развития аграрного капитализма. Им делается вывод, что я отвергаю «результаты новейших исследований» аграрников на том основании, что они не соответствуют моим устаревшим представлениям. Аграрники-де писали о господстве буржуазных отношений в России, представлявших неразвитые формы аграрного капитализма. Действительно, недавно акад. Ковальченко скорректировал свои воззрения по этой проблеме, сделав указанный вывод[8]. Я удовлетворен тем, что мои «устаревшие представления» о господстве в русской деревне примитивного капитализма[9] совпали с выводами И. Д. Ковальченко. Замечу, что к месту и не к месту автор письма ссылается на авторитетные имена академиков Н. М. Дружинина и Ковальченко. Этично ли это? И не подставляет ли он их намеренно под удар критики?

Бовыкин утверждает, что Поликарпов грешит против истины, говоря об «административных гонениях, якобы обрушившихся на сторонников многоукладности» (читай: «нового направления»), и плодит легенды о насильственном пресечении поисков в русле концепции многоукладности. В письме рисуется идиллическая картина не только

[5] Там же, с. 93—94.

[6] Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. М. 1988, с. 30—31.

[7] Там же, с. 35.

[8] См. Ковальченко И. Д. Исследование истины само должно быть истинно.— Коммунист, 1989, № 2, с. 92.

[9] См. Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития. М. 1987, с. 140. Цитатами из этой книги В. И. Бовыкин позволяет себе охотно манипулировать, но ради введения в заблуждение читателей «не заметил» нежелательного текста.

отсутствия оного, но и почти трогательной заботы о сотрудниках, зачисленных в новые сектора и получивших возможности для продолжения разработки избранных ими проблем и беспрепятственной публикации своих исследований. Трудно понять: что это — цинизм или недомыслие? Между тем научная общественность еще не забыла о жестоких проработках сторонников «нового направления», об остракизме, которому они были подвергнуты в 70-х годах, о принудительных перемещениях из одного сектора в другие, о лишении их права ответить на недобросовестную критику. Бовыкину вместо обид пора бы пролить свет на свою активную роль в этих противонаучных деяниях. Может быть, Бовыкин забыл о своей трогательной «заботе» о публикации монографий покойного А. Я. Авреха? Мне не очень удобно напоминать о себе, но Бовыкин, так много страниц посвятивший мне в своих трех опусах, почему-то не счел нужным упомянуть, какие «благодеяния» выпали в те же годы на мою долю. Или он считает в порядке вещей принудительное перемещение ученого в непрофильный институт? Упрекая меня за то, что в последнее 20-летие я перестал заниматься исследованиями по экономической истории[10], он забыл о «мелочи»: последние 15 лет я, находясь «в ссылке» в другом институте, был оторван от этой проблематики и мог наблюдать за исследовательским процессом в меру оставшихся сил и времени. А разве Бовыкину не известна трагическая судьба В. В. Адамова, вдумчивого ученого, инвалида Великой Отечественной войны, безжалостно изгнанного из Свердловского университета и вскоре умершего? К слову сказать, и в наши дни Бовыкин продолжает считать ошибочными высказывания Адамова о многоукладности[11], хотя они при творческом и современном прочтении таковыми не являются.

Из научных проблем, пространно и претенциозно поставленных в письме Бовыкина, кратко остановлюсь на двух. Известно, что одним из серьезных обвинений, предъявлявшихся «новому направлению», было обвинение в «новом прочтении» трудов Ленина. Тогда это приравнивалось к попытке ревизии марксизма-ленинизма. И вот в своем письме спустя более 15 лет Бовыкин пытается оправдать эту позорную практику, утверждая, что «такое «прочтение» означало фактически поиск новых цитат и формул взамен тех, которые перестали носить канонический характер». (Неужели были тогда и такие?) Иначе как кощунственным, это заявление нельзя назвать. Ибо впервые после XX съезда КПСС некоторые ученые предприняли попытку положить конец вырыванию цитат из контекста и бездумному оперированию ими, найти новый подход к изучению классиков марксистской мысли с позиций системности, генезиса и эволюции их взглядов и т. п. Вот почему свою научную значимость сохраняют и по сей день работы о взглядах Ленина на конкретные проблемы И. Ф. Гиндина, Тарновского, Анфимова, Л. М. Иванова и других сторонников «нового направления». По мнению же Бовыкина, призывы к «новому прочтению» Ленина нанесли тогда «ощутимый урон» познанию процессов капиталистического развития России. И это говорится в наши дни, отмеченные столь широким стремлением к новому прочтению Ленина!

Проблема многоукладности в творчестве Бовыкина поистине является генеральной идеей. Причем он находит в ней все новые и новые, к сожалению, антинаучные грани. Так, в его письме читаем, что, вынужденные отказаться от сталинского тезиса о России как полуколонии, некоторые представители «нового направления» заменили скомпрометированный тезис идеей многоукладности. А рассматривая все сказанное Бовыкиным о проблеме многоукладности, приходится констатировать ложность его подходов к ней и надуманность, предвзятость выдвигаемых против «нового направления» обвинений. Для него многоукладность все еще одно из ненавистных установочных заклинаний.

Поражает и теоретико-методологическая беспомощность анализа этой проблемы. Так, Бовыкин пишет, что «В. И. Ленин никогда не пользовался понятием «многоукладность». Это верно, но он равным образом не пользовался полюбившимся Бовыкину и приписываемым им Ленину понятием «пестрота общественно-экономической структуры России»[12]. Перед нами стремление подменить строгое научное понятие поисками эвфемизмов. Правда состоит в том, что советские ученые-обществоведы задолго до появления «нового направления» именно на основе трудов Ленина сформулировали понятие «многоукладность». Сначала его применили к ленинскому анализу экономики послеоктябрьской России, а затем, логично рассуждая, что многоукладность не появилась на другой день после Октябрьской революции, распространили на анализ экономики капиталистической России. И это было вполне правомерно. Бовыкин же, зная о том разнообразии смыслов, какое Ленин вкладывал в понятие «уклад», тем не менее настаивает на своем догматическом толковании одного из ленинских высказываний: «В России происходит смена крепостничества — капитализмом. Никакого иного, «третьего», уклада народного хозяйства в России нет»[13]. Понятно, что здесь речь идет о переходе от феодальной формации к капиталистической (в зрелой ее форме), а не об отсутствии иных укладов в предреволюционной России.

Хуже, однако, другое. И в своем письме, не говоря уже о книге и журнальной статье, Бовыкин продолжает настаивать, будто сторонники «нового направления» (Тарновский, Волобуев, Гиндин и другие) рассматривали многоукладность как совокупность укладов, ни одни из которых якобы не был господствующим. Это сущая неправда. Для всех нас положение о господстве капитализма, о ведущей роли капиталистического уклада в экономике страны было аксиомой. Отправляясь от этой аксиомы, одни из нас (Тарновский) занялись проблемой взаимодействия укладов, в частности капиталистического, с другими укладами и структурой капиталистического уклада. Другие (пишущий эти строки) — социально-классовыми последствиями многоукладности и т. д. и т. п.

Несостоятельны также попытки принизить значение изучения этой проблемы под тем предлогом, будто она была выдвинута априорно, а не исходя из конкретно-исторических исследований. Разве не ясно, что познание, в том числе историческое, идет двумя путями: от общего к частному и от частного к общему. Меня интересовали, например, историко-теоретический и социальный аспекты проблемы многоукладности как основы повышенной политической напряженности и классовой конфликтности в обществе. Не могу признать корректной и попытку Бовыкина приписать мне отождествление происхождения и характера многоукладности в современных странах «третьего мира» и многоукладности дореволюционной России[14].

Заканчивая разговор о многоукладности, хотелось бы сказать, что в силу ряда причин именно она послужила удобным предлогом для разгрома «нового направления». А Бовыкин и ныне считает это правильным, прибегая к квазинаучным доводам о бесперспективности этой проблемы. Что касается его соображения, будто критика ошибочных представлений о многоукладности сдерживалась наличием этого тезиса в сборнике трудов главного идеолога партии М. А. Суслова, то оно, говоря языком Бовыкина, абсурдно. Критиков «нового направления», получивших соответствующие установки сверху, не сдерживало ничто — ни ссылки на Ленина, ни даже на труды самого Трапезникова.

В своем письме Бовыкин, игнорируя убедительные доводы Поликарпова, настойчиво проводит свою линию, начатую в книге и журнальной статье,— убедить читателей, что «новое направление» — это реанимация старых, сталинских концепций. Но тогда немотивированным становится отношение к «новому направлению» Трапезникова, В. А. Голикова, С. С. Хромова, Ф. М. Ваганова, В. И. Куликова — вдохновителей и организаторов его разгрома. При всей их слабой научной компетентности (а первые двое были просто невежественными людьми) они, однако, хорошо понимали, кто и куда двигал науку, кого надо бить и преследовать, а кого миловать и награждать (постами, орденами, ограждением от критики, монопольным положением в науке и т. п.).

К каким бы громким я обличительным наукоподобным выпадам против «нового направления» ни прибегал Бовыкин, ему не удастся затемнить суть основных расхождений между ним и «новым направлением». А она состоит в разной оценке уровня и характера (типа) капиталистического развития России, то есть степени ее готовности к социалистическому преобразованию в 1917 году. Он и его сторонники выводили и выводят Октябрьскую революцию напрямую из зрелости материальных предпосылок социализма. «Новое направление» и историческая практика показали всю несостоятельность и узость этой посылки.

К сожалению, Бовыкин в полемике руководствуется не научными мотивами, а совсем иным — стремлением идейно-политически скомпрометировать сторонников «нового направления». Ему, видно, мало той тризны, которая была справлена при похоронах «нового направления» в 70-х годах. И нестерпимо видеть, что те же основные идеи живут и возрождаются.

С особым вниманием отнесся Бовыкин и ко мне. И это понятно. Судя по его книге, статье, а также письму, в его лице я обрел уже работающего на износ творца моей научной биографии. Мой жизненный и научный путь был сложным, трудным и противоречивым. В моей не столько научной, сколько политической биографии имел место тот факт, который изложен в письме Бовыкина. Да, в бытность мою инструктором Отдела науки и культуры ЦК КПСС я, как в силу особенностей аппаратной работы, так и едва начавшегося у меня пересмотра сталинских догм, в служебной записке дал неверную оценку деятельности журнала «Вопросы истории» в 1954—1955 годах. Это было моей ошибкой, и о ней я давно поведал своим ближайшим друзьям. Теперь я каюсь перед научной общественностью. Но после 1953 г. я, как и многие другие обществоведы, эволюционировал, пересматривая свои прежние взгляды. Так, к моменту принятия постановления ЦК КПСС о журнале «Вопросы истории» я уже считал это решение недопустимым административным вмешательством в научные дела. После XX съезда КПСС я решительно пересмотрел просталинистские взгляды. Кажущаяся «странная эклектичность» моих работ, о которой пишется в письме, как и встречавшиеся в моих прежних работах переоценки уровня развития монополистического капитализма в России — не что иное, как нормальное явление в научной эволюции любого исследователя. А при нынешней быстроте развития нашей общественной мысли сказанное или написанное вчера в какой-то мере уже устаревает сегодня.

Я не против обнародования Бовыкиным сведений о давней моей записке, но протестую против ее интерпретации. От этой записки, по мнению Бовыкина, рецензент Поликарпов ведет «начало так называемому новому направлению». Фантастика, да и только! Столь же недобросовестно, путем передержек, Бовыкин, уличая меня в нескромности и мифотворчестве, поправляет, что я был директором Института истории

[10] Бовыкин В. И. Проблемы перестройки исторической науки, с. 91.
[11] Там же, с. 83.
[12] Там же, с. 86, 88.
[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 136.
[14] См. Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений, с. 151.

СССР не с 1965, а с 1970 года. Но из моей статьи об известном ученом-историке А. П. Кучкине в газете «Советская культура»[15] это никак и не вытекает. Что же касается поддержки мною настоящих передовых ученых в бытность мою директором Института истории АН СССР, в чем автор письма, естественно, сомневается, то могу сказать коротко: не делай я этого, моя судьба в 70-х годах была бы иной.

Следует, однако, признать обоснованность некоторых претензий Бовыкина. Так, он прав, когда указывает на два просчета в рецензии Поликарпова. В последнем ее абзаце в ряду цитат имеется такая, источник которой не назван. Это оценка «нового направления» как «системы ложных взглядов, чуждых советской исторической науке» — цитата взята из подписанного Бовыкиным в 1974 г. экспертного заключения о необходимости крупных оргвыводов[16]. Обоснованно критикует Бовыкин Поликарпова и за искажение названия книги «Новое в советской исторической науке».

Нельзя не отметить, что нетерпимость к критике привела Бовыкина к непомерному расширению круга лиц — обидчиков, посмевших иметь свое мнение. Считаю, что напрасно он упоминает в своем письме о «посторонних лицах» — акад. И. И. Минце, В. Д. Поликарпове, Ю. Н. Афанасьеве, В. П. Булдакове. Причем о содержательной статье последнего высказался в недопустимой форме, обвинив ученого в «патологической особенности восприятия».

Как показывают книга и письмо Бовыкина, весь он во власти теоретико-методологических представлений и взглядов исторической науки вчерашнего, а то и позавчерашнего дня. Достаточно сказать, что корни Октябрьской революции он выводит из пресловутого конфликта между производительными силами и производственными отношениями, не улавливает альтернативности исторического развития России, не выясняет значения типа российской капиталистической эволюции, не учитывает роли отсталости страны как катализатора всех общественных противоречий и революционных потрясений, сомневается в необходимости «нового прочтения» Ленина. Бовыкин, как видно, ничего не понял и ничему не хочет учиться у жизни.

Член-корреспондент АН СССР
П. В. Волобуев

[15] Советская культура, 6.V.1989.
[16] Ветер времени. М. 1989, с. 311.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НОВЫЙ ПОДХОД К УЧЕТУ БЕЗВОЗВРАТНЫХ ПОТЕРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В современных условиях историки получили наконец возможность объективно, с реалистических позиций осветить многие недостаточно хорошо исследованные вопросы истории Великой Отечественной войны. В их числе — вопрос о масштабах потерь, понесенных Советскими Вооруженными Силами в 1941—1945 годах. Б. В. Соколов, опираясь на официальные источники, определяет число убитых советских военнослужащих в 8,5 млн. человек, а умерших от ран — в 2,5 млн. человек[1]. Р. А. Степанов посчитал, что он завысил прежде всего число умерших от ран, однако своих соображений по данной конкретной цифре не привел[2].

В любом случае как цифры о наших безвозвратных потерях, приведенные Б. В. Соколовым, так и те, которые могут появиться в других публикациях, будут неизбежно порождать ряд вопросов. Насколько тщательно осуществлялся в годы войны учет погибших и умерших от ран бойцов? Не отражают ли цифры исследователей картину не фактических, а только персонально учтенных потерь среди личного состава Красной Армии?

Ответ на эти и многие другие вопросы возможен лишь тогда, когда в научный оборот будут введены новые сведения, содержащиеся в ранее не выявленных и не использованных исследователями источниках. Нами предпринята попытка на основе документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны (МО) СССР и архиве Военно-медицинского музея (ВММ) МО СССР и впервые вводимых в научный оборот, наметить подход к оценке потерь убитыми и ранеными в годы Великой Отечественной войны с принципиально иных позиций.

Известно, что в обстановке первых месяцев войны погребение убитых советских военнослужащих проводилось во многих случаях неудовлетворительно. Зачастую труп погибшего красноармейца было невозможно опознать из-за отсутствия при нем какого-либо документа, удостоверяющего личность. Подобное стало возможным потому, что по приказу наркома обороны в 1940 г. красноармейские книжки для рядового и младшего начальствующего состава действующей армии были отменены. В приказе НКО № 330, подписанном Сталиным 7 октября 1941 г., признавалось, что это было ошибкой, ибо «красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов, удостоверяющих личность»[3]. Приказ устанавливал порядок оформления и выдачи красноармейских книжек и вступал в силу с момента его подписания. Однако реализация данного приказа в воинских частях и соединениях надолго затянулась. Так, уже шел январь 1942 г., а начальнику политотдела 7-й отдельной армии бригадному комиссару В. М. Шарову продолжали докладывать о задержке в выдаче красноармейских книжек в различных частях и подразделениях. В донесении службы тыла подчеркивалось, что для фотографирования личного состава на требуемые документы необходимо дополнительно как минимум 40 фотоаппаратов, 1 тыс. коробок фотопластинок, 100 катушек фотопленки и т. п. Все телеграммы политотдела тыловых частей и учреждений армии по этому поводу в Главное интендантское управление остались без ответа, не помогла и телеграмма на имя начальника Главного политического управления Л. З. Мехлиса[4].

Беспокойство по поводу необеспеченности красноармейскими книжками многих бойцов, плохую организацию учета потерь среди личного состава, факты безответственного отношения к захоронению погибших еще 23 декабря 1941 г. отразила директива начальника ГлавПУ РККА № 307. В ней говорилось: «Многие командиры, комиссары действующих частей не заботятся о том, чтобы организовать сбор и погребение трупов погибших... Нередко трупы погибших в боях с врагом за нашу родину бойцов не убираются с поля боя по нескольку суток и никто не заботится, чтобы с воинскими почестями похоронить своих боевых товарищей даже тогда, когда имеется полная возможность... Погребение убитых в бою про-

[1] Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны.— Вопросы истории, 1988, № 9, с. 117.
[2] Степанов Р. А. Нельзя играть цифрами.— Военно-исторический журнал, 1989, № 6, с. 39.
[3] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) СССР, ф. 340, оп. 5409, д. 3, л. 164.
[4] Там же, д. 9, л. 7.

изводится часто не в братских могилах, а в окопах, щелях и блиндажах. Индивидуальные и братские могилы не регистрируются, не отмечаются на картах и должным образом не оформляются»[5]. Директива предлагала принять меры к тому, чтобы каждый красноармеец имел красноармейскую книжку, а командиры и политработники — удостоверение личности установленного образца; на лиц, подлежащих захоронению, обязательно должны были составляться именные списки на основании документов, обнаруженных при убитых. Однако на вопрос, как учитывать погибших, при которых не было обнаружено документов, ответа в директиве не было.

Следующим актом, призванным выправить положение с учетом погибших на поле боя воинов, следует считать введение в действующей армии в 1942 г. специальных медальонов с двумя вкладышами, куда заносились демографические данные владельца и сведения на его ближайшего родственника с указанием адреса последнего. Приходится констатировать, что и с этим дела обстояли не лучшим образом. Так, в приказе командующего 14-й армией генерал-майора В. И. Щербакова отмечалось, что по итогам проверки выявлено: в 10-й стрелковой дивизии — около 45%, а в 14-й стрелковой дивизии — около 20% военнослужащих медальонами со вкладышами не обеспечены, а в некоторых соединениях медальонов почти никому не выдано[6]. Видимо, нельзя не принимать во внимание и чисто психологический фактор: некоторые бойцы по соображениям суеверного характера предпочитали носить медальон пустым или с одним вкладышем. Не случайно в завершающей части вышеприведенного приказа политорганам и комиссарам частей предлагалось провести разъяснительную работу среди личного состава о значении учета персональных потерь и в связи с этим обязательности ношения медальона с двумя акладышами.

Другим существенным недостатком, как отмечалось в приказе, является отсутствие в ряде частей и соединений книг погребения павших воинов, несвоевременное и неполное составление именных списков погибших, факты, когда к этим именным спискам не прикладываются вкладыши из медальонов убитых, как того требует установленный порядок. Общим итогом неудовлетворительной работы по учету персональных безвозвратных потерь следует считать значительное расхождение между данными фактического и персонального учета потерь[7].

К каким серьезным последствиям привел в масштабах Красной Армии неудовлетворительно организованный учет персональных безвозвратных потерь, видно из приказа № 0270 от 12 апреля 1942 г. заместителя наркома обороны Е. А. Щаденко «О персональном учете безвозвратных потерь на фронте». В приказе говорялось: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших... Получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых»[8].

В связи с этим вполне резонно предположить, что И. В. Сталин, приводя на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великого Октября, сведения о наших потерях за 4 месяца войны (350 тыс. убитых)[9], брал за основу цифры не фактических, а персонально учтенных на тот день безвозвратных потерь. И цифра (700 тыс. убитых советских военнослужащих)[10], приведенная в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, не так уж далека от истины.

Вопрос о персональном учете безвозвратных потерь продолжал и в дальнейшем оставаться чрезвычайно острым. В этой связи несомненный интерес представляют: приказ НКО № 214 от 14 июля 1942 г. и приказ начальника тыла Красной Армии № 25 от 12 августа 1943 года. Этими документами предписывалось ежемесячно высылать в специально организованный Отдел по персональному учету потерь сержантского и рядового состава и пенсионному обеспечению их семей данные не только на убитых, но и на скончавшихся в лечебных учреждениях (копии с такими сведениями части и соединения обязаны были представить начальнику тыла своей армии)[11]. Однако и в госпиталях персональный учет умерших воинов не всегда был организован надлежащим образом. Командированный на Волховский фронт инспектор отдела по учету безвозвратных потерь в акте проверки от 27 сентября 1943 г. записал, что в эвакогоспитале № 1374 г. Тихвина с августа 1941 г. по май 1942 г. именные списки потерь вообще не составлялись. В акте проверки другого госпиталя значилось: книга погребения не пронумерована, не прошнурована, не скреплена печатью; именные списки безвозвратных потерь до мая 1943 г. в отдел по учету потерь при начальнике тыла Волховского фронта не высылались[12].

Немаловажное значение в деле упорядочения учета персональных потерь в госпиталях имело своевременное оформление медицинской документации на каждого поступающего в лечебное учреждение. Инструкция по захоронению воинов, умерших в госпиталях, предусматривала обязательное погребение трупов по истечении 48 часов после нахождения в морге, причем как опознанных, так и неопознанных[13]. Всегда ли регистрировались трупы красноармейцев, скончавшихся иногда уже через несколько часов после поступления в госпиталь без каких-либо документов, на этот вопрос сейчас трудно ответить однозначно в положительном смысле. Во всяком случае, не взятые на персональный учет, такие умершие бойцы неизбежно переходили в дальнейшем в разряд пропавших без вести.

Безусловно, медицинская документация на умерших, а также на раненых и больных могла отсутствовать по нескольким причинам. Даже в архиве ВММ МО СССР, хранящем в своих фондах свыше 20 млн. историй болезни, более 32 млн. карточек учета военнослужащих, поступивших в годы Великой Отечественной войны во все военно-медицинские учреждения, не содержится сведений на всех проходивших лечение, точно так же как нет и списков умерших по каждому госпиталю. Часть документов медицинских учреждений погибла вместе с самими этими учреждениями, часть была уничтожена военными медиками по условиям боевой обстановки, часть оказалась в руках врага[14].

Восполнить пробел в установлении числа персональных потерь по умершим в госпиталях в определенной мере могла бы помочь регистрация скончавшихся на воинских кладбищах. К сожалению, в результате халатного отношения к воинским захоронениям со стороны командования отдельных военно-медицинских учреждений часто оборванной оказывалась и эта последняя ниточка. Так, в директиве командующего Архангельским военным округом генерал-лейтенанта Т. И. Шевалдина отмечалось, что многие воинские захоронения на кладбищах эвакогоспиталей Череповца на учет взяты не полностью, многие надписи, сделанные чернильным карандашом, смыты[15]. Подобные факты были далеко не единичны.

В ряде случаев нарушения в своевременном учете умерших и погибших носили объективный характер. Только за блокадную зиму 1941—1942 гг. в моргах и прозекторских военных госпиталей Ленинграда скопилось около 7 тыс. незахороненных трупов. Похоронные команды не справлялись: не хватало транспорта, плохо поддавалась мерзлая земля, а сил у солдат, что из запасных, было мало. В довершение всего имели место случаи, когда ослабленные блокадой мирные жители были не в состоянии похоронить умерших родственников и подбрасывали их тела к моргам госпиталей. Только в марте 1942 г. после привлечения команды взрывников и выделения дополнительного транспорта вывоз трупов и оформление захоронений приняли систематический характер[16].

К другим объективным причинам следует отнести сложности в установлении личности зверски замученных и убитых советских военнопленных. Многочисленные акты свидетельствуют: тела многих бойцов, обнаруженные на освобожденной от врага территории, были обезображены до неузнаваемости, установить личность погибшего при отсутствии документов не представлялось возможным. В местах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов, создавались специальные комиссии по погребению трупов и санитарной очистке района. К примеру, на заседании Мгинского райкома ВКП(б) 22 апреля 1942 г. перед такой комиссией в качестве первоочередных ставились задачи: составить списки захороненных советских воинов и выслать сведения на погибших в центральное бюро по учету потерь (существовало до момента организации Отдела по учету потерь, последний в 1944 г. был преобразован в управление); проверить состояние братских могил и в случае необходимости произвести перезахоронение трупов[17]. Понятно, что если решить вопрос о санитарной очистке освобожденного района раньше или позже удавалось, то составить полные персональные списки на всех захороненных в братских могилах, рвах и оврагах практически было невозможно.

Было бы неправильным не отметить и то, что политорганы Красной Армии неоднократно пытались навести соответствующий учет в персональных безвозвратных потерях, принимали меры к усилению контроля за установленным порядком захоронения военнослужащих. Знакомство с материалами партийных собраний медико-санитарных частей и учреждений позволяет утверждать, что в большинстве первичных парторганизаций вопрос о ходе реализации директив и приказов наркома обороны по учету персональных безвозвратных потерь выносился на повестку дня. Но, видимо, сложившаяся к середине 30-х годов практика формально-казенного отношения к человеку, винтику великого государственного механизма, заставляла пожинать свои горькие плоды. Не только проблема персонального учета погибших и умерших, но и персонального учета погребенных оставалась на повестке дня практически всю Великую Отечественную войну. Ее отголоски, как выстрел из прошлого,— в нынешнем состоянии наших кладбищ, братских могил, до сих пор лежащих в топях болот на Волховских рубежах останков солдат 2-й ударной армии. Свою лепту в эту удручающую картину внесло наше время — время крушений нравственных идеалов и размывания моральных ценностей. И только сегодня ветер обновления учит нас совершенно дру-

---

[5] Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны (ВММ МО) СССР, ф. 21, оп. 5780, д. 4, лл. 141—143.

[6] ЦАМО СССР, ф. 363, оп. 6269, д. 92, л. 602.

[7] Там же, л. 603.

[8] Архив ВММ МО СССР, ф. 21, оп. 23, д. 37, л. 50.

[9] Правда, 7.XI.1941.

[10] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2. М. 1971, с. 41.

[11] Архив ВММ МО СССР, ф. 49, оп. 13835, д. 21, л. 50.

[12] Там же, ф. 290, оп. 9442, д. 5, лл. 123, 177—178.

[13] Сборник инструктивных материалов по работе эвакогоспиталей. Вып. 4. Казань. 1942, с. 38.

[14] Стенографический отчет «круглого стола» архивов по вопросам работы с военными документами государственного архивного фонда СССР. 24—28 сентября 1987 года. М. 1988, с. 91—92.

[15] Архив ВММ МО СССР, ф. 308, оп. 12808, д. 54, л. 70.

[16] Там же, ф. 141, оп. 7915, д. 1, лл. 265—266.

[17] Ленинградский партийный архив, ф. 0—1293, оп. 1, д. 12, лл. 40—41.

гими глазами смотреть на девальвированную ценность человеческой жизни.

В заключение имеет смысл остановиться на трех основных моментах. На наш взгляд, на сегодняшний день точно определить истинные масштабы безвозвратных военных потерь не представляется возможным. Может получиться, что даже официальные данные, которые представит нам в ближайшие два-три года МО СССР, отразят картину не столько фактических, сколько персонально учтенных в годы войны потерь среди личного состава Красной Армии. В сложившейся ситуации наиболее оптимальным с точки зрения установления истины представляется качественная реализация решения ЦК КПСС о создании Всесоюзной книги Памяти, куда планируется внести всех погибших солдат и офицеров Великой Отечественной войны. Выявление сведений идет по отдельным краям, областям и республикам страны и должно завершиться изданием книг Памяти на местах. На вооружение при этом было бы разумно взять опыт вологжан, где в 1988 г. с помощью группы «Поиск» студентов педагогического института была издана «Книга-мемориал воинов, умерших в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны». Увековечивая память жертв войны, мы ни в коем случае не должны пройти мимо этой категории военнослужащих.

Работа по максимально точному выявлению безвозвратных персональных потерь должна вестись не только в ЦАМО СССР, где сейчас с картотекой безвозвратных потерь работают представители этого ведомства и создатели книги Памяти из различных регионов страны. Нельзя забывать, что в управление по учету потерь в годы Великой Отечественной войны не поступали данные о погибших и пропавших без вести партизан и подпольщиков. Все сведения о них сосредоточивались в военных отделах обкомов, крайкомов партии, в Центральном штабе партизанского движения. Именно здесь могли получить родственники партизана информацию о его судьбе. Следовательно, для уточнения персонального числа безвозвратных военных потерь с поправкой на погибших партизан и подпольщиков, для внесения и их имен во Всесоюзную книгу Памяти необходимо обратиться к нашим партийным архивам.

Уходом за могилами жертв второй мировой войны занята в ФРГ армия добровольных помощников, объединенная в «Народный союз по уходу за немецкими военными могилами», причем к числу немецких по действующему в стране законодательству отнесены захоронения и тех, кто оказался в немецком плену или был угнан на принудительные работы в фашистскую Германию и там скончался. Усилиями этой организации, как сообщила своим читателям 19 июля 1989 г. «Советская Россия», нашему послу в Бонне было передано 53 тома информационных материалов, позволяющих прояснить судьбу 339 671 советского человека. Учитывая высокую эффективность работы западногерманских энтузиастов в организации персонального учета воинских захоронений, а главное — прискорбное состояние наших кладбищ, автор корреспонденции В. Агеев предлагает обдумать вопрос о создании и у нас подобной самофинансируемой народной организации по уходу за могилами жертв войны. Не возражая в принципе против подобной постановки вопроса, думается, что решающую роль в наведении порядка на наших погостах возьмут на себя обновленные местные Советы народных депутатов. Это наш общий, а значит, и их прямой долг перед павшими, перед редеющими рядами ветеранов, из которых далеко не все имеют близких и родственников, чьи могилы следует брать уже сегодня на особый учет, чтобы не попали они через несколько лет еще в один скорбный список безвозвратных персональных потерь.

В. Б. Конасов, А. В. Терещук,
кафедра истории КПСС
Истфака ЛГУ

1929 ГОД: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ

В 1929 г. я работала на Центральной опытной детской экскурсионной базе Наркомпроса экскурсоводом и методистом. Из-за низких ставок и дефицита кадров почти все историки-педагоги служили в ту пору по совместительству. Поэтому и я была одновременно библиотекарем рабфака им. Н. И. Бухарина, где преподавала историю классовой борьбы (просто «история» в учебные планы тогда не входила). Работа шла спокойно, накапливался опыт, углублялись знания. Будущее представлялось мне насыщенным интересным творческим трудом. Однако в 1929 г. я почувствовала, как начали сгущаться тучи. В деревне болезненно шла коллективизация со всеми ее перегибами. Индустриализация развертывалась тоже с осложнениями. Читать газеты стало страшновато. Метались молнии и гремел гром в адрес Академии наук СССР. Чуть ли не исчадием ада называли акад. С. Ф. Ольденбурга, о котором я слышала много хорошего от моей ленинградской тетушки, лично его знавшей. Газеты печатали сообщения об «обострении классовой и идеологической борьбы», об этом тогда всюду постоянно говорили.

Кончился спасительный нэп. Грянула разрушительная сплошная коллективизация сельского хозяйства. Резко обострилась продовольственная проблема. Я не забыла об этом (вроде тех, которые утверждают, что «при Сталине жили сытно»). В памяти доныне держится сочиненный мною тогда стишок в подражание небезызвестной песне, который я назвала «Жалобы Сталина»: «Товарищ, товарищ, болят мои раны, болят мои раны в глыбоке! Я строю, я строю прекрасные планы, но все эти планы на песке... Товарищ, товарищ, болит мое сердце, болит мое сердце, нету слов. Полны магазины горчицей и перцем, но нету ни мяса, ни жиров!». Если бы кто-нибудь из власть имущих услышал это, мне бы не сдобровать!

Волна перемен в несколько странном, на мой тогдашний взгляд, обличье докатилась и до рабфака: поступило распоряжение немедленно снять подготовленную мной, согласно учебной программе, выставку «Революционное народничество». Я возмутилась: почему? Ведь В. И. Ленин писал о героях-революционерах. Пошла в райком партии выяснять, в чем дело. Оказывается, в каком-то институте сделали выставку «От народничества к марксизму», под впечатлением которой возникал вывод о преемственной связи РСДРП и народнических организаций. «Но ведь у меня показаны только народники»,— возражала я. Со мной согласились, однако выставку предложили все же убрать. Через несколько дней библиотека получила распоряжение изъять и ликвидировать всю «немарксистскую» литературу. Среди нее оказались старые учебники, труды С. М. Соловьева, С. Ф. Платонова, Н. М. Карамзина, пособия по древней истории (зачем изучать древнюю историю, если в программах ее нет?). К числу вреднейших книг был отнесен энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Заведующая библиотекой никому, кроме меня, циркуляр не показала. Мы с ней отыскали во дворе рабфака среди многих строений забытую и захламленную кладовку, расчистили ее и по вечерам переносили туда тайком стопки опальных книг. Последними были 80 с лишним томов энциклопедического словаря. Книги мы завалили хламом, кладовую заперли. Никто не подозревал о хранившихся там ценностях. А в 1934 г., когда вышло Постановление ЦК ВКП(б) о преподавании истории в школе, восстанавливавшее историческую науку в ее правах, наш рабфак оказался одним из немногих учреждений, сохранивших прежнюю библиотеку.

В течение всего 1929 г. носились слухи об арестах и высылке многих известных историков. Предстояла чистка в идеологических учреждениях. В Музее Революции СССР началась проверка всех экскурсоводов. Каждый из них должен был пройти собеседование в специальной комиссии. Я тогда считала это естественным и закономерным. Однако на деле все оказалось не разговором о принципах и качестве работы, а выяснением социального происхождения экскурсоводов, иногда — беседой о тематике экскурсий. Я вела там экскурсии для школьников как сотрудник экскурсбазы. Меня при проверке расспрашивали о биографии отца (который умер в 1905 г.), а потом не без ехидства спросили: «Вероятно, наиболее любимая вами экскурсия — это «Народничество»?» (то была прекрасная экспозиция, подготовленная Н. М. Дружининым). Ответить нужно было, конечно, отрицательно. Но я попыталась уклониться от прямого ответа: «Отчего же только народничество? Интересны и крестьянское движение, и декабристы, и вообще весь музей».

Помнится такой печально-забавный эпизод. Одна из экскурсоводов вышла из кабинета комиссии чрезвычайно смущенной. «Меня спросили, участвовала ли я в еврейском восстании. Я не знала, что ответить, поскольку о таком восстании ничего не знаю; скажешь «да», а вдруг это восстание против Советской власти? Скажешь «нет», а может быть, это было революционное восстание? Промычала что-то неопределенное». Затем вызвали И. И. Коган, человека эрудированного и с большим чувством юмора. Вышла она из кабинета, еле сдерживая смех. На вопрос о еврейском восстании сама ответила вопросом: «А что это за восстание? О нем ничего не говорится в литературе». Тут уже удивились члены комиссии: «Неужели не знаете? Ведь Ленин писал о еврейском бунте». «И я поняла,— говорит Коган,— что разговор шел о Бунде, который не раз подвергался ленинской критике». Вот уровень комиссии, решавшей, насколько пригоден тот или иной специалист.

В итоге проверки мои друзья З. П. Базилева и О. Т. Козлова были отстранены от работы как лица дворянского происхождения. Пострадал и музей, лишившись прекрасных экскурсоводов. Обе они были приняты на работу в Государственный исторический музей: Базилева — заведующей экспозиционным отделом, Козлова — в массовый отдел для работы с детьми. Исторический музей считался тогда менее престижным: средневековая история России мало кого интересовала «наверху». А проверка экскурсоводов явилась лишь этапом в «проработке» Музея Революции. Там в обстановке строгой секретности начала работать комиссия Института Маркса — Энгельса — Ленина. По музею расползались разнообразные слухи. Коллектив состоял в основном из беспартийных «спецов». Влившиеся в него молодые коммунисты и комсомольцы не имели музейной подготовки, но, как правило, стремились к руководству в тех отделах, куда их направили. Возникали конфликты. Например, новые сотрудники методического кабинета Дубровина (я запамятовала ее имя и отчество) и С. И. Михайлов потребовали увольнения создателя этого кабинета квалифицированного музееведа Н. В. Романовской как не отвечающей требованию политизации работы. Образовалась даже оппозиция директору музея С. И. Мицкевичу, который стал мишенью для всевозможных обвинений.

О старом большевике С. И. Мицкевиче с большой теплотой писал, в частности, Н. М. Дружинин[1]. На меня Сергей Иванович производил впечатление мягкого и скромного интеллигентного человека, никогда, однако, не поступавшегося своими принципами. Делу он был горячо предан.

[1] Дружинин Н. М. Сергей Иванович Мицкевич (воспоминания).—История СССР, 1967, № 2.

активно участвовал в методических сборниках музея (писал сам, а вовсе не подписывал чужие работы). Как и многие другие старые большевики, уже в те годы пришелся «не ко двору». Почему-то и впоследствии каждая его юбилейная дата пробивалась с трудом. До сих пор нет мемориальной доски на здании бывшего Английского клуба, которое стараниями Мицкевича было предоставлено Музею Революции СССР.

Обстановка накалялась. Келейность деятельности комиссии возмущала. В стенгазете появилась статья «Чья вина?» (тогда активность стенгазет как рупора общественного мнения была еще заметной). В ней говорилось, что предстоящая чистка создает нервную атмосферу, что разговоры о «коммунизации» музея беспокоят давно работающих в музее беспартийных, что комячейка работает скрытно, что все это приводит к распространению слухов и мешает нормальной работе. Статья призывала к созыву открытого партийного собрания, на котором должны быть оглашены выводы комиссии и вынесены на обсуждение больные вопросы. Собрание было созвано. Я на нем присутствовала. Вела его Дубровина, энергичная женщина, в дальнейшем занимавшая высокие посты. Она страстно обличала Мицкевича в несуществующих грехах. Ее горячо поддерживала заведующая отделом пропаганды Р. Н. Фрумкина, женщина умная и образованная, но, как мне показалось, стремившаяся сделать карьеру на «разоблачениях», хотя она, возможно, искренне считала необходимыми коренные преобразования в музее. Мицкевича обвиняли в отсутствии правильной политической линии, правом уклоне, историческом объективизме, в том, что он окружил себя беспартийными и не борется за «коммунизацию» коллектива.

Директор резко возражал против обвинений в правом уклоне, не побоялся защитить высококвалифицированных беспартийных коммунистов и подтвердил, что они являются его опорой, поскольку эти квалифицированные историки создали прекрасные экспозиции и разработали советскую методику музейного дела. «Что касается «коммунизации» коллектива,—сказал он,—то все мои попытки привлечь партийцев и комсомольцев к работе музея пока успехом не увенчались: оплата малая, а работа большая». По решению комиссии Мицкевич остался директором, но чистка не прошла для него даром: обострились его застарелые болезни, и теперь большую часть времени он проводил в больницах и санаториях. Зато появилась должность заместителя директора по научной части. Им стал проф. А. В. Шестаков, серьезный ученый, не имевший, к сожалению, опыта в музейном деле. Развернулась перестройка экспозиции. Подлинные исторические источники переставали быть ядром экспозиции (как того требовал ранее Дружинин). Музей наводнялся произведениями исторической живописи для создания у посетителей «эмоционального подъема». Всюду были расставлены критические оценочные тексты. Особое значение приобретало художественное оформление. Заполнился сугубо символическими конструкциями зал «От Февраля к Октябрю». С помощью технических средств завертелись, запестрили и замигали экспонаты сильно расширенного «Отдела современности». Снятый с должности ученого секретаря как беспартийный, Дружинин руководил тремя отделами допролетарского периода революционного движения и был лишен возможности влиять на характер экспозиции.

Помню, как Дружинин показывал мне переделанную по приказу свыше экспозицию, посвященную народническому движению. Поскольку существовали народнические кружки, то подобранные Дружининым портреты их участников были размещены теперь на круглых плоскостях. Так как народники были не «красные» и не «белые», то цвет избрали зеленый, а интенсивность цвета зависела от «степени революционности кружка». Материалы о покушениях на Александра II сократили до минимума, на их месте фигурировали голые тексты, разоблачавшие народническую идеологию и тактику. Из зала «Распространение марксизма в России» убрали скульптуру «Плеханов-мыслитель». Постепенно Музей Революции утрачивал свое прежнее лицо и все больше отходил от исторической правды.

Волна чисток докатилась и до экскурсбазы, уникального учреждения, возникшего в 1918 году. Она принимала группы школьников и студентов со всех концов Советского Союза. Приехавшие получали циклы общеобразовательных экскурсий, знакомились с Москвой, с ее крупным производством, с культурными учреждениями. Экскурсбаза превратилась в научно-методический центр по экскурсионной работе с молодежью. Большую роль в этом сыграл мой однофамилец А. Я. Закс, историк, педагог с дореволюционным стажем и хороший организатор, привлекший к работе высококвалифицированных людей с разным научным профилем. Коллектив экскурсбазы готовил также методические пособия. Наше учреждение стало моделью создания подобных баз на местах.

И вот однажды мы прочли в вывешенном у входных дверей объявлении, что образована комиссия по чистке; ее цель —проверка качества работы и хода «подъема работы на высшую ступень». Я оказалась в группе лиц, которые положительно отнеслись к предстоящей проверке и выпустили самокритическую стенгазету «Базотер». Во главе комиссии оказалась упомянутая выше Фрумкина. Она специализировалась тогда на разгромных чистках в учреждениях культуры. Впрочем, через несколько лет и сама она попала под репрессии. Основной мишенью у нас явился директор базы Закс, обвиненный в засорении кадров, поскольку среди нас имелось немало детей дворян и купцов. Указывалось также на недопустимую академичность и недостаточную политическую заостренность программ. Первоначальный туман в головах с наивным одобрением идеи «проверки качества» начал рассеиваться. Меня заставили нарисовать для стенгазеты карикатуру, где Закс был изображен как главарь шайки разбойников, с надписью: «Их было двадцать пять. Работали на ять. Но оказались страшной шайкой помещиков, купцов, преступников, дельцов. Кто это? А? Узнай-ка!». Потом удалось добиться того, чтобы карикатуру в стенгазете не помещать.

В первый день чистки предполагалось дать общую критику недостатков базы. Однако в докладе Фрумкиной были сделаны по этому вопросу незначительные замечания, а основной удар наносился по родителям и прародителям сотрудников непролетарского происхождения. Особо осуждалось «сокрытие грехов». Так, О. А. Ротберг (в дальнейшем доцент Государственного пединститута им. В. И. Ленина) обвинили в том, что у ее отца, известного московского врача, имелся собственный дом, чего она не указала в анкете. После этого Ротберг шутила: «Теперь при встрече с любым человеком я буду, протягивая руку, говорить: «Здравствуйте, у моего отца был собственный дом». Мелкие «укусы» достались и экскурсоводам, обвинявшимся в недостаточной политизации экскурсий. На второй день была назначена персональная чистка. Честно говоря, ее боялись все, почти у каждого был какой-то «грех»: давно забытое земельное поместье, или не помеченная в анкете купеческая гильдия отца либо дяди, или мать-«лишенка» (то есть лишенная избирательных прав как торговавшая при нэпе либо имевшая мелкую частную собственность), или троюродный дедушка, живший за границей. Даже М. М. Себенцова (историк, в дальнейшем доцент Государственного пединститута им. В. И. Ленина) с ее рациональным мышлением и выдержанным характером поддалась страху и рассказывала мне, как она несколько раз обошла наш особняк, пока не заставила себя открыть входную дверь.

Первой жертвой чистки оказалась немолодая женщина, выполнявшая организационные функции на базе. Фрумкина зачитала обвинительный акт, и перед нами развернулась «страшная картина»: эта с виду тихая и скромная женщина в 1918—1920 гг. была активной участницей белогвардейского движения на Дону, отец ее — белый генерал, брат — полковник, и т. д., и т. п. Закс не побоялся положительно оценить ее собственную работу, после чего был поставлен вопрос: «Кто за то, чтобы исключить из коллектива сотрудницу базы, запятнавшую себя участием в белогвардейском движении?». Поднялся лес рук. «Обвиняемая» сидела, сгорбившись, опустив голову и плотно сжав губы. В дальнейшем оказалось, что все эти обвинения были сущей выдумкой. Да, ее родственники служили в царской армии и жили на Дону, но никакого участия в белогвардейском движении не принимала. Она была оправдана и получила работу в другом учреждении, но на базу не вернулась.

Второй жертвой стала милейшая И. В. Чекан (работала также на рабфаке им. Н. И. Бухарина). Ей инкриминировалось «сокрытие социального происхождения». Оказывается, ее отец был священником и, по слухам, членом реакционного «Союза русского народа». Чекан спокойно объяснила, что после 1917 г. отец не исполнял обязанностей священника, что он никогда не был членом этого союза, а сейчас находится на ее иждивении. Закс дал ей блестящую характеристику. Хотя Фрумкина нарисовала мрачную картину двурушничества (ведет агитпропработу и вместе с тем не порывает с отцом, «потенциальным контрреволюционером»), я решила: «Хоть режьте меня, за изгнание Чекан из базы не проголосую». Очевидно, такие же мысли можно было прочесть в глазах других сотрудников. Поэтому голосования не состоялось, и все облегченно вздохнули. Но напрасно: вскоре Чекан выслали из Москвы далеко на Север.

Дальнейшая судьба экскурсбазы оказалась печальной. Для улучшения социального состава сотрудников ее пополнили выдвиженцами. Мне запомнились двое. Первый — молодой плутоватый человек. Так как Закс после чистки тяжело заболел, тот стал и. о. директора. Его деятельность выразилась в любви к «соленым» анекдотам, и никакого уважения к себе он не внушил. Спустя много лет, когда экскурсбаза уже не существовала, я встретила его на улице, вид у него был потрепанный. Узнав, что я работаю в музее, он сказал: «Вот мы и опять коллеги, я тоже работаю по культпросвету». Второй выдвиженец был малограмотный человек, который болтался на базе в поисках хоть какой-либо деятельности. Экскурсбаза постепенно угасала. Перестроенные школьные программы сделались жесткими, экскурсии трудно было включать в расписание. Нашлись охотники на особняк базы, а мы отстоять его не смогли. База перебралась в Сокольники, слилась с Центральной детской экскурсионно-туристической станцией и затем фактически прекратила существование. Ее долгие годы любовно собиравшийся научный архив погиб во время Великой Отечественной войны, так что теперь воспоминания ее сотрудников — почти единственный источник сведений о ее работе.

Кандидат исторических наук
А. Б. Закс

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 04.05.90. Подписано к печати 30.05.90. А 09455. Формат 70×108¹/₁₆.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16.60. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 105 000 экз. Заказ № 2290. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.